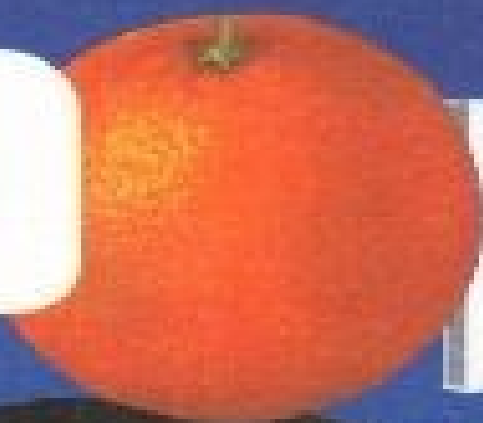

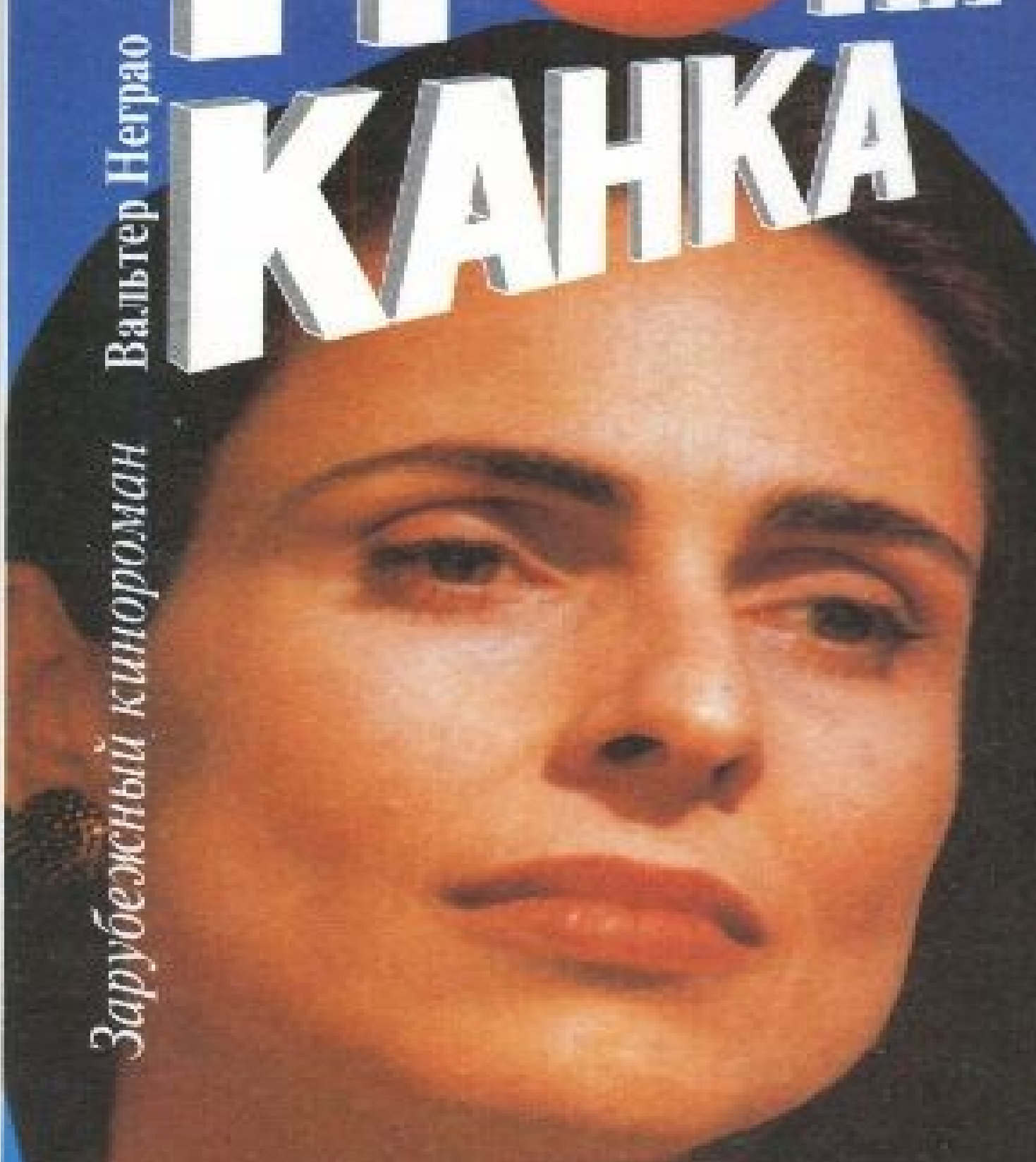
ТР

Вальтер Негро

КАНКА

Зарубежный кинороман

Annotation

Роман «Тропиканка» написан по одноименному телесериалу. Его герои — выходцы из древнего племени морских цыган. Жестокая судьба заставила их однажды покинуть Средиземноморье и уплыть к берегам Бразилии. Но и на новом месте жизнь этих гордых мужественных людей оказалась полной любовных страстей и роковых тайн, разгадку которых герои ищут на протяжении первого тома и обретают во втором, выходящем в декабре 1995 года.

- [Вальтер Неграо](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Фото](#)
-

Вальтер Неграо
Тропиканка

Глава 1

В ушах Летисии Веласкес слово «Форталеза» отдавалось перезвоном хрустальных колокольчиков.

Форталеза — не просто город, в котором ее отец Гаспар имеет завод по переработке рыбы, благодаря его стараниям приносящий огромную прибыль, но это город, в котором прошла ее юность.

Это столица ее памяти, по сравнению с которой географическая столица, Рио-де-Жанейро, где она живет уже много лет, с ее огромными зданиями, красивейшими архитектурными комплексами, роскошными парками, благоухающей флорой всего материка, огромными площадями, где в любое время года чудится отголосок вечного праздника, народного гуляния, автострадами, заполненными несущимися куда-то машинами, кажется убогой провинцией и утрачивает свои истинные масштабы, стоит только Летисии вспомнить Форталезу.

Форталеза! Городок с кузнечиковым стрекотом согласных, таинственно рифмующихся в ее душе с двумя словами — «прекрасно» и «напрасно». Когда отец, случается, звонит из Форталезы, сознание Летисии как бы раздваивается: она охотно поддерживает разговор, рассказывает отцу о новых проделках своего сына Витора или об успехах в учебе своей дочери Аманды, и в то же время ей чудится: провода заполнены не их будничными голосами, а каким-то звездным гулом, мощным потоком музыки, на высоком гребне относящим ее в прошлое. Ей в такие минуты кажется, что она не человек, умом которого восхищаются окружающие, не женщина, изысканная красота которой до сих пор приводит к ее ногам искателей счастья, не вдова, в одиночестве воспитывающая своих детей, а музыкальный инструмент, тонкострунная арфа, на которой вольные ветры Форталезы играют божественную мелодию, арпеджио, проносящееся по струнам, как валы волн по глади океана — того самого океана, в глубинах которого двадцать лет тому назад растаял парусник с ее безумной, молодой любовью на борту.

И сейчас, сидя в глубоком кресле на первом этаже роскошного, богатого особняка, над убранством которого потрудились лучшие дизайнеры Рио-де-Жанейро, и разговаривая с отцом по телефону, Летисия на самом деле как будто стояла на песчаном берегу и глазами, полными слез, всматривалась в растворяющееся в морской дали рыболовецкое судно, уносящее в бескрайние просторы разлуки ее единственную любовь.

И как бы она ни была поглощена той неотразимой грезой, которую всякий раз навевала на нее Форталеза, откуда звонил отец, на этот раз Летисия уловила в его голосе что-то необычное и насторожилась. Еще не отзвучали взаимные приветствия, а она уже поняла, что отец звонит не просто так. У нее была хорошая интуиция. Но Летисия была также прекрасно воспитанная особа. И пока не завершился церемониал приветствий и вопросов-ответов о ее собственном здоровье и здоровье детей, ни она, ни отец не позволили себе перейти прямо к делу.

В глубине души они презирали формальности, но внешне считали необходимым поддерживать некоторые обряды, которых придерживалось высшее общество, тем более что аристократизм Веласкесов не уходил корнями в глубь веков и они не могли похвалиться благородными предками, смотрящими из богатых рамок портретов в гостиной: в возрасте своего внука Витора Гаспар Веласкес торговал леденцами на трамвайной остановке и был гол как сокол.

Не все новоиспеченные аристократы помнят свое бедняцкое прошлое, но Гаспар сохранил некоторую приверженность ему. К тому же теперь в обществе не считалось дурным тоном, если преуспевающий человек вспоминал о том, как начинал с нуля.

Наконец Гаспар выложил карты на стол.

— Вот что, дорогая моя, — молвил он после того, как Летисия удовлетворила его любопытство относительно погоды в Рио-де-Жанейро, — я хочу, чтобы вы все переехали в Форталезу.

Летисия привыкла к чудачествам отца, но не до такой степени, чтобы не сделать глубокую паузу после его неожиданного предложения.

Гаспару Веласкесу не надо было расшифровывать эту паузу. Он хорошо знал, отчего его дочь не хочет и слышать о возвращении в Форталезу. И тем не менее он не считал возможным примешивать к бизнесу лирику.

— Я хочу, чтобы ты возглавила предприятие, — пояснил он. — Дочка, у меня появилось неистребимое желание уйти на покой.

— Ты же знаешь, папа, я ничего в этом не понимаю, — воспротивилась дочь, но Гаспар, очевидно, был настроен решительно:

— Ты образованная и умная женщина. И я чувствую, у тебя есть деловая хватка...

— Папа, твое желание уйти на покой не слишком веский довод для нашего переезда, — отмела комплименты в сторону Летисия. — Выкладывай, что у тебя там еще?..

Гаспар жизнерадостно расхохотался. Они с Летисией понимали друг

друга не то что с полуслова, а с полудыхания.

— Хорошо, — проговорил он, — тебя не проведешь... Ну так вот: меня серьезно беспокоит Витор. Этому парню необходимо заняться делом, пока он не влип в какую-нибудь историю, из которой даже я со своими связями не смогу его вытащить.

— Ты считаешь, такая опасность есть?

— Ты сама знаешь, что есть, — серьезным тоном заявил Гаспар. — И с каждым днем она становится все реальнее. Здесь Витор будет под двойным наблюдением — твоим и моим. Пусть присмотрится к работе на предприятии, займет какой-нибудь пост... Бизнес — это увлекательнейшая из игр... Послушайся моего совета и приезжай...

— Но ты же знаешь, отчего я не могу приехать в Форталезу! — вырвалось у Летисии.

На этот раз обошлось без многозначительной паузы.

— Ты знаешь, дочка, — мягким тоном возразил отец, — этого человека нет в деревне. Он перебрался оттуда много лет тому назад. Надеюсь, ты не из тех, кто боится призраков давно минувших дней. Не из тех сентиментальных, слабых женщин, у которых глаза вечно на мокром месте...

Летисия гордо выпрямилась в кресле.

— Нет, я не из тех женщин, — спокойно согласилась она. — И я обдумываю твоё предложение, отец...

Когда Летисия сообщила сыну о том, что она приняла решение перебраться с детьми в Форталезу, Витор воздел руки к небу, как бы призывая в свидетели невидимого судию:

— Донна Летисия изволила принять решение! Подумать только, она великодушно ставит об этом в известность своего отпрыска! А осведомиться о его собственном мнении на этот счет она считает излишним!

Ернический тон, который усвоил в обращении с матерью Витор, давно уже не мог обмануть Летисию. Она знала, что сын сделает так, как она хочет, и он это знает, и это раздражает его, самолюбивого юнца, который хотел бы, чтобы весь земной шар, не менее, плясал под его дудку. За нашу планету Летисия поручиться не может, а вот она не позволит сыну взять над собой власть больше той, которую он уже имеет по праву своего рождения.

Летисия мягким голосом, в котором, однако, звучали железные нотки, изложила сыну доводы деда:

— Нам обоим пора заняться делом. Гаспар хочет, чтобы я возглавила

компанию, а ты...

— А я бы находился у тебя под пятой, — в прежней манере заметил Витор, — и под неусыпным оком деда. Так обстоят дела, донна Летисия?

— Все зависит от тебя самого, — сдержанно возразила Летисия, — неусыпное око и пята — это для несмышленьшей, а самостоятельные люди обычно бывают независимы.

Удар попал в цель. Витору ни в коем случае не хотелось быть несмышленьшем. Другой бы при этом язвительном намеке матери почувствовал себя обескураженным, но восхищение, которое всякий раз умела вызвать в нем Летисия своей находчивостью и самообладанием, пересилило уязвленное самолюбие. Действительно, она неподражаема! Нет на свете другой такой женщины, которая одной фразой может постоять за себя и кого угодно, в том числе и любимого сына, поставить на место. Эта ее черта — врожденная. Ее не выработаешь благодаря опыту и общению с людьми.

— Один-ноль в твою пользу, — Витор шутовски поклонился матери. — Ты позволишь мне быстренько собрать чемоданы, или мы немедленно несемся в аэропорт?..

— Ты даже можешь завернуть себе пару сэндвичей в дорогу, — великодушно сказала Летисия.

Витор вдруг словно скинул с лица шутовскую маску. Он посмотрел на мать тем пронизательным взором, который часто пугал ее. Вот так же, не мигая, серьезно он смотрел на нее пятилетним мальчиком, когда она суетилась над мертвым телом своего мужа, думая, что простая оплошность на лестнице не может привести человека к смерти.

— Скажите, донна Летисия, — произнес Витор, — вы изложили мне все доводы в пользу переселения в Форталезу? Или есть еще какая-то неизвестная мне причина?..

* * *

Рамиру Соарес стоял на берегу залива, и океанские волны омывали его босые ноги. В эту минуту он с особенной остротой, как никогда прежде, чувствовал отрешенность океана, этой невообразимой бездны, внутри которой ходят рыбы, на дне которой, обвитые водорослями и поросшие ракушечником, лежат затонувшие суда с мертвецами на них. Эта колоссальная стихия обладает таинственной, неразгаданной душой, в которой, как в огромной могиле, покоятся древние могущественные царства, овеванные легендами, целый материк, давший название океану, неисчислимы сокровища, овеванные легендами клады. Волны, как глубокие, древние мысли, избороздили чело океана, течения, теплые и

холодные, сталкиваются в его глубинах, как страсти, над ним время от времени собираются тучи, груженные тяжелым дождем, ветер сталкивает их друг с другом, рвет паруса, сводит с ума моряков своей надрывной древней песней, и тогда начинается буря... Но сейчас океан, этот гигант, отрешен от всего: он как будто лелеет в своих пучинах сокровенную думу, понять которую может другая, столь же могущественная стихия: земля, огонь или воздух.

Перед глазами Рамиру расстилалось его будущее — грядущее рыбака от чрева матери, который большую половину своей жизни ощущает ступнями не землю, а ходящую ходуном палубу рыболовецкого судна. Это будущее сокрыто в тумане, там, за пределами видимости.

За спиной Рамиру было его прошлое, счастливейшие минуты его жизни были проведены вот в этой бедной рыбацкой хижине, на которую он сейчас боялся оглянуться.

Этот дом должен сиять и светиться от счастья, пережитого им здесь вдвоем с любимой женщиной. Те счастливые минуты, как немеркнущие светила, собрались в нем — и остались там навсегда, после того как она, а затем и он покинули эти благословенные стены.

Ему казалось, что, если он обернется, сделает шаг и откроет дверь хижины, воспоминания набросятся на него, как пламя... Ведь и без того память его, как цепной пес, прикована к бревнам хижины, на одном из которых двадцать лет тому назад он ножом вырезал сердце и под ним написал два имени, которые, как он думал, будут неразрывно соединены. Но история его проста и трагична, как песенка со щемящим мотивом, в которой говорится о том, как простая песчинка влюбилась в звезду и что из этого вышло.

Он был песчинкой, бедным рыбаком, который должен добывать себе пропитание в море.

Она была звездой, луч которой неожиданно упал на этот нищий берег и зажег песчинку невероятной красоты любовью, так что она засверкала, как алмаз.

Все вокруг говорили о недолговечности их страсти. Ведь слишком многое разделяло их — разница в социальном положении, воспитании, в отношении к жизни, но все это, как в мощном горниле, переплавилось в их страсти.

Она ушла к нему в хижину, не задумываясь, не ставя никаких условий, не размышляя о том, что теряет, связав свою жизнь с бедным рыбаком. Их любовь была такой же огромной и таинственной, как океан, но нет, все же чуть меньше, потому что не любовь поглотила океан, а бездна океаническая

поглотила в себе любовь. Где-то на дне его она, их любовь, лежит до сих пор как самое огромное сокровище, которое когда-либо заключал в себе океан.

Она не дождалась его. Плавание было долгим. Банальная история, одна из тех, о которых любят петь моряки. Уступив настояниям отца, она вернулась в свой дом, в свою собственную судьбу — судьбу обеспеченной женщины, аристократки, которая однажды, отдавшись капризу, ушла за рыбаком в эту бедную хижину.

...Самые прекрасные, но и самые страшные в своей жизни минуты он пережил здесь.

Когда он вернулся из плавания, бегом примчался к хижине и распахнул дверь — его обдало с порога ледяной пустотой. Дом был пуст, как гроб, в котором истлела чья-то полная радости и любви жизнь. Из каждого угла на него смотрели своими прозрачными глазами воспоминания, которые жгли ему сердце, хватали за горло.

Шкаф, который он смастерил для нее из досок, был пуст. Все ее трогательные, милые платья ушли вместе с ней, как преданные служанки удаляются следом за своей госпожой. В банке на столе стоял засохший букет. Эти скелетики цветов стали отныне символом их любви.

И Рамиру бежал отсюда, бежал прочь от своих воспоминаний.

Он перебрался в другой рыбацкий поселок, стал его старостой. Суда, уходящие под его началом за рыбой, всегда возвращались с большим уловом. Он привязался к прекрасной девушке, такой же простой и работающей, как и он сам, и, поняв, что она горячо его полюбила, женился на ней. У них с Сереной чудесные дети — сын Кассиану и дочь Асусена. Серена оказалась, как он и предвидел, верной и доброй подружкой. Жизнь Рамиру вошла в свое русло. И вот по прошествии двадцати лет он решил вернуться в эти места, овеванные давней грустью. Теперь здесь его покою ничего не угрожает — эта женщина, которую он когда-то так глубоко и нежно любил, живет далеко отсюда... Поэтому почему бы ему не открыть дверь в прошлое, не дать ему наконец выветриться из этих стен, не позволить столпившимся в хижине звездам былого погаснуть?

Рамиру отворил дверь. И сразу отпрянул. Навстречу ему из угла поднялась, как видение, женщина. Неужели ее призрак поселился в этих стенах?

Солнечный луч из отворенной двери упал на лицо поднявшейся ему навстречу женщины.

Это был не призрак. Это была она, Летисия.

«Берегись, Форталеза! Трепещите, матери юных девиц, к Форталезе приближается единственный и неповторимый Франшику!» — насвистывая в такт своим мыслям, неунывающий Франшику брел по побережью, действительно приближаясь к городу.

Сказать правду, угроза, которую представлял собой этот веселый, обаятельный молодой человек невысокого роста, для юных девиц была несколько преувеличенной. Он не то чтобы не пользовался успехом у женщин, но они не принимали его всерьез. При знакомстве он мог оглушить женщину потоком комплиментов и веселых шуток, но чувствовалось, что намерения Франшику не простираются дальше прекрасной ночи, проведенной вдвоем; к тому же он казался женщинам чересчур легкомысленным и лишенным налета романтизма, который любого мужчину делает интересным.

Франшику занимался в жизни всем, что подворачивалось: то он был антрепренером захолустного театрала, то переквалифицировался в конферансье, то выступал в роли менеджера. Во всех областях, к которым прикасалась его одаренная кипучей деятельностью натура, Франшику добивался переменного успеха, деньги приходили к нему легко, как и женщины, но легко же и уходили. Последняя его работа была связана с торговлей земельными участками здесь, в Форталезе, которые он по объявлению скупил за бесценок и выгодно продал разным людям, мести которых теперь Франшику имел все основания опасаться, ибо расписанных им красот здесь и в помине не было и фотографии он предъявлял липовые. Особенно Франшику опасался встречи в Форталезе с одним богатым художником из Сан-Паулу, который, соблазненный перспективами, описанными Франшику, купил у него бросовый участок песка по баснословной цене — эти деньги Франшику уже просадил...

Дойдя до города и оказавшись в порту, Франшику отчего-то переменялся в лице. Он встал на верфи как вкопанный и с полчаса озирает попавшие в поле его зрения строения... Что-то знакомое было в них... Какое-то смутное воспоминание пыталось протолкнуться в его мозг сквозь пелену привычных образов, но он не мог понять, что это за воспоминание...

Немного постояв, Франшику, озадаченный, направился к роскошному отелю и заявил портье, что на его имя должен быть забронирован номер.

Портье справился об этом в своей книге, однако громкого,

великолепного имени Франшику в ней не значилось. На лице Франшику отразилось недоумение.

— Не может быть, чтобы мои помощники и секретарши ошиблись, — заявил он.

Портье с сомнением покосился на его запыленную одежду и стоптанные туфли и заявил, что он очень сожалеет, но номер на имя Франшику не зарезервирован.

Франшику, ничуть не расстроенный таким положением дел, вывалился на улицу, купил себе в киоске газет, приготовившись к ночлегу на скамейке под звездами, и погрозил кулаком городу:

— Приготовься, Форталеза! Приехал Франшику!..

* * *

Франсуа, тот самый богач художник, гнева которого опасался Франшику, спихнув ему бросовую землю, прибыл в Форталезу часом раньше Франшику и гораздо более комфортабельным образом, чем последний.

Сняв номер в том самом отеле, в котором позже решил остановиться Франшику, Франсуа отправился осматривать участок.

Сан-Паулу, в котором он прожил многие годы, сделался тесен для него. Он чувствовал, что его творческая мысль зашла в тупик. Франсуа на самом деле был преуспевающим архитектором, автором многих нашумевших проектов, но сам Франсуа не был собой доволен: люди приветствовали, как всегда, все банальное, скучное, вторичное, то, над чем он работал спустя рукава. Именно за такие проекты он получал первые призы и о них шумели газеты.

Но Франсуа сознавал, что это не творчество, а халтура, что он губит себя как художник. В этом городе он добился успеха, но никогда не добьется понимания, ибо все ждут от него повторений с небольшими вариациями: в Сан-Паулу у него была превосходная квартира, но и это жилище, прекрасно обставленное, казалось ему временным пристанищем. Он мечтал о своем доме, о доме, который он построит в том красивейшем уголке земли, почти в раю, который красочно описал ему торговец Франшику. У него уже был проект этого жилища. Оставалось осмотреть участок, этот рай, найти подрядчика и договориться с ним о цене.

С такими мыслями Франсуа шел в сторону побережья, где находился тот самый райский уголок, о котором умильно распространялся

Франшику...

* * *

Бонфинь, правая рука Гаспара Веласкеса, решительно не понимал намерений своего друга «повесить кроссовки на стену».

Гаспар был в отличной форме, хотя ему перевалило за пятьдесят. Летисия, его дочь, конечно, женщина грамотная, сильная, но дело ей незнакомо и справится ли она с ним — еще вопрос. Для поста вице-президента компании у нее слишком мало опыта.

Гаспар же в дочери не сомневался. Он заявил, что крепко рассчитывает на него, Бонфиня. Он разбирается во всех делах на заводе. Гаспар назначает его... ну, скажем... директором-суперинтендантом: на этом посту Бонфинь будет осторожно направлять деятельность Летисии. Поговорив с Бонфинем, Гаспар вызвал к себе «выскочку Дави».

Так он величал этого молодого человека, будущего зятя Бонфиня, ухаживающего за дочерью последнего, Оливией. Он был выходцем из бедной рыбацкой семьи, но дельным и работающим парнем.

К Дави у Гаспара был разговор самого деликатного свойства. Дави так же хорошо знал производство, как Бонфинь. С помощью Дави Гаспар надеялся вовлечь в бизнес своего внука Витора.

— Это образованный, грамотный, любознательный, чувствительный парень, — объявил Гаспар Дави, — и я очень горжусь им. Уверен, у него есть хватка. Надеюсь, он когда-нибудь превзойдет меня...

— О, доктор Гаспар, — услужливо перебил его Дави, — это невозможно...

Гаспар сделал вид, что не заметил лестии в словах Дави. Он прямо перешел к делу. Витор на первых порах нуждается в помощи. Более того, Витору нужен товарищ, который докажет ему, что мир бизнеса — самая увлекательная вещь на свете. Он, Гаспар, хочет, чтобы Дави приглядывал за его внуком и рассказывал ему о поведении Витора, его мыслях, его намерениях, если Дави удастся войти к нему в доверие.

Роль, которую он станет играть при внуке Гаспара, стала ясна Дави, однако он почувствовал себя польщенным.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие, доктор Гаспар, — с готовностью объявил Дави.

Мысль о том, что у матери есть какая-то тайна, связанная с Форталезой, не оставляла Витора в покое.

Он все время приглядывался к ней, прислушивался, не выдаст ли она себя чем-то.

Первое время Летисия никуда из дома не выходила, занимаясь исключительно обустройством в огромном доме Гаспара.

И все же в ее поведении проглядывала какая-то нервозность, как ни хорошо она владела собой.

Впервые Летисия вышла из дому лишь на третий день своего воцарения в Форталезе. Из окна своей комнаты Витор видел, как мать села в машину и направила ее не в сторону центра, где были супермаркеты, а по дороге, ведущей из города вдоль побережья.

В мгновение ока Витор выскочил из дому и бросился к пристани, возле которой покачивался на волнах подаренный ему дедом новехонький катер.

Они мчались параллельно друг другу — Летисия по дороге, Витор по глади залива. Он ни на секунду не упускал из виду ее белый автомобиль.

Летисия остановила машину на пустынном берегу, где стояла лишь одинокая ветхая хижина. Выйдя из машины, она скрылась в ней.

Витор заглушил мотор. Спустя полчаса он увидел какого-то человека, бредущего вдоль берега по направлению к хижине. Однако в домик он не вошел — встал на берегу, пристально глядя в океан.

Витору не хотелось, чтобы этот человек понял, что он торчит здесь со своим катером, имея какие-то свои намерения, и он снова запустил мотор и отплыл влево. Здесь залив делал небольшой поворот.

И сразу же увидел необыкновенной красоты девушку в купальнике, стоящую на песке и отжимавшую длинные волосы. Солнце обливало лучами ее стройную девственную фигуру.

Увидев его, девушка как будто испугалась. Ее прелестное, чистое личико изобразило смущение.

Витор жадно смотрел на нее. Никогда он не видел такой удивительной, невинной красоты. Девушки, с которыми он привык иметь дело, были совсем другими... На минуту он даже забыл про мать.

Их с девушкой разделяло небольшое расстояние — Витор, увидев ее, чуть не врезался в песок, — но ему казалось, что глаза его, мозг, память, душа, тело — весь он утонул в распахнутых глазах этой девушки.

Взгляд его напутал юную красавицу. Она вдруг оглянулась, тронулась с места и легко понеслась по направлению к хижине, из которой, Витор уже давно это видел со своего катера, вышел тот мужчина с его матерью.

— Папа! Папа! — закричала девушка...Витор помчал катер по направлению к Форталезе.

* * *

Весть о новом назначении Бонфиня на пост директора-суперинтенданта несказанно обрадовало его жену Изабел. Наконец-то ее милый, несравненный, прекрасный Бонфинь оценен по достоинству! Он теперь будет руководить дочерью Гаспара и его внуком! Это ли не доказательство того доверия, которое испытывает Гаспар к ее бесценному Бонфиню.

Изабел буквально приплясывала вокруг мужа. Это была женщина, наделенная колоссальным темпераментом и фантазией, наивная, в сущности, как ребенок — именно так к ней относились все ее домашние: умная и рассудительная дочь Оливия, врач по профессии, очаровательный великовозрастный бездельник сын Пессоа и ее собственный муж, которого она обожала. Ребячливость Изабел была притчей во языцех у всех ее многочисленных знакомых, с которыми она часами болтала по телефону. Изабел давала богатую пищу для размышлений о жизни высших слоев общества ее приятелю, журналисту Фреду, частому посетителю дома Бонфиня, где он к тому же подкармливался.

Но Изабел и горя было мало, что окружающие посмеиваются над ней. Сама себе она казалась женщиной мудрой, способной адекватно воспринимать реальность и к тому же наделенной незаурядными актерскими способностями.

Спектакли, которые разыгрывала Изабел среди своих домашних, также были притчей во языцех у ее приятелей и прислуги, не слишком принимавшей свою сеньору всерьез.

Изабел вошла в новую роль — роль жены преуспевающего бизнесмена. Эта роль требует некоторых затрат, ну и пусть, она пойдет на них.

И отважная женщина принялась обзванивать знакомых, сообщая, что ее муж получил новый пост и она намерена организовать вечеринку в честь Летисии Веласкес.

* * *

— Донна Летисия! — Витор вошел в комнату матери и развалился в кресле рядом с софой, на которой лежала мать. — Что вы делали на том пляже?

Летисия, выйдя из хижины, заметила катер своего сына, но давать ему объяснений она не собиралась и сразу довольно суровым тоном сообщила ему об этом.

— Все, мир! — тут же согласился Витор. — Я пришел с миссией мира. Мне нужна от тебя кое какая информация.

— О чем? — настороженно осведомилась Летисия.

Витор с загадочным видом прошелся перед ней, но, видя, что это не произвело на мать никакого впечатления, сказал:

— О рыбаках той деревни, неподалеку от которой ты прогуливалась в обществе какого-то мужчины...

— Что же ты хочешь знать о них? — утомленно осведомилась Летисия.

— Меня интересует одна девушка, которая там живет, — раскрыл свои карты Витор. — Ее имя, возраст... положение в обществе мне известно.

Расслабленность и истома в мгновение ока слетели с Летисии. Она села на постели и, не повышая голоса, ледяным тоном произнесла:

— Я бы хотела, чтобы ты держался подальше от этих девиц, Витор. И вообще — подальше от этих людей.

Больше сын не смог вытянуть из матери ни одного слова.

* * *

Оставшись одна, Летисия стала вновь и вновь перебирать подробности разговора с Рамиру.

Это был сумбурный разговор, который привел ее в растерянность, точно ей было семнадцать лет, как тогда, и она впервые заговорила с Рамиру.

...Придя в себя от потрясения, которое испытала в первые минуты встречи и она сама, Рамиру произнес:

— Ты совсем не изменилась, Летисия. Летисия нашла в себе силы объяснить:

— Я тут прогуливалась, осматривала знакомые места... Как ты

живешь, Рамиру Соарес?

Самообладание, очевидно, вернулось к Рамиру.

— Благодарю, прекрасно. У меня прекрасная семья. Прекрасная жена и дети.

Это троекратно повторенное слово «прекрасно» свидетельствовало о том, что Рамиру пытается убедить себя в том, что у него все хорошо.

— Ты счастлива, Летисия? — в свою очередь задал вопрос Рамиру.

— Я рада за тебя, — уклончиво отозвалась Летисия.

— Ты так больше и не вышла замуж?

— Нет, — качнула головой Летисия, — думаю, двух провалов в отношениях с мужчинами мне достаточно.

Рамиру горестно усмехнулся:

— Ты хочешь меня обвинить?..

— Ты ушел в море, — вдруг вырвалось у Летисии, — и ни одного известия! — голос ее перешел на крик. — Ни одного! А я одна здесь ждала дни и ночи...

— Такой была моя работа! — точно разбуженный ее криком, повысил голос Рамиру. — Ты знала, что я моряк. Помнишь, твой отец предостерегал тебя: «Ты молода. Пройдет лето, закончится и любовь. Слишком велика разница между вами». И он оказался прав!

— Плевать на разницу! — совершенно не владея собой, крикнула Летисия. — Я хотела жить простой жизнью, довольствоваться немногим! Ты был единственным, кого я любила в этой жизни.

— И что же это за великая любовь, которая не позволила тебе дожидаться меня? Что за необыкновенная страсть, при которой ты вышла замуж за другого?..

— Ты тоже женился на другой, — упавшим голосом молвила Летисия.

Рамиру молча вышел из хижины.

Летисия вышла следом за ним и направилась к своей машине. Краем глаза она увидела катер Витора, мчащийся по направлению к Форталезе, и девушку, бегущую к хижине. Летисия остановилась.

Девушка с криком подбежала к Рамиру и обняла его.

— Это моя дочь Асусена, — проговорил Рамиру. — Прощай, Летисия.

— Сможем ли мы быть друзьями? — вслед ему спросила Летисия. — Именно так ведут себя цивилизованные люди.

Рамиру через плечо бросил на нее недоверчивый взгляд.

— В твоём мире такое возможно, Летисия. А в моём никто не поймет такой дружбы... Пойдем, дочка!

Летисия, позабыв о гордости, смотрела ему вслед.

...Рамиру Соарес был из тех мужчин, которым женщины долго смотрят вслед...

* * *

Серена Соарес сидела в своем доме за столом и переписывала рецепт фирменного торта, который диктовала ей ее подруга Эстер, жена рыбака Самюэля, но мысли ее были далеко.

Рамиру сказал ей, что хочет немного прогуляться по берегу. Она не сомневалась, что целью его прогулки была хижина, в которой они с Летисией провели много упоительных часов. Сама память, от которой он не в силах был избавиться, направила туда его стопы. Рамиру всегда отличался исключительной правдивостью, он еще до их свадьбы поведал Серене всю трагическую историю с Летисией, но сейчас он лукавил сам с собой. И Серена это знала. Самюэль предостерегал ее против переезда в Форталезу. Но Серена была не из тех, кто прячет голову под крыло и норовит правдами и неправдами удержать мужа возле своей юбки. Как ей ни больно было сознавать, что Рамиру все еще находится под властью прошлого, это было так. Недаром по приезде в деревню возле Форталезы Рамиру сделался рассеянным, отвечал невпопад, раздражался по пустякам, хотя и пытался скрыть свое настроение. Но сердце любящей женщины всегда все чувствует. И Серена понимала, что происходит с Рамиру.

Серена записывала рецепт изготовления крема, когда в проеме растворенной двери возникла фигура мужа. Бросив взгляд на его лицо, она тут же заговорила как ни в чем не бывало:

— Дорогой, надо принести еще тростника для крыши... Иначе нас попросту зальет после первого же дождя.

Рамиру тут же взял нож, крикнул своего сына Кассиану, ставившего на берегу океана сети на просушку, которому уже помогала Асусена, и мужчины отправились выполнять задание Серены.

Серена, проводив Эстер, позвала Асусену и спросила:

— Дорогая, где ты встретила своего отца, когда я отправила тебя найти его?

Асусена помедлила с ответом, и это не понравилось матери.

— Какая разница, мама? — наконец произнесла она. — Ну ладно, он был возле старой хижины на берегу залива.

Серена молча повернулась и ушла в дом. Поведение матери озадачило Асусену. Но еще больше она была удивлена, увидев Серену, которая вышла

из дома с канистрой бензина в руке и побрела в сторону старой хижины...

Глава 2

Впечатление, которое произвел незнакомый парень с катера на Асусену, было настолько ошеломляющим, что она больше ни о чем, кроме него, и думать не могла.

В деревне было много красивых парней, таких, как ее брат Кассиану, но ни один из них не смог бы теперь пленить воображение девушки. Этот юноша казался ей принцем, появившимся из какой-то особенной, загадочной страны, о существовании которой она даже не догадывалась. Что то особенное было во всем его облике и в том, как он смотрел тогда на нее потрясенным и вместе с тем властным взглядом.

Далила, ее подруга, невеста Кассиану и дочь Самюэля и Эстер, выслушав признание подруги, незамедлительно поставила диагноз: любовь с первого взгляда.

Асусена уговаривала ее отправиться вместе на то пустынное место, где она увидела этого юношу: она была уверена, что он вновь появится там. Далиле идти не хотелось, у нее дома была гора дел, которые необходимо переделать, к тому же Кассиану, с подозрением посматривающий на шепчущихся в углу девушек, был бешено ревнив.

— Но мы только искупаемся и вернемся, — настаивала Асусена.

— Ступай одна, — не соглашалась Далила. — Чего ты, собственно, боишься?

— О чем это вы тут шепчетесь? — не утерпел Кассиану.

— Я говорю, что вода сейчас теплая, хорошо бы нам искупаться, — проговорила Асусена.

В конце концов ей удалось уговорить подругу.

Как надеялась Асусена, незнакомый юноша действительно был на берегу. В воде стоял его катер. Сам он лежал на песке, наполовину зарывшись в него. Заслышав шаги приближающихся девушек, он вскочил на ноги и, как будто преодолев секундное замешательство, направился в их сторону, но по пути произошло непредвиденное.

Кассиану, несколько не успокоенный заверениями сестры и невесты в том, что они хотят разок окунуться, нагнал их в тот момент, когда незнакомец уже приблизился к девушкам.

— Что ты тут делаешь, парень? — выпрыгнув из-за спин подруг, крикнул он. — Уходи отсюда прочь! Что здесь происходит?

Вид у Кассиану был такой агрессивный и внушительный, что юноша

застыл на месте.

Далила, хорошо зная своего жениха, вцепилась ему в руку.

— Спокойно, Кассиану! Здесь ничего не происходит!

— Кто этот тип? К кому из вас он пришел? — не дожидаясь ответа, Кассиану кинулся к парню, и через секунду они оба уже барахтались в песке.

Асусена и Далила стали оттаскивать Кассиану от незнакомца: они знали, что у него тяжелая рука. Навалившись на него, они в один голос крикнули парню:

— Уходи отсюда! Уходи скорее!

Незнакомец не заставил себя упрашивать. Поднявшись на ноги, он влетел в воду, подняв облако брызг, в мгновение ока достиг своего катера и завел мотор.

Кассиану долго не мог успокоиться. Сначала он обрушился с упреками на невесту, но когда до него дошло, что парень не имеет к ней никакого отношения, переключился на сестру. Как она могла выставиться перед этим незнакомцем, перед богачом, у которого есть катер и который от праздности своей объезжает окрестности и подлавливает молоденьких дур!.. Возмущение его не улеглось и тогда, когда они явились домой, однако Серена, разобравшись, что произошло, властным жестом отослала сына и подступила с расспросами к дочери. Выслушав признание Асусены, она заметила:

— Что ж, у твоего брата есть причины, чтобы быть настороже. Если этот парень богат, тебе лучше не думать о нем, доченька. Мы из другого мира. Это как в той песенке, которую любит твой отец, о песчинке, засмотревшейся на звезду в небе.

— Маленькая песчинка была большой мечтательницей, — положив голову к матери на колени, пропела Асусена.

— Да, дорогая. Не случайно твой отец любит эту песенку. Однажды он сам размечтался о звезде, которая была далеко от него...

Асусена подняла голову и с изумлением посмотрела на мать.

— Как, мама? Неужели отец любил кого-то, кроме тебя?!..

* * *

Летисия добросовестно вникала в дела своего отца. Таинственный мир бизнеса казался ей книгой за семью печатями; каждая последующая ее страница, казалось бы, уничтожала смысл предыдущей. Например,

основные клиенты верфи Гаспара Веласкеса, японцы, используют суда, построенные им, чтобы ловить рыбу. Благодаря этому они становятся главными конкурентами рыбоперерабатывающего предприятия, которое принадлежит отцу. Получается, что он сам оснащает своих конкурентов! Гаспар терпеливо объяснял ей суть этого кажущегося противоречия. Если он не примет заказ на строительство судов, японцы передадут его на другую верфь. Он же в этом случае потеряет большую долю рынка. То, что он получает за строительство судов, покрывает с лихвой те потери, которые его предприятие несет на международном рыбном рынке. Шаг за шагом он посвящал дочь в секреты своего дела, в особенности заключаемых им контрактов. Он уверял ее, что в ближайшее время Витор с помощью Дави сделается ее, Летисии, правой рукой. У Витора гибкий, восприимчивый ум, а Дави уже принялся посвящать его в дела.

— Дави, — недоверчиво сказала Летисия, — но ведь он не связан с нашей семьей...

— Всегда неплохо полагаться на человека, который жаждет выбиться и возвыситься над той средой, к которой он принадлежал прежде, — объяснил Гаспар. — Его отец — простой рыбац... Он входит в ту группу рыбаков, которую возглавляет Рамиру Соарес. Кстати, я слышал, Рамиру вернулся в наши края... — И Гаспар метнул испытующий взор в сторону дочери.

Летисия как будто не расслышала его вопроса, и это был плохой признак.

Рассеянность дочери, скорее всего, имела вескую причину. Что, если она уже встречалась с Рамиру? Но задать ей этот вопрос напрямую Гаспар не решился. Он хорошо знал Летисию: если она первая не заговорит о том, что ее волнует, значит, никакого разговора не будет.

И они снова углубились в изучение контрактов.

* * *

Дави приехал навестить родителей в тот момент, когда его отец Самюэль рылся в своем заветном сундучке, который вот уже много лет таскал с собой, возбуждая любопытство Эстер. Но она и не пыталась его удовлетворить. Мать чистила рыбу, а сестра учила уроки. Эта с детства знакомая картина ничего, кроме внутреннего раздражения, в душе Дави не вызывала, но он старательно подавлял это чувство. У родителей напрочь отсутствовало честолюбие, а ведь отец, с его любознательным умом и

феноменальной памятью, мог достигнуть в жизни гораздо большего. Мог — но не пожелал. Самюэля устраивали ловля рыбы, изучение лекарственных трав и чтение книг, поглощавшие все его свободное время, так же как мать устраивала эта скучная обстановка, неистребимый запах рыбы и вечная возня на кухне. Зато Далила была далеко не безнадежна, в этом-то Дави был уверен. За годы, что они не виделись, она стала красавицей, которая при умном поведении может рассчитывать выйти замуж отнюдь не за простого рыбака, вроде Кассиану, а за приличного человека.

Поднялся обычный для такого случая гвалт, посыпались вопросы... Дави чувствовал себя несколько скованно. Ему не хотелось показать родителям, что в этом бедном жилище он чувствует себя не в своей тарелке, но проницательный отец заметил это, однако чувство собственного достоинства не позволило Самюэлю сделать замечание сыну.

Далила была в восторге от брата, такого импозантного, важного, как настоящий сеньор.

— Дави, почему бы тебе не перебраться к нам? — предложила она.

Повисла неловкая пауза, как будто Далила позволила себе какую-то бестактность. Наконец Дави произнес:

— Видишь ли, у меня уже есть свой собственный дом. Он, конечно, очень скромный, но я к нему привык.

— А невеста у тебя есть? — спросила неугомонная Далила.

— Есть, — улыбнулся ей Дави.

— Значит, тебе следует привезти эту девушку на праздник, который мы устроим после того, как отремонтируем дом, — сказала Эстер. — Мы ее очень хорошо встретим.

— Спасибо, мама, — вежливо проговорил Дави. — Но, однако, мне пора. В другой раз смогу побыть у вас подольше...

Далила вышла проводить брата к машине. Не успели они сделать и нескольких шагов, как на них налетел Кассиану.

— Откуда взялся этот щеголь?!

Дави попятился — он и в детстве боялся этих грубых парней, детей рыбаков, но Далила грозно прикрикнула на жениха:

— Ты что, совсем обалдел? Не узнаешь моего брата?

Гнев Кассиану мгновенно улетучился. Лицо его расплылось в радостной ухмылке.

— Таинья! Неужели это ты?! А я чуть было не дал тебе по морде!

И полез обниматься с Дави. Тот мужественно позволил себя облапить и после этого объяснил своему будущему шурина, что в городе его все

знают как Дави, а Таинья — это его детское имя, на которое он уже лет пятнадцать не откликается, и что он, Дави, теперь занимает такую должность, которая требует относиться к нему с уважением.

Кассиану выслушал эту отповедь с растерянной усмешкой. Он не мог и предположить, что его друг детства, которого он всегда защищал от нападков более сильных ребят, из мелкой рыбешки сделался большой акулой. Лично он, Кассиану, знал, что такое возможно лишь в сказках. Лично он видит перед собой не вежливого сеньора Дави, а трусоватого мальчика Таинью. Он не страдал расстройством зрения, но, если Таинье удобно считать себя оптическим обманом, пускай считает.

И Кассиану чуть ли не царственным движением руки позволил Далиле проводить брата.

* * *

— Асусена допытывает меня расспросами о женщине, которая была у меня до тебя, Серена, — с плохо скрываемым раздражением в голосе сказал Рамиру. — Что ты ей наболтала?

Серена удивилась не столько этому вопросу, сколько тону, которым он был задан: никогда еще Рамиру не позволял себе и намека на грубость.

— Ничего, — спокойно ответила она. — Из одной случайно вырвавшейся у меня фразы Асусена сочинила целую историю.

Обескураженный ее выдержкой, Рамиру глухо буркнул:

— Ну и хорошо. Не стоит о том вспоминать. Прошлое есть прошлое, и оно меня не волнует. И вообще, не знаю, правильно ли я поступил, что привел своих людей сюда...

Но Серена всегда умела успокоить мужа.

— Я уверена, что улов здесь будет прекрасный! — заявила она. — Скажи, когда меня обманывало предчувствие?.. Когда вы выйдете в море, то не хватит вашего баркаса, чтобы вместить всех выловленных креветок и лангустов.

Услышав ее слова, Рамиру и в самом деле немного повеселел. Что у него за жена! Всегда чувствует, что ему надо сказать в ту или иную минуту, чтобы унять его раздражение и утишить тревогу. Верно говорит Самюэль, что разумней Серены женщины на свете нет. Действительно, он не знает, есть ли у жены хоть какой-то существенный недостаток. Серена красива, умна, в ней нет ни доли лукавого кокетства и хитрости, слово ее никогда не расходится с делом, а что касается интуиции жены — Рамиру привык

доверять ей. Лучшей женщины нет на земле!.. Но отчего все же у него так щемит сердце?..

— Так говоришь, баркаса не хватит? — переспросил он, шутливо толкнув ее в бок.

— Не хватит, — подтвердила Серена, награждая мужа ответным тычком, и они оба беззаботно рассмеялись.

* * *

Больше всего на свете Пессоа, сын Бонфиня и Изабел, горячо любимый ими отпрыск, мечтал о том, чтобы все, в том числе и любящие родители, оставили его в покое.

Чтобы они не проповедовали хотя бы в течение месяца необходимость учебы. Чтобы не произносили это нудное, костяное слово «долг». И не напоминали ему, что он, Пессоа, принадлежит к сливкам общества, когда он ничего не имеет против молока. И вообще не лезли в его богатую внутреннюю жизнь, которая требовала свободы, безмятежности духа, веселых приключений, мелких авантур и, извините, дурных — в их, конечно, понимании, — знакомств, вроде последнего, спонтанно заведенного Пессоа знакомства со странной девушкой по имени Адреалина.

Пессоа был далек от того, чтобы ухаживать за Адреалиной. Сердце его еще дремало. Но не установить с этой особой приятельских отношений было бы непростительным промахом для такого коллекционера человеческих типов, каким считал себя Пессоа.

Адреалина появилась в этих краях недавно. Неподалеку от знаменитого бара Мануэлы, в котором любил посидеть Пессоа, слушая бредни старика — отца хозяйки бара Кливера, помешанного на море, она разбила палатку. Отвага этой девушки просто поразила Пессоа — должно быть, страшно ночевать юной особе на пустынном пляже! Но Адреалина заявила, что боится только одного на свете — скуки, и ее ответ пришелся Пессоа по душе.

Говорить с Адреалиной о чем-либо серьезном оказалось так же трудно, как трудно было родителям Пессоа убедить его стать хоть немного серьезнее. Но Адреалина превзошла Пессоа в легкомыслии. На вопрос, кто она, Адреалина сказала, что, кажется, это и так понятно: она весьма привлекательная особа. Пессоа осведомился, чем она намерена заниматься в будущем, и Адреалина туманно отвечала, что всем понемногу. Есть ли у

нее родители и где они, заинтересовался Пессоа. На это Адреалина возразила, что Пессоа смахивает на полицейского...

У нее явно не было денег, и Пессоа стал потихоньку подкармливать Адреалину, выпрашивая то у отца, то у матери денег на карманные расходы, и Адреалина с царственной снисходительностью позволяла ему это. Видно было, что она очень оголодала и что прокормить ее не так-то просто, и Пессоа стал подумывать, как бы поселить девушку в своем доме, где полно еды... Но сначала надо было добиться некоторой независимости, дать почувствовать родителям, чтобы они не мешали ему жить так, как он хочет. Разговор с матерью Пессоа решил начать с претензии, что Жанаина снова устроила в его комнате что-то вроде генеральной уборки и тем самым посягнула на эстетическое представление Пессоа о жилище молодого хиппи.

Мать, как всегда, прикипела ухом к телефонной трубке, и, с какой бы стороны ни подходил к ней Пессоа со своими жалобами на Жанаину Изабел отворачивалась, продолжая болтать:

— Да, теперь Бонфинь будет руководить всеми предприятиями... А ты думаешь, с чего бы я стала устраивать праздничный ужин в честь Летисии?.. Нет, дорогая, приводи кого хочешь, я не против! Главное, чтобы это были известные люди!.. Надо позаботиться о фотографе. Журналисты будут. Снимки будут на первой полосе газет... Чудесно! Что ты крутишься вокруг меня как юла?.. Нет, дорогая, это я не тебе! У меня невыносимый сын. Уверена, на мой вечер он пожалует в грязных кроссовках! Да нет, не Гаспар Веласкес, речь идет о моем невозможном сыне!

Положив трубку, мать грозно спросила:

— Луис Роберту, ты почему не на занятиях? Пессоа предостерегающе поднял руку:

— Меня зовут Пессоа, мама. Весь город знает меня как Пессоа.

— Весь город! Скажи лучше, всякое отребье, с которым ты поддерживаешь отношения!.. Однако ближе к делу! Я, кажется, кое о чем спросила тебя?

— Ой, мама! — Пессоа сделал большие глаза. — Я, кажется, оставил у себя в комнате зажженную зажигалку!..

И умчался как вихрь наверх.

* * *

Несколько дней Франшику слонялся по городу, изучая окрестности и

размышляя над тем, каким образом местный ландшафт мог отпечататься в душах обитателей Форталезы, среди которых — и это прельщало «неповторимого и единственного» Франшику, — попадались на редкость привлекательные девушки.

Ночевал он где придется: на оставленных под небом шезлонгах, на верандах баров Форталезы, на скамейках — ему было не привыкать.

Франшику мечтал напасть на «жилу». «Жилой» он именовал человека с авантюристической жилкой, которая имелась и у него самого, но, в отличие от Франшику, обладавшего кругленьким счетом в банке — такому человеку Франшику собирался предложить свой проект и присосаться к нему, как крохотная рыбка-лоцман к огромному киту.

В чем именно будет заключаться его очередной проект, Франшику пока не знал, намереваясь пойти на поводу своего фонтанирующего вдохновения, которое ни разу его не подводило, и в зависимости от чисто физиономических особенностей и содержания кошелька «жилы».

Одно он решил твердо: осесть в этом городе. Зачем это ему нужно — об этом Франшику не проговорится даже во сне, невзирая на свою необыкновенную болтливость, бывшую, впрочем, составной частью его обаяния.

...Франшику сидел на набережной и просматривал свежие газеты, кидая в рот катышки попкорна — это была единственная его трапеза на сегодня, заключающая в себе сразу завтрак, обед и ужин. Пустота в желудке способствовала рождению идей, поэтому Франшику ничего не имел против некоторого поста.

Вдруг он вздрогнул, заметив неподалеку от себя высокую фигуру человека, смотревшего в его сторону... Франшику попытался загородиться газетой. Он узнал в этом человеке того богача художника, которому он продал бросовый участок на берегу моря. О, хуже этой встречи ничего нельзя было и придумать! Этот человек наверняка уже ознакомился с желтым песком, среди которого напрочь отсутствовали банановые и фикусовые деревья, в наличии которых Франшику уверял богача. Тоскливое предчувствие сильного мордобития охватило Франшику. Этот человек был высокого роста, плечистый, и кулак его наверняка очень тяжел. Франшику чуть ли не завернулся в газеты, как в кокон, и тут же почувствовал, как неумолимая рука обманутого им богача принялась с хрустом разрывать его ненадежное прикрытие.

Итак, побоев не миновать! Однако посмотрим... Бросив газеты, Франшику вскочил со скамейки и что есть сил помчался по набережной.

Он слышал гулкие шаги за спиной. Богач догонял его на своих

длинных ногах. Страх придавал Франшику оптимальную скорость, но богач не отставал. Наконец его тяжелая рука легла на плечо бедного Франшику. Оба они остановились. Франшику съежился.

— Так вот ты где! — проговорил художник. — А я тебя искал...

— Да? — заслоняя голову руками, промямлил Франшику.

— Искал, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты продал мне этот замечательный участок!

Франшику, дрожа, отважился взглянуть в лицо богачу. Оно излучало добродушие и восторг.

— Да ведь это то, о чем я всю жизнь мечтал! — воскликнул богач. — Чистый, золотой песок, пустынное место, горизонт, уходящий в море! Не знаю как тебя благодарить! Скажи, что я могу сделать для тебя?

Франшику еще раз опасно заглянул в глаза художнику. Тот явно не шутил. Он уже тряс руку Франшику в приливе благодарности. Франшику овладел собой. Он приосанился. Вдохновение подхватило его на своих орлиных крыльях и понесло.

— Сказать по правде, — молвил он, — я несколько занизил цену. Я это сделал из любезности. Понимаешь, я тоже в душе художник. Только такие художники, как ты да я, понимают прелесть этого места.

— Да-да, — подхватил богач. — Я понимаю. Я бы и вдвое больше заплатил за эту землю. Но ты говорил про какие-то ненужные мне деревья... Поэтому будем считать, что я поскупился. Как тебя зовут, я что-то не помню?..

— Франшику, единственный и неповторимый, — представился Франшику.

— Какое совпадение! Я тоже неповторимая личность... в своем роде. Франсуа.

Франшику пожал руку художнику.

— Я хочу построить на участке дом, — продолжил Франсуа, — и мне нужен человек, который бы нанял подрядчика... ну и так далее. Проект дома у меня есть.

— А где вы остановились? — холодея от предчувствия удачи, спросил Франшику.

Франсуа небрежным жестом указал в сторону самого дорогого в Форталезе отеля.

— У меня номер «люкс». Если ты еще не нашел себе жилье, то не отказывайся от моего предложения пожить у меня. Соглашайся, прошу тебя! Мне кажется, ты сумеешь найти мне подрядчика! Все расходы я беру на себя. Ну как, согласен?

— Ну что с вами делать... — всем своим видом изображая сомнение, сказал Франшику.

— Соглашайся!

— Хорошо, — наконец согласился Франшику — Не могу отказать, раз уж вы так настаиваете!.. Так и быть, я согласен!

Глава 3

На другой день после вечеринки, состоявшейся в особняке Бонфиня, Оливия проснулась с неприятным осадком в душе и головной болью.

Она попыталась понять, отчего у нее на душе эта тоска, что она означает, откуда это чувство опасности, удручающее ее весь вечер в течение праздника.

Вечеринка, безусловно, удалась. На ней собрались все важные люди города, давно знакомые друг с другом, поэтому атмосфера была самой непринужденной и дружелюбной. Царицей праздника была вовсе не Летисия Веласкес, в честь которой все это было затеяно, а мать Оливии — Изабел, умевшая быть обаятельной, остроумной и артистичной. Летисия держалась непринужденно, но чересчур, по мнению Оливии, скромно, не выпячивала себя и никому не навязывала, не стремилась быть центром этого маленького мирка, отдав пальму первенства хозяйке особняка. Даже когда фотограф собрал гостей для общего снимка, Летисия встала сбоку, как будто стараясь уйти в тень. А между тем она была необыкновенно элегантна для аристократки во втором поколении. Оливия любовалась ею: проста в общении, изысканна в каждом движении, благородна в манере поведения и сдержанна в речи. На ней было очень простое платье — длинное, облегающее ее стройную, высокую фигуру, но очень дорогое, настолько дорогое, что это как бы не бросалось в глаза. Волосы, схваченные простой резинкой, — у прочих дам были высокие пышные прически, над которыми изрядно потрудились парикмахеры. Удивительная женщина, она очень понравилась Оливии.

И ее отец был, как всегда, неподражаем. Он ухаживал сразу за всеми дамами, расточая комплименты, и умудрялся сделать так, что каждая считала, что ей оказано предпочтение.

Аманда, дочь Летисии, тоже понравилась Оливии. Совсем еще девочка, но держится непринужденно. Она была очень оживлена, ей нравилось внимание со стороны взрослых мужчин. Бойка на язычок. Рядом с ней постоянно вспыхивал смех и царило веселье — эту девочку переполняла радость жизни.

Но вот сын Летисии, Витор, которым мать явно гордилась, — в нем было что-то такое, что смутило Оливию... Витор, не таясь, ухаживал за ней, и все это было на глазах ее слишком уж снисходительного жениха Дави... Казалось, к Витору невозможно придраться, но Оливия

чувствовала, что в его поведении сквозит какое-то оскорбление и насмешка, точно он априори презирал всех присутствующих, в том числе и ее, Оливию. Дави не считал, что Витор держится развязно, не видел, что взгляд, которым он смотрел на Оливию, исполнен превосходства и наглости, что каждое его слово имеет оскорбительный подтекст. Он как бы не решался открыто эпатировать публику, но было что то в его манере держаться, что давало почувствовать: он всех этих людей и в грош не ставит.

Витор все время танцевал с Оливией, и Дави, к ее огорчению, охотно предоставлял ему эту честь, словно заискивая перед внуком Гаспара Веласкеса. Ей казалось, что во время танца Витор обнимает ее как-то двусмысленно и смотрит ей в глаза многозначительным взглядом, как будто между ними наметилась какая-то тайна...

Словом, он не то чтобы ей очень не понравился, но смутил ее настолько, что Оливии хотелось наброситься на Дави с упреками, как будто он в каких-то своих целях использует свою невесту. А ведь у Оливии еще нет уверенности, что она выйдет за него замуж. Он ей нравится, нравится то, что Дави всего добился своими собственными силами, а не по праву рождения, как Витор, но любви она к нему не испытывает. Любовь — это что-то другое. Возможно, ей и не дано испытать это чувство. Возможно, ее сердце закрыто для любовных бурь и страстей. К Дави можно испытывать уважение, привязанность, но не страсть. Он настолько спокоен, уравновешен, что и сам вряд ли способен на сильное чувство. А интересно, способен ли на него Витор?.. Оливия передернула плечами. Нет, этот тип преисполнен любви лишь к одному существу — к самому себе. Оливия почему-то с досадой подумала об этом...

* * *

Уговорить сестру прогуляться по побережью к поселку рыбаков, как и думал Витор, было делом несложным.

Аманда жаждала новых открытий и не чуждалась знакомств с простыми людьми. В этом смысле она была так же демократична, как и ее мать и дед.

В поселке вовсю кипела работа. Мужчины ремонтировали ветхие домики, а женщины чистили у порога рыбу. Молодежи в поселке видно не было, очевидно, смекнул Витор, юноши и девушки сейчас сидят на занятиях в школе. Сегодня он и не рассчитывал увидеть ту девушку,

которая так ему приглянулась, девушку с романтическим обликом мечтательной девственницы. Но ему хотелось взглянуть на ее отца, того человека, с которым разговаривала его мать в хижине. Эта загадка не давала ему покоя. Что могло связывать Летисию с рыбаком, ведь, скорее всего, это была не случайная встреча. Занимая сестру беседой, он зорко смотрел по сторонам.

Того рыбака он увидел за работой: мужчина, приставив к стене дома лестницу, укреплял крышу, время от времени переговариваясь с женщиной, подававшей ему тростник, скорее всего, со своей женой.

Витор дождался, пока мужчина закончил свою работу и направился в дом по соседству, и потянул сестру к женщине, уже занятой перебиранием лангустов в большой плетеной корзине.

— Отличные лангусты! — одобрительно сказал он, приблизившись. — Можно у вас купить штучку на пробу?

Лицо женщины осветила улыбка.

— Мы сейчас не продаем рыбу, — сказала она, — но я с радостью подарю вам и вашей подружке вот этого лангуста.

С этими словами женщина протянула Аманде свой подарок.

— Это моя сестра, — объяснил Витор. — Спасибо вам за подарок.

Аманда завернула лангуста в свою нашейную косынку и приветливо сказала:

— Спасибо. Какая вы добрая и красивая! И какой замечательный поселок! Вы, кажется, занимаетесь ремонтом жилищ?

Женщина словоохотливо объяснила, что они прибыли в этот поселок недавно. Группа, рыбаков, которую возглавляет ее муж Рамиру Соарес, скоро выходит в море за уловом, но перед этим они собираются организовать праздник. Что-то вроде новоселья.

— Рамиру Соарес, — Витор наморщил лоб, точно хотел что-то вспомнить, — это такой высокий, красивый рыбак... Я его, кажется, недавно видел в поселке...

— Да, он красив, мой Рамиру, — с гордостью подтвердила женщина. — И наши дети пошли в него, сын и дочь. Если хотите, я приглашаю и вас на праздник.

Аманда подпрыгнула от радости.

— Я хочу! Я с удовольствием приду! Мы оба придем, правда, Витор?

— Конечно, конечно, — проговорил Витор. — Раз вы нас приглашаете, сеньора?..

— Сеньора Серена, — улыбнулась женщина. — Приходите, повеселитесь. Вы, конечно, из Форталезы?

Витор наклонил голову:

— Да-да, мы из Форталезы. Спасибо, сеньора Серена, мы сегодня же отужинаем вашим чудесным лангустом.

Обратной дорогой Витор был молчалив, как Аманда ни донимала его своей болтовней. Итак, рыбака зовут Рамиру Соарес. А девушка с мечтательными глазами — его дочь. Тот неотесанный юный грубиян — его сын... И какое они все имеют отношение к его матери, Летисии Веласкес?..

* * *

Перед тем как выйти в море, Самюэль решил переговорить с Рамиру начистоту. Он считал, что незачем перегружать их судно семейными проблемами и неурядицами.

Он предъявил Рамиру газету. Газету с фотографией уважаемых людей Форталезы, собравшихся на вечеринке в честь назначения Летисии Веласкес вице-президентом рыбоперерабатывающего предприятия.

— Ты знал, что она в городе? — ткнув пальцем в изображение Летисии, спросил он Рамиру.

— Да, — сказал Рамиру. — Я виделся с ней.

— Зачем? — чуть не взвыл Самюэль. — Что у вас общего?

— Общего? — Рамиру скорбно усмехнулся. — Та хижина, в которой мы с ней случайно встретились.

— А, так поэтому Серена ее подожгла? — высказал предположение Самюэль.

— Если бы она могла сжечь мою память, — махнул рукой Рамиру.

— Но, рыбак... у тебя жена... семья!

— Не говори об этом, — проговорил Рамиру с болью, — для меня нет ничего важнее моей жены и моих детей... Но что я могу поделать со своей памятью! Я не могу забыть Летисию. Что плохого я причиню Серене, если буду хранить свои воспоминания о днях, проведенных в хижине с Летисией! Прошлое имеет надо мной поистине магическую власть!

— Не хочу и слышать об этом, — заткнул уши пальцами Самюэль. — Серена — прекрасная, достойная женщина.

— Думаешь, я этого не знаю? — мрачно ответил Рамиру.

— Ты не должен больше встречаться с этой женщиной, — твердо проговорил Самюэль. — Не должен. Хорошо, ты весь полон воспоминаний! А она, Летисия? Неужели ты всерьез полагаешь, что и она, красавица из высшего общества, думает о бедном рыбаке? Неужели ты ей

по-прежнему дорог?..

— Не знаю, — со вздохом произнес Рамиру. — Честное слово, не знаю, Самюэль.

* * *

Питанга, дочь Мануэлы, хозяйки бара, время от времени старалась бесплатно подкормить бездомную и безденежную Адреалину. Зато когда являлся Пессоа, Адреалина могла заказать себе еду не церемонясь.

— Ну что у тебя стряслось? — заметив на лице Пессоа растерянное выражение, покровительственным тоном спросила Адреалина.

— Моя мать узнала, что я бросил подготовительные курсы, и устроила мне сцену, — рад был пожаловаться Пессоа.

Адреалина насмешливо присвистнула. Ей казалось, что проблема приятеля не стоит и выеденного яйца. Человек должен учиться по своей воле, не учитывая желания родителей, — таково было ее искреннее и глубокое убеждение на сей счет.

— Да, но я не могу этого сделать, — сокрушенно молвил Пессоа.

— Чего ты не можешь?

— У меня нет своей воли, — объяснил Пессоа, — я еще не выбрал себе карьеру.

— Логично, — согласилась Адреалина.

— Я ищу себя, — принялся развивать свою мысль Пессоа, — возможно, я стану артистом! Или кем-нибудь еще!

— Послушай, — поморщившись от спазм в пустом желудке, сказала Адреалина, — пока ты еще не стал знаменитостью, которая вокруг себя ничего не замечает, закажи мне парочку омлетов, можно с сосисками, — милостиво добавила она.

Столь приземленная просьба подруги несколько обескуражила приготовившегося порассуждать на возвышенные темы Пессоа, но он подозвал Питангу и попросил ее принять заказ.

Пока Адреалина работала челюстями, Пессоа продолжал развивать свою идею:

— Еще я в себе ощущаю организаторскую жилку... У меня есть один друг в Сан-Паулу... Мы с ним могли бы на пару организовать в Форталезе кинофестиваль короткометражных фильмов! Надо только найти деньги...

— Слабо, — буркнула с полным ртом Адреалина.

— Что значит — слабо? — не понял Пессоа.

— Слабо — это слабо, — объяснила Адреалина. — Денег ты не найдешь. Деньги на дороге не валяются. Их надо заработать.

Мысль Пессоа приняла новое направление.

— Слушай, а почему бы нам с тобой не заняться продажей сока на пляже? — предложил он. — Сок в такую жару будет идти на ура. У нас отбоя не будет от покупателей.

На это здравомыслящая Адреалина заявила, что для того, чтобы продать сок, его как минимум сначала следует закупить, а чтобы закупить сотню литров сока, опять-таки нужны деньги.

— А мы их у кого-нибудь займем! — нашелся Пессоа. — Например, у Мануэлы. При хорошем обороте мы сумеем быстро отдать ей деньги.

— Ну что ж, — сказала лениво Адреалина, наконец отвалившись от стола и отдуваясь от непривычного чувства сытости. — Попробуй! Словом, финансовое обеспечение идеи — твоя печаль! А я буду вдохновлять отдыхающих на активное утоление жажды!

* * *

За ужином между Летисией и Витором завязалась ставшая уже доброй традицией перепалка.

Мать, проводившая львиную долю своего времени над изучением контрактов, договоров и финансовых отчетов, упрекала сына в том, что он не проявляет достаточного интереса к делу, предпочитая повесничать, где придется, и объезжать окрестности на катере, совершенно незаслуженно подаренном ее отпрыску дедом. Гаспар, чтобы примирить их, пододвинул поближе к спорящим блюдо с лангустом и сказал, что, по его мнению, эта изысканная пицца заслуживает большего внимания.

— Спасибо, Гаспар, — немедленно отозвалась Аманда, — мне приятно это слышать, потому что я принесла этого лангуста.

— Вот как? — поинтересовался Гаспар, раскладывая еду по тарелкам. — Тебя привлекает ловля лангустов?

Аманда скорчила мину, показывающую, что ее такие вещи занимать не могут, и сообщила, что лангуста ей просто подарили в рыбацком поселке, куда они забрели с Витором.

При этих словах Гаспар и Летисия переглянулись, что не ускользнуло от внимания детей. Почувствовав, что эта тема матери и деду почему-то небезразлична, Аманда продолжала:

— Витор, ты не помнишь, как звали ту красивую сеньору, которая дала

мне лангуста?

Витору явно не хотелось продолжать разговор о дарах океана и о рыбацком поселке, и он ответил, что не помнит.

— Ах да, — вспомнила Аманда. — ее звали Серена. Она сказала, что муж поймал лангустов не на продажу, а для себя. Она была так любезна.

Говоря все это, Аманда искоса наблюдала за матерью, отчего-то переменявшейся в лице.

— А что вы делали в этом поселке, Аманда? — каким-то странным тоном спросил Гаспар.

Витор сделал страшные глаза, но Аманда проигнорировала это.

— Ничего, дедушка. Мы просто гуляли...

Летисия отбросила от себя салфетку.

— Я бы попросила вас обоих держаться от этих людей подальше, — строго проговорила она.

— Почему же, донна Летисия? — с видом искреннего удивления спросил Витор.

— Это люди не нашего круга.

— С каких пор сословные предрассудки стали волновать тебя, мама?..

Гаспар поднялся из-за стола и сделал знак дочери, чтобы она следовала за ним. Они поднялись в кабинет Гаспара, и Летисия плотно прикрыла дверь.

— Этот рыбак... — стараясь поймать взгляд дочери, проговорил Гаспар. — Ты его еще помнишь?

Летисия ушла от вопроса.

— Я смогу забыть его, — неопределенно сказала она. — Эта история была детской мечтой. А мне пора научиться жить в реальном мире.

Но Гаспар не собирался оставлять эту тему.

— Однако ты его еще не забыла, — констатировал он, — хотя прошло столько лет...

— Я должна забыть его, — упрямо повторила Летисия. — Рамиру счастлив с женщиной, которая его обожает. Он мне это сам сказал, отец.

В голосе Летисии прозвучала такая тоска, что Гаспар понял — предчувствие его не обмануло: эти двое виделись и пытались даже выяснить отношения.

— Может, тебе лучше уехать отсюда? — предложил он.

— Уехать? — подняла брови Летисия. — Ни в коем случае. Я не хочу еще раз почувствовать себя побежденной. Я смогу побороть свои чувства, отец. Смогу.

Гаспар с сомнением покачал головой:

— А сможешь ли ты стать счастливой, Летисия?

Летисия печально усмехнулась:

— Счастье — это не для меня. Я уже пыталась быть счастливой во время моего замужества.

Гаспар с жалостью посмотрел на дочь.

— Тогда было все иначе, дочка, не так ли? — сказал он. — Ведь ты не любила своего мужа.

Летисия даже не попыталась опровергнуть это утверждение. Конечно, она не любила своего мужа... Любовь! В жизни есть гораздо более важные вещи... например, ее новая должность. Ей действительно пора было перестать использовать отца и жить за его счет, пора было заняться делом. Проговорив все это, Летисия поднялась, давая отцу понять, что разговор окончен.

— Хорошо, что ты так думаешь, — не слишком уверенно произнес Гаспар, — если ты действительно так думаешь, а не пытаешься убедить себя в том, что тебе необходима работа.

— Ты мне не веришь? — слегка улыбнулась Летисия.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, — объяснил Гаспар.

* * *

Совместное проживание Франшику и Франсуа оказалось весьма приятным для первого и не слишком обременительным для второго.

Франшику взял на себя заботы о душевном состоянии Франсуа, развлекая его разговорами, сопровождая на прогулках и завлекая в номер хорошеньких, не слишком пекущихся о собственной нравственности девушек. Правда, сразу же обнаружился один неприятный нюанс.

Франшику никак не мог убедить этих девушек в своей единственности и неповторимости. Они все почему-то приписывали эти свойства Франсуа. Знакомства Франшику завязывал играючи, с легкостью виртуоза, но стоило привести девушку в номер — и ее внимание мгновенно переключалось на высокого, красивого, печального, романтического Франсуа.

Это могло закончиться трагедией, скрежетал зубами Франшику.

Но тут ему на помощь пришел случай.

Они с Франсуа делали покупки в супермаркете, как вдруг двери распахнулись и в помещение вошла женщина, к которой сразу же со счастливой улыбкой устремился продавец. Она была красива, элегантна, и при виде ее Франсуа буквально остолбенел. Франшику заметил

впечатление, произведенное этой сеньорой на его друга, и тут же решил прибегнуть к своему давнему хобби — к сводничеству, которое всегда было успешно. Тем более что эту сеньору сопровождал не кто иной, как его прежний знакомец Плиниу, подвизавшийся теперь, очевидно, водителем у богатой дамы.

Пока изящная дама делала покупки, Франшику справился у продавца о ее имени. Летисия Веласкес. Очень хорошо. Однако он упустил момент, когда Франсуа, пораженный красотой женщины, приблизился к ней и проговорил какую-то банальность, с помощью которой невозможно было завязать знакомство с такой величественной красавицей. Та что-то сдержанно ответила Франсуа. Судя по растерянности, нарисовавшейся на его лице, поставила его на место. И это еще больше распалило воображение Франсуа. Франшику даже не пришлось подливать масла в огонь — его друг обнаруживал все признаки влюбленности: плохой сон, скверный аппетит, нежелание работать над почти готовым проектом своего будущего жилища. Франшику пару дней помалкивал, выжидая, пока любовь не высушит его друга настолько, что давно облюбованные им «бермуды» Франсуа не станут сваливаться с его отощавших ног и не перейдут во владение Франшику, а затем завел разговор о красавице.

— Послушай, — сказал он Франсуа, — если я что-то понимаю в хвори, при которой обычно лишаются сна и аппетита, то могу я выдвинуть одно предположение?

— Можешь, — милостиво разрешил Франсуа, которому давно уже не терпелось поговорить о причине своего недуга.

— Ты влюбился в ту женщину, которую мы видели в супермаркете!

— Она не идет у меня из головы, — уныло признался Франсуа.

— Я могу тебя познакомить с ней, — важно произнес Франшику.

Франсуа с сомнением оглядел непрезентабельную фигуру своего приятеля.

— Каким образом? — на всякий случай спросил он.

— Я знаю того человека, который ее сопровождал, — раскрыл свои карты Франшику, — водителя! И через него я выйду на твою зазнобу. Дай только срок!

* * *

Кроме бизнеса у доктора Гаспара Веласкеса имелось еще одно страстное увлечение — футбол. Передав дела своей дочери, он теперь мог

отдаться ему целиком. В тот момент, когда Франшику явился перед ним в сопровождении Плиниу, Гаспар находился на корте, переделанном в футбольное поле.

Франшику, сразу догадавшись о том, что Гаспар помешан на футболе, понял, что успех дела ему обеспечен.

Он представился старинным приятелем Плиниу и владельцем нескольких плантаций. Плиниу, который хорошо знал этого авантюриста, попытался внести некоторую ясность относительно плантаций, якобы принадлежащих Франшику, но тот мгновенно перевел разговор в иное русло. Кроме того, он, Франшику, великолепно играет в футбол. И он готов доказать свои слова делом: пусть только доктор Гаспар встанет на ворота... Завороженный его болтовней, Гаспар дал, как ребенок, отвести себя к воротам, и Франшику тут же, разогнавшись, забил ему гол. Теперь встал на ворота Франшику. Гаспар ударил по мячу, но Франшику, взлетев в воздух, как птица, перехватил его.

...Через несколько часов утомленный Франшику давал отчет Франсуа. Он все узнал, пока забивал мячи в ворота. Летисия Веласкес, интересующая Франсуа дама, вернула себе девичью фамилию после того, как овдовела. У нее двое детей. Она училась За границей. Знает три языка — английский, французский и немецкий. Сейчас она вице-президент и наследница огромной компании.

— Ну, ты времени даром не терял! — был вынужден признать Франсуа.

Франшику жестом дал понять, что ему не нужны комплименты. Итак, он подружился с отцом этой сеньоры. Он, Франшику, теперь лучший друг Гаспара Веласкеса. Так что дело выгорит. Он намерен в кратчайший срок женить Франсуа, ибо, пока Франсуа остается холостым, для него, Франшику, невозможно осуществить любовь ни с одной из женщин Форталезы. Итак, Франсуа может считать, что дело в шляпе. Для начала ему следует послать даме сердца цветы, роскошный букет, а дальше — пусть положится на него, Франшику. И он не подведет!

— По рукам? — закончил свой монолог Франшику.

— По рукам, — улыбаясь, произнес Франсуа.

Глава 4

Прочитав послание своего сына, оставленное в гостиной, Изабел схватилась за сердце и пошатнулась, но, вспомнив о том, что зрителей нет, она кликнула Жанаину и Оливию, чтобы повторить этот жест на бис.

— «Мама, буду предельно краток. Я ушел, и забудь меня. Но когда-нибудь я вернусь. Пессоа», — драматическим тоном прочитала Изабел и тут же закатила глаза, по ошибке, правда, прижав руку к правой стороне груди.

Оливии было не привыкать утешать свою мать, но Жанаина прыснула. Прислуга излишне смешлива, отметила про себя Изабел, ее следует уволить.

— Все это чепуха, — между тем говорила Оливия. — Куда он денется, он скоро появится. Прости меня, мама, но мне пора в больницу!..

Лишившись одной зрительницы своих мук, Изабел тут же переключилась на другую, которую только что хотела уволить:

— Ты слышала, что сказала эта девчонка! Мальчик исчез без следа, а она считает, что это чепуха! О Боже! Где он сейчас, мой Луис Роберту? Позавтракал ли он? Не болит ли у него голова?..

...Голова у Пессоа и в самом деле немного побаливала.

Эту ночь он провел в палатке Адреалины, которая мирно спала в теплом спальнике, не подумав даже уделить хотя бы уголок его Пессоа. Адреалина сразу объявила ему, что коли он решил уйти из дома, то она готова предоставить ему жилье, но он, Пессоа, пусть ломает голову над тем, как раздобыть еду. Именно этим сейчас Пессоа и занимался.

Но сколько ни ломал он голову, ни одной маломальски серьезной идеи на голодный желудок не приходило, и тогда он предложил Адреалине небольшой компромисс. Он, конечно, раз и навсегда ушел из дома и хлопнул дверью, все это так. Но дома так вкусно кормят... Почему бы им не наведаться тайно к Жанаине и не уговорить ее угостить их чем-нибудь с родительского стола?

Адреалина выразила согласие, но сказала, что переговоры с Жанаиной она возьмет на себя.

В дом эта парочка пробралась через черный ход.

Жанаина, увидев беглеца, чуть было не бросилась за своей страдающей в гостиной сеньорой, но Пессоа удержал ее, а Адреалина начала свою речь:

— Дорогая, мы умираем от голода. Ради своего жениха с торгового флота вынеси нам какое-нибудь блюдо!

— Откуда вы знаете, что мой Жунаси работает в торговом флоте? — поразилась Жанаина.

— А где еще может работать жених такой доброй и сострадательной девушки? — вопросом на вопрос ответила Адреалина.

Сраженная этим доводом, Жанаина отправилась за едой.

Но Изабел, углядевшая своим пронзительным оком хозяйки, что Жанаина взяла со стола блюдо с пирогом, потихоньку проследовала за ней, и не успели Пессоа и Адреалина вдохнуть в себя аромат этого деликатеса, как прозвучал знакомый материнский вопль:

— Негодяй! Пройдоха! Безответственный мерзавец!

— Неужели он и вправду такой? — невозмутимо заметила Адреалина.

— Мое сердце! Мои седые волосы! Боже, как только я все это выдерживаю! — продолжала вопить Изабел.

— Наши уши! Они не могут этого вынести! Пощадите наши уши, сеньора! — бросая на пирог плотоядный взгляд, сказала Адреалина.

— Спусти ее с лестницы, Жанаина, — совершенно нормальным тоном произнесла Изабел, — а ты, изверг, мучитель, губитель своей матери, — немедленно мой руки и марш за стол!..

...Пожинав, Пессоа прихватил со стола кастрюльку с жарким, выскочил из дому и бросился к палатке.

— Эй, — заорал он, — тут есть кто?

— Нет, — послышался голос Адреалины, — здесь никого нет. Особенно для некоего Пессоа.

— Хорошо, — согласился Пессоа, — тогда я отнесу жаркое щенкам Мануэлы!

Двери палатки распахнулись.

— Жаркое? Это меняет дело. Я готова оказать этому предателю Пессоа гостеприимство, — великодушно произнесла Адреалина, выхватывая из рук Пессоа кастрюльку.

* * *

Утром Летисию ожидал сюрприз. В гостиной на журнальном столике стоял в вазе огромный букет алых роз, из которого торчала записка.

Летисия вынула ее и прочла:

«Госпоже Летисии Веласкес с наилучшими пожеланиями от того, кто

сражен ее красотой».

Летисия хмыкнула и бросила записку на столик.

Надо же, у нее в Форталезе уже появился поклонник! Но желания гадать, кто бы это мог быть, не было, поэтому она, тут же забыв о цветах и записке, пошла в комнату дочери.

Эта соня была еще в постели. Летисия растормошила Аманду и пригласила ее поболтать по магазинам — это немного развлечет их обеих. Аманда была не против, но ей хотелось пригласить с собой Питангу.

— Питангу? Твою новую подругу, дочь Мануэлы? — спросила Летисия. — Хорошо, будь по твоему.

Мануэла встретила Летисию и Аманду довольно сдержанно, но против поездки дочери с ними на машине не возражала. Правда, она не утерпела и воткнула Летисии шпильку:

— Надо же, донна Летисия приглашает девочку из бедной семьи покататься на машине... А я-то думала, что из всех бедняков тебе нравятся только рыбаки...

Когда они подъехали к магазину, Летисии пришло в голову приодеть Питангу. Отправив обеих девочек в закусную, она вошла в магазин и с увлечением принялась делать покупки. Сандалии, платице, бусы, соломенная шляпка... Летисия была довольна собой, предвкушая заранее радость этой девочки.

...В дверях закусной она столкнулась с тем незнакомцем, который несколько дней тому назад пытался познакомиться с ней. Увидев в ее руках пакеты, он предложил свою помощь. Любезно улыбнувшись, Летисия ее отвергла, и, опечаленный, мужчина удалился. На Летисию он не произвел ни малейшего впечатления, зато ее дочь Аманда была сражена наповал. Такой красавец! От него исходит мощное мужское обаяние. Как ей нравились такие мужчины! Один психолог, которого Аманда знала в Рио-де-Жанейро, говорил ей, что ее привлекают мужчины зрелого возраста потому, что она рано потеряла отца и у нее есть подсознательное стремление кем-нибудь его заменить. Интересно, о чем говорит он с матерью и кто он?..

Погруженная в свои мысли, Аманда даже не слышала, как Летисия убеждала Питангу надеть на себя все купленные для нее вещи, а ее подруга испуганно отказывалась.

Наконец до нее дошло, о чем идет речь, и Аманда решительно вмешалась в разговор:

— Питанга, я ведь тебе не чужая. Я твоя подруга. Я обижусь, если ты немедленно не наденешь все это на себя...

Когда Питанга, расфуфыренная, как принцесса, заявила в новом наряде домой, Мануэла жестко сказала:

— А ну-ка сними все эти вещички и выброси их на помойку. Мы не можем принимать подарки от этих богачей, поняла?..

* * *

Гаспар Веласкес, дав самую лестную характеристику уму и способностям своего внука, оказался прав.

Дави просто диву давался, с какой легкостью Витор все схватывал на лету: особенности рыбообрабатывающего процесса, вопросы оснащения судов, устройство аппаратуры, тонкости при заключении сделок. То, на что у Дави ушли долгие годы кропотливого изучения и труда, Витор постигал играючи, между делом.

Витор вызывал в нем восхищение. Он оказался вовсе не тем маменькиным сынком и наследником, которому достаточно родства с владельцем предприятия, чтобы управлять им. Он был действительно человеком талантливым и работоспособным. Витор не обнаружил перед Дави никакой сословной спеси, он все время пытался дать почувствовать Дави, что они товарищи, искренние приятели и коллеги по работе и что у него, внука владельца предприятия, нет решительно никаких преимуществ перед сыном рыбака.

Но сам Дави помнил о том, что разница в их положении существует, и не настаивал на приятельских отношениях, которые, казалось бы, должны были ему льстить.

— Послушай, да сними ты эту маску! — как-то сказал ему Витор. — Ты бываешь невыносим с этой физиономией образцового служащего. Думаю, господин Гаспар был прав, когда говорил мне, что у нас с тобой получится отличный дуэт.

— Конечно, Витор, — с готовностью подтвердил Дави, — я готов сделать все, чтобы заслужить твое доверие.

— Уже заслужил, — положил ему руку на плечо Витор, — скажи, мы можем немного отвлечься от работы?

— Вполне, — улыбнулся Дави.

— Тогда расскажи мне о той девушке, о дочери Бонфиня... Оливия, кажется? Ты говорил, она твоя невеста?

В вопросе Витора не было ничего настораживающего, и тем не менее Дави несколько смутился.

— Да, — выдавил он из себя.

— Тогда почему бы тебе не пригласить ее пообедать вместе с нами? — самым искренним тоном, как будто за его словами не крылось ничего, кроме желания сделать приятное другу, произнес Витор. — Сделай это. Женщины обожают такого рода сюрпризы.

Дави пообещал и тут же набрал номер Оливии.

* * *

Идти в ресторан вместе с Витором и Дави Оливия наотрез отказалась. Изабел, присутствующая при телефонном разговоре, изумилась:

— Доченька, я не ослышалась? Ты отклонила предложение своего жениха пообедать вместе с Витором Веласкесом?

— Именно так, — подтвердила Оливия.

— Ты не хочешь обедать с сыном вице-президента фирмы? — не оставляла ее в покое Изабел. — Неужели ты не хочешь немного помочь Дави? Неужели тебе трудно одеться и пообедать в дорогом ресторане? Неужели это для тебя такая жертва, милочка?

— Намного большая, чем ты можешь себе представить, — отрезала Оливия. — Даже если бы Витор был не сыном вице-президента компании, а сыном президента страны, я бы все равно не пошла с ним обедать!

И тем не менее, когда пришел Дави, с тем чтобы уговорить Оливию пойти в ресторан, она, немного с ним поспорив, согласилась.

Обед прошел, что называется, в теплой, дружеской обстановке, хотя Витору не удалось загладить первое неприятное впечатление, которое он вызвал у Оливии. Впрочем, он не особенно и старался. Оливия не переставала удивляться тому, что Дави не замечает двусмысленной интонации, с которой Витор обращался к ней, — как будто бы он имел над ней какую-то власть, в которой не сомневался. Дави не замечал, что, приглашая ее на танец, Витор слишком тесно прижимается к его невесте. Дави как будто не видел, что Витор, почти не таясь, ухаживает за Оливией. Когда Витор пригласил их обоих на деревенский праздник в рыбацкий поселок, Дави тут же дал согласие и за себя и за Оливию.

...Позже Бонфинь, узнав об этом празднике, сказал Дави:

— Ты делаешь большую ошибку, Дави. Тебе следовало бы убедить Витора не ходить в поселок.

— Почему? — удивился Дави. — Ты считаешь, что моя семья недостойна принять...

— Да дело совсем не в этом! — яростно перебил его Бонфинь. — Ведь Витор сын... — тут Бонфинь осекся. — Дави, отговори его. Поверь мне, он не должен быть на этом празднике...

* * *

На праздник Витор отправился несколько раздраженным.

Его матери поклонники уже присылают цветы, и мало того, еще осмеливаются сопровождать записками самого фривольного содержания! Какой-то болван считает для себя допустимым вмешиваться в жизнь семьи Веласкесов! Летисия дала сыну суровый отпор. Никакого повода для присылки цветов неведомому поклоннику она не давала.

И вообще это не его дело. Что это за странная ревность? Или он хочет ее оскорбить?

— Нет, это ты оскорбляешь память отца! — выкрикнул Витор и хлопнул дверью, даже не пригласив с собой на праздник Аманду.

Он отправился туда вместе с Дави и Оливией.

Весь поселок был украшен гирляндами тропических цветов. Домики были покрашены, прибраны и тоже украшены цветами и бумажными лентами. Женщины поселка нарядились в свои лучшие платья. На берегу залива Самюэль развел гигантский костер, вокруг которого поставили угощение и бутылки с вином. Здесь были дары моря, украшенные зеленью и ракушками, тропические фрукты и сладости. Кассиану и Серена приготовили пиво по особому рецепту.

Гостей встретили очень радушно. Эстер тотчас увлекла невесту своего сына к себе, чтобы показать ей дом. Витор видел, с какой готовностью Оливия согласилась на это предложение, и слегка усмехнулся. Как ни демонстрирует она ему свою неприязнь, он знает, что на самом деле девушка испытывает к нему другие чувства. Он ей нравится, хотя она и не сознается себе в этом. Что ж, пусть воркует там себе с будущей свекровью, ему это только на руку, потому что сегодняшняя его цель — совсем другая.

И он стал помогать Рамиру жарить на костре кефаль.

Рамиру держался с Витором открыто и дружелюбно, и Витор включил свое обаяние на полную мощность.

Его даже не смущали угрюмые взгляды сына этого рыбака, Кассиану, — он здесь был гостем и чувствовал себя в безопасности.

Асусена, увидев его у костра, покраснела.

Витор не встречал еще такой девушки. Те, с которыми он привык

иметь дело, давно утратили способность краснеть и стесняться, а эта просто чудо — такая невинная, прелестная, застенчивая! И ее не надо завоевывать, как, например, Оливию, она смотрит на него восхищенными глазами, в которых нет ни капли притворства. В них отражается вся бесхитростная душа этой девушки. Ее подруга Далила куда более смелая.

Улучив минутку, когда Асусена за чем-то пошла в дом, Витор осторожно отделился от веселящихся у костра людей и последовал за ней. Он чувствовал, что эта девушка ждет его, что она жаждет и в то же время боится разговора с ним.

Он постучался и вошел в дом. Асусена, увидев Витора, потупилась и сделала движение, чтобы выскочить из дверей, но он удержал ее на пороге.

— Ты очень красивая, Асусена. Ты не похожа на тех, кого я знаю. Я и не думал, что еще есть такие девушки, как ты, — нежно и в то же время напористо заговорил Витор. — И имя у тебя красивое. Оно означает «белая лилия». У тебя есть только один недостаток: ты все время молчишь... — говоря все это, он приблизил губы к щеке девушки.

— Не надо, а то вдруг войдет мой брат Кассиану, — прошептала Асусена, отстраняясь.

— Хорошо, — Витор тотчас же выпустил ее руку. — Но ты обещаешь, что потанцуешь со мной?

Асусена кивнула, и Витор, улыбнувшись ей на прощанье, выскользнул из дома: столкновение с Кассиану вовсе не входило в его планы...

* * *

...Между тем Кассиану, одержимый ревностью, давал нагоняй своей невесте Далиле чуть поодаль от костра. Все в поселке настолько привыкли к бурным выяснениям отношений этой парочки, что и ухом не вели в их сторону. Милые бранятся — только тешатся.

— Раз этот тип здесь, значит, кто-то поманил его! — выходил из себя Кассиану.

— Витор здесь потому, что он — лучший друг моего брата! Это просто совпадение! — отбивалась Далила.

— Ах твоего брата! — уцепился за ее слова Кассиану. — Твой брат хочет отнять тебя у меня! Он хочет сделать из тебя городскую франтиху!

— Послушай, Кассиану, когда ты начинаешь ревновать, то становишься глупее осла, — констатировала Далила. — Витора интересую не я, а твоя сестра Асусена!

— Да? Откуда ты это знаешь?!

— Знаю! — выпалила Далила. — У меня глаза не на затылке, как у некоторых безмозглых ослов! И я ими вижу все очень хорошо!

— А зачем ему моя сестра? — переключился на другую тему Кассиану. — Какой может быть у этого щеголя интерес к моей сестре?

— Об этом ты спроси у него или у нее!

— Спрошу, не беспокойся, — сжав кулаки, пообещал Кассиану и сделал шаг, чтобы идти к дому следом за сестрой, но Далила удержала его:

— Эй! Ты что-то забыл!

— Что именно? — буркнул Кассиану.

— А извиниться передо мной за свои подозрения?

Кассиану вернулся.

— Ну ладно, извини, Далила. Просто мне кажется, что все хотят отбить тебя у меня, — угрюмо объяснил он. — А ты знаешь, как я тебя люблю.

— Ладно уж, — великодушно извинила его Далила. — Но ты не ходи сейчас к Асусене. Я сама с ней поговорю о Виторе, идет?

* * *

Уже прошло минут двадцать, как Витор, не желая столкнуться с Кассиану, поспешно вышел из дома Рамиру Соареса, а Асусена все еще пребывала в состоянии транса. Она боялась пошевелиться, точно ее каким-то мощным порывом ветра уносило все выше в небо, и ей страшно и радостно было ощущать собственную невесомость. До встречи с Витором мечты кружили над ней, точно какие-то шумные, неотвязные птицы, но теперь она сделалась легкой и беспомощной, как перышко в их огромных крыльях, уносящих ее за край фантазии, в незнакомую жизнь, где все было совершенно иным.

Вот почему она вздрогнула, когда увидела перед собой смеющееся личико Далилы: ей казалось теперь, что они с подругой расстались жизнь тому назад, так много всего случилось с момента их разлуки, что нет смысла пересказывать минувшее.

— Асусена, ты что, намерена весь праздник просидеть дома?

Асусена с трудом разлепила губы.

— Здесь был Витор, — объяснила она.

— Ну и что? — не слишком удивилась Далила. — Надеюсь, он не приставал к тебе?

— Нет, нет, нет, — торопливо произнесла Асусена, удивляясь звукам собственного голоса. — Наоборот. Он говорил такие хорошие слова... А я вела себя, как дурочка. Стоит мне его увидеть, как я и рта не могу раскрыть...

— Неужели этот хорошенький ротик ничего не произнес? — засмеялась Далила. — Он, наверное, принял тебя за дикарку, которая никогда в жизни не разговаривала с городскими... Ну ладно, успокойся, я шучу. Ты ему нравишься такая, какая есть. Причешись и подкрась губы, и пойдем на праздник!

— А ведь я пообещала ему танец, — мечтательно произнесла Асусена.

— Ну и отлично, пойдем! — потянула ее Далила.

* * *

Аманда Веласкес, которую брат, вопреки своему обещанию, не взял на праздник, все-таки появилась в поселке в сопровождении Питанги. Мануэле очень не хотелось отпускать дочь с Амандой, но обе девушки так жалобно и неотступно молили ее об этом, что она вынуждена была сдаться.

Витор, увидев сестру, насмешливо поднял бровь, но ничего не сказал. Серена усадила Аманду рядом с собой, а Эстер заговорила с Питангой.

— Ты Питанга? Дочь Мануэлы? — в голосе ее было что-то странное и не слишком доброжелательное, отчего Питанга вся сжалась.

— Да, донна Эстер, — пролепетала она.

— Подумать только, как ты изменилась! Уже настоящая женщина... Как поживает твоя мать?

— Все отлично, спасибо, — сдержанно проговорила Питанга и хотела было улизнуть подальше от общего веселья, но тут на нее с распростертыми объятиями налетела Далила. За ее плечом маячил, как всегда, Кассиану.

— Как хорошо, что ты пришла, Питанга!

Питанга бросила смущенный взгляд на Кассиану, беззастенчиво рассматривающего ее, и робко сказала:

— А это моя подруга Аманда.

— Сестра Витора, — пояснила Аманда.

— Далила, — сказала Далила. — А этот, длинный, Кассиану Кассиану, познакомься с Амандой и Питангой... Питанга — дочь Мануэлы!

— Внучка Кливера? — уточнил Кассиану. — Ты очень красивая... А в детстве была такой замухрышкой...

— Что ты несешь, Кассиану? — дернула его за руку Далила. — Питанга всегда была очень миленькой. Потанцуй с ней, искупи свою вину!

Далила умела растормошить кого угодно. Молодежь, вдохновленная ею, заплясала в кругу. Самюэль, видя, что все смотрят на их веселье, потихоньку отвел Рамиру от костра и проговорил:

— Ты знаешь друга моего Дави, Витора?

— Ну да, мы сегодня познакомились. Вроде неплохой парень, — произнес Рамиру

— Да, может, и так, но все не так просто, — загадочно молвил Самюэль.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Рамиру.

— Витор — сын Летисии. Рамиру вздрогнул.

— Ты уверен?

— Я видел его фотографию в газете рядом с матерью на приеме в доме Оливии... Я не сразу его узнал, но потом присмотрелся и понял, что это он.

— Сын Летисии, — повторил в глубокой задумчивости Рамиру. — Сын Летисии. Что ж, рано или поздно это должно было случиться... Но Серена не должна этого знать.

Самюэль покачал головой, как бы удивляясь спокойствию друга.

— Это не самое страшное. Боюсь, самое страшное еще впереди!

— Что ты имеешь в виду? — встревожился Рамиру.

— Посмотри, за кем он открыто, не таясь, ухаживает! — проговорил Самюэль. — И похоже, твоя дочь уже равнодушна к сыну Летисии!..

Глава 5

В течение всего праздника Оливия не отходила от Самюэля и Эстер, и Дави не мог понять ее поведения.

Что интересного могла найти в безыскусных разговорах его родителей она, образованная девушка, что ради них пренебрегла общим весельем? Что-то было демонстративное в ее внимании к ним обоим... Оливию как будто снедало какое-то внутреннее беспокойство, причину которого Дави понять не мог. Он попытался спросить об этом у Оливии напрямую, и она не стала уклоняться от разговора.

— Хорошо, нам действительно надо поговорить, — сказала она. — Я не могу притворяться, что все хорошо, если на самом деле это не так.

— Да в чем дело? — в высшей степени заинтригованный ее словами, спросил Дави. — Что случилось, говори!

— Послушай, Дави, — начала Оливия. — Мне не нравятся ваши отношения с Витором. По моему убеждению, он нехороший человек.

Дави принялся защищать Витора. С чего это она взяла? Витор совсем не таков, как она о нем думает, он очень простой, веселый, открытый парень. Оливия же в ответ выдала совершенно противоположную характеристику Витору. Ее несправедливое отношение к Витору опечалило Дави, он принялся настаивать на том, чтобы Оливия доказала свои слова хоть какими-нибудь фактами.

— Да ты видел, как он танцевал с этой девушкой, с Асусеной! — вырвалось у Оливии. — Это же было неприлично!

Дави изумленно посмотрел на нее: он явственно расслышал в голосе Оливии ревнивые нотки.

— Ну да, он крепко обнимал Асусену, — согласился Дави, — и это все заметили... Но не забывай, что Витор приехал из Рио-де-Жанейро... Там по другому ведут себя, вот и все.

* * *

Рамиру тоже отметил про себя, что Витор откровенно ухаживает за его дочерью. В этом ничего не было бы плохого, если бы Самюэль не рассказал ему, чьим сыном является этот парень... Витор держался достаточно корректно, придраться к нему было не за что, хотя, на взгляд Рамиру, он

слишком тесно прижимался к его дочери во время танца. Рамиру решил предостеречь Серену:

— Может, поговоришь с дочерью?.. Она слишком много себе позволяет!

Серена, не зная истинных причин беспокойства мужа, беспечно ответила:

— О Боже! Может, хватит вам с Кассиану опекать Асусену? А то она на всю жизнь останется простушкой. Пусть умеет защищаться сама, Рамиру.

— Этот парень нам не пара, Серена, — мрачно заметил Рамиру.

— Да, я понимаю, — согласилась Серена, — он из богатой семьи. Но он мне нравится. И потом он друг Давида. А Давид — наш.

Рамиру уверенно возразил:

— Нет. Дави нашим никогда не был.

* * *

Домой с праздника Питангу привез Кассиану. И Мануэле это очень не понравилось. Как только Питанга, распрощавшись с Кассиану, вошла в дом, Мануэла разразилась градом упреков. Сколько раз она говорила дочери, чтобы та держалась от детей Серены подальше! Сколько раз предупреждала, чтобы она вообще не заводила знакомств в деревне! Ей, видно, придется запереть дочь в доме и никуда не выпускать, если она не желает слушать ее советов. Прочитав эту отповедь, Мануэла хлопнула дверь и ушла в бар, а Питанга расплакалась. Бом Кливер принялся ее утешать. Дед был единственным человеком, который понимал Питангу.

— Не плачь, дочка. Мама успокоится и все забудет.

— Она никогда ничего не забывает, деда, — всхлипнула Питанга. — Я понимаю, почему она злится на сеньора Рамиру и его семью, но я-то здесь при чем! Мы столько времени прожили вместе! А потом мне нравится... мне все там так нравится!

— Да, понимаю, — подмигнул ей дед, — я по твоим глазам понял, что тебе там нравится!

— Дедушка, — смутилась Питанга, — я говорю об Асусене, о Далиле... Мы так дружили, помнишь?

Бом Кливер снова заговорщицки подмигнул ей:

— Ну да, твой дед стар, но он хорошо помнит те времена, когда ходил в море с Рамиру Соаресом, а его внучка заглядывалась на сына Рамиру...

Или я ошибаюсь, принцесса?

Проницательность деда и смутила, и обрадовала Питангу. По крайней мере, от него не надо было ничего скрывать.

— Кассиану был хорошим мальчиком, — невозмутимо продолжал Бом Кливер. — А сейчас он, наверно, хороший парень. И станет хорошим человеком, как его отец.

— Да, все это так, дедушка, — вздохнула Питанга. — Он действительно славный парень. Но дело в том, что ему нравится другая...

* * *

В это же время Аманда, которую также подвез Кассиану, яростно спорила с матерью. Витор, вернувшийся минутой позже с праздника на своей машине, стоял в дверях гостиной со скучающим видом и не торопился вмешаться. Летисии не нравилось, что у Аманды появились друзья в поселке. Это люди не их круга. Аманда возразила, что она находится в том возрасте, когда человек вправе сам выбирать себе друзей. Витор после этой ее фразы лениво заплодировал, обнаруживая свое присутствие, и объяснил Аманде, точно не замечая матери, что, по его мнению, весь сыр-бор разгорелся из-за того, что донне Летисии почему-то не нравятся рыбаки. Он и не думал, что у донны Летисии имеются такие предрассудки. Он всегда почитал ее за большую либералку. И вот — он разочарован! Он просто вне себя от изумления и горечи! Его мать оказалась свыше всякой меры приверженной своему сословию...

Шум голосов достиг слуха Гаспара, собиравшегося было отойти ко сну, и он спустился в гостиную, чтобы выяснить, в чем дело, — и немедленно вступился за подрастающее поколение, которое, ощутив поддержку деда, удвоило свои нападки на мать. Аманда даже выразила мнение, что обвинения матери не случайны и имеют под собой какое-то другое основание, чем сословные предрассудки. Уж не приходилось ли ей самой с кем-то сталкиваться из той деревни в прошлом? Может, поэтому она с такой яростью обрушилась на них? Тут Гаспар поспешно закруглил разговор, отправив детей спать, а после того, как они удалились, обратился к опечаленной Летисии.

— Для чего ты им столько всего наговорила? Все дело в том, что тебя до сих пор мучают воспоминания о Рамиру, не так ли? Лично я считаю, что дети не должны жить среди твоих призраков.

Летисия с видом бесконечной усталости опустила в кресло.

— Да, конечно, — с горечью произнесла она, — моих призраков... Я очень одинока, папа. Мне теперь кажется, что в жизни человека бывает только один шанс найти свое счастье. И я упустила свой шанс.

Гаспар задумчиво посмотрел на нее.

— А почему бы тебе не попытаться вернуть этот шанс?

Лицо Летисии выразило недоумение.

— Что-то я не понимаю тебя, папа.

— Мне бы хотелось, чтобы ты была счастлива, и не важно с кем, — объяснил Гаспар.

— Но ты сам когда-то говорил, что мы с Рамиру живем в разных мирах, — напонила отцу Летисия, — и что у нас ничего не получится.

На это Гаспар возразил, что человеку свойственно время от времени менять свои убеждения.

— Да, но Рамиру женат и у него счастливый брак, — не слишком уверенно произнесла Летисия.

И на это у Гаспара был ответ. Его не интересует семейное положение рыбака. Его не интересует, счастлив он или нет. Его волнует одна-единственная вещь — то, что любимая дочь ощущает себя несчастливой. Если она считает, что Рамиру Соарес может составить ее счастье, — пусть отнимет его у этой женщины, рыбачки. Она, Летисия, слишком хороша для того, чтобы страдать. Почему бы ей не проявить дерзость, не рискнуть удариться в эту авантюру — ведь она ничего не потеряет, зато, наконец, успокоится. Если Рамиру не удастся отбить у его жены, значит, следует раз и навсегда похоронить эту мечту. Но если он тоже любит ее по-прежнему, почему бы им не попробовать начать все заново? Это лучше, чем пребывать в бесконечных сомнениях, терзаниях и одиночестве... К черту здравый смысл, провозгласил Гаспар, плеснув себе и дочери коньяка.

Летисия, пораженная его словами, проговорила:

— Но то, что ты предлагаешь... это безумие!

— Здравомыслие — признак старости, — изрек Гаспар, — а ты еще молода и прекрасна. И ты не должна быть одна.

Летисии вдруг стало весело, как бывало всегда, когда она оказывалась на пороге какого-то рискованного предприятия. Она с наслаждением потянулась.

— Пожалуй, мне и в самом деле нужно выпить, — согласилась она. — Выпьем за молодое безумие, отец!..

* * *

Деятельность Франшику по завоеванию им непокорного города Форталезы теперь развивалась в двух направлениях: во-первых, он помогал Франсуа в строительстве его дома на проданном им же пустынном участке, во-вторых, он усиленно втирался в доверие к доктору Гаспару

Первая часть его деятельности была кипучей, но не слишком плодотворной, и ограничивалась тем, что Франшику бестолково носился перед бульдозером, выравнивающим часть дюн для закладки фундамента. Франшику страдал запоздалыми угрызениями совести. Кабы знал он, что Франсуа может ему впоследствии пригодиться, разве продал бы он ему эту никуда не годную землю! Но Франсуа был по-прежнему в восторге от участка, словно видение некоего оазиса среди этой пустыни непрестанно стояло у него перед глазами.

Зато вторая часть деятельности Франшику, имевшая целью завоевание доктора Гаспара, оказалась куда более удачной. Франшику изо всех сил обрабатывал Плинию: тому отводилась в его замыслах большая роль. Когда-то в перерывах между мойкой машин — этим скромным занятием в незапамятные времена оба зарабатывали на жизнь — Плинию очень неплохо играл в футбол. И теперь это могло пригодиться, не говоря уже о том, что Плинию стал доверенным лицом Гаспара Веласкеса.

И вот имея эту небольшую поддержку, Франшику однажды ворвался в кабинет доктора Гаспара, когда тот со своей дочерью, по которой вздыхал Франсуа, размышлял над тем, отчего вдруг упала цена на лангуста.

— Франшику, ты не имеешь права врываться на поле, не спросив разрешения у судьи, — завидев его, строгим тоном произнес Гаспар, — тебе, по-моему, лучше увести команду с поля.

Франшику сообщил, что он как раз пришел с обратной целью: он во что бы то ни стало решил привести команду на поле.

— Объясни, — сказал заинтригованный Гаспар. Летисия, зная о пристрастии отца к футболу, тут же поспешила оставить игроков вдвоем, чтобы ее нежного слуха не коснулись все эти ужасные слова: «гол», «пенальти», «очки».

— Я узнал, что у вас есть футбольная команда, — решительно приступил к делу Франшику.

Гаспар ответил утвердительно. Да, у него есть отличная, непревзойденная команда, которая уже тридцать две игры идет без поражений. Франшику усомнился в исключительных способностях команды Гаспара. Он желает проверить, так ли уж она хороша. Для этого он предлагает провести игру: команда бизнесмена Гаспара Веласкеса против команды бизнесмена Франшику. С пивом и закуской после матча.

Он лично готов вытереть слезу досады со щеки сеньора Гаспара после поражения его команды.

— Ну это мы еще посмотрим! — азартно потирая ладони, сказал Гаспар. — Все детали обговори с Плинию. Он мой заместитель по вопросам благородного британского спорта.

Этого-то Франшику и надо было. Он изложил Плинию суть дела. Игра состоится во что бы то ни стало, и то, что у него на самом деле пока нет команды, это не беда. Команду надо набрать в кратчайшие сроки.

— Но как? — с пессимизмом в голосе спросил Плинию. — Все наши ребята разлетелись как птицы: Рей играет во Франции, Ромарио и Бебето — в Испании, Таффарел в Португалии... Правда, здесь, в Форталезе, околачиваются без дела Сантана и Зетти.

— Отыщи их, сынок, — дал команду Франшику, — пообещай им луну с неба, чтобы они собрали хороших парней... А у меня тоже есть один на примете...

Франшику имел в виду Франсуа.

Тот, услышав намерения приятеля сделать из него, Франсуа, футболиста, сначала решительно воспротивился, но Франшику умел убедить кого угодно.

...Дня не прошло, как Франшику уже на поле демонстрировал Франсуа знаменитый финт Сократеса, придуманный для того, чтобы застать защиту врасплох. Еще через день Франсуа научился принимать мяч на грудь. Минули сутки, и Франсуа знал, чего нельзя делать в штрафной площадке. А еще через пару дней художник и архитектор Франсуа забил в ворота свой первый гол и удостоился скупой похвалы Франшику, Плинию и тех ребят, которые пришли на поле тренироваться вместе с ними...

* * *

Ссоры между Амандой и Витором случались нередко и, как правило, по вине последнего. Но при этом Витор обнаруживал перед сестрой такое превосходство ума, пытаясь с ней помириться, что гнев поневоле сменялся в Аманде восхищением его необыкновенной изворотливостью, умением поразить ее какими-то неожиданными доводами и убедить в том, что никакой ссоры не было, а имело место простое недоразумение.

И теперь Аманда, решившая не сдаваться и не мириться с Витором, как бы далеко ни простиралось его красноречие, ждала брата с нетерпением. Они — одного поля ягоды, и обойтись ему без нее какое-то

долгое время было достаточно трудно. Но каким образом ему теперь придется оправдываться перед ней, когда очевидное предательство было налицо, она не представляла. И когда Витор ввалился к ней в комнату, явно заинтересованный в примирении, она тотчас же выложила ему свою обиду.

— Ты обещал повезти меня на праздник и не повез. Более того, ты бросил меня одну в поселке, и если бы не Кассиану, мне и Питанге пришлось бы возвращаться домой пешком, ты это понимаешь?

Но на этот раз Витор и не думал тратить слова на оправдания. Он хорошо изучил свою сестру и знал, что долго сердиться она не сможет.

— В конце концов, вы же приехали, так? Конечно, это было некрасиво с моей стороны, но с вами обеими все в порядке, а это главное. И потом, мы с тобой заодно, сестренка! Нам обоим мамочка запретила показываться в поселке!

Внимание Аманды тотчас же переключилось с одной проблемы на другую, как и ожидал Витор.

— Она разозлила меня! — с горячностью произнесла Аманда. — Разговаривала со мной так, будто я совершила какое-то ужасное преступление!

— Да, она явно перегнула палку, — подзуживал сестру Витор. — И знаешь, что мне пришло в голову?

Любопытство заставило Аманду сменить гнев на милость, и она уже более миролюбивым тоном поинтересовалась, что же пришло в голову брату.

— Если Магомет не может прийти к горе, то пусть гора явится к Магомету, — принялся развивать свою мысль Витор. — Мы, например, могли бы пригласить твоих подружек поплавать у нас в бассейне... Таким образом мы бы их отблагодарили за чудесный праздник. Что скажешь?

Аманда проницательно посмотрела на брата.

— Скажу, что я дура. Полная дура. Как это я сразу не смекнула, что ты пришел мириться со мной из-за Асусены?

Витор не стал отрицать столь очевидного факта:

— Разумеется, мне бы очень хотелось увидеть снова Асусену... но не только это...

— Не только? — ехидным тоном подхватила Аманда. — Ты сейчас скажешь, что хочешь пригласить ее для того, чтобы порадовать меня?

— Нет, — не стал притворяться Витор. — Мне необходимо выяснить, что мамочка имеет против нашей дружбы с людьми из поселка. Чего она на них так взъелась?

— Просто мама еще раз доказала, что теория и практика — две разные

вещи, — принялась разглагольствовать Аманда. — На словах она весьма либеральна, но как только речь идет о ее детушках, она тут же вспоминает, что их следует ограждать от дурного влияния простых людей...

— Ну да, ну да, — нетерпеливо перебил ее Витор, — это все имеет место, но есть еще что-то такое, о чем мне бы хотелось узнать... Одним словом, я прошу тебя взяться за это дело. Уговори девушек. Используй для этого все свое обаяние, договорились?

Комплимент растопил остатки льда в сердце Аманды, и она выразила согласие.

* * *

Предложение Аманды явно обрадовало и Далилу, и тем более Асусену, но и озадачило.

Далила сразу же заявила, что ни ее отец, ни тем более отец Асусены ни за что не позволят обеим девушкам наведаться к Веласкесам.

— Но вам не обязательно говорить, что вы поедете к нам, — нашлась Аманда, — надо что-то придумать.

Далила решительно воспротивилась:

— Нет, это очень рискованно. Хорошо, с родителями мы бы как-то управились, но вот как быть с братом Асусены? Наверняка Кассиану в мельчайших подробностях захочет узнать, куда это мы собираемся... А вдруг он решит поехать с нами? Ты помнишь, Аманда, что ему уже приходилось выяснять отношения с твоим братом?

— Ох, Далила, — мечтательно проговорила Асусена, — но мне так хочется поехать.

— Вот что, — решительно заявила Аманда, — у меня есть план. Вы можете сказать, что отправитесь к Питанге на день рождения. Тогда вас отпустят.

— У меня нет такой уверенности, — возразила Далила, — именно к Питанге меня и не отпустят.

— А меня отпустят, — радостно воскликнула Асусена.

* * *

Витор поджидал сестру неподалеку от того места, где она разговаривала с обеими девушками, — в дюнах. Завидев приближавшуюся

сестру, он выскочил из машины и пошел ей навстречу. Витор и не собирался скрывать от нее своего нетерпения, и Аманда с удивлением подумала: неужели он и вправду влюбился в Асусену?

— Ну что ты так долго?

— Нет, вы только посмотрите на него! — лукаво усмехнулась Аманда. — Отправляет меня с невыполнимым заданием и еще хочет, чтобы я в одну минуту обернулась!

— Они придут или нет? — всем своим видом показывая, что неизвестность для него мучительна, резко спросил Витор.

— Ничего не могу обещать, — пожала плечами Аманда, — но думаю, Асусена все-таки придет... Да, она прибежит... Мне жалко эту девочку... Она так наивна и чиста.

— Мне кажется, эти качества скорее могут вызывать восхищение, чем жалость, — строгим тоном поправил ее Витор. — Я рад, что тебе удалось уговорить Асусену.

— Слушай, Витор, — Аманда нерешительно потянула брата за рукав, — если ничего не получится, мой тебе совет — оставь Асусену, ведь с ней у тебя будет много проблем.

Витор закрыл ей рот ладонью.

— Нет, она придет, — взволнованно произнес он. — Я уверен, что Асусена придет.

* * *

На другой день после праздника Рамиру отправился в город, прихватив с собой и Кассиану. Он хотел найти торговца, который бы заключил с ним договор на предстоящий улов.

Прежде такие вещи практиковались. Хозяева, рыбозаводов и хранилищ в те времена хорошо знали Рамиру как человека, чьему слову можно верить. Но теперь многое изменилось, и прежде всего поменялись директора и управляющие предприятий, интересовавших Рамиру. Они не соглашались иметь дело с неизвестным им человеком, а о рыбе, которая еще в море, и слышать не хотели.

Но Рамиру хотел получить какие-нибудь гарантии. Он надеялся прийти из моря с богатым уловом, уже имея на него покупателя. Поэтому, обойдя все рыбозаводы и хранилища в городе, он решился направить свои стопы к покупателю, который хорошо знал его и знал, что слова Рамиру обычно не расходятся с делом.

Он отправился к Гаспару Веласкесу, уговорив Кассиану дожидаться его у входа на верфь в машине. Кассиану был слишком горяч и нетерпелив для серьезного разговора.

Секретарша Гаспара Сузана сначала не хотела его пропускать к своему шефу, но Рамиру настоял на том, чтобы девушка все-таки пошла и доложила о его приходе. Каково же было ее удивление, когда шеф и его дочь, донна Летисия, занятые текущими договорами, как только Сузана произнесла ничего не значащее имя Рамиру Соареса, в один голос воскликнули:

— Пусть он войдет!

Рамиру не ожидал увидеть Летисию. Еще большей неожиданностью для него было, когда доктор Гаспар представил ему свою дочь как вице-президента фирмы, с которой и следует вести переговоры, после чего, загадочно усмехаясь, пожал Рамиру руку и покинул кабинет. После его ухода воцарилась неловкая пауза.

— Удивлен? — наконец нарушила молчание Летисия.

— Не слишком, — признался Рамиру. — Я всегда знал, что ты из породы победителей.

— А ты нет? — имея в виду что-то свое, спросила Летисия.

— Возможно, — сухо отозвался Рамиру. — Жизнь дала мне больше, чем я заслуживал.

— А что ты думаешь обо мне? Я тоже получила больше того, на что смела рассчитывать? — многозначительно спросила Летисия.

— Ты получила от жизни то, что хотела, — мрачно отозвался Рамиру.

Он уже жалел, что пришел сюда, и этот двусмысленный разговор был ему в тягость. Почувствовав это, Летисия проговорила:

— Я слушаю тебя.

Отступить было некуда, и Рамиру объяснил:

— Дело в том, что мы собираемся выйти в море. И мы подумали, было бы неплохо договориться заранее о продаже рыбы, хотя это дело рискованное.

— Мы привыкли рисковать, — возразила Летисия. — К тому же ты прекрасно знаешь эти места. Я в тебя верю.

— Спасибо, — проронил Рамиру.

— Тебе не за что меня благодарить. Мне нужно, чтобы у тебя все получилось, потому что это будет моим первым самостоятельным решением. От души желаю тебе удачи.

...Кассиану был очень удивлен, увидев отца, выходящего с верфи в сопровождении какой-то красивой женщины. Попрощавшись с ней за руку,

отец сел в машину. Лицо его было мрачным, и Кассиану подумал, что и отсюда отца спровадили ни с чем. Тогда почему его с таким почетом провожала эта красивая секретарша?

— Это не секретарша, — проронил отец, — она — вице-президент фирмы. И мне удалось с ней договориться...

Глава 6

На вопрос жены, с кем ему удалось договориться относительно продажи рыбы, Рамиру отвечал уклончиво: ему не хотелось волновать Серену именем Летисии. Но в тот же вечер все открылось.

Началось с того, что Кассиану, не постучавшись, вошел в комнату сестры и застал Асусену за рассматриванием фотографии Витора в газете, которую она выклянчила у Далилы. Кассиану, увидев эту самодовольную, ненавистную ему физиономию в газете, разбушевался. На шум прибежала Серена, и Кассиану, ткнув пальцем в снимок, стал объяснять матери, что его сестра грезит о сказочном принце, который сфотографирован в газете вместе с вице-президентом фирмы, с которой сегодня разговаривал отец. Мать, увидев на фотографии Летисию, все поняла и, переменившись в лице, выскочила из дому, о чем Кассиану не преминул поведать отцу, снова ткнув пальцем в злополучный снимок.

Рамиру отыскал жену на самой кромке залива.

— Какая же я дура, — пытаюсь высвободиться из его объятий, рыдала Серена, — думала, что спалю эту хижину и ты будешь только мой! Я не в силах бороться с ней, Рамиру. Она может все. Она у тебя даже рыбу покупает. И тебе придется встречаться с ней, говорить... Скажи, кто из нас тебе нужен? Ну, признавайся, ведь ты ее любишь? Так ступай к ней и оставь меня в покое!

— Серена! Не говори так, умоляю тебя! — пробовал урезонить ее Рамиру.

— Ты женился на мне только потому, что она тебя бросила! — продолжала, вне себя от горя, Серена. — Ты остался со мной только потому, что ее не было поблизости. Вот и вся правда!

Рамиру повалил ее на песок и яростно зашептал:

— Ты говоришь ерунду! Ты знаешь, что я чувствую там, в море, когда думаю о тебе? У меня сердце готово выскочить из груди, стоит мне только вспомнить вкус твоих губ, запах твоих волос, тепло твоего тела! Ты — женщина, которую я люблю и всегда буду любить!..

* * *

Самюэль шел берегом моря в Форталезу к своему другу Кливеру.

Эстер еле отпустила его. Обычно такая здравомыслящая, она впадала в глубокое беспокойство каждый раз, когда Самюэль собирался в Форталезу. Уж сколько раз он объяснял ей, что идет вовсе не к Мануэле, а к ее отцу. Эстер эти объяснения не устраивали. То ли смутное чувство вины говорило в ней — она когда-то возглавила целую компанию женщин против Мануэлы, которая вынуждена была покинуть деревню, то ли она действительно ревновала, но всякий раз, стоило Самюэлю засоби́раться в Форталезу, Эстер становилась в позу. Не то чтобы она не верила своему мужу — этого быть не могло, но она явно нервничала.

Чем дальше Самюэль отходил от родного дома, тем больше им овладевали мысли, не имеющие ничего общего с Эстер. Сам океан начинал разговаривать с ним. В рокоте его волн слышалась старинная легенда о царе морских цыган, бороздившем со своей армадой эти необъятные просторы...

...Судно с шатром из китайского шелка шло впереди, указывая путь остальным кораблям, на которых плавали морские цыгане, потомки финикийцев. Это было еще до Рождества Христова. Морские цыгане были особенными людьми — добрыми, отважными, гордыми, они уважали закон. Но через какое-то время их стали преследовать, завидуя их богатству и могуществу, а еще позже — объявили вне закона. Многих тогда перебили в море, уничтожили вместе с семьями, отняли их суда, но те, которым удалось спастись, добрались до северного берега Бразилии и построили здесь свои хижины... И потомки их не знали уже, правда ли, что на свете когда-то существовали морские цыгане, бороздившие моря и океаны на своих судах, чьи жены по праздникам одевали одежды из мягкой, надушенной ткани, гордясь своей красотой. Все это ушло на дно океана, как Атлантида...

...Мысли Самюэля вернулись к только что расшифрованным им записям из судового дневника одного парусника, дневника, который он хранил в своем заветном сундучке. Вот что на этот раз ему удалось разобрать:

«...И вот когда ветер стал стихать и море успокоилось, мы заметили одинокий парусник... Подойдя к нему ближе, мы увидели лежавшего на борту человека. Был ли это раненый или убитый? Необходимо было подойти еще ближе, чтобы позаботиться о нем. Когда мы подошли совсем близко, то увидели, что этот человек жив...»

...Спустя полчаса Самюэль уже допрашивал Кливера. Обычно Бом Кливер, стоило с ним завести речь о паруснике, впадал в младенчество, и Самюэль никак не мог понять, то ли это уловка старого ворчуна, то ли

действительно разговор о погибшем паруснике настолько травмирует его, что дает о себе знать некая защитная реакция памяти и как будто переводит в мозг Кливера стрелку.

— Ну давай, Бом Кливер, давай, моряк! Постарайся вспомнить! Цитирую: «Сначала раненый взял меня за руку, посмотрел мне в глаза и сказал: «Тебя, должно быть, сам Бог послал, сынок!..» Что было дальше, Кливер?..

— Самюэль! — на пороге выросла Мануэла. — Тебя просто сам Бог послал! У меня в комнате девушка, ей стало плохо в баре... Ты же согласишься немного в медицине, посмотри, что с ней!

— Поднять черный флаг! — немедленно выдал Бом Кливер. — На борту чума! Изолировать больных!

— Ну, понесло-поехало, — проговорила Мануэла. — Теперь его не остановить. Пойдем, Самюэль... Посмотри на нее. Я отправила Питангу за парнем этой девушки, может, он приведет свою сестру, она — врач...

Действительно, пока Самюэль приводил в чувство Адреалину, — а это была она, — Питанга привела запыхавшихся Пессоа и Оливию. Оливия сердечно поприветствовала Самюэля и, осмотрев Адреалину, сказала, что диагноз поставить нетрудно. Голод — самая распространенная в мире болезнь. С девушкой произошел обморок от недоедания. Пессоа с Оливией подняли Адреалину и повели к машине: они решили, что девушке следует пожить у них, чтобы вылечиться от своей болезни. После того как они удалились, Самюэль снова направился к Бому Кливеру, но старик продолжал кричать про чуму и про черный флаг, и Мануэла сказала, что больше от него ничего не добьешься.

— И вообще, — закончила Мануэла, — не приходи сюда, не осложняй мне жизнь...

Как только Самюэль ушел, Бом Кливер сказал совершенно нормальным голосом:

— Зря ты так, дочка. Самюэль не виноват в том, что с нами произошло, и ты это знаешь.

— Зато ты ничего толком не знаешь, старик, — загадочно возразила Мануэла.

* * *

Когда Летисия Веласкес сообщила Бонфиню, что она намерена скупить рыбу у Рамиру Соареса, тот изумленно поднял брови. Какой рыбы?

Ведь, насколько ему известно, рыбаки еще не вышли в море и рыба преспокойно плавает в воде.

— Да, — спокойно подтвердила Летисия, — и тем не менее я хочу заключить с ним контракт.

— О каком количестве рыбы идет речь? — задал вопрос Бонфинь.

И этого Летисия не знала.

— Очень часто рыбаки привозят больше рыбы, чем мы в состоянии купить, — напомнил ей Бонфинь.

— Да, но в таком случае можно заполнить хранилище, а часть сразу продать, — нашлась Летисия.

Бонфинь подумал, что процветанию фирмы пришел конец.

— Мы не можем взять на себя такую ответственность, — проговорил он.

— Простите меня, но я хочу довести это дело до конца, — возразила Летисия. — Я сама переговорю с Рамиру Соаресом обо всех подробностях сделки. Я сейчас же попрошу Дави связаться с ним и пригласить Рамиру ко мне...

Бонфинь понял, что ему не удастся отговорить Летисию от этого глупого проекта, и сделал жест, что он, Бонфинь, умывает руки...

Снаряженный Летисией Дави немедленно отправился в поселок.

Рамиру, узнав о том, что Летисия желает еще раз переговорить с ним о будущем улове, смутился, и Самюэль, увидев смущение на его лице, предложил свою помощь: он сам отправится на верфь и поговорит с Летисией Веласкес. Ведь ясно, что со стороны Летисии это просто уловка — она хочет снова и снова видеть Рамиру. Ему, Самюэлю, все это не нравится. Ему кажется, что следует поискать другого покупателя на рыбу.

Рамиру согласился только с первой частью речи Самюэля. Да, пусть Самюэль поедет в город и встретится с Летисией, но отказываться от сделки с ней не стоит. Сделка выгодная, и они не должны отказываться от нее из-за каких-то личных мотивов. Самюэль скрепя сердце был вынужден с ним согласиться и хотел было уже отправиться в город, но тут вмешалась Серена.

Она считала, что, раз Рамиру начал это дело, он должен и довести его до конца. Пускай сам отправляется в город, она ничего не имеет против. В конце концов, речь идет о рыбе, только о рыбе, и не надо ничего преувеличивать. Сеньора Летисия намерена поговорить с ее мужем о деле, и отказать ей в этом Рамиру не имеет права. Заменив себя Самюэлем, он только обнаружит свою слабость. Убеденный ее доводами, Рамиру согласился с женой и отправился в город.

— Да ты с ума сошла! — набросилась на Серену Эстер, как только мужчины разошлись. — Ты сама подталкиваешь своего мужа к этой...

Серена покачала головой.

— Нет, Эстер, — твердо сказала она, — никуда я его не подталкиваю. Я только хочу, чтобы он делал то, что обязан делать. Я не хочу, чтобы Рамиру бегал от жизни, как перепуганный зверек. Я вышла замуж за настоящего мужчину, Эстер, и не собираюсь запираить его дома из страха, что он больше никогда не вернется ко мне. Пусть живет так, как ему на роду написано...

* * *

Жанаина открыла дверь на звонок, и глазам донны Изабел предстала исполненная драматических тонов картина: ее дети волокли в гостиную еле передвигавшую ноги оборванку, в которой она узнала приятельницу своего сына Пессоа. Подавив в себе естественный порыв жалости, Изабел суровым тоном осведомилась, что все это значит.

Адреалина подняла голову и, уставившись мутным взглядом на Изабел, вежливо произнесла:

— Как дела, сеньора? У меня так очень плохо.

— Что это значит? — повторила Изабел. — Вы что, намерены превратить мой дом в табор для хиппи?

— Нет, мама, просто эта девушка больна и ей необходим уход, — успокоила мать Оливия.

Но Изабел не желала успокаиваться:

— Прекрасно! Позвоните в больницу, а у нас здесь не приют!

— При чем тут больница? — возразила Оливия. — Эта девушка голодала. Ей необходимы внимание и питание, и она поправится. Это ненадолго, мамочка. Пойдем, Адореалина!

С этими словами Оливия и Пессоа поволокли девушку наверх, а Изабел застыла в позе мученицы с воздетыми руками, и неизвестно, как долго продержалась бы она в этой позе, если бы не возвратился домой Бонфинь. Его появление вдохнуло жизнь в эту застывшую Ниобею, которая, ожив, принялась за повествование о том, как дети хотели загнать ее прежде времени в могилу, для чего они приволокли в дом неизвестную хиппи, про которую невозможно даже понять, совершеннолетняя ли она. А вдруг она сбежала из дома! Ее, Изабел, могут обвинить в похищении ребенка.

Бонфинь прервал жалобные восклицания жены сообщением, что ему сейчас не до проделок его детей. У него и без того голова идет крутом. На заводе происходит непонятно что.

— Значит, госпожа Летисия вступила на престол и собирается выгнать тебя на улицу? — перескочила на создание новой драмы Изабел. — Я тебя предупреждала! Я была уверена, что так и будет!

— Ничего подобного, — возразил Бонфинь, — просто Летисия заключила сделку, которая кажется мне сомнительной.

— Что за сделка? — заинтересовалась Изабел.

— Она скупила всю рыбу у Рамиру Соареса... рыбу, которая еще в море.

Эта новость доставила такое удовольствие Изабел, что она тут же напрочь позабыла об Адреалине.

— Я так и знала! — торжественно сказала она. — Не успела появиться в городе, как сразу снюхалась с рыбаком. И теперь готова всю компанию ради него пустить по ветру. Иди к себе, Бонфинь!

Отправив опечаленного мужа в его комнату, Изабел принялась набирать номер репортера Фреда Ассунсона, с которым была дружна.

Изабел давно обещала снабжать Фреда интересными светскими сплетнями и теперь собиралась выполнить свое обещание.

* * *

Пока Франсуа вел захватывающе интересный разговор с подрядчиком, Франшику беседовал с Плиниу о том, что ему удалось сделать за эти дни.

Речь шла об игроках будущей футбольной команды, но Франсуа, как будто решалось не его будущее, продолжал озабоченно обсуждать с подрядчиком по телефону все детали строительства дома:

— Железо вы можете поставлять частями... И оплетку для колонн тоже... Если не пришлете оплетку, что мне делать с железом? А щебень у вас есть? Я хочу, чтобы вы все стройматериалы поставили в срок. Хорошо, на следующей неделе...

Франшику, потеряв терпение, вырвал у него из рук трубку:

— Стройматериалами займусь я, а ты ступай с Плиниу. Познакомишься с игроками. Они сделают тебе голевую передачу, выложат мяч тебе на ногу... И попробуй только его не забить! Я лично буду тебя тренировать.

— Ну если ты лично, — развел руками Франсуа, — тогда успех

гарантирован... Тогда все в порядке!..

* * *

Асусене еще никогда не приходилось лгать матери и кому-либо из домашних, но сейчас, отпросившись у нее якобы на день рождения Питанги и сунув в карман подарок для подруги — браслет из плетеных ниток, который торжественно вручила ей ничего не подозревавшая Серена, она не почувствовала и тени раскаяния.

Все ее чувства затмевало одно — желание увидеть Витора. Далила, которая решительно отказалась сопровождать подругу, но все-таки своим присутствием сейчас как бы покрывала ее обман, просто диву давалась: еще недавно Асусена вздрагивала при имени Витора и бежала, завидев его, а теперь, когда Аманда заехала за ней, торопится на свидание, которое неизвестно чем кончится. Но она видела, что отговорить Асусену от этого опасного предприятия не удастся.

Далила проводила девушек до машины и на прощание проговорила:
— Голову не теряй!

...Витор радостно встретил сестру и Асусену в дверях своего дома. Лицо его светилось таким восторгом, что Аманда подумала: «Нет, наверное, он и в самом деле влюбился в Асусену». Роль покровительницы двух влюбленных была ей явно по душе. В комнате Аманды Асусена переделалась в купальник подруги, слишком открытый, по ее мнению, но в нем она выглядела как принцесса.

Асусена сразу догадалась, что кроме них троих в доме никого не было, но это не пугало ее — ведь рядом была Аманда. Но когда Витор под предлогом того, что Аманда должна забрать из химчистки платье матери, спровадил сестру, Асусена ощутила себя неловко.

— А может, я схожу за платьем вместе с Амандой? — предложила она.

— Не волнуйся, Аманда скоро вернется, — заверил ее Витор. — Я посижу с тобой, чтобы ты не скучала. Угощайся, эти пирожные — коронное блюдо Нейде, нашей домоуправительницы. А потом мы с тобой поплаваем в бассейне, согласна?

Асусене не оставалось ничего другого, как выразить свое согласие...

* * *

Направляясь в Форталезу, Рамиру не был уверен в том, что Летисия желает обсудить с ним кое-какие деловые вопросы, и поэтому ее предложение перенести их встречу из стен кабинета, к которому она еще не привыкла, в ресторан не застало его врасплох. И все же он не хотел истолковывать его превратно. Возможно, это просто учтивость неофита, действительно не привыкшего обсуждать дела в официальной обстановке, или обходительность деловой, светской дамы, желающей угодить своему партнеру и обсудить с ним важные вопросы в атмосфере непринужденности. Поэтому он не колеблясь принял предложение Летисии.

Когда им принесли водку, Летисия заверила Рамиру, что она не собирается отступать от ранее принятого решения и считает — они уже обо всем договорились.

— Вот как? — недоуменно произнес Рамиру. — Если все в порядке, зачем было тогда сюда приходиться?

На это Летисия возразила, что им обоим еще не приходилось где-нибудь ужинать вместе и ей захотелось восполнить это упущение.

— Неужели нам, кроме как о делах, больше не о чем поговорить, — сказала она, и Рамиру понял, что подозрение его не было напрасным.

Это отнюдь не деловая встреча. Летисия задумала провести вечер воспоминаний. Но ему не хотелось принимать участие в этом мероприятии.

— О чем? — сдержанно спросил он. — Мы с тобой живем в разных мирах.

— Ты говоришь так, словно у нас с тобой ничего не было, — ласково упрекнула его Летисия. — А наше прошлое, как с ним быть?

— Что было, то прошло, Летисия, — отозвался Рамиру. — И мы оба изменились.

— Значит, ты все забыл? — понизив голос, сказала Летисия. — Все забыл?

— Есть вещи, которые должны оставаться в прошлом, — уклончиво возразил Рамиру.

Летисия вспыхнула:

— Нет, ты ничего не забыл! Ты просто не хочешь в этом признаться! Мы оба ничего не забыли — и знаешь почему? Потому что это были радостные, самые счастливые недели в нашей жизни, в твоей и моей!

Рамиру криво усмехнулся.

— Но теперь у меня семья, — упрямо напомнил он, — жена, дети.

— Как ты думаешь, — словно не слыша его, продолжала Летисия, — многим ли людям на земле дано пережить то, что было у нас с тобой в той

хижине? Многие ли из них чувствовали то, что мы чувствовали тогда, Рамиру?

Рамиру покачал головой как бы в такт каким-то своим мыслям и, поднявшись из-за стола, сказал:

— Думаю, нам лучше прекратить этот разговор. Если ты действительно желаешь купить у нас рыбу, я пришлю Самюэля и вы с ним обговорите все детали...

Глава 7

Великодушно разрешив Адреалине пожить некоторое время у себя в доме, Изабел была вправе рассчитывать на некоторую благодарность девушки, но не тут-то было.

Адреалина в любой ситуации чувствовала себя совершенно непринужденно. Она и не думала хоть немного изменить манеру поведения и не собиралась быть тише воды, ниже травы.

С первого же часа своего внедрения в особняк она повела себя так, точно он был ее родным домом: отдавала приказания прислуге, ложилась спать, когда желала, и поднималась, когда хотела, а главное, полностью поработила Пессоа, относящегося с восторгом ко всем ее выходкам.

Доконало Изабел требование Адреалины немедленно принести ей апельсиновый сок, обращенное к прислуге, но как бы не услышанное Жанаиной, подыгрывающей своей хозяйке и не желавшей подчиниться девушке.

Адреалина ворвалась в гостиную и дерзко вмешалась в разговор, который Изабел вела по телефону с Фредом.

— Ну что, мамаша, — нагло обратилась к ней Адреалина, — дождусь я своего сока или нет?

— Иди в свою комнату, милая, — отмахнулась от нее Изабел, — твой сок наверняка ждет тебя там.

— Как же! — ответствовала Адреалина. — Да эта служанка пошла, наверное, только апельсины сажать для него! Уже час дожидаюсь, и все напрасно.

Тут уж Изабел взорвалась. Прикрыв ладонью трубку, она завопила:

— А ну проваливай отсюда! То ей сок подавай, то еще чего! Нечего из меня дуру делать, выметайся отсюда ко всем чертям!

— Ну и ну! — удивилась Адреалина. — Точно с цепи сорвалась! — и, пожав плечами, отправилась по адресу, указанному ей сеньорой, то есть ко всем чертям.

Когда явился Пессоа, он застал только один беспорядок в комнате, где недавно проживала его подружка, и, осведомившись о ней у Жанаины, получил ответ, что сеньора Изабел выставила девушку из дома.

Пессоа ворвался к матери в ту минуту, когда она продолжала упоительную беседу с Фредом, но уже с глазу на глаз. Изабел рассказывала ему скандальную историю любви Летисии Веласкес с рыбаком, которая,

как выяснилось, имеет продолжение, но Пессоа не дал ей возможности продолжать.

— Чудесно, сеньор журналист, — обратился он к Фреду, как только мать представила их друг другу — сделайте мне одолжение: напишите в своей газете о том, как сеньора Изабел выставила из дома несчастную, одинокую девушку, — это она-то, которая всегда хвалилась своей добротой и состраданием к людям! Так и напишите! А я пошел за Адреалиной!..

— Ну надо же! — вслед ему несколько растерянно произнесла Изабел. — Он такой непосредственный. Просто обожаю эту молодежь! Обожаю?.. Так ты напишешь в своей газете о рыбаке и Летисии?.. Это же будет гвоздь сезона! Это сенсация!

— Да, дорогая, — произнес Фред. — Возможно. Но сегодня мне хочется написать другую, оч-чень интересную историю... Читай субботнее приложение и все узнаешь!..

* * *

Оставшись наедине с Асусеной, Витор принялся обхаживать девушку сообразно всем уже испытанным им в жизни рецептам.

Он говорил ей самые изощренные комплименты, которые легко сходили с его языка в минуту любовного вдохновения.

...Асусена плавает в воде, как рыбка, золотистая рыбка. У нее необыкновенно красивая, светящаяся кожа. И губы, как лепестки роз, — произнося эту банальность, он невольно поморщился... В глазах Асусены заключена вековечная тайна женщины, которую можно сравнить лишь с загадкой Вселенной. Асусена слегка улыбнулась, ей был приятен масштаб, в пределах которого с языка Витора полетели сравнения.

...Волосы у нее мягкие, как волна, как морская пена, а в глубине зрачков плавают звезды, каждая величиной с крупный алмаз

Звезды — это было замечательно, но Асусену начало беспокоить долгое отсутствие Аманды, и она пролепетала, что ей пора домой, и отправилась переодеваться... Не успела Асусена снять с себя бикини и натянуть сарафан, как Витор проскользнул в комнату Аманды, где она переодевалась, и набросился на нее с поцелуями. Испуганная девушка стала вырываться из его объятий, и в эту восхитительную для Витора минуту, когда он уговаривал Асусену не бояться и довериться ему, дверь в комнату открылась и на пороге показалась мать.

Летисия набросилась на Витора с упреками и требованиями

объяснить, почему эта девушка, почти ребенок, плачет? Витор угрюмо отвечал, что ничем не обидел этого ребенка, он только поцеловал ее разок, а она испугалась. Это подруга Аманды, она живет в поселке, и он сейчас намерен отвезти ее домой.

...Предвкушая неприятное объяснение с матерью по возвращении, Витор посадил все еще ронявшую слезы Асусену в машину и помчал ее в направлении поселка, продолжая ласково ее увещевать. Но посреди пути дорогу им преградила знакомая фигура... Витор затормозил, и Кассиану тут же набросился на него с кулаками. Асусена вцепилась в брата, крича, что Витор ничего дурного ей не сделал, и тогда Кассиану переключился на нее, отпустив Витора, который немедленно уехал.

— Ты сказала, что идешь на день рождения к Питанге! — кричал он. — Ты нас всех обманула!

— Но, Кассиану, он правда мне ничего плохого не сделал! Умоляю тебя, не выдавай меня маме и отцу... А я больше никогда не буду встречаться с Витором!

Произнося эти слова, Асусена была совершенно искренна. Витор так напугал ее своими поцелуями, что в эту минуту она действительно думала: никто на свете не заставит ее снова увидеться с ним. Ей и в голову не приходило, как мало она теперь может полагаться на свое собственное сердце, в которое проник сладкий яд любви...

* * *

Дома Витора ожидала предвиденная им нахлобучка от матери. К тому же он вернулся с синяком под глазом, который успел поставить ему Кассиану, и выволочка приняла поистине угрожающие размеры. Летисия была вне себя от возмущения, и ее не могла удержать даже вернувшаяся из «химчистки» Аманда, тут же вставшая на сторону брата.

— Не стоит, Аманда, — отверг защиту сестры Витор. — Если сеньора Летисия вбила себе в голову, что священные покои нашей семьи осквернены прелюбодеянием, тут ничего не сделаешь!

— Смени этот тон, Витор, — все больше заводилась Летисия, — я требую, чтобы ты отнесся к нашему разговору серьезно.

— А я и говорю серьезно, — отвечал Витор, — на хорошем литературном языке... Я ничего плохого не сделал Асусене, а ее брат набросился на меня как зверь. Асусену держат дома взаперти, как благородную девицу...

— Значит, она из хорошей, порядочной семьи, — подхватила Летисия, — и ее спасло то, что я вовремя пришла!

— Что за глупости ты говоришь! — воскликнула Аманда. — Что, по-твоему, Витор собирался ей сделать?

— Молчи! — топнула ногой Летисия. — Ты тоже виновата! Ты помогла брату заманить девушку в наш дом! Мне стыдно за вас обоих. Мне стыдно перед этой порядочной девушкой!

Тут Витор дал волю своему красноречию. Честное слово, это все в высшей степени странно! Сперва донна Летисия запретила им с сестрой ходить к рыбакам, мотивируя это тем, что они — люди из другого круга, и вдруг они превратились в порядочных, достойных людей, что наводит на мысль: общение с рыбаками для Веласкесов не так уж и пагубно. Что-то тут не так. Что-то за этим кроется...

Летисия прервала этот тягостный разговор, заявив, что она намерена обо всем рассказать Гаспару. Витор расхохотался и заявил, что у дедушки, по крайней мере, он рассчитывает найти понимание. Дедушка никогда не был ханжой, как некоторые. На этой не слишком радостной для всех присутствующих ноте разговор окончился.

* * *

В это самое время Асусена исповедовалась перед Далилой.

Она теперь горько раскаивалась в том, что согласилась принять приглашение брата и сестры Веласкесов. Это была самая большая глупость в ее жизни. Витор приехал из Рио-де-Жанейро, он, наверное, думает, что так и нужно обращаться с девушками... Но, может, она и сама в чем-то виновата, сама подала повод к такому его безрассудному поведению?..

— Ну вот еще! — воскликнула Далила. — Уж не собираешься ли ты его защищать?

— Да нет, конечно, нет! — не слишком уверенно возразила Асусена. — Я только думаю, что, может, все преувеличиваю? Надо было просто вести себя иначе...

Далила всплеснула руками. Теперь она уже ничего не понимает. Значит, Витор — ангел во плоти, которого ее подруга пыталась соблазнить. Нет, неспроста ей теперь хочется взять вину на себя, нет, неспроста!

— Ты права, Далила, — сраженная ее уверенным тоном, пролепетала Асусена, — это было ужасно... Нет, я больше и слышать не желаю о Виторе. Я и думать не буду о нем, как обещала Кассиану.

— Тебе повезло, — несколько смягчившись, заметила Далила, — что твой брат согласился ничего не рассказывать твоим родителям... Этот парень не для тебя.

— Да, — вздохнула Асусена.

— И тебе надо Бога молить, чтобы появился кто-то другой, кто бы любил тебя, хотел бы на тебе жениться, и чтобы это была настоящая любовь.

— Да, — покорно молвила Асусена. — Но ты думаешь, что такой человек существует?..

— Конечно! — воскликнула Далила. — Конечно, существует! Он обязательно появится, и он будет достоин твоей любви...

* * *

В баре у Мануэлы Франшику обычно назначал встречу своей команде: оттуда они все, во главе с «бомбардиром» Франсуа направлялись на футбольное поле тренироваться.

Но Франшику являлся намного раньше часа назначенной встречи и, заказав себе пиво, усаживался на веранде и подолгу смотрел на верфь, точно силился что-то вспомнить. Обычное оживление в эти минуты покидало Франшику. Если бы Франсуа в это время смог увидеть своего приятеля, он, безусловно, был бы поражен его сосредоточенным и даже скорбным видом, точно эта верфь наводила его на какие то грустные воспоминания. Иногда у него даже появлялись слезы на глазах. Как-то раз Питанга, протиравшая столы, заметила это.

— Ты плакал?

Франшику вздрогнул, отвернулся.

— Франшику плакал? Боже праведный! Да ты просто меня не знаешь, маленькая принцесса!

Подошла Мануэла и предложила Франшику жареных креветок и рыбы.

— О нет, я не хочу ничего морского! — скривившись, точно ему предложили змею, сказал Франшику.

— Да ведь у меня бар на берегу моря, — возразила Мануэла.

— Хорошо, хорошо, просто я не ем ничего, что дает человеку море, — объяснил Франшику.

— Странно, — присматриваясь к нему, произнесла Мануэла. — А вообще — что тебе нужно в Форталезе?..

Франшику открыл было рот, чтобы, по обыкновению, отшутиться, но

появление старика Бом Кливера лишило его необходимости что-то объяснять.

Старик вылез на «палубу», то есть на веранду, в своей длинной рубаше и с подозрной трубой в руках, при виде которой Франшику вдруг изменился в лице... Приставив трубу к глазу, Бом Кливер завопил:

— Поднять бом-кливер! Всем на правый борт! Ветер с левого борта! Подтянуть канаты!

— Что это с ним? — спросил Франшику, не сводя глаз с подозрной трубы, имевшей весьма древний вид.

— Отец иногда бывает очень странный, — туманно объяснила Мануэла.

— Человек за бортом! — продолжал надрываться Кливер. — Шлюпки на воду!

Тут его взгляд упал на Франшику, уставившегося на подозрную трубу. Бом Кливер несколько секунд смотрел на него, потом, точно охваченный неясными ему подозрениями, спрятал трубу за пазуху.

Франшику приблизился к нему и спросил:

— Зачем вы спрятали трубу? Позвольте мне на нее взглянуть!

Некоторое время они пристально смотрели друг другу в глаза, но вот Бом Кливер, как бы очнувшись, попытался уйти в комнату. Франшику удержал его за рукав.

— Спокойно! Я только хотел взглянуть на подозрную трубу! Где вы ее откопали?

Видно было, что этот вопрос привел старика в замешательство, которое он попытался скрыть... Бом Кливер снова обратил полубезумное лицо к морю и заголосил!

— Шлюпки на воду! Человек за бортом!

* * *

Пессоа разыскал Адреалину возле старых лодок на берегу залива.

Увидев его, Адреалина прищурилась.

— Твоя мамочка, это ангельское создание, выперла меня из дома, — сообщила она Пессоа.

Но тот торжественным голосом, как гонец, присланный с помилованием к приговоренному к казни, уже положившему голову на плаху, ответил:

— Моя мамочка, это дивное, смиренное создание, осознала свою

ошибку после небольшой моей с ней беседы и разрешила тебе пожить у нас столько, сколько тебе заблагорассудится!

— Ни за что на свете, — ответствовала Адреалина, — даже за бесплатную поездку в Непал и за обучение трансцендентальной медитации я не соглашусь вернуться к вам!

— Но Адреалина, — вкрадчиво сказал Пессоа, — подумай... как чудесно жить дома, в семье...

— В семье! — с видом крайнего испуга возразила Адреалина. — Семья — это прививка, которую делают в детстве, но след от нее остается на всю жизнь. Нет, Пессоа, нет! Ни за какие блага на свете!..

Пессоа с решительным видом стащил с себя футболку и, постелив ее возле лодок, растянулся на песке рядом с Адреалиной.

— Хорошо! Тогда я остаюсь с тобой навеки! Из этих лодок мы соорудим себе дом и будем жить, как два Робинзона.

— Только не говори, что я должна буду тебя кормить, — недоверчиво покосившись на него, проговорила Адреалина.

* * *

Гаспар Веласкес обожал своего внука, хотя Витор испортил ему немало крови своими проделками. Он всегда держал сторону Витора в его объяснениях с матерью. Но когда Летисия рассказала ему, что Витор пытался в его собственном, Гаспара, доме, соблазнить юную девушку, Гаспар принял это сообщение близко к сердцу.

Он всегда считал, что цинизм Витора — напускной, что он лишь крайняя форма некоего юношеского максимализма. Но в последнее время Гаспару стало казаться, что маска Витора все больше срывается с его кожей, и это становилось опасным.

Обычно дед и внук находили общий язык, но сейчас, заговорив с Витором о его последней выходке, Гаспар почувствовал, что натолкнулся на невидимую стену.

— В чем дело? — изобразил непонимание Витор, когда дед заговорил с ним о девушке. — Стоит ли поднимать шум из-за пары поцелуев!

— Послушай, — проговорил Гаспар, — я всегда по отношению к тебе проявлял терпимость и теперь жалею об этом. Дело не в поцелуях, а в том, что ты начинаешь проявлять все больше и больше безответственности. Видимо, тебе нужны ежовые рукавицы.

— Это ты говоришь мне о безответственности? — изумленно спросил

Витор. — Ты, который только и озабочен тем, как бы повеселее провести время?!

Гаспар вспыхнул. Он заявил, что внук не имеет права сравнивать его с собой. В возрасте Витора он не бездельничал, а продавал сладости на трамвайной остановке. Ему пришлось делать уроки при свете уличного фонаря, потому что у него не было денег на свечку. Он все время пытался обмануть чувство голода, которое терзало его. Витор и понятия не имеет о том, как жилось его деду в молодости.

Витор, зевая, выслушал всю эту тираду.

— Ив конце концов, ты обязан уважать мой дом, — уверенно заключил дед.

— Твой дом, — повторил Витор и поднял палец. — Твой дом, хорошо сказано! Донна Летисия здорово промыла тебе мозги!.. А я не намерен это терпеть. Не допущу, чтобы со мной обращались как с ребенком. Ты меня понял?..

И, не обращая больше внимания на деда, Витор отправился собирать чемоданы...

* * *

Оливия чувствовала, что в последнее время душевный покой и равновесие покинули ее, и сама не могла понять, в чем тут дело.

Она привыкла с уважением относиться к своему жениху и не могла упрекнуть его в бесчестном поведении по отношению к ней, по крайней мере, предъявить Дави какие-то серьезные обвинения, но то, что он изо всех сил пытается сдружить ее с Витором, смущало Оливию. Это походило на сводничество. Витор с какой-то неведомой ей целью норовил втереться к ней в доверие, но в его манерах было что-то оскорбительное, что не позволяло думать о том, что он жаждет с ней только дружеских отношений.

Но Дави как будто не замечал этого. Он старательно не замечал, что Оливии неприятны их совместные с Витором посещения ресторанов, что Витор то и дело обращается к ней с какими-то двусмысленными намеками. Оливия старалась не допускать и мысли о том, что Дави использует ее в целях своей карьеры, но поведение жениха все больше настораживало ее.

Бонфиню, который попытался разговорить свою слишком сдержанную, не склонную к душевным излияниям дочь, она сказала, что, по ее мнению, у нее с Дави ничего не получится. И вместе с тем она не знает, каким образом расторгнуть помолвку. Ведь она не уверена, что

любит Дави. Возможно, это только привычка. Более того, у нее нет уверенности, что и Дави любит ее. Временами он прислушивается к ней, помогает, когда бывает трудно в больнице... Ведь это он, Дави, повлиял на доктора Гаспара, чтобы тот приобрел для больницы рентгеновский аппарат. И вообще у него много хороших черт... Но после того как он связался с Витором... У него слабый характер, и ей кажется, что Витор плохо влияет на Дави.

— Не забывай, что твой жених из простой семьи, — напомнил Оливии отец. — Он быстро взлетел вверх по служебной лестнице... Он много работал... И конечно, ему хочется угодить Гаспару, потому он и нянчится с Витором... Дело не в нем, а в тебе. Ты должна определиться в своем к нему отношении. Любишь ли ты Дави?

— Не знаю, способна ли я испытывать такие чувства, — уклончиво ответила Оливия. — Мне кажется, я слишком люблю свою работу и она поглощает все мои душевные силы.

— Знаешь, что мне иногда кажется? — подумав, сказал Бонфинь. — Что ты встречаешься с Дави только потому, что боишься влюбиться по-настоящему. Ты им как будто заслоняешься от жизни. И сердись на него оттого, что он не слишком хорошая защита. Ну как тебе мой диагноз?..

— Не знаю, папа, — задумчиво произнесла Оливия. — Но я подумаю над твоими словами.

* * *

Когда Плинию сообщил Летисии, что ее сын поехал в аэропорт, чтобы улететь в Рио-де-Жанейро, она бросилась к Гаспару, умоляя его отправиться следом за Витором и привезти его обратно.

— Я не поеду за Витором, Летисия, — отрезал Гаспар.

— Но почему, папа? — воскликнула Летисия. — Он будет один-одинешенек в Рио! Ты представляешь, что он там может натворить?!

Гаспар представлял. Он уже знал, что происходит, если Витору предоставить полную свободу. И тем не менее он стоял на своем:

— Пусть учится жить собственной головой. Пускай понаставит себе шишек, тогда поймет, что его личные интересы — не самое главное в жизни. Ты слишком его опекаешь. Может, именно это и испортило моего внука.

— Ему плохо, папа, — чуть не плакала Летисия. — Он чувствует себя заброшенным!

— С крупнейшим счетом в банке и с одной из лучших кредитных карточек в мире никто не чувствует себя заброшенным, — изрек Гаспар. — А я не позволю Витору вносить раскол в нашу семью, ему это прежде всегда хорошо удавалось. Прошу тебя, будь сильной, иначе твой сын не станет настоящим человеком...

* * *

...В то время, когда происходил этот разговор, Витор уже поднимался по трапу в самолет.

Он шел сгорбившись, неуверенно, точно каждая ступенька давалась ему с колоссальным трудом, а чемоданы в руках были неподъемными.

Перед тем как войти в самолет, он оглянулся, и лицо его выразило растерянность. Он снова обвел глазами летное поле, как будто рассчитывал, что в самую последнюю минуту появятся мать или дед и остановят его. Но на летном поле никого, кроме пассажиров, спешащих на другой лайнер, не было.

Тяжело вздохнув, Витор отдал свой билет улыбающейся стюардессе и вошел в самолет.

Глава 8

После встречи с Летисией, когда между ними не получилось никакого делового разговора, Рамиру дал задание Самюэлю довершить начатое им дело и обговорить с сеньорой вице-президентом фирмы все детали предстоящего договора.

На лице Летисии, когда она увидела перед собой не Рамиру, а Самюэля, отразилось разочарование, что подтвердило худшие предположения Самюэля — эта дама не оставит в покое его друга. Овладев собой, Летисия направила Самюэля к Дави, присовокупив, что с ним можно обговорить все условия договора и уточнить детали. По правде говоря, на сына Самюэль не слишком рассчитывал.

Он знал, что Дави — истинный патриот фирмы и он не захочет вести беседу о как бы еще несуществующей материи — о рыбе, которая плавает в море. Тем не менее он направился в кабинет Дави, испытывая при этом смешанное чувство гордости и печали. Гордость Самюэль испытывал при мысли о том, что его сын сумел выбиться в люди, а печаль — оттого, что он все дальше и дальше отходит от своей истинной семьи рыбаков.

Как он и ожидал, Дави сразу же поинтересовался, есть ли у рыбаков план. О каком, собственно, количестве рыбы идет речь? Компания может принять на себя обязательства на покупку такого количества, которое не будет превышать заказов ее клиентов.

Насколько трудно было Рамиру иметь дело с Летисией, настолько сложным оказалось Самюэлю разговаривать с собственным сыном.

Он напомнил Дави о том, что обычно, когда рыбаки выходят в море, они и понятия не имеют, каким будет улов. Дави возразил, что в таком случае невозможно будет определить цену, и поинтересовался, каких именно даров рыбаки ожидают от моря — креветок, лангустов или рыбы. Самюэль не мог ответить и на этот вопрос.

— Хорошо, а время? — любопытно спросил Дави. — Вы могли бы, по крайней мере, обозначить дату возвращения?

— Нет, — честно ответил Самюэль. — Мы давно в этих водах не ловили рыбу и не знаем, когда вернемся.

— Сожалею, — ответил Дави, — но тогда мы не сможем договориться о цене.

— Но, может быть, сынок, можно договориться о приблизительной цене? — смущенно спросил Самюэль.

— Риск для фирмы слишком велик, — отклонил и это предложение Дави и после тягостной паузы спросил: — Выпьешь со мной кофе?

Самюэль улыбкой показал, что он понимает положение сына и не сердится на него.

— Нет, спасибо. Пора возвращаться.

— Скажи маме, что я на днях навешу ее, — проговорил Дави, приподнимаясь из-за стола, — и передай привет Далиле.

Это Самюэль мог пообещать, после чего отец с сыном распрощались.

* * *

Накануне ухода рыбаков в море Кассиану жестоко разругался с Далилой.

Поводом к ссоре послужило приглашение Аманды и Витора посетить их дом, правда не принятое Далилой в последнюю минуту, но одно то, что его невеста держала в мыслях поплавать в бассейне Веласкесов за его, Кассиану, спиной, приводило юношу в неистовство.

Но Далила, когда на нее обрушился град упреков, не растерялась. Она привыкла встречать в штыки различные обвинения жениха и знала, что ему уступать нельзя, иначе он полностью подомнет ее под себя. Она встречала упреки Кассиану с ухмылкой, выводившей его из себя. Далила была благоразумной девушкой и хорошо владела собой.

— Если бы донна Эстер тебя отпустила, ты бы точно помчалась в Форталезу и слова бы мне не сказала! — ярился Кассиану. — Плавала бы там голая в бассейне перед всеми! Ты думаешь, я болван?

Тут Далила с наслаждением кивнула. Да, она именно так и думает. Болван, упрямый осел! Безмозглая голова! Идиот! И тупица в придачу!

— Эй, ты так со мной разговариваешь? — тоном, не предвещающим ничего доброго, спросил Кассиану.

Но Далилу его тон не волновал.

— Это ты как со мной разговариваешь! — парировала она. — Каким тоном? Что ты себе позволяешь, осел?

...Это и были прощальные слова Далилы, которые ее жених был вынужден взять с собой в море.

* * *

Знакомство Адреалины с Франшику началось с жестокой ссоры.

Дело в том, что девушка разбила свою палатку прямо в центре того места, куда игроки перенесли свои тренировки.

Франшику потребовал убрать палатку и, получив категорический отказ, распорядился, чтобы игроки перенесли ее вместе с бешено сопротивляющейся девушкой, что и было выполнено, к вящему неудовольствию Адреалины.

Игроки были исполнены вдохновения. Дело в том, что накануне тренировки их посетил сам доктор Гаспар и обратился к ним с напутственным словом, которое заключало приятное обещание вручить каждому в случае победы по двести долларов, а если им удастся забить пять мячей и более, — четыреста. Это известие настолько подогрело энтузиазм команды, что она дружно перенесла на своих плечах палатку вместе с девушкой и тут же принялась гонять мяч.

Адреалина сперва рассердилась, но потом заинтересовалась игрой и даже помогла соорудить Франшику импровизированные ворота из палок, а потом принялась третировать Франсуа, который, по ее мнению, стоял в воротах как столб.

— Она права, — поддержал девушку Франшику, — если ты не будешь двигаться, то окажешься в офсайде!

И тут же переключился на Адреалину, уговаривая ее принять участие в матче. Девушки тоже играют в футбол. Почему бы ей не попробовать? Можно неплохо заработать.

В разгар этого интересного разговора появился Пессоа с приятным сообщением: его мать во что бы то ни стало требует, чтобы Адреалина перебралась жить в их дом. Это настойчивое приглашение имело свое объяснение. Дело в том, что, развернув субботнее приложение к газете, в которой работал репортер Фред, друг Изабел, она прочитала следующее:

«Тяжело сознавать, что все это высшее общество, которое только и делает, что выступает в защиту бедняков, рассуждает о доброте и сострадании, устраивает благотворительные концерты, на самом деле палец о палец не ударяет, чтобы выполнить хоть одно из своих обещаний. Автор своими глазами видел, как это самое общество выгнало из своего дома бедную девочку...»

— Бедная девочка — это я? — осведомилась Адреалина, когда Пессоа передал ей содержание статьи Фреда.

— Похоже на то, — буркнул Пессоа, — и теперь мама желает исправить свою ошибку... Ты ей поможешь в этом, дорогая?..

Встреча футбольной команды Гаспара Веласкеса «Вихрь Сеари» с командой Франшику «Молниеносный легион» проходила при большом стечении зрителей и должна была широко освещаться в прессе.

Летисия, полная тревоги об улетевшем в Рио-де-Жанейро сыне, сперва отказалась присутствовать при этом знаменательном событии, но Гаспар настоял на своем. В этой игре Летисии отводилась, по его замыслу, небольшая, но важная роль — она должна была сделать первый удар по мячу, а по окончании матча наградить серебряным кубком команду-победительницу.

Увидев Летисию на поле, Франсуа ощутил прилив сил, какого не испытывал уже давно. Подпрыгивая на месте, чтобы размяться перед игрой, Франсуа вполуха слушал вступительное слово Гаспара Веласкеса:

— Прошу минуту внимания... Я давно понял, что ничто так не способствует успеху в бизнесе, как товарищеская встреча по футболу. Бизнес — такая же серьезная игра, как и футбол... А сейчас я хочу пригласить свою дочь, нового вице-президента фирмы, чтобы она сделала первый удар по мячу.

Летисия ударила мяч ногой, и игра началась. Аманда не отрывала восхищенного взгляда от Франсуа. Она сразу узнала в нем того мужчину, которого пару недель назад они видели с Питангой. Он тогда произвел на нее огромное впечатление, но сейчас оно усилилось благодаря поистине львиному поведению Франсуа на поле... Вокруг нее кричали: «В центр! Давай в центр! Обходи его справа! Пенальти! Судья, пенальти!» — а она ничего не слышала, погруженная в хаос своих переживаний... Когда игра была окончена и команда-победительница «Молниеносный легион» выстроилась для получения награды, Аманда выхватила из рук матери кубок, чтобы самой вручить его Франсуа. Раздались аплодисменты, приветственные крики... Гаспар пригласил присутствующих в открытый павильон на фуршет. Аманда не отходила от Франсуа. Она уговорила его сфотографироваться вместе. Франсуа искал глазами Летисию, но она после окончания матча исчезла. Тогда он уступил настояниям Аманды, и Фред Ассунсон сделал снимок. После этого Аманда потащила Франсуа к деду, который сказал, что не прочь заключить с ним контракт — ему понравилось, как Франсуа передвигается по полю, и он хочет, чтобы тот стал игроком в его команде.

— Контракт? — усмехнулся Франсуа. — Но я не профессиональный

футболист. Я — архитектор.

— Франсуа, — тут же вмешалась Аманда, — оставим эти разговоры на потом. Приезжай к нам завтра, пообедаем вместе, а после мы выслушаем твои аргументы.

Гаспар горячо поддержал внучку и заявил, что и его дочь Летисия будет в восторге. Они обедают в тесном кругу, вчетвером. Услышав имя Летисии, Франсуа немедленно выразил полное согласие отобедать в особняке Веласкесов.

* * *

Перед уходом в море Рамиру внимательно осмотрел судно и лодки. Как будто бы все было в порядке. Рыбаки очень надеялись получить немного денег вперед, но, когда Рамиру сообщил им, что Самюэлю не удалось подписать уже обещанный им фирмой договор, они не слишком расстроились: так было всегда, то есть деньги шли после рыбы. Жаль только, что вся эта возня с предварительной продажей улова задержала их на берегу.

После общего собрания Самюэль подошел к Рамиру и сказал:

— Да, это была глупая идея! Они правы, мы только потеряли время...

— Нет, — возразил Рамиру, — идея была что надо. Голова у нас с тобой работает прилично, Самюэль, а вот сердце подводит... Ты не смог договориться со своим сыном, а я — с Летисией... Но море нас не подведет. У нас будет такой улов, что они заплатят нам столько, сколько мы попросим. Хочешь поспорить?

Самюэль покачал головой.

— Нет, Рамиру, — проговорил он. — Спорить я не буду. Я хочу только быть в этом так же уверен, как и ты...

* * *

После того как мужчины ушли в море, Серена приняла решение, которое любому не знавшему ее человеку могло показаться истинным безумием, бабской выходкой, — продолжить переговоры Рамиру, не увенчавшиеся успехом. Серена была человеком прямым и деятельным и не могла сидеть сложа руки, вот потому она, прихватив с собой Эстер, явилась в приемную Летисии и попросила секретаршу доложить о себе. Сузана

ответила, что сеньора Летисия сейчас занята, она пытается дозвониться до своего сына Витора, улетевшего в Рио, но Серена настаивала, и секретарша отправилась с докладом.

— Меня сейчас удар хватит, — сказала заробевшая Эстер, — сердце готово выскочить из груди...

— Оставь удар до дома, — спокойно ответила Серена, — мы здесь, чтобы помочь нашим мужьям. Это наш долг.

Вернулась Сузана и сказала, что сеньора Веласкес готова принять обеих женщин.

Серена и Эстер вошли в кабинет.

Летисия предложила им сесть. В течение нескольких секунд Серена и Летисия рассматривали друг друга, наконец Серена начала разговор:

— Я жена Рамиру Соареса, вы, наверное, поняли. Мой муж пытался договориться с вами о продаже рыбы. Но кое-что осталось нерешенным. Вы сказали, что передали сделку кому-то другому...

— Да, я говорила с Давидом, сыном донны Эстер, — кивнув в сторону Эстер, произнесла Летисия.

— Мне кажется, это неправильно, — продолжала Серена, — Рамиру был у вас, вам надо было иметь дело с ним... Летисия, я знаю все, что произошло между вами и Рамиру, но это все в прошлом. Рамиру — честный человек, и у вас нет причин избегать его...

Пораженная прямоотой Серены, Летисия проговорила:

— Это он меня избегает. Это он вместо себя прислал другого человека. Но я не собираюсь отказываться от своего решения. Могу вас заверить, что сдержу свое слово. Наш договор с Рамиру остается в силе. Фирма купит весь улов. Надеюсь, мне удалось развеять ваши сомнения?

Серена в знак согласия наклонила голову, а Эстер пробормотала:

— Да-да, конечно, донна Летисия. Извините нас за беспокойство. Всего хорошего.

...Вернувшись домой, Серена попыталась разобраться в своих чувствах. Казалось бы, разговор прошел удачно, так, как она хотела. Она не уронила своего достоинства перед этой сеньорой. Но что-то не давало ей покоя... Да, Летисия, безусловно, хороша собой. И есть в ней что-то большее, чем просто красота. Какая-то тайна, загадка, делающая женщин необыкновенно привлекательными...

— Мама, куда вы ездили с донной Эстер? — прервала ее размышления Асусена. — Почему столько таинственности?

— Я ходила к той аристократке, что скупила нашу рыбу, — объяснила Серена.

— Ты была в доме Витора? — изумилась Асусена. — Ты его видела? Серена потрепала дочь по щеке.

— Его я не видела. Возьми себя в руки и не горюй — он уехал в Рио-де-Жанейро. Выкинь его из головы, Асусена...

— Уехал, — задумчиво проговорила дочь. — Неужели я больше никогда его не увижу?..

* * *

«Непредсказуемость поступков свойственна богачам, — вертелись на языке Фреда слова его будущего репортажа, когда Изабел ввела в гостиную упирающуюся Адреалину, для того чтобы Фред запечатлел их вместе своей камерой, — ибо она гарантирована их доходами...»

Но Адреалина категорически отказалась фотографироваться. Она заявила, что терпеть не может шумихи вокруг своей персоны. И вообще, она, Адреалина, на всякий случай разобьет свою палатку в саду поближе к выходу. С этими словами Адреалина, величественно кивнув Фреду, вышла, а обескураженная Изабел сочла нужным произнести:

— Она — чудо. Ты не находишь? Эта дерзость, эта наглость, этот задранный кверху носик! Такая молодая! Я обожаю молодых! Ведь это та самая молодежь, которой мы обязаны помогать, правда, дорогой?

Фред поспешил согласиться с этим ее мнением.

— У тебя может получиться неплохая статейка, — вкрадчивым тоном продолжала Изабел. — «Раскаявшаяся светская дама возвращает в свой дом одинокую девочку». Каково?

— Неплохо, — милостиво согласился Фред, — но прежде я хотел бы посмотреть, как долго ты вытерпишь у себя эту лохматую хиппи... Она правда разобьет свою палатку в твоём доме?

— Пока она сделала это в саду, — призналась Изабел.

— Чудесно! Можно взглянуть на ее обитель? Я бы хотел перекинуться с ней парой слов...

...Адреалина встретила Фреда в штыки. Она не собирается никого снабжать информацией о своей жизни. Она не хочет, чтобы о ней писали всякие глупости. Популярность ей ни к чему.

— Но я просто хочу понять, как ты оказалась на улице, — объяснил Фред. — Ты сбежала из дома? Разругалась с родителями?

Адреалина скривилась:

— У меня нет того, о чем вы говорите. Я сбежала из детского дома.

— Классическая история сироты, неприкаянно шатающейся по лицу земли, — иронически прокомментировал ее слова Фред.

— Которая спит на улице под дождем, ест отбросы, видит жалостливые взгляды, — невозмутимо продолжала Адреалина. — Мне во всем отказывают, — всхлипнула она. — Даже в корке хлеба. Даже в клочке земли, где бы я могла поставить свою палатку.

Но Фред не слишком поддавался жалости:

— Не надо, дорогая. Ты не единственная, кто вырос на улице. Эта проблема существует не только у нас, в Бразилии, но и во всех странах мира.

— Да, я знаю, — совершенно другим тоном отозвалась Адреалина, — бездомные. По-английски их называют homeless?

Пораженный ее словами, Фред пристально посмотрел на девушку. Ее познания в области иностранного языка как-то не вязались с образом сироты.

— А по-французски sans-logis, — спокойно продолжала Адреалина.

— Откуда тебе это известно? — заинтересовался Фред.

Адреалина махнула рукой:

— Неважно. Читала в газетах. Если я не буду читать газет, то как мне узнать про жизнь моего класса? Про homeless и sans-logis? Но вы извините, мы что-то заболтались... Я пойду к Пессоа, хорошо, Фред?

Фред удержал ее за руку:

— Нет! Тебе так просто не отделаться от меня, девочка! Я хочу знать о твоей жизни все, и я узнаю, чего бы мне это ни стоило... Вот тебе моя визитка. Если что, звони, договорились?

Адреалина недоверчиво повертела визитку в руках:

— О'кей. Если что — позвоню.

— И не обижайся на Изабел, — проговорил Фред. — Она несколько темпераментна и ни в чем не знает меры, но человек хороший.

Адреалина усмехнулась.

— Я сама разберусь, — ответила она. — И если что, обещаю держать вас в курсе...

Глава 9

Прошла неделя, другая. Витор не возвращался из Рио и не давал о себе знать. Он даже отключил телефон в доме в знак того, что не желает общаться с родными и прекрасно проживет без них. С каждым днем Летисией все больше овладевало беспокойство. Она плохая мать, потому что не сумела сберечь то, что принадлежит ей по праву, — любовь сына. Позволила Витору отдалиться от семьи, уехать. Не сделала ничего для того, чтобы наладить с ним отношения.

Вчерашняя встреча с Эстер и Сереной не выходила у нее из головы. Вот Серена — настоящая женщина, простая, цельная, живущая в реальном мире, а не в царстве грез, как она. Серена не постыдилась бы своих чувств, не постыдилась бы сказать своему сыну, как она его любит. А она молча наблюдала, как Витор становится чужим. Не последовала за ним в Рио и не вернула его домой.

Поэтому Серена и счастлива. Они с Рамиру — прекрасная пара, дружная. В то время как мечтательница Летисия, как семнадцатилетняя девчонка, пребывает в прошлом, не желая сознавать, что прошлое давно кануло в Лету. И Летисия решила встряхнуться, стать реалисткой и зажить настоящим, навести порядок в собственном семействе.

По-прежнему самым близким ее другом оставался отец. Ему она доверяла все свои тайные мысли. Гаспар сразу понял, какое страдание причинила дочери встреча с Сереной. Эта уверенная, крепко стоящая на земле женщина заставила Летисию почувствовать свою ущербность. Гаспар готов был на все, чтобы подарить своей несчастливой девочке хотя бы покой в семье.

— Хорошо, я сейчас же отправлюсь в Рио за нашим бунтарем! — весело сообщил он. — А тебе я вот что скажу, дорогая: будь оптимисткой, как я. Если ты больше не хочешь бороться за Рамиру Соареса, то забудь его, забудь навсегда! Оглянись вокруг — в жизни есть и другие мужчины.

Летисия украдкой взглянула на отца. Она догадывалась, какого мужчину Гаспар хотел бы видеть рядом с ней — Франсуа. Недаром он пригласил его завтра к обеду. Предлог, конечно, другой: Гаспар хотел заполучить такого гениального игрока в свою футбольную команду. Летисии этот гость был только в тягость. Отец уедет в Рио, и занимать Франсуа придется ей. Зато Аманда была счастлива. Она обещала деду пустить в ход все свое дьявольское обаяние и убедить Франсуа играть в их

команде. Впервые в жизни она взяла на себя хозяйственные заботы — обдумывала меню, выбирала посуду, замучила мать вопросами — что лучше подать на десерт.

Утром Летисия проводила отца в Рио и с нетерпением стала ждать звонка от него. По ее расчетам, они с Витором могли вернуться к вечеру, самое позднее — завтра.

* * *

Гаспар и не надеялся, что внук живет в Рио угрюмым анахоретом, читает романы и переживает в одиночестве свои обиды на родных. Но то, что он увидел, превзошло все его ожидания. Уже с порога его оглушила музыка. Дом был полон праздной, кутящей золотой молодежи. Гаспар прошел несколько комнат, прежде чем нашел Витора в обнимку с какой-то разбитной девицей. Повсюду танцевали, целовались, пили и веселились, как могли. Это была какая-то затянувшаяся на несколько дней вечеринка, выродившаяся в безобразный кутеж. Столы были уставлены грязной посудой и пустыми бутылками, а пол усеян окурками и черепками.

— Что здесь происходит? — в отчаянии схватился за голову Гаспар — его просторный тихий дом превратился в настоящий свинарник.

— Ничего не происходит. Это просто вечеринка. А что, похоже на молебен? — с невинным видом отвечал Витор. — Кстати, это я должен задавать вопросы, а не ты, дед. Что вы здесь делаете, сеньор Гаспар, в моем доме, на моей вечеринке без приглашения?

Гаспар укоризненно покачал головой: нет, внук не смягчился, он все так же непримирим. И едва ли тоскует по семье, как о том мечтает Летисия. А он-то надеялся, что они с Витором посидят гденибудь в тихом ресторанчике и по-мужски побеседуют. Раньше они легко находили общий язык. Витор продолжал паясничать. Гаспару показалось, что внуку хочется как можно больше уязвить его:

— Познакомьтесь, друзья, с моим знаменитым дедом, сеньором Веласкесом. Если бы не он, мы бы сейчас не пировали здесь. Аплодисменты моему дедуле, прошу!

Клоун, подумал Гаспар, недовольно морщась. У него не было никакого желания участвовать и дальше в этом представлении. Хорошо, что он не отпустил такси. На прощанье Гаспар бросил внуку:

— Завтра к восьми утра наш самолет будет готов. Жду тебя в аэропорту. Мама очень волнуется, Витор.

Но Витор не сказал на это ни «да», ни «нет». Лицо его оставалось непроницаемым. Гаспар не был уверен, что завтра встретит его у трапа. Расстроенный, он поехал куда глаза глядят. Гаспар и сам не был трезвенником и монахом. Любил дружеские попойки, мог отчаянно загулять на несколько дней. Но так называемая вечеринка у внука почему-то оставила у него тягостное впечатление. В ней не было обычного бесшабашного веселья. В этом мрачном пьянстве и загуле Витор хотел забыться. Но от чего? Что мучило мальчика,

Гаспар хотел бы это знать. Но Витор никогда не подпускал их с Летисией слишком близко к себе, к своим тайным мыслям.

Возвращаться домой Гаспару не хотелось. Он решил посидеть где-нибудь в баре на берегу, переночевать в гостинице, а утром снова взяться за Витора. Погрузившись в свои грустные мысли, он выпил рюмку, другую, третью, и густой туман окутал его голову. Певица на эстраде напевала что-то очень печальное. Гаспар совсем расслабился и забылся.

А когда очнулся от забытья, бармен настойчиво тряс его за плечо и требовал заплатить и убираться. Бар закрывался, публика почти разошлась. Гаспар стал искать свой кейс и шарить по карманам. Карманы оказались пустыми, кейс исчез. Впервые в жизни он оказался в таком отчаянном положении.

— Меня ограбили. Мошенники, ворюги! — громко возмутился Гаспар, когда хозяин и вышибала тащили его к выходу и бесцеремонно вытолкали вон. — Что вы делаете? Я прикажу закрыть вашу забегаловку!

Могущественный Гаспар Веласкес очутился ночью на пустынной улице без гроша в кармане: Ему только что надавали тумачков и выгнали из бара. Вот они, причуды судьбы. Последнее заблудившееся такси у него перехватила та самая певичка, которая растрогала его своей песенкой.

— Такси ждет меня, прошу прощения, приятель! — заявила она и распахнула дверцу.

Ну что ж, Гаспар смирился со своей участью. Он прикорнул у мусорного бака, съежился и приготовился кое-как пережить ночь и дожидаться утра. Но вдруг произошло непонятное: уже отъехавшее такси неожиданно дало задний ход, из него вышла певица из бара и склонилась над Гаспаром.

— Эй, парень, что с тобой? Поднимайся, я тебя подвезу.

В глазах женщины Гаспар прочел истинное сострадание. И хотя он не привык, чтобы его жалели, ему почему-то было приятно.

— Вы очень добры, сеньорита, и очень красивы, — не забыл он сделать незнакомке комплимент.

Она помогла ему подняться и усадила в такси. Гаспар не смог ответить ничего вразумительного на вопрос, куда его отвезти. Бормотал что-то о гостинице на берегу моря, об украденном бумажнике. В такси они познакомились. Эстела Маркес приехала несколько лет назад в Рио из маленького городка, где была школьной учительницей. Ее мечта стать большой певицей так и не сбылась. Но она продолжала отчаянно бороться — пела в маленьких барах, чуть ли не забегаловках, кое-как сводила концы с концами, только бы не возвращаться домой. Сонная жизнь родного городка, рутина учительских обязанностей пугали ее больше голода и неудач. Она бедствовала, зато занималась любимым делом, жила как хотела.

— Черт возьми, мне нравятся такие люди, как ты, Эстела! Я сам такой. Именно так — не плыть покорно по течению, а следовать своему призванию! — шумно одобрил ее Гаспар.

Ее новый приятель не показался Эстеле опустившимся забулдыгой. Скорее всего, фермер из окрестностей, вырвался на денек-другой из семейства и загулял. Правда, он любил приврать, но все мужчины такие. Плетут о себе невесть что. Все они миллионеры, у которых украли бумажник. У всех большой дом в Рио и личный самолет. Эстела снисходительно слушала Гаспара и даже кивала. В нем было что-то симпатичное и располагающее. Она предложила ему переночевать на кушетке у себя в прихожей. И владелец особняка в Рио с благодарностью принял предложение.

— Только разбуди меня завтра пораньше, Эстела! Мои летчики будут ждать на аэродроме ровно в восемь, — предупредил он.

— Непременно, дружок. Но не лучше ли тебе продать свой личный самолет, чтобы кое-что бренчало в кармане и было чем расплатиться за выпивку в баре, — не могла она удержаться от ехидного замечания.

Гаспар обиделся, но совсем немножко. Он пытался объяснить что-то о вечеринке внука, о дочери в Форталезе, которая с нетерпением ждет его звонка, а телефон украли вместе с кейсом. Но Эстела зевнула и строго, поучительски, прервала его:

— Ну, довольно сочинять, Гаспар. У меня завтра очень тяжелый день. Спокойной ночи!

Она выключила свет в своей крохотной квартирке и, едва донесла голову до подушки, забылась сном. Эстела много работала и не жаловалась на бессонницу. И Гаспар Веласкес задремал на жесткой кушетке в маленькой комнатке, похожей на кладовку. Но чувствовал он себя у Эстелы как дома, только немилосердно трещала голова.

Франсуа наотрез отказался взять с собой Франшику на обед к Веласкесам. А Франшику уже успел облачиться в лучшую бежевую рубашку своего друга. Правда, рубашка оказалась слишком широкой, но это незаметно, если заправить в брюки. Франсуа рубашку отобрал, и сам надел ее, а Франшику велел заняться делами: давно пора отвезти ящики на стройку. Какая неблагодарность! Разве не Франшику поднес ему на блюдечке Летисию Веласкес?

И вот, вместо того чтобы выйти в большой свет в модной бежевой рубашке, Франшику вместе с Плинию погрузили ящики в машину и отправились в такую жарницу на стройку. Им осталось всего ничего — одну дюну перемахнуть, но тут Франшику пришло в голову немного сократить путь, поехать не по дороге, а берегом. Плинию решительно возражал: это мощный «джип» может бегать по песку, а его легковушка тут же завязнет, да к тому же она еще с грузом.

— Пусти меня за руль, Плинию. Мы мигом долетим, — обещал Франшику. — Я участвовал в гонках на дюнах, знаю, как ездить по песку.

Вначале Франшику лихо тронулся с места. Машина недовольно урчала, но неслась по берегу, вздымая из-под колес тучи песка. Но вдруг она чихнула в последний раз и встала, колеса глубоко увязли в песке.

— Что я говорил, застряли! — завопил рассерженный Плинию. — Свинья эдакая! Я тебя сейчас самого башкой засуну в песок.

Франшику чуть-чуть приуныл, но долго унывать он просто не умел. Посоветовав Плинию не скучать, наслаждаться природой, он отправился за подмогой. По его расчетам, вон там, за ближайшим холмом, он найдет строителей, они и вытащат их колымагу. Но он уже час тащился по песку, изнывая от жары, и не наткнулся ни на одно живое существо. Франшику даже испугался, не заблудился ли он в этой пустыне, где можно повстречать настоящих индейцев. Неизвестно, чего ждать от дикарей, дружелюбны ли они?

Эти тревожные мысли одолевали Франшику, когда вдруг перед ним предстало чудесное видение: несколько молоденьких девушек купались в океане. Он спрятался в кустах и долго любовался ими. Одна из них просто пленила воображение Франшику. А воображение у него было богатое. Ему казалось, что эту девушку он уже видел во сне и в своих мечтах. Такую же беленькую, нежную, стройную.

Но девушки вскоре заметили странного незнакомца, глазающего на

них, и с визгом убежали. Франшику увидел вдалеке крыши пальмовых хижин. Мозги его, наверное, поплыли от жары, но он вдруг вообразил, что набрел на индейскую деревню. К нему робко приближалась толпа женщин в пестрых платьях с бусами из ракушек. За их спинами прятались девочки с пляжа. Индейцы! — мелькнуло в голове у Франшику. И он заговорил на языке, который, по его мнению, должен быть понятен индейцам:

— Моя хороший человек. Моя не хотеть плохо. Мир! Мир!

— Что это с ним, Серена? — удивленно спросила одна из женщин. — Может быть, это индеец?

— О святой Бернардину, благодарю тебя! Я знал, что ты меня не оставишь! — радостно вскричал Франшику. — Они говорят на моем языке, они не индейцы. А я так перепугался.

И Франшику поведал женщинам о своей горестной судьбе: их машина застряла в дюнах, он долго шел пешком в поисках человеческого жилья.

— Понимаете? Нам нужна помощь. Нужно вытащить машину из песка. Вот и все.

Через полчаса Плинию, умирающему от голода и жажды, привиделся мираж. Откуда ни возьмись на горизонте показалась машина, битком забитая женщинами. Просто чудеса! Она словно плыла в раскаленном воздухе, вся такая пестрая, разукрашенная, как рождественская елка. А в машине вместе с женщинами — этот бездельник и негодяй Франшику.

И вовсе это оказался не мираж. Из старенького «джипа» высыпали женщины, набросили трос на их увязшую легковушку и вмиг вытащили ее из песка.

— Давай, толкай ее, Эстер! Здорово! Пошла! — кричали они хором и совсем оглушили изумленного Плинию своими звонкими голосами, визгом и щебетом.

Он и опомниться не успел, как они с Франшику уже катили по дороге, а женщины весело махали им вслед. Нет, все-таки Франшику — великий человек, хоть и мошенник. А сам Франшику никогда еще не был так счастлив. Он уже не жалел, что не попал на обед. Зато судьба занесла его в эту деревеньку, куда он непременно вернется, только придумает повод.

Теперь он часто мечтал, оставшись один. Его красавица, принцесса со светлыми глазами, летела к нему с неба, раскинув руки, как крылья. А он ждал ее на берегу. Франшику еще никогда не был влюблен. Как знать, может быть, его одиночество останется в прошлом и у него появится семья. Девушка, которая ему только грезилась раньше, теперь воплотилась в плоть и кровь. И зовут ее Асусена.

Утром Эстела едва растолкала Гаспара, так сладко он спал. Очнувшись, он сразу же стал искать глазами свой кейс с сотовым телефоном. Надо же позвонить Летисии, она давно ждет, волнуется. Но тут он вспомнил, что его вчера обокрали, и горько заохал.

— Я думала, что ты, проспавшись, не будешь больше привирать, — посмеивалась над ним Эстела. — Иди прими холодный душ, завтрак уже готов.

Гаспар так жадно ел, что она припомнила времена, когда ей за день перепадала только булочка и чашечка кофе. Эстела жалела людей, попавших в беду, потому что сама хлебнула немало лиха. Бедняга признался, что не ел с самой Форталезы. Но от своих фантазий так и не отказался. Все время вспоминал дом в Рио, какую-то фирму и рыбный магазин в Форталезе.

— Ты настоящая фея, добрая фея! Что бы я без тебя делал? Но я отблагодарю тебя. Мы еще встретимся, — пообещал Гаспар после плотного завтрака.

В это время Эстела прикидывала, сколько она может дать ему денег на дорогу. Положение ее было незавидное: контракт в баре заканчивался, а новой работы она пока не нашла. Но надо же этому гуляке как-то добраться до дому. Когда она вложила ему в ладонь несколько мелких купюр, Гаспар даже покраснел. Какой стыд! Никогда еще ему не приходилось брать деньги от женщины. Он не может их принять.

— Возьми, Гаспар. Если такие бедняки, как мы, не будут помогать друг другу, то кто же нам поможет? — Эстела настояла на своем и положила деньги в карман его рубашки. — Возвращайся к дочери в Форталезу и смотри больше не пей!

Они простились как настоящие друзья. Гаспар вышел на улицу взволнованный и счастливый. Эта женщина словно согрела его теплом своей доброты. Немного таких людей посчастливилось встретить ему в жизни. В эту минуту он вдруг почувствовал, как он одинок, несмотря на то что у него есть дочь и внуки. Неужели его собственная жизнь закончилась и впереди ждет только пустая, безрадостная старость? Все чаще он стал задумываться о том, как нужен ему близкий человек — женщина, подруга, жена, с которой он проведет остаток жизни в любви и согласии.

Гаспар поймал такси и поспешил домой за внуком. По дороге он достал бумажки из нагрудного кармана — щедрый дар Эстелы, и

улыбнулся. Как только они вернутся с Витором домой, он тут же отправит своего верного друга Бонфиня в Рио с поручением. Он отвезет Эстеле чек на крупную сумму. Целый год ей не придется беспокоиться о контрактах и куске хлеба. Он подарит ей эту передышку. Кто знает, может быть, они еще встретятся. Гаспар многое бы дал, чтобы самому увидеть ее лицо, когда она возьмет в руки этот чек. Ведь она не поверила ни одному его слову.

Но тут такси подъехало к дому, и Гаспар снова вынужден был окунуться в семейные дела. Витор и не думал готовиться к отлету, он спал беспробудным сном вместе со вчерашней разбитной девицей. Вокруг было сонное царство, его дружки и подружки спали повсюду — на диванах, на полу, даже на столе. Еще вчера Гаспар рассердился бы, но сейчас он пребывал в благодушном настроении.

— Вставай, сынок, пора! Нас ждет самолет. Мама очень беспокоится о тебе! — долго тормозил он бесчувственного внука.

Витор, наконец, с трудом разлепил веки и долго не мог понять, где он. А поняв, что его разбудили не вовремя, очень разозлился:

— Дед, никуда я не поеду. Оставь меня в покое, я хочу спать.

И сколько ни бился Гаспар, как ни упрашивал внука — все его усилия пропали даром. Витор снова рухнул на постель и притворился спящим. Но когда огорченный дед уходил ни с чем и раскрыл дверь спальни, чтобы на прощанье громко ею хлопнуть, внук приподнял голову и сказал ехидно:

— И передай своей дочурке Летисии, чтобы забыла меня. Ладно?

С каким бы удовольствием Гаспар его выдрал сейчас. Он никогда не наказывал внуков, и, как видно, это не пошло им на пользу

Что я скажу Летисии, как посмотрю ей в глаза, с ужасом думал он в самолете. Пообещаю, что в ближайшие дни снова полечу за этим шалопаем и притащу его на аркане. К тому же в Рио у него теперь есть и свои дела. Он вспомнил Эстелу, и настроение его намного улучшилось. В конце концов, он имеет право и на свою личную жизнь.

* * *

Пессоа, это жизнерадостное, беззаботное создание, пребывал уже много дней в глубокой печали. Таким его еще никто не видел. Он не ел, не пил, из его комнаты больше не доносился грохот тяжелого рока. Дошло до того, что он попросил Жанаину принести ему одну из записей отца — Шопена. Именно такая музыка сейчас соответствовала его настроению. Пессоа слушает Шопена! Это известие доконало его родных.

— По-моему, он влюблен, папа, — предположила Оливия. — С тех пор как исчезла Адреалина, он сам не свой. Она была его лучшим другом. А у бедняги Пессоа не так уж много друзей.

Кто она, эта странная девушка, гадали Бонфинь с Оливией? Никто ничего не знал о ней, даже сам Пессоа. Он познакомился с ней где-то на улице, привел в дом. И она прижилась, как приживаются кошки и собаки. Изабел терпеть ее не могла, но ей пришлось смириться. Адреалина умела за себя постоять, за словом в карман не лезла. Она намекнула сеньоре Изабел, что если та будет ее доставать, то ее приятель Фред перемочит ей косточки в своей газете. Изабел панически боялась прессы и оставила нахалку в покое.

К ее великой радости, Адреалина исчезла так же внезапно, как и появилась. Она пошла с Пессоа прогуляться и не вернулась. Ее исчезновение сопровождалось не очень приятным происшествием, переполошившим весь дом. По мнению Изабел, эта девчонка оказалась темной лошадкой. За ней охотились не то полиция, не то частные детективы, а может быть, и мафиози.

Но Пессоа она просто околдовала. Все эти басни про мафиози он считал ерундой. Да, в жизни Адреалины немало тайн, но она обещала со временем все ему рассказать. В тот день они болтались по берегу, и Пессоа предложил зайти к Кливеру выпить кофе и закусить. Они любили посидеть в баре у Кливера и Мануэлы.

Не успели они переступить порог, как Адреалина попятилась и бросилась вон.

— Нам пора уносить ноги. Быстрее! — шепнула она Пессоа.

Он не понимал, что ее так напугало. Два каких то типа, явно не местные, беседовали у стойки с Мануэлой. Адреалина, как только увидела их, бросилась наутек. Они бежали, пока не выбились из сил. Здесь, за городом, они присели у обочины, и Адреалина попрощалась с ним. Он не мог вспомнить без волнения об этом прощании.

— Как я тебе благодарна, Пессоа, за все, что ты для меня сделал. А теперь мне нужно уехать, дорогой. Наверное, мы больше не увидимся.

Она поймала попутную машину и уехала. Навсегда! Пессоа не мог с этим смириться. Он чувствовал себя таким несчастным, возвращаясь домой в одиночестве. Но там его уже ждали. Те самые таинственные незнакомцы, которые так напугали в баре Адреалину. Конечно, это Мануэла им рассказала, с кем она дружит и где живет.

Эти двое вначале до смерти напугали Изабел. Она приняла их за грабителей. Но парни были очень вежливы, их интересовала только

Адреалина. Поняв, что они не опасны, Изабел даже угостила их кофе.

— А вот и мой сын, Луис Роберту. Он вам все расскажет про эту бродяжку. Они приятели, понимаете? Где Адреалина, Пессоа? — нетерпеливо спрашивала она сына.

— Адреалина уехала, то есть улетела, — с невинным видом сообщил Пессоа. — Я ее проводил в аэропорт, и она улетела в Рио.

Незнакомцы смотрели на него с недоверием. Но Пессоа умел врать очень правдоподобно. Это ему все говорили. Мужчины ему поверили и бросились в аэропорт. А Адреалина отбыла в противоположную сторону. Пессоа был очень горд собой. Но с того дня на него напала черная тоска.

Тоска его просто источила, как ржа железо. Он не выходил к обеду, сидел взаперти в своей комнате и слушал Шопена. Эта музыка, объяснял он Жанаине, была лучшим обрамлением его тоски. Бонфинь радовался, что благодаря приступам печали у сына улучшился музыкальный вкус. Правда, он перестал ходить на занятия в колледж. Это всерьез тревожило Бонфиня.

Но Пессоа было не до учебы. Дни его проходили в раздумьях и воспоминаниях. Где ты сейчас, Адреалина? Удалось ли тебе благополучно скрыться, не попала ли ты в беду? Никогда еще он не встречал такой таинственной, притягательной, необычной девушки. Он ждал звонка или известия от нее, готов был поспешить на помощь. Но Адреалина, похоже, навсегда ушла из его жизни.

Глава 10

Бонфинь летел в Рио со странным поручением — передать чек на крупную сумму некой певичке из бара. Он привык к ночным похождениям Гаспара и к его частым увлечениям, но в этом случае он не мог удержаться от упрека: его семья рушится на глазах, а он занимается пустяками, гонит самолет в такую даль только затем, чтобы передать привет и благодарность малознакомой женщине. Но Гаспар оставался неисправимым оптимистом.

— С моей семьей все в порядке! — бодро заявил он. — Есть кое-какие отклонения от курса, но скоро я все улажу и верну Витора домой. Ты слишком мрачно настроен, приятель. Мне лично кажется, что мир прекрасен!

Бонфинь с удивлением взглянул на него. Гаспар казался необыкновенно оживленным, сияющим и счастливым. Уж не влюбился ли он? Бонфинь невольно позавидовал шефу: он еще способен влюбляться, а значит, и радоваться жизни. От себя он давно не ждал ничего подобного.

Тем более ему интересно было взглянуть на женщину, которая вызвала у легкомысленного, избалованного прекрасным полом Гаспара подобные чувства. Бар порастил его своим убожеством. Но когда между столиками появилась певица, он невольно обратил на нее внимание. Она оказалась молодой и очень привлекательной. И в этой дешевой забегаловке выглядела посторонней. Посетители явно не могли оценить ее простых, грустных песен. Им нужно было что-нибудь громкое, бесшабашное и веселое.

Бонфинь послал певице записку. Он думал, что она сторает от любопытства, но Эстела даже не взглянула в его сторону и не подошла к его столику. Озадаченный, Бонфинь отправился после выступления к ней в уборную. Там негде было присесть, и он вынужден был говорить с ней стоя. Эстела встретила его не очень приветливо:

— Ты, наверное, импресарио. Пришел предложить мне контракт на миллион. Только для этого нужно сходить с тобой в отель и подписать его...

Бонфинь по ее рассерженному виду догадался, что его собираются выставить, и поспешил заверить, что пришел совсем по другому поводу:

— Меня прислал мой патрон, которого вы приютили у себя вчера. Он так тронут, так благодарен вам за дружеское участие. Я специально прилетел из Форталезы, чтобы выразить вам...

— А что тут особенного? — удивилась Эстела. — Он был без гроша в

кармане, ему негде было ночевать. Так это правда — он миллионер? А я думала, он заливает, и смеялась над ним.

Бонфинь с удовольствием подтвердил, что Гаспар Веласкес — владелец фирмы и нескольких магазинов. Эстела расхохоталась: она ведь дала ему денег на автобус до Форталезы. Бонфиню она все больше нравилась. Он понял причину ее нелюбезности при встрече. Этой женщине живется очень нелегко и каждый день приходится отбивать атаки мужчин, для которых певица из бара — всего лишь легкая добыча. Тем более ей кстати придется чек Гаспара.

Еще раз напомнив Эстеле, какое благоприятное впечатление произвела она на доктора Веласкеса, как он преисполнен благодарности и спешит вернуть долг, Бонфинь вручил ей чек. Но глаза Эстелы не вспыхнули радостным огоньком. Она равнодушно приняла чек, а увидев сумму, почему-то расстроилась и в сердцах высказала Бонфиню все, что думала о его шефе.

— Странно, он показался мне очень симпатичным человеком. Значит, я ошиблась. Ваш патрон такой толстокожий и не понимает, что за дружескую помощь, человеческое участие нельзя платить деньги. Не все же можно купить. Он просто не заслуживает дружбы, сеньор Бонфинь.

И Эстела порвала чек на мелкие кусочки. Бонфинь был изумлен. Он ожидал чего угодно, только не этой отповеди. В чем-то она была права, эта женщина. Гаспар любил оказывать благодеяния, но, как видно, далеко не всем милостыня и подачка в радость. Теперь он понимал, почему сеньора Веласкеса так «зацепила» Эстела. Это была очень неординарная женщина, гордая и независимая. Как она щелкнула по носу могущественного и неотразимого Гаспара!

* * *

Франшику недолго искал предлог, чтобы вернуться в деревню. И вскоре ему в голову пришла замечательная идея. Он мог бы даже открыть лавочку и продавать свои идеи очень недорого, если бы нашлись покупатели. Но пока приходилось оставлять их себе. Тем более что он хотел преподнести приятный сюрприз этим добрым женщинам, выручившим их с Плиниу из беды.

Только он собрался в дорогу, как Франсуа понадобилась машина и он потребовал ключи. Франшику долго кричал и возмущался, но ключи пришлось вернуть. Правда, он нашел способ тут же отомстить

неблагодарному другу. На днях Плинию ему поведал по большому секрету, что сеньора Летисия смолоду была влюблена в одного рыбака и, похоже, эта страсть до сих пор не угасла. Так что вряд ли у Франсуа что-нибудь получится, раз сердце Летисии давно занято.

Франшику в это не поверил: ну куда какому-то простому рыбаку тягаться с образованным красавцем Франсуа! Но тем не менее эти вздорные слухи передал своему другу. Франсуа поморщился в знак того, что терпеть не может сплетен, но тем не менее внимательно выслушал и очень расстроился. Вот тебе, вот тебе, ехидно подумал про себя Франшику.

Ему так хотелось в деревню, так не терпелось вновь увидеть свою принцессу, что он отправился бы и пешком, но нашлись другие колеса. Франшику взял у Плинию велосипед и покатил, прихватив с собой кое-какой инструмент. Вначале даже любовался дюнами и чудными видами на берегу, но вскоре мозг его словно расплавился от жары, в глазах поплыли разноцветные искры. В деревню он вкатил почти в полуобморочном состоянии и бессильно растянулся в тени, чтобы немного прийти в себя. Очнулся Франшику, когда над ним склонились знакомые лица.

— Похоже, ему стало дурно, бедняге. Надо же, в такую жару на велосипеде! — причитала Эстер.

А вот появилась и его принцесса с кувшином воды. Франшику сразу же стало лучше, туман в глазах рассеялся, словно она напоила его живой водой. Некогда ему разлеживаться, ведь он с добрым делом приехал.

— Дорогие женщины, я приехал еще раз поблагодарить вас за помощь и преподнести вам приятный сюрприз, — немного таинственно сообщил Франшику.

Все немедленно пожелали узнать, какой это сюрприз. Но Франшику пообещал его приготовить к вечеру, если ему дадут нескольких помощников. И — о радость! — Асусена с Далилой сами вызвались помогать ему. А за ними еще несколько девушек. Под предводительством Франшику они направились прямо к колодцу.

На этот допотопный колодец он еще в прошлый раз обратил внимание. Жили рыбаки как в каменном веке — выбиваясь из сил, таскали воду на веревке. Вот почему Франшику вспомнились ветряки. Он немало странствовал по белу свету и немало видел колодцев с ветряками. Правда, никогда не делал их своими руками, но знал, как они устроены.

И работа закипела. К вечеру над колодцем вырос ветряк — большое колесо с широкими лопастями, которые ветерок толкал, как паруса. Жители деревни сначала с недоверием поглядывали на это сказочное чудо: красиво, но будет ли толк? Франшику и сам в этом не был уверен.

Для него было важно, что он весь день провел рядом со своей принцессой. Они с Далилой расспрашивали Франшику, кто он такой, откуда родом? Он и сам этого толком не знал, в чем честно и признался. Где он только не жил, чем не занимался!

— Но однажды было мне видение. И после этого видения я решил изменить жизнь, осесть на одном месте, завести семью, детей, — рассказывал между делом Франшику. — Будто стою я на берегу, а навстречу мне с неба летит принцесса, прекрасная принцесса.

Тут он выразительно посмотрел на Асусену, но она этого даже не заметила. Рассказ ей понравился, но она и подумать не могла, что принцесса имеет к ней какое-то отношение. Девушки оказались очень умелыми помощницами. Иной раз подсказывали Франшику, как и что лучше сделать. Главное — идея и вдохновение, а исполнители найдутся, это Франшику знал по своему богатому опыту.

Вечером рыбачки собрались посмотреть, как Франшику заведет машину. И вот колесо, сначала медленно, туго, со скрипом, пошло, а потом завертелось.

— Смотри, вертится! — радостно кричала Серена. — А я не верила, что у вас получится. Теперь станет легче с водой.

— Буду с вами откровенен, донна Серена: для меня самого это большая неожиданность, — честно признался Франшику.

Но все решили, что он просто скромничает, а на самом деле у него золотые руки. С тех пор в деревне Франшику стал своим человеком. Его закармливали вкусными обедами, приглашали приезжать почаще. И он никогда не упускал случая воспользоваться приглашением. Особенно когда у него появился законный предлог: у них на строительстве пока не было колодца. Поэтому Франшику с полным правом брал машину и отправлялся в деревню за водой.

Это уже стало любимой темой для шуток — Франшику уезжает за водой и исчезает на полдня. Плинию и Франсуа оставалось только гадать, где пропадает этот бездельник, в то время как на строительстве так много работы. Может быть, он влюбился, думал Плинию. Потому что стал веселым и возбужденным, разговаривает сам с собой. Какие существуют признаки влюбленности, Плинию точно не знал. У всех, наверное, по-разному. Но должно же это когда-нибудь случиться и с Франшику.

То же самое заподозрила и Далила. А вскоре ее подозрения превратились в уверенность. Франшику явно положил на Асусену глаз. И ездил он в деревню только ради нее. А эту сказку о принцессе он рассказал ей с умыслом. Вовсе ни в какую, ни в принцессу он влюбился, а в

обыкновенную девушку из плоти и крови. Но Асусена ничего не замечала или не желала замечать, потому что сердце ее было занято другим.

Серена не напрасно читала на заре свое заклинание: открытые язвы, раненое сердце, кровь Христа, моряки и смерть, святой Франциск, помоги им поскорее вернуться домой! И моряки вернулись с богатым уловом рыбы. Они уже отвыкли от удач. В тех местах, откуда они приехали, уловы были скудными, и семьи едва сводили концы с концами. Теперь у них появились надежды на достойную, обеспеченную жизнь.

— Здесь мы пустим корни, в этих благословенных местах, — Рамиру строил планы на будущее, сидя за праздничным ужином в кругу своего семейства. — Рыбы становится все больше и больше. Мы еще долго сможем хорошо кормиться здесь.

Больше всех осчастливила эта новость Асусену. Она так боялась переезда. Ведь тогда она больше не увидит Витора. К тому же ей давно хотелось учиться в школе с Питангой.

Только Серена почему-то совсем не радовалась тому, что жизнь их наконец устраивается. А ведь когда-то она так мечтала осесть где-нибудь прочно. Рамиру не сразу заметил, что жена ходит словно в воду опущенная. Сам он был так счастлив возвращению домой. В долгие часы у штурвала он закрывал глаза и видел детей и жену, их скромный дом. Он соскучился по своей семье и не скрывал этого. Но Серена была явно чем-то озабочена.

— А может быть, не надо так спешить, Рамиру? Может быть, еще придется уехать отсюда? — вдруг тихо спросила она, когда дети встали из-за стола.

Рамиру с недоумением взглянул на жену. Сегодня она уже два раза спрашивала его о том, вспоминал ли он ее в море, часто ли думал о ней? Что же с ней происходит? И тут Серена робко призналась ему:

— Я хочу верить тебе. Я хочу быть полностью уверенной в нашем будущем. Рамиру, я была у Летисии дома, говорила с ней.

Рамиру почувствовал, как в нем вскипает глухое раздражение. Он швырнул ложку на стол. Договор о продаже улова — это только предлог. Серене просто хотелось увидеть Летисию, ее мучают ревность, опасения, обида. Все это бабьи уловки, интриги, сплетни, которые он так ненавидел. И надеялся, что его жена выше взаимных подозрений и ревности. Серена, сама того не желая, испортила ему этот счастливый день, день возвращения с богатым уловом.

Он молча вышел из дому, не сказав ни слова. Серена пыталась его остановить, узнать, куда он уходит.

— туда, где меня оставят в покое. В преисподнюю!

Рамиру не вернулся домой и ночевал в лодке. Серена провела страшную ночь и не сомкнула глаз. Она винила во всем себя. Сейчас Рамиру был бы с ней и с детьми. Это она всколыхнула в нем воспоминания, открыла старую рану, с трудом затянувшуюся. Ей нужно было оставаться терпеливой, ласковой и молчать, молчать. Только так она могла удержать мужа.

Уехать как можно дальше отсюда — вот о чем Серена мечтала теперь. Жить в нищете, как раньше, только вдали от этой страшной женщины, разрушившей ее семью, отнявшей у нее мужа. Но она чувствовала, что уже поздно бежать. Да и Рамиру ни за что не согласится на это.

* * *

Все началось с того, что однажды Дави и Оливия пригласили Далилу повеселиться в ночном баре. Далила согласилась поехать скорее из любопытства. Долго выбирала платье — у нее ведь никогда не было вечернего, — остановилась на одном — скромном, но очень милом, которое ей шло. Оливия одобрила ее выбор.

Яркие огни бара, прекрасная музыка, нарядные женщины — все это ошеломило девушку. Но после рюмки аперитива ей вдруг стало легко и весело. Казалось, она видит наяву ту жизнь, которая только грезилась ей раньше, — счастливую, беззаботную, праздничную. Как она устала от их убогого существования с его мелочными заботами и интересами, тяжелым трудом ради куска хлеба.

Утром она с восторгом рассказывала Эстер и Самюэлю:

— Мама, это другой мир, другие люди! Теперь я знаю, что мне делать. У меня появилась цель — учиться, получить хорошую профессию, работу, жить в красивом доме...

Родители поняли, что выходы в свет отравили душу Далилы. Хорошо это или плохо? Да, они хотели, чтобы дочь получила хорошее образование и преуспела, как Дави. Но Дави так переменялся, стал чужим и высокомерным. Порой им казалось, что они потеряли сына. Не случится ли то же самое с Далилой?

Но главная проблема — Кассиану. Ему не нравились мечты Далилы. Он был против ее учебы в колледже. Сам Кассиану был вполне доволен своей судьбой и хотел, чтобы его жена сидела дома, нянчила детей и ждала его с уловом. Такая участь не устраивала Далилу. Но она любила Кассиану и не желала потерять его.

Да, они часто ссорились, но она умела управлять своим ревнивым мавром. Немного ласки — и Кассиану превращался в кроткого ягненка. Он ее любит — значит, должен смириться с ее учебой и с желанием работать и преуспеть. Далила надеялась, что со временем он поймет ее. Но Эстер и Самюэль очень сомневались в этом, слишком разные они люди.

Когда рыбаки вернулись домой, Кассиану с Далилой, как всегда, были в ссоре. Они даже не поздоровались друг с другом после долгой разлуки. Кассиану страдал, зато Далила была беззаботной как птичка и вечером снова укатила с Дави и Оливией в бар. Эстер с ужасом ждала, что Кассиану вот-вот узнает об этих развлечениях и разразится скандал. Так оно и случилось.

Кассиану не выдержал, пришел мириться и не застал Далилу дома. Эстер пришлось признаться, куда отправилась дочка. Разъяренный Кассиану бросился на ее поиски. В Форталезе было всего несколько приличных баров. Он объехал на «джипе» все и вскоре нашел свою легкомысленную невесту.

Как раз в этот вечер Далиле было особенно хорошо. Она танцевала, смеялась, чувствовала на себе восхищенные взгляды мужчин. От этих взглядов она пьянела как от вина. И тут в бар ворвался Кассиану и все испортил. Выглядел он здесь как слон в посудной лавке. Посетители так и шарахнулись в стороны от этого дикаря с пылающими глазами. Только Оливия мужественно пыталась защитить Далилу, но Дави ее остановил:

— Милые бранятся — только тешатся. Вот увидишь, через полчаса они помиряются.

Кассиану схватил невесту, вынес ее из этого злачного места и усадил в «джип». Он был так грозен, что Далила чуть оробела вначале. Она боялась, что он влепит ей пощечину или с губ его сорвется грубое слово, которое она не сможет простить. Кассиану разразился целым монологом, полным упреков и обид:

— Я два месяца провел в море, мечтал о тебе. Возвращаюсь и что я вижу? Моя девушка отплясывает перед толпой мужчин как последняя... Они же раздевают тебя глазами, прикасаются к тебе...

Далила быстро пришла в себя и приготовилась дать отпор. Когда-то нужно начинать перевоспитывать Кассиану, если она хочет сохранить его. Этот момент настал. Его дремучие представления о месте женщины не выветрятся сами собой. Ей предстоит тяжелая, кропотливая работа — день за днем настойчиво внушать своему избраннику, что она — не вещь, которой он будет владеть и повелевать, что имеет право на свою судьбу, что в бар люди ходят просто отдохнуть, расслабиться и потанцевать. К тому же

она здесь с братом.

Но воспитательную работу нужно обязательно завершать ласками и уверениями в любви.

— Пока ты был в море, я ни на кого не взглянула, — говорила она, обнимая Кассиану. — Я люблю только тебя, одного тебя. Хочешь доказательства моей верности? Я сейчас же стану твоей, сегодня же ночью!

Эти слова, полные страсти, сразили Кассиану наповал. От его ревности и обиды не осталось и следа. Они уже обнимались, как прежде, не в силах оторваться друг от друга. Но у них существовала давняя договоренность — до свадьбы они останутся чистыми и целомудренными. Кассиану мечтал о Далиле только как о жене, женщине, которая будет носить его имя.

Он понимал: чтобы укротить Далилу, нужно как можно скорее жениться на ней. Об этом они и говорили, возвращаясь домой, — о скорой свадьбе, о лодке Кассиану, которую он строит, о своем доме и счастливом будущем.

Глава 11

Самюэль и Рамиру дружили смолоду и были близки, как родные братья. Такие разные по характерам, они удачно дополняли друг друга. Лучшего жоака для рыбацкой артели, чем деятельный и сильный Рамиру, трудно было отыскать. Но советы мудрого Самюэля часто спасали его от опрометчивых поступков. Рамиру мог увлечься, дать волю гневу, а спокойный, уравновешенный Самюэль доверял более рассудку, чем эмоциям.

Он сразу же заметил, что между Рамиру и Сереной не все ладно. И угадал причину их размолвок. Летисия Веласкес, вернувшись из прошлого, принесла с собой ревность, недоверие и обиды. Рамиру еще только собирался сделать что-то, а Самюэль словно по глазам читал его мысли. Стоило Рамиру утром сесть за руль своего «джипа», как Самюэль поспешил остановить его. Он догадался, что глава артели собирается сам договориться о продаже рыбы, а для этого ему придется встретиться с Летисией.

— Выходи из машины. Тебе нужно держаться от нее подальше. Подальше, и ты сам это знаешь! Давай лучше я съезжу.

Самюэлю очень не хотелось появляться в фирме и сталкиваться там с сыном. Даже когда он приезжает навестить их с Эстер, то держится как чужой, а на службе он совсем невыносим — высокомерный, неприступный. Только ради Рамиру и Серены Самюэль согласился на эту пытку — беседовать о делах с Дави. Одна надежда — застать Летисию или Бонфиня.

Но Самюэлю не повезло: Летисия и Бонфинь были в отъезде, и принял его, величественно восседая в своем кабинете, именно Дави. Самюэлю почему-то вспомнилось, что еще в детстве сынок любил задирать нос. За это его не любили в школе и ровесники в поселке. А сейчас он с удовольствием играл роль не последнего лица в фирме, от которого немало зависит.

Хотя цена была предварительно оговорена с Летисией и рыбаки хотели только отвезти рыбу и получить расчет, Дави решил составить официальный договор по всем правилам. Сумма, обещанная Летисией, показалась ему слишком завышенной, и он по своей инициативе снизил ее на треть. В конце концов, он заботился прежде всего о процветании фирмы, о ее прибылях. И к тому же боялся, что его обвинят в родственниках пристрастиях.

Самюэль с опаской посмотрел на договор: он никогда не подписывал никаких бумаг, не посоветовавшись с Рамиру и всей артелью. Но Дави торопил:

— Подписывай, отец, побыстрее, не задерживай меня! Прошли те времена, когда дела делались кое-как, на любительском уровне. Теперь фирма ведет учет всех предложений о покупках, вот зачем эта бумага.

Дави разговаривал с отцом как с несмышленным ребенком. Самюэль проглотил обиду и подписал договор. Ведь не может же родной сын обмануть его. От него не укрылось, что Дави был чуточку раздражен и взвинчен, наверное, его непонятливостью. На самом деле у Дави совесть была не чиста. Совесть и нашептывала, что он только что совершил не совсем красивый поступок. Но так поступил бы каждый деловой человек, бизнесмен, успокаивал себя Дави. К тому же он знал, что в других местах перекупщики платили рыбакам не больше и часто обманывали. Просто Летисия слишком уж расщедрилась.

Дави попросил секретаршу снять копию с договора, вручил ее Самюэлю и поспешил распрощаться с не очень приятным клиентом. Он всегда старался вести сделки с наибольшей выгодой, но от того, что он только что обманул родного отца, на душе все-таки остался смутный осадок вины.

* * *

Рамиру пришел в бешенство, увидев этот грабительский договор.

— Я просто не могу поверить, Самюэль! Они над нами издеваются! Это же милостыня, а не плата за нага труд. Вот как Летисия с нами поступила. Я пойду и швырну эту бумажку им в лицо!

Самюэль был убит случившимся. Но он встал на защиту Летисии, она тут ни при чем. Это его родной сынок обвел его вокруг пальца. Значит, он просто не умеет вести дела, а Дави этим воспользовался. Его мучил стыд перед товарищами, потому что он не оправдал их доверия. Но от предательства Дави он страдал не меньше. Самюэль дал себе слово больше не видеться с сыном и порвать с ним всякие отношения. И Рамиру он не сумел удержать. Тот вскочил в «джип» и укатил в город разбираться с договором. В таком состоянии он мог наговорить лишнего и натворить невесть что.

Действительно, Рамиру ворвался в приемную как ураган. Отстранив секретаршу, лепетавшую, что сеньора Веласкес занята и никого не

принимает, он распахнул дверь. Летисия потеряла дар речи, увидев перед собой разгневанного Рамиру, размахивающего перед ней копией договора.

— Ты что же думаешь, если мы — рыбаки, то полные идиоты? Мы же не об этом с тобой договаривались, Летисия. Вы тут сидите в своих кабинетах и ни в грош не ставите труд честных людей...

Рамиру отчитывал ее, но Летисия словно не слышала ничего. Она не могла оторвать глаз от его вдохновенного от гнева лица. Никто не смел так говорить с ней. Любого другого она бы уже давно поставила на место. Но в присутствии Рамиру она всегда теряла свою железную волю и выдержку.

Летисия встала из-за стола и подошла к нему, чтобы взять договор. Да, конечно, он имеет право возмущаться. Она поняла это, только взглянув на цифры, проставленные в договоре. Но все же не стоит кричать и обвинять ее во всех смертных грехах.

— Успокойся, Рамиру, — тихо и примиряюще сказала она. — Это просто ошибка, и я сейчас же ее исправлю. Завтра можете привезти рыбу и получить деньги. А ты не имеешь права кричать на меня, устраивать погром в моем офисе.

И хотя это было сказано скорее в шутку, Рамиру сейчас был просто не в состоянии воспринимать какие-либо шутки. Он все еще не мог успокоиться, несмотря на заверения Летисии, что она ничего не знала о договоре.

— Право? Какое право? Я ни на что уже не имею права: ни на спокойную жизнь, ни на нормальную оплату своего труда. Не имею права входить в твои королевские покои, смотреть на тебя, — уже не со злостью, а с горечью говорил он.

И вдруг у него неожиданно вырвались слова, удивившие его самого. Это были мысли вслух, подсказанные памятью. А память давно ожила и мучила его каждый день.

— А было время, помнишь, донна Летисия, когда у меня были на тебя все права. Может быть, тебя это задевает и этого ты не можешь мне простить?

Они стояли рядом и смотрели друг другу в глаза. Рамиру еще не закончил фразу, когда руки его сами собой потянулись к Летисии и обняли ее. Это случилось помимо их воли, вопреки их желанию. Они хотели бы забыть прошлое, друг друга.

Но страсть была сильнее благоразумия, расчетов и доводов логики, она безжалостно толкала их друг к другу. Рамиру и Летисия замерли в объятиях друг друга, а ведь еще десять минут назад оба были настроены почти враждебно и готовились высказать друг другу немало взаимных претензий.

Изабел, заглянувшая в кабинет Летисии, в ужасе попятилась назад. Она подумала, что ей почудилось. Самая утонченная, великолепная женщина в Форталезе в объятиях какого-то странного мужчины, небритого, небрежно одетого плебея. У Изабел даже мелькнула мысль вызвать охрану и прекратить это безобразие. Но потом она решила благоразумно выждать в приемной. Изабел сгорала от любопытства. Вспомнились доходившие до нее слухи о романе Летисии с рыбаком. Как вовремя она зашла пригласить сеньору Веласкес на благотворительный вечер! Теперь будет что рассказать знакомым.

Рамиру поспешно вышел из кабинета и приемной на улицу, чувствуя, что он совершенно не владеет собой. Ведь он приехал сюда восстановить справедливость. Он так сурово говорил с Летисией — и вдруг сам не заметил, как обнял ее. Что же произошло? Он, Рамиру Соарес, всегда умел держать себя в руках, всегда жил с ясной головой и знал, что делает. Нет, похоже, Серена права, она мудрая женщина — нужно уезжать отсюда как можно скорее.

Такое же решение приняла и Летисия, выслушивая болтовню Изабел о благотворительном чаепитии. Она вернется в Рио, будет жить там, пока окончательно не справится с собой. Снова Летисия и Рамиру решили бежать друг от друга, бороться со своей страстью, которая грозила принести столько бед их семьям, близким людям.

* * *

Адреалина вернулась в Форталезу. Она сидела в баре с Питангой и уписывала большой бутерброд. Мануэлы, к счастью, не было дома, и Питанга спешила покормить приятельницу до возвращения матери.

— Вот это бутерброд! Прямо как манна небесная. Ты не представляешь, Питанга, что со мной было за эти дни! Помнить мою палатку и рюкзак? Украли. У меня не осталось ничего, — рассказывала Адреалина с набитым ртом.

Питанга с ужасом смотрела на оборванную, грязную и голодную Дрену, с трудом узнавая ее. Она уже прикидывала, что из своей одежды сможет подарить ей, потому что лохмотья Адреалины нужно немедленно выбросить в мусорный бак. Еще им с Пессоа предстоит поломать головы, где найти своей таинственной подруге приют. Мануэла ни за что не пустит ее ночевать, об Изабел и говорить нечего.

Они уже позвонили Пессоа, и тот, не веря своему счастью, на крыльях

прилетел в бар.

— Адреалина, Дрена! Как я по тебе скучал! — воскликнул он, увидев ее.

Пессоа тешил себя надеждой, что она вернулась из-за него. Эта надежда его очень согревала.

Может быть, она так же тосковала по нему, как и он по ней? Но сама Адреалина на это его предположение только рассмеялась.

— Ну ты даешь, Пессоа! Ну конечно, и из-за тебя тоже, ведь ты был первым, кто мне здорово помог. Но вернулась я потому, что мне нужно найти... — Туг Адреалина запнулась, словно наговорила лишнего, и Пессоа с Питангой так и не узнали, кого же ей нужно найти в Форталезе.

По-прежнему жизнь Дрены была окутана тайнами. А им так хотелось выяснить, кто же те двое, которые охотились за ней? Что им нужно от нее? Питанга очень боялась, что эти люди вновь появятся. Но Адреалина твердо верила, что снаряд никогда не попадает в одну воронку, — ее преследователи будут искать ее где угодно, только не в Форталезе. И отвечать на вопросы она наотрез отказалась, пообещав когда-нибудь все объяснить.

Но куда же все-таки пристроить Адреалину? Пессоа с Питангой напрасно умоляли своих родных, знакомых и друзей. Даже Оливия отказалась взять ее в больницу на несколько дней, потому что больница была забита до отказа настоящими больными и страждущими. Зато Оливия дала денег на одежду и пропитание путешественнице Дрене.

Пока Пессоа и Питанга, сбиваясь с ног, искали ей пристанище, Адреалина беззаботно отлеживалась в комнате за баром и общалась с Кливером. Встретились две родственные души, влюбленные в море.

— Внимание, пираты! Двадцать градусов по правому борту! — командовал Бом Кливер.

— Просто потрясающе, Кливер! Мы с тобой выйдем в открытое море на плотках. Поплывем куда глаза глядят, навстречу опасности, увидим чудовищ, живущих на дне морском. Я буду отменным матросом! — обещала Адреалина.

Пессоа, слыша их разговоры, просто приходил в восторг. Он приходил в восторг от всего, что говорила и делала Дрена. Ну откуда свалилась им на головы эта загадочная девушка, которая жить не может без приключений, опасностей, путешествий! После знакомства с ней жизнь в Форталезе казалась Пессоа скучной и убогой, а люди — серыми и ординарными.

Адреалина ничуть не огорчилась, узнав, что ей негде ночевать. Она никогда не унывала, и ангел-хранитель или еще кто-то всегда посылал ей

кров, пропитание и добрых людей. Так, неожиданно она вспомнила о Фреде. Он сам приглашал ее к себе и предлагал помощь. Теперь такой момент явно настал. Правда, Пессоа сомневался, что Фред, входящий в лучшие дома Форталезы, захочет поселить у себя такую странную личность. Но Фред сам был с большими странностями и, наверное, поэтому принял их радушно. Нормальные люди, как заметил Пессоа, шарахались от них словно от прокаженных.

Само жилище Фреда свидетельствовало о том, что здесь обитает необыкновенный человек. Две комнаты его скорее напоминали индейский вигвам. Здесь не прибирались уже несколько недель, Фред только собирался это сделать как-нибудь в ближайшем будущем.

— Какая клевая у тебя хата, Фред! — от души похвалила Адреалина. — Сразу видно, здесь живет творческий человек, а не простой обыватель.

Пессоа с сомнением оглядывался вокруг: всюду были разбросаны рукописи, книги, одежда. Творческий беспорядок ему тоже нравился, только негде было присесть. А где будет спать Дрена, ревниво поинтересовался он? Этот вопрос решили быстро: Фред определил ее в спальню, потому что любил работать по ночам в так называемой гостиной.

Адреалина прижилась мгновенно, как всегда приживалась на новом месте. Обшарила каждый уголок, заглянула во все бумажки Фреда. Она свято берегла свои тайны, но была любопытна к чужим. И вот что она обнаружила: Фред писал рассказы — о нравах Форталезы, о своих знакомых. Правда, сам он отпирался от своего писательства: говорил, что эти зарисовочки ему присылают читатели газеты. Но Адреалину не проведешь.

Похоже, Фред и ее рассматривал как материал для будущего рассказа. Может быть, для этого и позволил пожить у себя — чтобы лучше изучить. Уж очень она оказалась любопытным экземпляром. Но Адреалина была не из тех, кому легко влезть в душу и вызвать на откровенность. На все вопросы Фреда она или молчала, или вдохновенно врала. Так что он скоро потерял надежду выудить у нее интересный сюжетец.

Но зато Адреалина принесла много пользы в нехитром хозяйстве Фреда. Обследовав кухню, она обнаружила пустой холодильник и кладовку и в первые дни чуть не померла с голоду. Вскоре ей это надоело. Она взяла у Фреда деньги и отправилась по магазинам. Тонким кулинаром Адреалина никогда не была, но ее приводили в восторг полуфабрикаты, такое гениальное изобретение. Как просто: размораживаешь, затем чуть-чуть поджариваешь с двух сторон — и готово. Очень вкусно, им с Фредом

нравилось.

Вдобавок у Адреалины обнаружился тонкий литературный вкус. Стоя у плиты и переворачивая размороженный бифштекс, она давала Фреду дельные советы творческого характера. Но старалась не перегибать палку с критикой и вовремя хвалить:

— Но в целом рассказы твои замечательные, поверь, Фред. Я в литературной критике немного разбираюсь.

Адреалина была маленькой, но уже хитрой женщиной и понимала, какая великая сила — лесть. А творческие люди без нее вообще жить не могут. Им более чем кому-либо необходимо, чтобы их произведения понимали, ценили и превозносили до небес.

* * *

Родные и друзья не узнавали неутомимого деятеля Гаспара Веласкеса. Раньше он и минуты не мог прожить без работы, без дел и без общества. Из него словно исходили волны энергии и силы, заряжая всех окружающих. Но вот уже несколько дней Гаспар неподвижно лежал у бассейна в своем доме, потеряв интерес и к работе и к жизни в целом. Встревоженная Летисия пыталась вызвать врача, массажистку, но отец не пожелал показаться им. Недавно Гаспар возложил обязанности главы фирмы на дочь, оставив себе роль ее помощника и советника. Летисия решила, что причина его апатии в этом: всю жизнь отец был у руля и, возможно, поэтому тяжело переживает свое отлучение от должности капитана.

Летисия собиралась сообщить ему, что скоро возвращается в Рио и там найдет себе дело. А Гаспару снова придется взвалить на свои плечи фирму. Кто знает, может быть, эта новость его и обрадует. Летисию всегда мало интересовали дела фирмы. Сейчас она думала только о себе, о семье, о Виторе.

И только Бонфинь угадывал истинную причину меланхолии патрона. Он впал в тоску сразу после того, как Бонфинь вернулся из Рио и рассказал, как Эстела порвала чек и назвала Гаспара бесчувственным, толстокожим денежным мешком.

— Ну что ты лежишь на солнце, как ящерица, и пьешь апельсиновый сок? Может быть, хорошая выпивка тебя взбодрит? — Бонфинь как-то решился поговорить с ним откровенно, по душам.

— Нет, мне даже пить не хочется, — признался Гаспар. — Мне кажется, я пропустил такой мяч, дружище, из тех, когда весь стадион

хватается за головы.

Но Бонфинь не любил футбол и попросил изъясняться на нормальном человеческом языке. На этом языке состояние Гаспара выглядело примерно так: он всю жизнь мечтал о такой женщине, как Эстела, а встретив, не узнал ее. Он обидел ее, предложив деньги за помощь.

— Я познакомился с Эстелой и стал другим. И жизнь моя стала другой, — говорил Гаспар.

Вот это понятно, обрадовался Бонфинь. Патрон просто влюбился, и футбольный мяч тут ни при чем. А домашние думают, что он заболел. Гаспар просил его совета, и Бонфинь решил его дать:

— Эстела прекрасная женщина, и за нее стоит бороться. Почему ты должен отказываться от жизни? Ты еще не старик. Посмотри на себя: красавец мужчина!

Такой совет Гаспар и хотел услышать. Он просто воспрянул духом от волшебных слов Бонфиня. А почему бы и нет? Пора заняться своей жизнью. Завтра же он едет в Рио! Тем более что у него там есть и семейные дела. Он обещал Летисии вернуть Витора. На этот раз он поговорит с внуком сурово, по-мужски.

С этой минуты Гаспар преобразился. От его грустной растерянности не осталось и следа. Он снова был оптимистом и хозяином своей судьбы. На другой день он уже решительно входил в свой дом в Рио. Сначала разобраться с Витором, а потом с чистой совестью ехать к Эстеле.

Внук встретил его, как и в прошлый раз, своей иронической усмешкой. Но Гаспар больше не собирался упрашивать его вернуться. Коротко, по деловому, он изложил Витору свое решение. Дела в фирме идут отлично, Летисия справляется одна, поэтому они отпускают его на свободу. Пускай живет один в Рио, как хочет. Но дом Гаспар решил продать, он больше не нужен их семье. Витору придется снимать квартиру и самому платить за нее. Дед и мать отныне не дадут ему ни сантима. Пора работать и самому содержать себя.

Витор выслушал все это с преувеличенным вниманием, то и дело отпуская колкие замечания. Но, взглянув на деда, вдруг понял, что это не пустые угрозы, и разозлился.

— Bravo, bravo! Наконец-то Веласкесы показали свое истинное лицо. Долой лицемерие! — с плохо скрываемым раздражением отвечал он. — Но я уже не ребенок и в состоянии защищаться от вас. Это раньше вы обманывали меня.

Гаспар ничего не понимал. О каком обмане толкует этот мальчишка, вообразивший себя взрослым? И тут Витор выпалил то, что долго лежало у

него на душе и мучило его:

— Будто ты не знаешь, дед. Твоя дочь — убийца моего отца! Я был здесь в тот вечер и все видел. Как они поссорились, как она толкнула его и он упал с лестницы. С тех пор, стоит мне закрыть глаза, я вижу, как он падает, падает...

Лицо Витора исказилось болью. Гаспар невольно пожалел внука. Он страдал из-за этой нелепой выдумки много лет, вместо того чтобы рассказать все деду. Он не мог видеть из-за двери, как мать толкнула отца. Зато видел его падающим. И еще знал, что родители жили как кошка с собакой, часто ссорились. В тот вечер они тоже долго спорили.

— Ты одержим навязчивой идеей много лет, бедняга! Откапываешь этот абсурд в прошлом, чтобы оправдать свое отвратительное поведение в настоящем, — отчитывал он Витора. — Твой отец погиб, это несчастный случай.

Но Витор уже сжился со своей обидой, болью и не желал расставаться с ней. Гаспар понял, что его трудно будет переубедить. И откуда у него столько злости против матери? Простому и бесхитроственному Гаспару трудно было постигнуть эти психологические выверты. Он видел только одно: Витор болезненно любит мать и в то же время ненавидит ее. Ему доставляет удовольствие мучить Летисию. Этого Гаспар не мог допустить. Он защитит девочку от собственного чада.

— Если ты действительно веришь, что твоя мать убийца, то ты болен, сошел с ума. Завтра же обратись к врачу! — возмущенно кричал он. — На меня больше не рассчитывай, молокосос! Прощай!

Через полчаса Гаспар позвонил агенту по продаже недвижимости и попросил его найти покупателя для его дома в Рио. Он намерен продать его как можно скорее. А прислуге он отдал распоряжение завтра же отправить картины и часть мебели в Форталезу.

Глава 12

Как только Рамиру сообщил ей об отъезде, счастливая Серена тут же принялась, напевая, паковать вещи. Из домашних только она одна радовалась переезду. Асусена так расстроилась, что даже убежала из дому, чтобы побыть у моря одной. Мечты о школе не сбылись, и, возможно, больше никогда в ее жизни она не увидит Витора.

Кассиану из-за такого пустяка не собирался переживать, но все же переезд нанес удар и по его планам. Самюэль уже сделал чертеж его будущей лодки. Сам он соорудил навес и устроил под ним свою небольшую мастерскую. С помощью отца он через год надеялся закончить лодку. И сразу же они с Далилой поженятся. Теперь свадьбу придется отложить. Девчонки не пойдут в школу. Подумаешь, какое огорчение. Кассиану всегда был против того, чтобы Далила училась. Зачем, спрашивается, жене моряка быть слишком ученой? Она должна заниматься домом и ждать мужа.

У самого Рамиру было тревожно на душе. Ему предстояла нелегкая задача — сообщить артели о том, что они покидают эти места и перебираются дальше на юг. Он предвидел, как рыбаки примут эту новость. Впервые за долгие годы у них был такой богатый улов. Но они верят своему вожаку и пойдут за ним без малейшей тени сомнений. Сегодня в деревне решили устроить праздник — отметить хорошую выручку за рыбу. Когда все соберутся, Рамиру и решил сказать всем о скором переезде. Он уже собрался с духом, откладывать больше нельзя.

У домика Маджубиньи уже собрался народ, накрывали на столы, оттуда доносились музыка и смех. Не так часто рыбакам и их семьям выпадали счастливые дни. Поэтому Рамиру шел туда как на Голгофу. Казалось, каждый шаг дается ему с трудом.

Рамиру встретили радостными криками и не дали ему даже рта раскрыть.

— Нет-нет, сначала дай мне сказать, — остановил его Маджубинья. — Это очень важно, патрон. Я всю ночь готовил эту речь. От имени всех присутствующих, Рамиру, хочу выразить тебе благодарность за то, что ты привел нас в эти благословенные места. Я, по правде сказать, вначале не верил, но теперь признаю свою ошибку: это лучшее место на земле!

Вся деревня беззаботно веселилась на празднике. Рыбаки готовились к скорому выходу в море. А у Рамиру пока так и не хватило мужества сообщить о переезде. Серена с беспокойством наблюдала за мужем. Она

хорошо его знала: от прежней решимости Рамиру не осталось и следа, он был растерян и смущен. Все они выросли в рыбацкой артели и с детства знали, что благополучие их маленького сообщества превышает личных интересов и выгод. Поэтому Серена предвидела, что скажет ей в оправдание Рамиру.

— Понимаешь, Серена, моя жизнь, наша с тобой жизнь, принадлежит не только нам, — начал он виновато. — У меня большая ответственность перед этими людьми, которые сейчас там веселятся, поют. Они всегда шли за мной, доверяли моим решениям. Я не могу навязывать им свои проблемы. Из-за моих неурядиц они не должны терпеть трудности. Придется остаться, Серена. Ты поможешь мне справиться со всем этим.

И Рамиру обнял жену. Они оба без слов поняли, с чем им предстоит справиться. Он был очень благодарен Серене за то, что она поняла его, не настаивала на отъезде. Но Серена была слишком мудрой женщиной, чтобы давить на Рамиру. Тогда она точно потеряла бы его. Рамиру больше не ночевал в лодке, он вернулся домой и старался быть особенно бережным и нежным с Сереной. Как будто вернулись ненадолго счастливые дни их медового месяца.

— Сейчас-то он мой и душой и телом, но что будет дальше? — делилась Серена со своей лучшей подругой Эстер.

У Эстер не было никаких сомнений, что Рамиру поборол свое наваждение. И Рамиру временами казалось, что он окончательно выкинул из головы Летисию Веласкес.

* * *

Для Эстер отъезд из деревни на юг тоже был сущим бедствием. Долгие годы она мечтала жить рядом с сыном. И вот когда мечта осуществилась, Самюэль чуть ли не поссорился с Дави. Эта размолвка отца с сыном была для Эстер больнее разлуки. Конечно, Дави виноват: он так безбожно обошелся с отцом. Но он по-прежнему оставался ее сыном. Она легко простила бы ему любую обиду. Но не Самюэль. Ее непримиримый муженек заявил, что больше знать не желает Дави и даже на свадьбу к нему не пойдет. Подумать только — обмануть родного отца ради выгоды фирмы!

Как-то тайком от мужа Эстер съездила в больницу к Оливии посоветоваться с ней, как помирить отца с сыном. Эстер доверяла ясному уму и доброму сердцу этой девушки. Лучшей невестки она и не желала. Вот с такой удивительной женой Дави обязательно станет хорошим

человеком. Эстер было совестно, но она не утаила и историю с договором, которая поразила Оливию. Между ней и Дави пролегла первая тонкая трещинка.

Оливия стала замечать, что Дави как будто стесняется своих родных, старается пореже вспоминать о них. Это отречение от родителей казалось отвратительным Оливии. Неожиданно проявились и другие неприятные черты характера ее жениха. Например, низкопоклонство перед вышестоящим начальством. Дави, человек из народа, считал, что, не угождая сильным мира сего, невозможно выдвинуться и сделать карьеру. История с договором подтвердила худшие опасения Оливии.

Но пока что она не теряла надежды перевоспитать своего будущего мужа. Для начала нужно убедить Дави помириться с отцом. Оливия уже знала, как помочь Эстер. Давно они с Бонфином подумывали как-нибудь пригласить родителей Дави к ним на ужин. Они помолвлены уже давно, а их семьи никогда не встречались. Этот ужин и станет решающим. Нельзя допустить, чтобы отец и сын жили как чужие, все больше отдаляясь друг от друга.

Семейную встречу решили не откладывать в долгий ящик, а провести уже завтра. Бонфинь был рад познакомиться с будущей родней. Только Изабел чуть наморщила носик: в их доме появятся простые рыбаки, придется включить в меню рыбу в тесте. Но Бонфинь сердито поставил свою утонченную супругу на место:

— Такая дама из высшего общества, как ты, Изабел, занимающаяся благотворительностью, помогающая бедным, может чуть-чуть напрячься и быть достаточно цивилизованной с ближними. Займись ужином, дорогая, и хорошо прими гостей.

Изабел смирилась. Она была недовольна выбором дочери, но что поделаешь? Кто больше всех сопротивлялся и был против ужина, так это Дави.

— Пойми, мои родители — люди простые, они будут чувствовать себя очень скованно, не в своей тарелке, — убеждал он Оливию.

Но та была настроена очень решительно. Не скрала, что знает все о договоре, о том, что он повел себя расчетливо, холодно, неэтично, обидел отца. Эстер она не стала выдавать. Об этом ей якобы рассказал отец.

— Ты придешь на ужин завтра и докажешь, что можешь спокойно смотреть в глаза отцу, — заявила она. — Иначе нам с тобой будет очень тяжело вместе, Дави.

И Дави вынужден был скрепя сердце согласиться на этот странный ужин. Да и сама Оливия ожидала его не без боязни: смогут ли столь разные

люди найти общий язык?

Начался вечер очень непринужденно и весело. Бонфинь и Самюэль оказались одного поля ягодами и сразу же решили откусать водки. У хозяйина нашлась какая-то особенная бутылочка, прямо из Минас. Пессоа подружился с Далилой и обучал ее своему языку, вернее, их с Адреалиной языку.

— Ты классная девчонка, я от тебя просто тащусь, — откалывал он комплименты будущей родственнице. — На днях приеду к вам в гости в деревню, и мы клево проведем время. Усекла?

— Усекла, — отвечала Далила, которой новый язык очень понравился.

Гости уже освоились и с удовольствием осматривали дом, когда сверху наконец спустилась высокомерная, жеманная хозяйка и снисходительно приветствовала их. В ее присутствии Эстер и Самюэль сразу почувствовали себя бедными родственниками, допущенными сюда из милости. Как не похожа была Изабел на мужа и детей! Они словно были вылеплены из разного теста.

Бонфинь очень гордился своим домом. Он вложил в него много труда и души, строил его несколько лет. Он использовал только природные материалы — солому, дерево, камень. Самюэль искренне нахваливал дом. Он такой просторный, нарядный, а крыша, как в деревне, — соломенная.

— Ты слышишь, Бонфинь, у нас крыша, как в деревне! — возмутилась Изабел.

Но Бонфинь только лукаво усмехнулся на это. При таком климате это самая практичная крыша, потому что дом под ней «дышит».

— Народ у нас мудрый, у него есть чему поучиться. Но моя супруга, — с иронией добавил Бонфинь, — предпочитает мрамор, позолоту, лепнину. Не выносит ничего простого, деревенского.

— Но ведь из мрамора с позолотой можно построить не дом, а только склеп на кладбище, — удивился простодушный Самюэль.

Бонфинь с Оливией не выдержали и расхохотались, а Изабел поняла, что этот простофиля очень ловко щелкнул ее по носу. Давно пора было садиться за стол, и ужин остывал, а Дави все не было. Оливия беспокойно поглядывала на дверь, разговаривая с гостями. Неужели он посмеет не прийти? И когда она уже начала терять терпение, вошел Дави с большим букетом цветов. С этой минуты Оливия украдкой следила за каждым его движением и отметила, что он радушно приветствовал хозяев, поцеловал мать, но с отцом они едва кивнули друг другу, холодно и отчужденно.

— Как это мило, что ты не забыл о цветах. Ты многому научился у Веласкесов, — похвалила Дави Изабел. — Я солидарна с американцами:

даже человек из низов может достигнуть высокого положения в обществе.

Изабел то и дело говорила бестактности и ставила Оливию и Бонфиня в неловкое положение. Но Эстер и Самюэль словно не замечали ее колкостей, держались просто и с достоинством. Оливия все больше ценила родителей Дави: вот это настоящая семья, союз двух любящих и понимающих друг друга людей. Странно, что Дави упорно не замечает этого. Ее отец с матерью давно жили как чужие. Каждый день между ними вспыхивали ссоры и размолвки.

За ужином Изабел без конца щебетала о своей благотворительной деятельности вместе с видными дамами Форталезы. Она так возвысилась душой, помогая бедным. На каждом шагу она подчеркивала разницу в их общественном положении. Оливии так хотелось, чтобы именно Дави далей достойный отпор, поставил эту высокомерную защитницу бедных на место. Но он молчал. Только Бонфинь намекнул, что все они не Бог весть какого благородного происхождения, особенно его жена. При этом намеке Изабел вся вспыхнула и кинула на мужа злобный взгляд. Происхождение Изабел действительно было туманным. О нем ничего не знали даже Оливия с Пессоа.

В целом вечер прошел удачно, если не считать поведения Изабел и угрюмого молчания Дави. Они с Самюэлем как будто не замечали друг друга. Проводив гостей и пообещав Эстер, что скоро они поужинают у них в доме, Оливия осталась наедине с Дави, горя желанием высказать ему свои упреки.

Он так и не помирился с отцом, вел себя как изгой, давая понять, что давно отошел от семьи.

— Родителей не выбирают. Я своих тоже не выбирал, — откровенно высказался Дави.

Эти слова возмутили Оливию. Эстер и Самюэль — замечательные люди, но они бедняки. А честолюбивому Дави нужны богатые родители. Он не понимает, что семья — это дар. Разве он может быть хорошим мужем и отцом?

— Родителей не выбирают — ты прав. Но выбирают мужа и жену. Мне кажется, мы с тобой делаем неправильный выбор, Дави, — резко отвечала она.

Оливия больше не верила заверениям в любви. Дави не умеет любить. После тяжелого объяснения с женихом она не спала всю ночь. Разрыв с Дави для нее стал катастрофой. Но лучше разорвать сейчас, чем мучиться всю жизнь, как ее отец, сделавший когда-то в молодости неправильный выбор.

Франсуа бывал в доме Веласкесов почти ежедневно. Его приглашали то Гаспар, то Аманда, и он никогда не отказывался от приглашений, хотя Аманда оказывала ему явно чрезмерное внимание. Франшику даже подшучивал, что его друг стал интересоваться малолетками, потому что эта девчонка без конца названивала в гостиницу и даже заходила с приглашениями на очередной обед или ужин. Но Франсуа был очень любезен с дочкой, чтобы почаще бывать в обществе ее матери. Летисия по-прежнему занимала все его мысли.

Она была с ним только вежлива и любезна. Он это ясно видел, но не терял надежды. О сопернике, о каком-то таинственном рыбаке, он даже не вспоминал. Эта легенда родилась в дурной голове его приятеля Франшику Пимпы. Летисия и рыбак! Такого союза даже его богатое воображение художника не могло нарисовать. Летисия просто холодна, как льдинка, и безукоризненно воспитана, поэтому и держит его пока на расстоянии. Это еще больше разжигало страсть Франсуа. Он не знал поражений у женщин и ради такой крепости, как Летисия, готов был на длительную осаду.

И к тому же у него появился могущественный союзник — Гаспар. Франсуа заметил, что хозяин дома под любым предлогом стремился оставлять его наедине с дочерью, ссылался на важные дела, уводил с собой навязчивую Аманду. Какой мудрый человек — Гаспар, с восхищением думал Франсуа. Ему также польстило, что могущественный Веласкес сделал именно такой выбор для своей любимицы Летисии. И Франсуа дал себе слово оправдать доверие Гаспара, сделать его дочь счастливой.

Франсуа был терпелив и не торопил события. Летисия понемногу привыкала к нему, и они уже подолгу беседовали, сидя у бассейна или в гостиной дома Веласкесов. Если, конечно, им не мешала Аманда. Но в этот вечер Гаспар насильно увел Аманду на пляж, и Франсуа решил впервые заговорить с Летисией о своих чувствах.

— Скоро я переезжаю в свой новый дом, — напомнил он. — И знаешь, о чем я мечтаю? Чтобы первой переступила его порог ты. Это будет порог в новую жизнь. Для меня, для нас с тобой.

Летисия только грустно улыбнулась, не ответив пока ни да, ни нет. Но ее молчание Франсуа истолковал как обычную женскую нерешительность. Он нежно обнял ее и притянул к себе. Вначале ему казалось, что он обнимает и целует статую. Но вот губы ее разжались — Летисия ответила на его поцелуй, а ее рука легла на его плечо.

Давно уже Франсуа не был так счастлив. Хотя этот поцелуй трудно назвать победой. Летисия скорее вежливо уступила его страсти, но все-таки это был важный момент в их отношениях, может быть, первая страница их романа. Она согласилась через несколько дней стать первой гостьей в его новом доме. Франсуа возлагал на этот визит большие надежды. Он собирался сказать Летисии, что мечтает видеть ее хозяйкой своего дома.

Франсуа по праву считал себя знатоком женской души, но он и представить себе не мог, что сейчас переживает Летисия. Гаспар застал ее погруженной, как всегда, в свои печальные думы.

— Я не могу видеть тебя такой несчастной. Ну почему у тебя всегда траурные глаза, дочка? — сердито спрашивал он. — Надеюсь, Франсуа тебя не обидел?

— Ну что ты, папа, он такой милый, — успокоила отца Летисия. — Знаю, как тебе хочется, чтобы мы с Франсуа были вместе. Я стараюсь изо всех сил, но не могу, отец! Не могу представить себя с другим мужчиной, кроме... кроме Рамиру Соареса.

И Летисия, всегда такая выдержанная и спокойная, закрыла лицо ладонями и расплакалась. Отец всегда был ее лучшей подругой. Только ему она могла сказать, что творится с ней. А Гаспар растерялся. Он ничем не мог помочь дочери. Она сама должна решить свою судьбу. Или бежать от Рамиру Соареса в Рио. Или сделать попытку забытья с Франсуа.

Летисия выбрала второй путь. В назначенный день и час они с Франсуа отправились в дюны. Его дом обещал стать новым словом в архитектуре. Он вложил в него все свои многолетние замыслы и мечты. Такой дом мог построить только человек, желающий обосноваться здесь прочно, навсегда и завести семью. Об этом и сказал Летисии Франсуа, когда она осматривала и хвалила его творение:

— Ты настоящий художник, Франсуа. Это не дом, а фантазия, сказка, у него есть свое собственное лицо. Каждый уголок дышит радушием, у каждой мелочи свой смысл.

Летисия, как истинная женщина, внимательно осмотрела все, заглянула во все комнаты. На вопрос Франсуа долго не отвечала, собираясь с мыслями. А он спросил, думала ли она о том, чтобы снова выйти замуж, устроить свою жизнь?

— Когда-то, много лет назад, я бежала от своей судьбы, — задумчиво говорила Летисия, словно заглядывая в дни своей молодости. — Бежала от неустроенности, страха. И вышла замуж за Жорди, чтобы залечить старые раны, но ничего не вышло. Только добавились новые. Так стоит ли повторять эту ошибку?

Так, значит, это правда, а не досужие выдумки Плинию и Франшику. У Летисии был роман, и она до сих пор не может забыть этого рыбака.

— Я слышал об этом романе, но не поверил, — признался Франсуа. — Ты и рыбак! Я человек без предрассудков, Летисия, но это было заблуждение юности. Вы бы все равно расстались, слишком велика пропасть между вами — разница в общественном положении и культурном уровне. Я помогу тебе забыть эту страсть, которая давно должна была затеряться в прошлом, а ты упорно ее вспоминаешь.

Летисия недоверчиво слушала его. То же самое говорил ей отец много лет назад. Но она убедилась, что любовь сильнее предрассудков, доводов логики, здравого смысла. Она бы хотела, очень хотела забыть Рамиру. Все эти годы она только и делала, что боролась с собой, со своей памятью. Из этого ничего не вышло. Но Франсуа так нежен, так настойчив, так одержим ею, что она попробует еще раз.

Глава 13

Покончив с неприятными делами — беседой с внуком и продажей дома, Гаспар наконец-то мог заняться своей личной жизнью. И он, как влюбленный юноша, отправился в бар к Эстеле Маркес, горя желанием поскорее увидеть ее. Он застал свою новую знакомую не в лучший момент ее жизни. Хозяин бара только что сообщил ей, что прерывает контракт, потому что своими похоронными песнями она отпугивает посетителей.

Эстела рассчитывала проработать здесь еще три недели, потому что накануне отправила денежный перевод матери и теперь осталась без гроша. Конечно, хозяин поступил непорядочно, и она могла бы обратиться с суд. Но Эстеле даже в голову не пришло подобное. Ничего, она как-нибудь выкрутится. Посидеть неделю-другую на хлебе и воде для нее было не впервой.

Она только что поругалась с хозяином, высказала ему все, что о нем думала, когда в дверь ее уборной робко постучался Гаспар.

— Только тебя мне не хватало! У меня и без того был жуткий день, — неласково встретила его Эстела.

Но Гаспар явился с повинной головой, просить у нее прощения за свой идиотский поступок с чеком. Он так много понял за это время. Например, то, что подачкой можно обидеть, как грубым словом. Это она, Эстела, заставила его взглянуть на многое другими глазами.

— Я специально прилетел из Форталезы, чтобы просить тебя об одном одолжении. Поужинай со мной. В каком-нибудь скромном ресторане. И можешь даже сама заплатить за себя, — поспешно добавил Гаспар.

Эстела невольно улыбнулась, так искренне было раскаяние доктора Гаспара и желание угодить ей. Они ужинали в уютном ресторанчике, и ей давно не было так хорошо и беззаботно. Хотя бы ненадолго ее неприятности отошли прочь. Эстела была одинока в Рио, о ней никто не заботился. Наоборот, ей приходилось бороться за существование и отбиваться от назойливых приставаний мужчин. А Гаспар был так нежен и заботлив, так настойчиво предлагал свою дружбу и помощь.

— Как ты хороша, когда смеешься, — любовался он Эстелой, чем-то рассмешив ее. — Я хотел бы подарить тебе весь мир, но для начала позволь хотя бы чуть-чуть поддержать тебя в трудное время. Ну как ты будешь жить, пока не найдешь работу?

Но Эстела и слышать об этом не хотела. Она не привыкла надеяться на

кого-нибудь, кроме себя самой. Гаспар в жизни не встречал такой упрямой женщины. Упрямой, гордой, чистой и привлекательной. Его все больше тянуло к ней. И уже не из благодарности он хотел стать ее защитником и покровителем. Она была нужна ему, но пока он, не осмеливался признаться ей в этом.

В чем-то они похожи. Гаспар был непомерно гордым, не любил оставаться в долгу. И чтобы избавиться от чувства благодарности, раздавал направо и налево чеки. Эстела же дорожила своей независимостью и никогда не согласилась бы стать содержанкой. Они долго беседовали о жизни, о судьбе, о своем одиночестве и засиделись за полночь.

Гаспар мало пил и очень надеялся, что Эстела пригласит его к себе. Но этого не случилось. В прошлый раз она помогла ему подняться по лестнице, пьяному и беспомощному, уложила на кушетку. А сегодня, трезвого и влюбленного, оставила у подъезда своего дома. Ну что ж, этого следовало ожидать. Гаспар не роптал, только взял с нее обещание встретиться еще раз, чтобы так же по душам поговорить о смысле жизни.

Утром он уже звонил знакомому импресарио Альвару. Он решил схитрить и тайком помочь Эстеле без ее согласия. Альвару предложит ей контракт, да не в какой-нибудь забегаловке, а в хорошем месте. Эстела давно мечтала попасть на эстраду, петь для настоящей публики, а не для пьянчужек в барах. Пускай девочка попробует свои силы, думал о ней с нежностью Гаспар. А уж он не пожалеет ради этого ничего. Альвару придется заплатить, хорошо заплатить. Но Гаспара не пугали никакие расходы.

* * *

Франсуа с Франшику окончательно перебрались в новый дом в дюнах. Вернее, переехал вначале один Франсуа. В глубине души он мечтал отдохнуть от своего Санчо Пансы, но Франшику ему этого не позволил. Он прямо сказал другу, что тот пропадет без помощника. Слишком он непрактичен в житейских делах, погружен в свое творчество. Франсуа вздохнул и смирился. Действительно, Франшику брал на себя львиную долю забот по дому. Он даже обещал поставить телефон, чтобы Франсуа мог когда захочет звонить своей Летисии.

У них как будто все наладилось. И вот как-то вечером, когда Франсуа собирался повести Летисию в ресторан, а значит, вернуться поздно, Франшику решил устроить новоселье. Пригласить своих новых друзей из

деревни — донну Серену, донну Эстер с мужьями и детьми, показать им дом и как следует повеселиться. Они с принцессой будут танцевать. О музыке Франшику позаботился.

Рамиру и Самюэль, правда, с сомнением отнеслись к этой затее: ведь дом принадлежит незнакомому человеку, какому-то таинственному другу Франшику. Будет ли рад хозяин, застав у себя дома толпу чужих людей? И Франшику без труда их убедил:

— Франсуа будет счастлив познакомиться с соседями, он сам мне не раз говорил. Но едва ли он вернется рано. Человеку не так везло в жизни, он намаялся в одиночестве. Но сейчас у него удачная полоса в жизни, он познакомился с замечательной женщиной и как раз завтра вечером ужинает со своей возлюбленной в ресторане.

Женщины порадовались за будущего соседа и пожелали ему поскорей обзавестись семьей и детьми. В ближайшее время Франшику обещал познакомиться их с Франсуа. А пока они собирались приятно провести время без хозяина. Франшику посадил в машину девочек и Кассиану, остальные разместились в «джипе» Самюэля и покатали в новое поместье.

Едва ли они согласились бы на эту поездку, если бы узнали, что Франшику не предупредил о гостях хозяина. Но женщинам уж очень любопытно было взглянуть на дом. А у Серены появились и свои виды на Франшику. Давно она заметила, что он неровно дышит к ее дочке. Парень ей очень понравился. Пусть он и не богат, зато с хорошей головой и руками. Как ей хотелось, чтобы у них все сладилось и Асусена забыла этого богатенького сынка Витора. Ничего кроме горя он ей не принесет. Только Рамиру не нравилась эта затея. Он сердито отчитал жену:

— Чтобы разлучить Асусену с Витором, вовсе не обязательно подталкивать ее к человеку, которого мы толком не знаем.

Это правда, никто не знал, кто такой Франшику, откуда он, но женщины в деревне его полюбили. Он такой простой, веселый и открытый. И Рамиру с Самюэлем он нравился. Только Асусена была к нему совершенно равнодушна. А на новоселье ей ехать не хотелось, но мать и Далила уговорили. Напрасно надеялся Франшику остаться со своей принцессой наедине и признаться, наконец, в своих чувствах. Асусена ни на шаг не отходила от Далилы и Кассиану.

Первым делом все женщины ринулись на кухню — просторную, роскошную, полную всяких приспособлений, назначение которых было им непонятно. Дом казался им дворцом, которым можно любоваться, но как в нем жить? А мужчины в это время степенно уселись на открытой веранде со стаканами виски. Франсуа уже успел заготовить запас разнообразных

напитков, и Франшику не преминул им воспользоваться.

Эта маленькая пирушка мало напоминала приемы в доме Веласкесов, но гости остались довольны и угощением, и музыкой, и обществом друг друга. Вечеринка уже подходила к концу и Франшику собирался проводить своих новых соседей в деревню, как вдруг к дому подъехала машина Летисии Веласкес.

* * *

Франсуа и Летисия все больше сближались друг с другом. Они встречались почти каждый день и говорили все откровеннее о себе, о своей жизни. Летисия уже не была такой холодной и отчужденной с ним. Правда, она пока не дала Франсуа ясного ответа на его предложение, но он стал ее другом. Ему казалось, что он на полпути к цели, и душа его ликovala.

Они ужинали в ресторане. Летисия была необычно спокойной. Франсуа сумел, отвлечь ее от семейных проблем и грустных мыслей. Они вышли на сверкающие огнями и все еще оживленные, несмотря на поздний час, улицы города. Расставаться им не хотелось. Ночь была такой теплой, ароматной и загадочной. И тогда Франсуа предложил прокатиться в дюны, к его дому. Летисии тоже захотелось очутиться сейчас за городом, вдохнуть запахи моря, постоять на берегу.

Как всегда, машину Франсуа, не спросясь, забрал Франшику. Поэтому они сели в автомобиль Летисии и отправились в дюны. Кто знает, чем могла закончиться эта поездка? Франсуа боялся загадывать. Но еще издали они заметили, что дом ярко освещен, а терраса полна людей. Они с Летисией поднялись по ступенькам. Как ни хорошо был воспитан Франсуа, он с трудом мог скрыть свое изумление при виде непрошенных гостей. А когда они столкнулись лицом к лицу, воцарилось долгое, тяжелое молчание.

— А вот и хозяин! — радостно представил Франсуа гостям вовремя появившийся Франшику. — Знакомьтесь все. Это Летисия — его возлюбленная. Правда, они красивая пара?

Франсуа уже пришел в себя от неожиданности. Он был очень любезен с гостями, приглашал почаще бывать у него, заходить запросто, ведь они теперь соседи. Но гости почему-то торопились уйти. Только один Франшику не мог понять, почему все так смущены? Самюэль украдкой поглядывал на Рамиру и Серену. У Серены глаза сияли от счастья. Зато Рамиру... Ведь он хотел бежать от Летисии. Теперь, казалось, все удачно

устраивалось. Но Рамиру был мрачнее тучи. И Самюэль подумал, что их неприятности едва ли закончатся. Тем более если эта женщина поселится рядом с деревней.

Франшику поехал провожать гостей, а Летисия и Франсуа остались одни, потрясенные и взволнованные нечаянной встречей. Франсуа казалось, что сейчас у него на террасе столкнулись два разных мира, между которыми пролегла пропасть. Он сказал об этом Летисии, но она его не поняла. Она этой пропасти не видела и не понимала, как нелепо выглядит рядом с Рамиру.

— Ты не имеешь права оскорблять Рамиру! — обиделась Летисия. — Кто ты такой, чтобы говорить с таким превосходством о Рамиру, об этих людях? И что ты сам сделал в жизни?

— Разве я говорил что-то дурное о Рамиру? Это достойный, порядочный человек, — оправдывался Франсуа. — Я только хотел тебя предостеречь. Ты разрушишь его семью, сделаешь несчастными его жену и детей, но сама не сможешь жить его жизнью, отказаться от своих привычек, стать кочевницей и ходить за своим рыбаком из деревни в деревню.

Летисия чувствовала, что он во многом прав, но от этого еще сильнее рассердилась. Только она сама вправе распоряжаться своей судьбой. А Франсуа не имеет права давать ей советы. Тем более что он необъективен, преследует свои корыстные цели завоевать ее. Летисия холодно простилась с ним и уехала с твердым намерением больше никогда не встречаться с ним, не отвечать на его телефонные звонки.

А Франсуа винил во всем легкомысленного Франшику. Это из-за него с таким трудом налаженные отношения с Летисией рухнули как карточный домик, в одно мгновение. Он с нетерпением дожидался его возвращения, чтобы вежливо, но решительно выпроводить его навсегда из своего дома.

* * *

Франшику давно собирался подарить Асусене одну из чудесных бутылочек Кливера с цветком внутри. Как-то он специально заехал в бар к Мануэле, чтобы заказать старику особенную бутылочку, каких он еще не делал. С белой лилией. Ведь Асусена и означает «белая лилия».

Старик внимательно выслушал пожелания заказчика и, кажется, понял, чего от него хотят. Сегодня он пребывал в здравом уме и памяти, не бредил морем. Поэтому Мануэла строго-настрого предупредила Франшику не

волновать отца, а то в последнее время Бом Кливер часто бывает в возбужденном состоянии, рвется в море воевать с пиратами. Все знали, что у старика не все в порядке с головой.

Франшику обещал хорошо заплатить и уже стал прощаться с Кливером, но вдруг заметил у него на столе подозрную трубу.

— Это старинная труба, Бом Кливер? Можно взглянуть? — глаза Франшику почему-то зажглись, когда он осторожно взял в руки подозрную трубу.

— Да, молодой человек, приложи вот так, к правому глазу, — учил его старик, очень польщенный вниманием к своей реликвии.

Франшику внимательно изучал трубу. Непонятно, что так поразило его в этой вещице старого морского волка, но он вдруг смертельно побледнел и замер на месте, словно мучительно вспоминая что-то из далекого прошлого. Бом Кливер удивленно смотрел на него.

— Что с тобой, парень? — спросил он. — Ты где-то видел такую трубу? Что она тебе напомнила?

Но Франшику уже очнулся от своего забытья и вернулся мыслями в комнату за баром Мануэлы. Он был необычайно взволнован и тут же стал расспрашивать старика Кливера, где он взял трубу, купил или получил от кого в подарок? Его волнение передалось и Кливеру. Мануэла не напрасно берегла покой отца и не пускала к нему посетителей. Старик словно очутился в своем воображаемом мире пиратов и морских опасностей.

— Право руля! По правому борту корсары! — завопил он, выпучив глаза.

И сколько ни пытался Франшику вернуть его к разговору о подозрной трубе, это было уже невозможно сделать. Через несколько минут Бом Кливер унесся так далеко в своих грезах, что даже не узнавал его.

— А что ты тут делаешь, корсар? — грозно вопрошал он Франшику. — Кто ты такой на самом деле? Почему выспрашиваешь о паруснике? Человек за бортом, Самюэль!

— О каком паруснике ты говоришь, старик? Значит, труба с того парусника? — вдруг с изумлением воскликнул Франшику, словно давно ждал этих слов. — И при чем тут Самюэль?

Но в комнату за баром уже спешила разгневанная Мануэла, услышав, что отец снова бушует и собирается выйти в море. Она же предупреждала Франшику, чтобы даже не заикался ни о чем, связанном с морем. Теперь ей нужно целый день успокаивать старика. Так разговор Франшику и Кливера прервали. Мануэла даже выставила посетителя вон. Но Франшику все равно остался доволен своим посещением.

Когда он вернулся в дом Франсуа в дюнах, у него все еще колотилось сердце. Поспешно поднявшись к себе в комнату, он открыл один из чемоданов и достал заветный сверток. Чемоданы его были собраны и готовы к переезду. Франсуа вежливо велел приятелю убираться, за то что тот поссорил его с Летисией. Откуда было знать Франшику, что Рамиру и есть тот самый рыбак, в которого влюблена Летисия Веласкес! Он бы ни за что не пригласил его на новоселье.

Но сейчас все эти неприятности отошли для Франшику на третий и даже пятый план. Осторожно развернув свой заветный сверток, он достал пожелтевшую от времени вырезку из газеты и в тысячу первый раз прочел: «...На берег выброшен парусник. Следов жизни не обнаружено». Еще раз перечитав эту фразу, Франшику уронил клочок газеты на колени и задумался.

Он даже не заметил, как в комнату заглянул Франсуа и очень удивился, застав приятеля в таком непривычном для него задумчивом оцепенении. Франсуа чувствовал себя немного виноватым, хотя Франшику и поссорил его с Летисией и мешал его личной жизни. Все-таки этот легкомысленный тип во многом помогал ему в прошлом.

— Что с тобой? Зачем тебе эта газета? Ей уже не меньше ста лет. — Франсуа успел схватить вырезку, хотя Франшику пытался поспешно ее спрятать.

— «На берег выброшен парусник...». — прочел Франсуа.

— Это нужно мне для работы. Я собираю вырезки из газет, чтобы понять, куда лучше вкладывать деньги. Я же собираюсь открыть свое дело, — неумело врал Франшику.

Но Франсуа с иронией посмотрел на него: при чем же здесь парусник? Нет, Франшику все-таки очень загадочная личность. Несколько месяцев они знакомы, жили вместе, но Франсуа так и не понял, кто он, зачем живет на белом свете.

— Не городи чепухи, Франшику! Давай рассказывай, в чем тут дело, я от тебя все равно не отстану, — потребовал Франсуа.

— Ну ладно, предатель, раз тебя так заело, слушай! — сдался Франшику. — Этот парусник затонул где-то у берегов Сеара. На его борту был большой клад. Ты понял? Если мы его найдем, я готов поделить сокровища пополам, хоть ты и предатель и гонишь меня из дома.

Франсуа расхохотался. Вот это похоже на Франшику, только его богатое воображение могло родить такое. Пускай носитя со своими мечтами о несметных богатствах, лежащих на дне морском. А Франсуа всегда оставался реалистом, даже в своем творчестве. Он предложил

Франшику выпить на дорожку по чашечке кофе, а потом он поможет отнести в машину его чемоданы. Пора им расстаться и зажить каждому своей жизнью.

Глава 14

Вечером у них было назначено свидание. Но Эстела не смогла терпеть до вечера. Она позвонила Гаспару в гостиницу, чтобы поделиться ошеломляющей новостью. Вчера вечером к ним в бар случайно заглянул Альвару, импресарио. Ему так понравился репертуар Эстелы, ее манера исполнения, голос, что он тут же предложил ей весьма выгодный контракт. Теперь она будет петь в настоящем концертном зале, на эстраде, и уже через неделю на афишах появится ее имя — Эстела Маркес.

— Это ты принес мне удачу, Гаспар! Ты приносишь счастье и удачу, дружище. Давай отметим это событие, — предложила она. — Я сейчас куплю бутылку шампанского и приеду к тебе.

Гаспар горячо поддержал это предложение. У него в холодильнике уже дожидалось приготовленное к такому случаю дорогое французское шампанское. Значит, Альвару не стал откладывать дело в долгий ящик. Молодец! Как приятно доставлять людям радость, особенно если они об этом не догадываются.

— Ты еще станешь знаменитой, дорогая! — сказал Гаспар, когда они подняли бокалы. — Единственное, чего тебе не хватало в жизни, — немного везения. Поздравляю, и позволь тебя обнять!

Конечно, Эстела позволила и сама нежно расцеловала его. Впервые в жизни у нее появился настоящий друг, которому были небезразличны ее дела, который так радовался ее удаче. Она привыкла жить и бороться в одиночку. Поэтому обретение близкого человека было для нее не менее важным событием, чем контракт с Альвару. Она призналась в этом Гаспару, когда они танцевали под тихую музыку на открытой террасе ресторана. Гаспар был тронут ее искренностью. Они оба чувствовали, что всего за несколько дней и нескольких вечеров стали так дороги и близки друг другу, что теперь едва ли смогут существовать порознь.

Эстела поняла, что едва ли Гаспар станет довольствоваться ее дружбой. Он тоже все больше нравился ей. Несмотря на его годы, телом и духом он был намного бодрее и моложе большинства знакомых Эстеле мужчин, годившихся ему в сыновья. Эстела была скорее целомудренной женщиной, не могла похвастаться обилием романов. Но даже ее скромный опыт подсказывал ей, что Гаспар — настоящий мужчина, о каком только может мечтать любая женщина.

Было уже далеко за полночь, а они все сидели вместе и не могли

расстаться. И расставаться не хотелось. И тогда Эстела поднялась к нему в номер.

Это произошло очень просто и естественно, как неизбежное продолжение их отношений.

Утром они проснулись счастливыми. Им казалось, что этот день станет первым в какой-то новой для них жизни.

Гаспар еще не открыл глаза, но слышал спросонья, что Эстела уже встала и деловито хозяйничает в номере, готовит завтрак. Шумела кофеварка, ароматный запах кофе щекотал ему ноздри.

— Ты еще спишь, соня? — тормошила его Эстела. — Вставай, кофе готов.

Об этом давно мечтал Гаспар: чтобы завтракать с кем-то вдвоем, путешествовать вместе, ходить на матчи. Ему надоело жить одному. Летисия скоро устроит свою судьбу с Франсуа, дети вот-вот вылетят из гнезда. Ему грозило ужасающее одиночество. Но утро он начал не с кофе, а с долгого страстного поцелуя. Вот тут и раздался злополучный звонок в дверь.

— Не открывай, пусть проваливают! — сказал Гаспар, не выпуская Эстелу из объятий.

Но она все-таки набросила его халат и поспешила открыть, потому что должны были принести свежие газеты, которые заказал Гаспар. На пороге стоял Альвару. Увидев их вдвоем, он расплылся в улыбке.

— Я только зашел сообщить, что все улажено, сеньор Веласкес. Но вы, наверное, уже все знаете, Эстела вам рассказала.

— Знает, знает! Еще бы ему не знать, — ехидно ответила Эстела.

Она сразу все поняла, как только увидела Альвару. Какой же она была доверчивой дурочкой, как просто Гаспар ее провел и купил за этот контракт. Эстела никогда не верила в чудеса, все продается, все покупается. Теперь она в этом еще раз убедилась. А Гаспар, видя, что она вот-вот расплчется от обиды и унижения, в гневе затопал босыми ногами и закричал на Альвару:

— Идиот! Зачем ты пришел сюда? Убирайся вон!

Перепутанный Альвару вмиг исчез, а расстроенный, виноватый Гаспар бросился к Эстеле. Ведь он сделал это для ее же блага. Хотя путь в ад, как известно, вымощен благими намерениями. Эстела лихорадочно собирала свою сумочку, собираясь уйти. Но Гаспар запер дверь и стал возле нее стражем, давая понять, что не отпустит ее.

— Любовь моя, выслушай меня! Я всегда говорил тебе, что ты талантлива, но без протекции, поддержки сейчас трудно добиться успеха.

Что поделаешь, такое время.

— Я ненавижу ложь, Гаспар, и насилие. А самое изощренное и гнусное насилие — то, которое творится с помощью денег. Своими деньгами ты опутал меня, как сеть. Отпусти меня, я хочу побыть одна.

И Эстела вырвалась на свободу и с облегчением покинула его. Гаспар всерьез обиделся. Что он сделал плохого? Без всякой корысти помог женщине, попавшей в беду, найти работу. За это его обвинили во лжи и подлости. Нет, с него довольно! Он решительно не может понять эту бедную, но очень гордую сеньориту. Гаспар часто помогал людям, но никто еще не презирал его за это. Он больше не будет бегать за Эстелой. На свете так много красивых и покладистых женщин.

* * *

На аэродром Гаспар прибыл мрачнее тучи. Даже когда проигрывала любимая команда, он так не злился. Его несправедливо обидели. А ведь счастье было так близко, он даже прожил несколько счастливых часов. Неудачи обступили его. Да и Витор оказался упрямее, чем он предполагал. Гаспар не привык терпеть такие сокрушительные поражения на всех фронтах — любовном и семейном.

Он уже собирался отдать распоряжение летчикам, как вдруг заметил Витора. Тот шагал к самолету с независимым, чуть небрежным видом, давая понять деду, что он подчинился его злой воле, но остался при своем мнении. Гаспар обрадовался, как ребенок, и бросился навстречу внуку. Хотя бы в этом ему повезло. Как счастлива будет Летисия.

Он готов был просить прощения у внука. Все таки он обидел парня, выставил его из дома, пригрозил оставить без помощи. Эстела уже кое-чему научила его. Гаспар давно забыл, что такое чувство вины перед ближними. Много лет он не испытывал ничего подобного. И вдруг стал бережней относиться к людям, замечать их обиды. Обычно он в дурном настроении обязательно наорал бы на летчиков, и они уже ждали этого. И напрасно. Гаспар молча переживал свои неудачи.

Еще несколько дней назад он не преминул бы отчитать внука и намекнуть, что безденежье кого угодно заставит смирить свою гордыню. А сейчас он обнял Витора, признался, что рад его видеть, и попросил прощения за свою грубость. Внук был так удивлен, что не сумел этого скрыть. Он собирался наказать деда молчанием, а вместо этого они разговорились, и всю дорогу обсуждали дела в фирме.

Гаспар был удивлен такими переменами в Виторе. Еще недавно он заявлял, что только старики могут целыми днями сидеть в офисе, подписывать бумаги, наблюдать за работами на верфи. А он не намерен убивать на это свои молодые годы. И вдруг Витор стал подробно расспрашивать его, какие новые заказы на корабли поступили за это время, не собираются ли они с Летисией подумать о модернизации старых типов пассажирских и рыболовецких судов, потому что спрос на них падает? Витор оказался довольно осведомленным в вопросах конкуренции, спроса и предложения. А Гаспар считал его полным профаном в их деле.

Дома Витора не ждали, поэтому его неожиданное появление произвело большой переполох. Летисия со слезами бросилась ему на шею, Нейде приготовила его любимое блюдо, Аманда прыгала от восторга.

— Мама, если бы я знал, что будет столько слез, я бы остался в Рио, — слегка поморщился Витор, отстраняя Летисию.

Но она простила ему и эту холодность, ироничность за то, что он назвал ее мамой. Обычно он с легкой насмешкой именовал ее донной Летисией.

— Ну что, я ведь обещал тебе, что привезу мальчика! — торжествовал Гаспар. — Ты не поверишь, дочка, он бредит работой. Завтра с утра наш лентяй и прожигатель жизни отправляется в офис.

В подтверждение слов деда за праздничным обедом Витор говорил только о делах фирмы. Он прочел несколько новых статей о современном судостроении и пересказал деду и матери их содержание.

— На верфях в Роттердаме недавно начали строить небольшие суда для океанографических исследований, оснащенные по последнему слову техники, — чуть-чуть по-менторски излагал Витор. — На эти суда огромный спрос в Европе, Штатах, Японии. А мы, как и двадцать — тридцать лет назад, продолжаем штамповать старые посудины, которые скоро никто не захочет покупать. Я даже собираюсь съездить и посмотреть, как обстоят дела с верфями в Европе, и направить туда на стажировку наших сотрудников.

Гаспар с Летисией слушали с интересом и одобряли любопытство наследника к европейскому опыту. Но они все же осторожнее относились к новшествам. Чтобы начать производство новых типов кораблей, нужны крупные вложения и гарантии сбыта. Но Витор посмеивался над их консервативной осторожностью. Мать и дед не обижались: молодость всегда самонадеянна. Только бы пыл Витора не угас, а превратился в прочную привязанность к делу.

Они не подозревали, какие грандиозные, наполеоновские планы

строит Витор, как ему не терпится завтра же с утра заняться их воплощением в жизнь. Он уже видел себя во главе компании, крупнейшей компании не только в Латинской Америке, но и во всем мире.

* * *

Только с Аmandой Витор поделился своими замыслами. Он знал, что сестра его никогда не выдаст. Они с детства любили поздно вечером перед сном посеCRETничать у себя наверху. Дела в компании сейчас были главной заботой Витора. Он жил беззаботно, считая себя богатым наследником. Но оказалось, что у него нет ни гроша. Даже дом в Рио, из которого его выгнал дед, куплен на его деньги. Он полностью зависит от милости матери и Гаспара. Это открытие глубоко уязвило самолюбие Витора и разбудило его честолюбие. Он поставил перед собой цель — в ближайшие годы занять ведущее место в компании, вытеснить мать с поста президента, взять все в свои руки, в эти планы он посвятил только Аманду. Он собирался вступить в борьбу не только за свое, но и за ее будущее. Но перед тем как заговорить о делах, он нетерпеливо выпросил ее об Асусене:

— Начнем с моей любимой темы, Аманда. Как поживает твоя подружка из рыбацкой деревни? Помнит ли обо мне?

Аманда хитро улыбнулась. Она хорошо знала братца и догадывалась, что его увлечение Асусеной очень серьезно. Поэтому она время от времени навещала своих приятельниц в деревне. Чего ей стоило вымолить у Асусены прощение за дурацкое поведение Витора и убедить ее, что сама она тут ни при чем. Сейчас ей очень хотелось позлить брата.

— Прекрасно поживает твоя киска — выходит замуж. Уже и платье подвенечное готово. Как она хороша в нем, если бы ты видел!

В первую минуту Витор поверил и даже переменялся в лице. Но тут же догадался, что сестра смеется над ним, и с облегчением вздохнул:

— Ты меня хочешь завести, противная девчонка! Сейчас я тебя отшлепаю!

И Витор ринулся к ней с намерением выполнить свою угрозу. Брат часто поколачивал ее в детстве, и весьма больно, поэтому Аманда тут же взмолилась о пощаде. Да, она наврала. Асусена не выходит замуж, а сердечко ее, как видно, принадлежит только этому чудовищу, крокодилу — Витору.

— То-то же! — сразу успокоился Витор. — Передай ей, что скоро я ее навещу, как только разберусь с делами и найду свободное время. И никто

не помешает мне видеться с ней, даже ее сумасшедший брат. Но сначала, Аманда, мне нужно позаботиться о нашем благополучии, а то мы с тобой скоро пойдем по миру.

Аманда долго не могла опомниться от изумления: Витор собирается заняться делами! Такого лентяя еще поискать. В университете он учился кое-как. Но брат снисходительно объяснил ей, что в университете была теория, а сейчас начинается практика. Это совсем другое: практика его чрезвычайно увлекает.

— К тому же я понял, Аманда, что компания в руках профанов. Сеньора Летисия нас скоро разорит, если не отстранить ее от дел. Дед занят только футболом и женщинами. Хочу я или не хочу, но мне придется завтра же с утра брать бразды правления в свои руки.

Аманда ни на минуту не сомневалась, что ее самоуверенный братец преувеличивает. И пыл его к работе продлится недолго, угасая понемногу с каждым днем. Но тем не менее она обещала молчать как рыба об их странном разговоре.

* * *

Уже несколько дней Франсуа жил в своем доме в полном одиночестве, наслаждался покоем и много работал. Франшику и покой — вещи несовместимые, а без покоя к Франсуа не приходило вдохновение. Только теперь Франсуа осознал, что его приятель-фантазер мешал не только его личной жизни, но и творчеству. Он был бы вполне счастлив, если бы не враждебное молчание Летисии. С того вечера, как он пробовал поучать ее, она не появлялась и не давала о себе знать. Каждый день Франсуа ездил в город, чтобы позвонить ей домой или в офис. Сконфуженная Нейде отвечала, что ее нет дома, а секретарша — что сеньора Летисия занята. Она просто не желала с ним говорить.

Как-то Франсуа вернулся домой после очередной неудачной поездки. Еще издали он услышал стук молотка и визжание дрели. В его доме кто-то бесцеремонно хозяйничал. Рабочий в спецовке, стоя на стремянке, дырявил стену его драгоценного дома. Вокруг валялись провода, инструменты.

И среди этого беспорядка, как в родной стихии, царил Франшику.

— Ты что делаешь в моем доме, разбойник? Зачем ты портишь стены? — возмутился Франсуа.

— Все претензии к изобретателю этой штуковины, мой друг. К

сожалению, невозможно поставить телефон, не просверлив дырку в стене для провода, — развел руками Франшику.

И он сообщил Франсуа, как тому повезло: старый добрый Франшику устроил ему почти бесплатную установку телефона, осталось только доплатить за аппарат и провода. Счет оказался довольно внушительным. Но не счет за телефон привел Франсуа в бешенство. Он поселился в дюнах, чтобы скрыться от всего мира и обрести покой. Не нужен ему никакой телефон. И Франсуа принялся решительно сматывать провода, намереваясь выставить Франшику и рабочих.

— Ах, ты решил удалиться от мира! А кто живет в этом мире, ты забыл, предатель? — вдруг лукаво напомнил ему Франшику. — Правильно, твоя вдовушка Летисия. И в любой момент ты можешь снять трубку, вот так, и услышать милый голос. «Алло, любимая, как ты там?»

Франсуа задумался. Пожалуй, мошенник прав: без телефона ему не обойтись.

— Или сидишь ты дома. Мрачный, злой, как всегда, в дурном настроении, — продолжал Франшику. — И вдруг — дзинь, дзинь, дзинь! Чудная музыка. Это звонит она.

Франсуа вздохнул и согласился. Франшику умеет убеждать. Что за золотой парень этот Франшику. Он не доставляет никаких проблем, от него одна только польза. Какой удачей было встретить его на своем жизненном пути. Только очень трудно от него избавиться. Франшику вновь появился в доме и как-то незаметно остался. Он хорошо изучил окрестности и подыскивал для Франсуа великолепные пейзажи. На пленэр они выезжали вместе. Франсуа писал этюды, а Франшику давал советы и развлекал его болтовней.

Он чувствовал себя виноватым перед Франсуа. Хотя и по неведению, но все-таки он стал причиной его ссоры с Летисией. И Франшику дал себе слово помирить эту парочку. Для этого он завтра же отправится в дом Веласкесов, тем более, что у него есть свое собственное дело к Гаспару.

Глава 15

На другое утро после возвращения домой Витор встал раньше всех в доме и отправился в офис. Ему не терпелось приступить к делам. Но начал он с перестановок и переездов. Ему захотелось обосноваться в кабинете Бонфиня. Все равно тот целыми днями разъезжает по верфи, так что его стол и сейф можно поставить пока в комнату к Дави. Бонфинь не возражал, на такие мелочи он никогда не обращал внимания. Все утро в офисе передвигали столы и шкафы, переносили папки с документами. Зато Дави вскипел.

— И как вы не понимаете, что он нас унизил, этот капризный, избалованный мальчишка, — ворчал Дави на Бонфиня. — Не нужно было соглашаться и потакать его капризам.

Но Бонфинь привык снисходительно относиться к странностям и причудам молодежи, у него самого рос такой же оболтус, как Витор. Вдруг парень действительно поумнел и возьмется за дело? Пускай сидит, где хочет, только бы работал.

И вот к ним в комнату пожаловал Витор и вежливо осведомился, хорошо ли они устроились, не беспокоил ли он Бонфиня. Дави мгновенно преобразился, недовольную гримасу сменил на самое доброжелательное выражение лица:

— Ну что ты, Витор, какое беспокойство? В этой комнате свободно разместятся пятеро сотрудников. К тому же мне приятно будет работать вместе с будущим тестем. Правда, Бонфинь?

Но Бонфинь удивленно смотрел на него, и Дави смутился. Оливия уже рассказала отцу о размолвке с женихом, о своем разочаровании. Теперь Бонфинь понимал свою девочку. Скорее всего, свадьбе не бывать, и Дави напрасно надеется стать его зятем. Бонфиня просто поразили его лицемерие и угодливость.

Летисия была очень недовольна изгнанием Бонфиня и тем, что Витор сделал это украдкой, до ее прихода. Она бы никогда не позволила ему самовольничать, но теперь уже было поздно. У Летисии первой зародились сомнения: не излишне ли рвение Витора? Неплохо бы ему работать спокойнее, а то он может наломать дров. Но Гаспар и Бонфинь успокоили ее. Никто и не собирается сразу же давать наследнику большую власть в компании. Пускай сначала поработает на подхвате. Гаспар попросил Бонфиня приглядывать за внуком и удерживать его от слишком

опрометчивых решений.

Но у Витора было свое мнение на этот счет. Он не хотел быть мальчишкой на побегушках. Вскоре он вызвал к себе в кабинет Дави для конфиденциального разговора. Витор догадался, о чем совещались в кабинете у Летисии дед с Бонфином. Отныне он будет под неусыпным присмотром. Ни он, ни Дави не имеют доступа к секретным документам компании, а Витору хотелось знать обо всех сделках и планах.

— Теперь ты понимаешь, почему я посадил тебя с Бонфином? Приглядывай за ним, Дави, и тут же обо всем докладывай мне. Проследи, где он оставляет ключи от сейфа, — приказал он Дави.

— Я сразу догадался, что ты неспроста затеял этот переезд, — угодливо поддакивал Дави, хотя на самом деле понятия не имел о замыслах нового шефа.

Но ему очень польстило доверие Витора. Когда-то Оливия предостерегала его: Витор — опасный человек, жестокий, коварный интриган. Она терпеть не могла младшего Веласкеса. Теперь Дави вспомнил ее слова. Но даже если это правда, ему нет дела до моральных качеств Витора. У него самого появилась возможность стать самым близким человеком будущего главы компании. И он эту возможность ни за что не упустит. Чтобы каждый день обедать во французском ресторане, построить такой же дом, как у Бонфиня, кое-чем можно поступиться. Проглатывать унижения, выполнять не совсем чистоплотные поручения. Оливия, чистюля, которой все досталось с рождения, не желает понять, что без этого невозможно прожить в их жестоком мире, кем-то стать, сделать карьеру.

* * *

Старик Бом Кливер через внучку попросил Самюэля как можно скорее зайти к нему. Самюэль встревожился. Значит, случилось что-то очень важное. Его друг очень редко вызывал его к себе. И Самюэль поспешил в бар, стараясь прокрасться в комнату старика незаметно. Но у Мануэлы были слишком зоркие глаза. Может быть, она еще и могла кого-нибудь по рассеянности не заметить, но только не Самюэля. Недаром Эстер уверяла всех, что Мануэла равнодушна к ее мужу. Доля истины в этом подозрении, несомненно, была.

Бом Кливер с нетерпением ждал приятеля. Снова приходил этот странный тип — Франшику. В первый свой визит заказал бутылочку с

белой лилией, но вдруг увидел трубу и так разволновался!

— Он интересовался парусником? — испуганно спросил Самюэль. — Что ты ему сказал, старик? Об этом Франшику никто ничего не знает, это загадочная личность. Вдруг он из полиции?

Но Бом Кливер не верил в то, что Франшику из полиции и что-то разнюхивает. Его мучило совсем другое.

— Когда он увидел эту подзорную трубу, он так разволновался, Самюэль. Как будто что-то вспомнил, — рассказывал старик.

Оба они задумались и долго сидели молча, унесшись мечтами в свое прошлое, в те счастливые времена, когда вместе ходили в море. У них была общая тайна, которую они свято хранили много лет. Теперь эта тайна принесла им немало забот. Самюэль дал слово старику, что разузнает все о Франшику. Почему его так заинтересовали подзорная труба и парусник? Когда у Бом Кливера помутился разум, Самюэль забрал к себе домой все, что они нашли когда-то вместе на затонувшем паруснике, — папки с бумагами, судовой журнал, бинокль. Только с трубой старик не мог расстаться. Сейчас Самюэль предложил взять и трубу. Вдруг ее украдут или сам Кливер ее потеряет. Но старый моряк умолял не отнимать у него его реликвию, и Самюэль уступил. Они решили пока избегать встреч с Франшику и не болтать лишнего про парусник.

— Как же я мог ему что-то рассказать, если я и сам точно не помню, что произошло тогда на этом паруснике, — задумчиво говорил Бом Кливер, напрягая память.

Иной раз, когда у него бывали просветления в голове, он начинал видеть прошлое в таких ясных, четких картинах, как в кино. Только никак не мог вспомнить, что сказал ему тот раненый с парусника?

— Если вдруг ты вспомнишь эти слова, запиши на бумажку, а бумажку спрячь, чтобы она не попала в руки никому, кроме меня, — просил его Самюэль.

Старик кивнул в ответ. Он даже приготовит на всякий случай карандаш и листок из тетради Питанги.

Друзья уже прощались и Самюэль обещал заглянуть через неделю, когда из бара вдруг донеслись громкие крики и ругань. Самюэль поспешил узнать, в чем дело. Один из местных бандюг, Зенон, подвыпив, снова приставал к Мануэле. Она, на свое несчастье, для владелицы бара была слишком привлекательной женщиной. Обычно Мануэла сама отваживала докучливых ухажеров, но Зенон был слишком опасным и жестоким типом. Самюэль вовремя подоспел на помощь.

— Эй ты, подонок, оставь женщину в покое! — приказал он, загородив

собой Мануэлу.

Зенон только нагло ухмыльнулся в ответ:

— Тебе не кажется, старик, что ты слишком разошелся для своего роста и возраста?

Они сцепились, но силы были слишком неравными. Казалось, Самюэлю не справиться с таким громилой. Но его ничем не примечательная внешность была обманчива. Друзья знали, что у него дьявольская сила и железные мускулы, натренированные в долгих морских походах. Но Зенон нигде не появлялся без ножа. Шутили, что он даже спит со своим клинком. Самюэль скрутил ему руки и швырнул на пол. Но прежде чем очутиться поверженным у ног Самюэля, тот успел полоснуть его по руке ножом. Рана оказалась довольно глубокой, хлынула кровь.

Как ругала его Эстер за то, что он постоянно ввязывается в истории. Но что же делать, если Самюэль не может пройти мимо, если кого-то обижают или бьют. Настоящий мужчина не может делать вид, что ничего не видит и не слышит. А Самюэль был настоящим мужчиной. Мануэла редко встречала таких, наверное, поэтому он давно ей нравился. Самюэль не раз защищал ее, а несколько лет назад спас ее и Питангу от верной гибели. Зенон просто ангел в сравнении с тем бандюгой, который преследовал их тогда. Самюэль справился с ним и даже заставил уехать. Мануэла с ужасом думала, что он может вернуться.

Вместе с Питангой она промыла и перевязала Самюэлю рану, и он отправился домой, где его ждали Эстер и очередная взбучка. А Мануэла, стоя на пороге, долго смотрела ему вслед.

* * *

Наконец-то вся семья собралась вместе, как в старые добрые времена. Нейде не могла нарадоваться: за столом смеялись, разговаривали, а не ссорились, не молчали обиженно, как это было совсем недавно. Витор еще никогда не был таким покладистым и внимательным. Домашние не могли понять этой внезапной перемены в нем.

Гаспар два-три дня порадовался долгожданному семейному благополучию, а на четвертый затосковал. Эстелу оказалось не так просто выбросить из головы. Раньше он никогда не позволял ни одной женщине завладеть своими мыслями. Тем более что он не чувствовал себя виноватым.

Бонфинь заметил, что Гаспар вернулся из Рио не в духе, и пробовал с

ним поговорить. Раньше патрон всегда делился с ним любовными тайнами. Бонфиню не терпелось узнать, как поживает его знакомая — Эстела, женщина с таким твердым характером. Но Гаспар выражался, как всегда, на своем футбольном языке, очень туманно:

— Похоже, друг, я опять забил гол в свои ворота и получил еще одну красную карточку.

— Ты можешь говорить яснее? — сердился Бонфинь. — Что у тебя с Эстелой? Удалось помочь ей?

— Не вспоминай, пожалуйста, о ней! Я слышать ничего не желаю об Эстеле! — вдруг взвился Гаспар. — Привязывать себя к одной женщине — это не для меня. Я хочу осчастливить всех женщин!

Но Гаспар не мог никого осчастливить, потому что сам был глубоко несчастлив. Хоть он и давал себе слово даже не вспоминать об этой гордячке, как-то утром он позвонил Альвару. Как он и предполагал, Эстела отказалась от контракта и выступать в назначенный день не стала. Гаспар уже было решил снова лететь в Рио и вступить в единоборство с упрямицей, но тут сама судьба послала ему именно того человека, который мог помочь ему.

Нейде доложила, что его желает видеть некий Франшику. Гаспар обрадовался: будет с кем поболтать о футболе. Гаспар тут же достал свой футбольный архив, фотографии знаменитых игроков, рядом с которыми красовался он сам собственной персоной.

— А этого ты узнаешь, Франшику? — протягивал ему Гаспар одну фотографию за другой.

— Этого не может быть! Гаспар, я потрясен! Пеле! — стонал Франшику.

— Точно! Такими фото мало кто может похвастаться. Я беру автограф у самого короля футбола — Пеле. Это был благотворительный матч, который я организовал. Вот кто делал с мячом все, что хотел. Помнишь тот матч с Италией? Тостон дает пас Пеле, Пеле перепасовал Карлосу...

— Да, футбол — наше национальное достояние. Но это еще не все в жизни, — пытался Франшику перевести разговор на другие предметы.

Они потягивали с Гаспаром ледяное пиво и уже битый час говорили только о футболе. Вернее, не умолкал Гаспар, а Франшику ахал, восторгался, вовремя вставлял словечко и начинал терять терпение. Ведь он пришел просить у великого бизнесмена и предпринимателя совета, вернее, консультации. Франшику давно мечтал о своем деле. Торговлю он отверг, нет у него к ней таланта, да и влечения. Франшику привлекал туризм. Вот где бы он развернул свои таланты!

— Туризм — прекрасное вложение капитала, — согласился Гаспар. — Значит, тебе нужен деловой совет. Но, приятель, консультации стоят денег, и больших.

Франшику пал духом. Вот они, эти богачи: даже лучшему другу не помогут бесплатно. Но Гаспар тихо посмеивался, глядя на обескураженного Франшику. Он уже решил помочь будущему предпринимателю, направить по верной дороге. Нюх у Гаспара был поразительный, и все его деловые начинания завершались успехом.

— Денег я с тебя не возьму, — успокоил он Франшику. — Ты мне окажешь небольшую услугу. Мне нужен твой талант в общении, твоё красноречие. Сейчас все объясню.

И Гаспар, плотно прикрыв дверь кабинета, о чем-то долго беседовал с Франшику. Когда они появились в гостиной и потребовали еще несколько бутылочек холодного пива, Франшику сиял:

— Гаспар, это как раз то, что я умею делать лучше всего. Будьте спокойны! Я сделаю это без всякого вознаграждения. Помочь влюбленному — мой долг.

Решено было, что в пятницу Франшику летит на личном самолете Веласкесов в Рио по каким-то одним им известным таинственным делам. Гаспар велел ему не стесняться себя в расходах, которых потребует выполнение этого поручения. На прощание Гаспар похлопал его по плечу:

— Это я могу доверить только другу, близкому другу! А когда вернешься из Рио, поговорим о твоих делах.

Из дома Франшику вышел чуть небрежной походкой, гордо вскинув голову и выпятив грудь. Так, по его мнению, должны ходить доверенные лица магната Веласкеса. У гаража его приятель Плиниу мыл машину. С особенным удовольствием Франшику отдал ему распоряжение:

— Пимпа, в пятницу я улетаю в Рио на самолете сеньора Гаспара. Машину подашь к моему дому без четверти восемь. Прошу не опаздывать.

Пораженный, Плиниу застыл с мокрой тряпкой в руках.

* * *

Пессоа знал, что женщины его погубят. Так ему на роду написано. Потому что природа-матушка сотворила его необычайно любвеобильным. Стоило ему увидеть хорошенькое личико, точеную фигурку — и Пессоа терял голову. Правда, как говорила его сестрица Оливия, терять-то было особенно нечего. Пусть это слабость, даже грех, но женщины — самое

прекрасное, что есть в жизни, считал Пессоа. Только они дают радость, вдохновение, счастье. Он любил дочерей Евы бескорыстно, как художник. Восхищался ими, глядя со стороны. А принадлежал он всецело только одной из них — Адреалине.

Вот тут-то и начались несчастья Пессоа. Свободолюбивая его Дрена, презиравшая всяческие условности и предрассудки, оказалась жутко ревнивой. Она ревновала его к Жанаине, к Питанге, к каждой встречной красавице, на которую он украдкой бросал взоры на улице. В отместку она дулась на него, доводила его до отчаяния своей холодностью и молчанием.

Он же сам сдуру и признался Адреалине, что просто очарован своей будущей родственницей — Далилой. Она не только красотка, но и умница, веселая, беззаботная. Они в чем-то похожи с Пессоа. Как они хохотали на этом званом ужине с родителями Дави. Кто бы мог подумать, что у этого зануды Дави может быть такая обалденная сестрица.

Адреалина молча слушала его восторженные похвалы и все больше мрачнела. А когда Пессоа наведлся в деревню в гости к своим новым знакомым и даже подарил Далиле сандалии, Дрена взорвалась. Это был долго дремавший вулкан, который обрушил на Пессоа горы пепла и камней. Она выгнала его из квартиры Фреда и велела больше не появляться на глаза. Потому что она не желает иметь ничего общего с этим жалким бабником, ничтожеством, не пропускающим ни одной юбки.

Пессоа был оскорблен до глубины души. Он неделю пролежал у себя в комнате с разбитым сердцем. Не ел, не брился, исхудал, зарос густой щетиной. Он ждал! Вот-вот появится Адреалина, виноватая, раскаявшаяся, будет вымаливать прощение. И он ее простит! Пессоа едва не разрыдался, представив себе эту трогательную сцену. Но Дрена что-то не спешила к нему с извинениями.

Через неделю Жанаина накормила его с ложечки, погладила по голове, приласкала. Оливия заставила побриться и принять ванну. Пессоа больше не мог не видеть Адреалину. Он умирал от горя. Он не сомневался, что она тоже страдает, но не придет первая из гордости. И потом, ведь это он уличен в измене, а не она. Дрена конечно же тоже лишилась аппетита, лежит в спальне у Фреда и ждет его. И Пессоа помчался к ней, забыв обо всех обидах.

Дверь ему открыл озабоченный Фред и тут же снова уселся за машинку, предоставив их самим себе. С кухни доносились шипение сковородок, аромат бифштексов и пение Адреалины. Пессоа стоял как громом пораженный.

— Что я вижу? — вскричал он. — Я-то думал, что она тоскует в

разлуке, как и я, терзается угрызениями совести, а она преспокойно готовит себе еду. Да у тебя не сердце, а кусок льда, Адреалина!

— Что ты имеешь против моей еды? Ты хочешь, чтобы я вообще не ела? — отвечала Адреалина, с аппетитом жуя сочный бифштекс. — И как ты вообще посмел явиться сюда, крокодил, после того как увязался за другой девчонкой?

— Господа! Вы мешаете мне работать, — напомнил Фред.

Но Пессоа и Адреалина забыли обо всем на свете, громко выясняя свои отношения. Они высказали друг другу много обидных слов. Пессоа — об идиотской ревности Дрены. Дрена — о его непроходимой глупости и самомнении. Вообразил себя неотразимым мужчиной, длинный, нескладный урод. Просто новая красotka его отшила, и он решил вернуться к старой подруге.

— Этого я тебе не прошу, Адреалина! Я сейчас уйду. Я уже ухожу! — трагическим голосом произнес Пессоа. — Ты будешь умолять меня вернуться, грозить самоубийством, но я никогда не вернусь!

— Вали отсюда, Казанова! — равнодушно бросила Адреалина, гремя тарелками.

Пессоа пулей вылетел вон и долго стоял на лестнице, стараясь унять сердцебиение и справиться с собой. Теперь он убедился на собственном опыте, как коварны и безжалостны женщины, сколько они приносят страданий. Он решил завтра же отправиться в деревню к Далиле и всерьез приударить за ней назло этой бессердечной кукле.

В это время Фред поднялся из-за письменного стола. Его ни капельки не тронула драматическая сцена, только что разыгравшаяся на его глазах. Скорее позабавила.

— Ну что там с ужином, Адреалина? Думаешь ты меня, наконец, накормить? — весело спрашивал он.

Но Адреалина молчала, кусая губы и шепотом повторяя ругательства: черт, дьявол, ничтожество, юбочник. Да, у нее был прекрасный аппетит, и желудок ее никогда не страдал ни от любви, ни от ревности. Но зато сердце у нее вовсе не было каменным, как думал Пессоа. Она тоже тяжело переживала из-за их ссор, только умела скрывать свои чувства за маской холодной иронии и равнодушия.

Глава 16

Франшику хлопотал на кухне в самом отличном расположении духа и с нетерпением поджидал возвращения Франсуа. В пятницу он улетает в Рио по делам Гаспара. В оставшиеся до отъезда дни он планировал заняться примирением Летисии и Франсуа. Но, похоже, все складывается отлично и без его участия. По этому случаю Франшику даже готовил праздничный обед.

Наконец явился мрачный холостяк Франсуа и уже собирался сделать выговор своему беспокойному другу за беспорядок на кухне. Он не уставал повторять, что еще не встречал такого неряху, как Франшику. Но упреки застыли у него на губах, потому что Франшику весь лучился радостью, а в глазах его прыгали лукавые искорки.

— Ты только не волнуйся. Знаешь, давление и все такое. От радости тоже умирают, — заботливо предупредил он Франсуа.

Такое предисловие встревожило Франсуа не на шутку.

— Что случилось? Звонила Летисия? — с надеждой спросил он.

Но Франшику вместо ответа на цыпочках поднялся по лестнице и поманил его пальцем. Франсуа нехотя последовал за ним. Он ничего хорошего, кроме очередных нелепых выдумок своего приятеля-фантазера, не ждал. Франшику привел его в ванную и с торжественным видом показал на зеркало. Франшику был разочарован, окончательно убедившись, что это глупая шутка. На зеркале кто-то помадой вывел крупными буквами по-английски, по-французски и по-немецки: «Я тебя люблю».

Франшику был даже обижен равнодушием друга к этим волнующим словам. Уж не думает ли Франсуа, что он сам их тут намалевал, чтобы сделать ему приятное? И Франшику рассказал, что он был на кухне, когда к дому подъехала машина. Франшику решил, что вернулся хозяин, и спокойно продолжал завтракать. Прошло несколько минут, но в доме было тихо — ни звука шагов, ни ворчания Франсуа. Удивленный, Франшику решил проверить, в чем дело. И как раз в это время от дома отъехала машина. Это была машина Веласкесов.

— Она была здесь, до тебя еще не дошло? Кто, кто! Твоя муза, сиятельная вдовушка Летисия Веласкес. Прокралась тихо, как мышка. Я даже ничего не заподозрил.

Франсуа недоверчиво покачал головой. История, конечно, загадочная. Но Летисия — взрослая женщина, неспособная на такие детские шалости.

Франшику со своей обычной горячностью убеждал его: женщина — загадка, не знаешь, чего от нее ждать. С виду она — гипсовая статуя, а в груди бьется сердце семнадцатилетней девчонки. К тому же влюбленная женщина способна на любую глупость. Как еще могла Летисия дать ему понять, что больше не сердится и хочет примирения?

Но Франсуа отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. Нет, никогда он не поверит, что это сделала сдержанная, чуть высокомерная сеньора Веласкес. Он уже собирался прилечь у себя в спальне ненадолго, чтобы остаться наедине со своими мыслями. Но тут заметил на покрывале странную вещь — женскую сережку. Как она сюда попала? Поистине этот дом полон привидений и загадок. Франшику тоже увидел сережку и издал победный клич:

— Это же сережка Летисии! Она была в них в тот вечер, когда вы вернулись из ресторана. Что я говорил! Улика неопровержимая.

Эта улика привела Франсуа в настоящее смятение. Может быть, и правда он не знает женщин, несмотря на свой богатый опыт? Но сомнений быть не могло — он держал на ладони ее сережку. Франсуа был влюблен и очень хотел верить своему счастью. Потому и поверил. Он бросился к телефону, чтобы позвонить Летисии, но Франшику его удержал.

— Ты совершишь роковую ошибку, Франсуа. Думаешь, она ждет твоего звонка? Женщина тайком приехала в твой дом, оставила такую компрометирующую ее надпись. Да и сейчас она еще не пришла в себя от потрясения. У тебя есть время, подумай хорошенько. Твой ответ должен быть такой же трогательный и небанальный, как и ее поступок.

Телефонный звонок — это, конечно, банально, Франшику прав. Франсуа думал всю ночь, а утром послал Летисии в офис огромный букет с запиской: «К сожалению, не могу подарить тебе целый сад. Вчера ты сделала меня счастливейшим из людей. Надеюсь, что смогу достойно отблагодарить тебя уже сегодня вечером и приглашаю на скромный ужин только для нас двоих. Целую. Франсуа. Да! Я нашел твою сережку. Еще раз целую».

* * *

Летисия, недоумевающая, прочла записку. Сомнений быть не могло: на карточке ее имя. Что за нелепость? Первым ее побуждением было срочно позвонить Франсуа и все выяснить. Но она даже не знала ни его номера телефона, ни фамилии. Наверное, Аманда знает, она все знает об этой

творческой личности.

— Алло, мама! А зачем тебе нужна фамилия Франсуа? — почему-то испуганно и тревожно спросила Аманда. — Кажется, Франсуа Виейра да Силва, точно.

Но Летисия уже положила трубку, так и не объяснив дочери, зачем ей понадобился сеньор Виейра. Секретарша нашла номер телефона Франсуа в справочнике, но дозвониться не могла. По-видимому, Пикассо творит где-нибудь на природе, с раздражением думала Летисия. Она давно заметила, что вспоминает о нем всегда с недобрым чувством, а после этой дурацкой записки ее недоброжелательность усилилась. Попросив девушку постараться найти сеньора Виейру, она поехала с Витором обедать домой.

Их встретила обеспокоенная Нейде. Аманда давно заперлась в своей комнате, ни с кем не желает разговаривать. С девочкой творится что-то непонятное. Верная нянька и домоуправительница Веласкесов давно подозревала, что Аманда влюбилась. В ее годы это порой переживается мучительно, как болезнь. Летисия хотела тут же подняться к дочери, но Витор ее остановил. Только ему Аманда доверяет свои девичьи тайны, и только он один может дать ей дельный совет. Летисии было немного обидно, она с некоторых пор заметила, что дочь сторонится ее. В чем причина этого отчуждения, она пока не понимала.

Витор решительно постучал в дверь, и Аманда тут же открыла. Ей так нужно было с кем-то поделиться.

— Что случилось, давай рассказывай! — Витор всегда снисходительно беседовал с младшей сестрой.

— Кажется, я совершила самую большую глупость в своей жизни, и она мне еще аукнется, — призналась ему Аманда.

Она рассказала, как утром тайком ездила в дом Франсуа и оставила на зеркале в ванной свое признание в любви. А он до сих пор не позвонил ей и не поблагодарил. Он просто не обращает на нее внимания, считает ребенком. Но что испугало Аманду, так это неожиданный звонок матери. Зачем ей вдруг понадобилась фамилия Франсуа?

Витор с улыбкой выслушал ее. Приключение сестрицы казалось ему детской шалостью. Она совершила этот набег на дом архитектора от отчаяния и нетерпения. Трудно любить без взаимности. Но сделать ей строгий выговор — его долг как старшего брата.

— Мы, мужчины, не любим, когда нам навязываются, сестренка. Если он к тебе равнодушен, не унижайся, не лезь напролом. Пусть все идет своим чередом, — наставлял он Аманду.

Витору никогда не нравился этот свободный художник. По его

мнению, он просто ухлестывает за их матерью. И хорошо, что не обращает внимания на Аманду, он слишком стар для нее. Скоро у сестры пройдет ее блажь. К тому же у ног наследницы огромной империи будут вздыхать толпы мужчин, не чета этому потрепанному ловеласу.

— Понимаешь, детка, наш дед много работал и построил эту компанию. Но ведь он самоучка, у него нет теоретической подготовки. Он не в курсе последних достижений в области судостроительных технологий...

Порой Аманда уставала выслушивать его. Витор просто помешался на своих грандиозных планах превратить их компанию в могущественную империю с филиалами во всех странах. Вот и сейчас он уже забыл о ее проблемах и размышлял о будущем, когда миллионы долларов, франков, марок потекут к ним рекой. Разве они бедны? У меня все есть, кроме одного, что мне больше всего нужно, — счастья, думала Аманда. Она бы без колебания отдала свое наследство за то, чтобы завоевать любовь Франсуа, быть рядом с ним. Но счастье не купить даже за миллионы. И как Витор не понимает этого?

* * *

Рамиру с Самюэлем склонились над чертежом новой лодки. Лодка Кассиану строилась, но очень медленно, гораздо медленней, чем ему хотелось бы.

— Тебе не кажется, что борт слишком высок, Самюэль, может быть, сделаем его пониже, легче будет затаскивать сети? — раздумывал Рамиру.

— Твоя правда. Сколько мы с тобой намучились с сетями, потому что не учли этого, — согласился Самюэль. — Надо еще подумать, хватит ли места для мотора.

Они были прекрасными практиками, но теория судостроения часто ставила их в тупик. Самюэль сделал чертежи лодки по старинке, но все же он считал себя самоучкой. Им даже не с кем было посоветоваться. Тут Кассиану вспомнил о соседе архитекторе. Почти каждый день они сталкивались на пляже. Франсуа с мольбертом обследовал окрестности в поисках красивых пейзажей и интересных лиц. Деревня уже стала привыкать к нему, тем более что художник оказался очень простым и радушным человеком. Кассиану он даже нравился, хотя он всегда относился настороженно к чужакам. Недавно Франшику устроил на спор соревнования по плаванию. Кассиану считался отличным пловцом, но

Франсуа выиграл заплыв. После этого его авторитет в деревне вырос еще на несколько пунктов. И Кассиану несколько не обиделся, наоборот, заужал художника.

— Послушай, отец, можно я покажу чертежи Франсуа? Он не только художник, но и архитектор. Может быть, что-нибудь дельное подскажет? — как-то спросил он Рамиру.

На лицо Рамиру набежала темная тучка при одном упоминании этого имени. Кассиану ничего не заметил, зато от зоркого взгляда Самюэля это не укрылось. После новоселья у Франшику его друг стал замкнутым и угрюмым. Все время задумывался о чем-то своем и не слышал, что ему говорят. Самюэль хорошо знал его: Рамиру страдал, а к Франсуа испытывал самую примитивную ревность.

— Зачем тебе нужен этот архитектор, он ведь строит дома? А нам нужна консультация инженера-судостроителя, — ответил он сыну, свернул чертеж и унес с собой.

Кассиану удивленно посмотрел ему вслед. На следующий день Рамиру, не сказав ни слова Самюэлю, отправился прямо на верфь. Он нашел главного инженера и прямо на причале развернул перед ним чертеж. Опытный глаз инженера сразу же заметил несколько изъянов в конструкции лодки.

Окна офиса выходили прямо на причал верфи. Они с инженером беседовали уже с четверть часа, когда Рамиру поднял голову и вдруг увидел в одном из окон Летисию. Похоже, она уже давно наблюдала за ним. Их глаза встретились. Но Летисия тут же исчезла в глубине своего кабинета. Рамиру уверял себя, что вовсе не желал встречи с ней. Он пришел на верфь только за консультацией. Но ноги почему-то сами понесли его в офис. Ему так захотелось увидеть Летисию Веласкес, немедленно, сейчас, что он снова не сумел справиться с собой.

Секретарша испугалась, узнав сердитого моряка, который недавно чуть не устроил у них погром. Она была уверена, что сеньора не примет этого человека. Но Летисия распорядилась проводить Рамиру Соареса в свой кабинет. Они встретились, как будто не виделись целую вечность.

Чтобы не искушать себя и оторвать глаза от Летисии, Рамиру развернул на столе свой чертеж.

— Это лодка моего сына Кассиану, — объяснил он. — Я приехал посоветоваться с твоим инженером, но, похоже, поступил неправильно. Извини. Нужно было сначала поговорить с тобой.

— Не извиняйся, Рамиру. Я так рада, что смогу хоть чем-то вам помочь. Приходите с сыном, когда захотите. Я предупреду главного

инженера.

И Летисия попросила секретаршу принести для сеньора Соареса проспекты новых легких судов и чертежи к ним. Рамиру даже не ожидал такого щедрого подарка. Он тут же принялся разглядывать чертежи. Вот обрадуется Кассиану.

И все-таки на прощание он не удержался и спросил Летисию, как она живет? И жадно ждал ответа. Вот сейчас она скажет ему, что счастлива, выходит замуж за его соседа Франсуа. Но глаза ее были все так же грустны, как и раньше.

— У меня все хорошо. Были осложнения с сыном, но теперь все уладилось, — Летисия сама не понимала, зачем она рассказывает ему о своих семейных делах.

Она не скрывала, что главное сейчас в ее жизни — это работа. Ей хочется сделать что-то полезное для города и его жителей. Ведь на их верфи работают тысячи человек. Их благополучие зависит от того, как идут дела в компании. На счастливую женщину Летисия не была похожа и ни словом не обмолвилась о Франсуа. И с души Рамиру как будто камень свалился. Он был так рад, что по-детски, простодушно не смог скрыть этого от Летисии.

— Как хорошо, что я к тебе зашел, — признался он. — Это трудно объяснить. Наверное, воспоминания нахлынули. Но теперь я спокоен.

Летисия ничего не поняла: что тревожило Рамиру и почему он успокоился, повидавшись с ней. Как всегда после встречи с ним, она долго приходила в себя. А ей еще предстояло очень неприятное свидание. До Франсуа секретарша так и не смогла дозвониться, поэтому Летисия решила поговорить с ним лично. Она вспомнила о глупой его записке и вздохнула: жизнь полна загадок. Она не понимала ни Рамиру, ни Франсуа, да и в самой себе не могла разобраться как следует.

Едва Самюэль увидел Рамиру, как тут же понял — что-то произошло. Его друг словно преобразился со вчерашнего дня, его лицо просветлело, тяжелая угрюмость исчезла без следа, как будто Рамиру получил утешительное известие. С довольным видом он протянул Самюэлю проспекты и чертежи легких рыболовецких судов. Вначале Самюэль с такой жадностью погрузился в чертежи, что не подумал, а где же Рамиру мог достать все это. И вдруг его словно озарило:

— Так ты был на верфи, у Летисии? Рамиру, как ты мог! Ведь ты обещал мне, помнишь?

Рамиру был смущен, но оправдывался: эта встреча произошла случайно, он не искал ее. Но Самюэль не верил ему. Рамиру уверял его, что

рад счастью Летисии. Пускай она остается в своем мире, с человеком ее круга. У президента компании и простого рыбака все равно ничего бы не вышло. И после всех этих заверений он поехал на верфь, чтобы увидеть ее.

— Рамиру, неужели ты не можешь обуздать себя? Я прекрасно видел, что с тобой произошло, когда она явилась с этим своим Франсуа... — не мог удержаться от упреков Самюэль. Его прежде всего беспокоило спокойствие Серены, мир в семье.

— Это не ее Франсуа, — вдруг высказал свою тайную мысль Рамиру. — Я должен был в этом убедиться. Они просто друзья.

Самюэль изумленно посмотрел на него. Вот что делает с людьми страсть, даже с такими сильными, как Рамиру. Он неделю мучился ревностью, пока не убедился, что эта женщина не любит соперника. Теперь Рамиру спокоен и даже доволен, хотя все еще полон решимости не видеться с Летисией, забыть ее. Ему просто невыносимо было бы встречать ее здесь вместе с Франсуа. Все это было так непонятно уравновешенному, спокойному Самюэлю. К тому же его тревожили дурные предчувствия. Нужно было поскорее увозить отсюда Рамиру. Может быть, за несколько недель, проведенных в море, свежий ветерок выветрит из его головы мысли о Летисии.

То, чего так боялся Самюэль, случилось в тот же день. Серена узнала о странном визите мужа на верфь. После новоселья у Франшику она совершенно успокоилась. Правда, Рамиру был какой-то дерганый и мрачный, но она терпеливо ждала, пока это настроение пройдет.

И вдруг радостный Кассиану приволок в дом ворох чертежей, разложил их на столе и стал внимательно изучать.

— Конечно, такого корабля мне ввек не построить, но кое-какие детали можно позаимствовать, — рассуждал он вслух.

Серена заглянула в чертежи, и первое, что бросилось ей в глаза, был знак компании Веласкесов в углу листа — «Рыболовецко-морское объединение «Судно».

— Эта аристократка донна Летисия дала отцу чертежи. Посмотри, какая красота, мама! — говорил Кассиану.

У Серены даже потемнело в глазах: он снова ходил туда, они виделись. Грозная тень Летисии Веласкес снова встала перед ней. С этой женщиной ей трудно бороться, потому что Рамиру тянет к ней как магнитом. Она ничего не скажет ему, не станет упрекать. Пусть будет так, как распорядится судьба.

Глава 17

Франсуа не терпелось спровадить Франшику. Сегодня у него начинается новая жизнь — в его дом придет Летисия, зеленоглазая наяда, которая так волнует его воображение. Кто бы мог подумать, что она способна на такие пылкие романтические выходки? Воистину, женская душа — загадка... А Франшику стоял и разглагольствовал об омарах с орешками под манговым соусом, от которых любая женщина влюбляется по уши...

— Ужин сегодня готовлю я, — прервал его Франсуа, — и готовлю его для двоих: Летисии и художника Франсуа, который пригласил ее в гости, а тебя прошу удалиться. И как можно скорее. Больше того, Франшику, я прошу тебя не возвращаться!

— Ты что, хочешь сказать, что я буду ночевать под кустом? — возмущенный Франшику готов был испепелить взглядом приятеля, но возмущение его было наигранным, они прекрасно понимали друг друга.

— Где хочешь, там и ночуй, — проявил крайнюю степень бессердечия влюбленный художник. — Кстати, ты говорил, что завтра уезжаешь. Можно узнать куда?

— В Рио-де-Жанейро. Деловая поездка. — Франшику тут же напустил на себя серьезный вид. — Ты вот думаешь, что Франшику — шут гороховый, а он — бизнесмен, главная надежда фирмы.

— Очень рад за тебя и за фирму, — расхохотался Франсуа. — А ты бы не мог стать и моей главной надеждой?

— В чем дело? — насторожился Франшику.

— Не в службу, а в дружбу — загляни в Сан-Паулу и повидай Лилиану. Ты наверняка ее помнишь. Она была со мной, когда ты продавал мне участок. Узнай, как у нее дела с моей квартирой. Продала она ее? А если продала, то перевела ли деньги?

Франшику прекрасно помнил Лилиану. Еще бы ему не помнить такую красивую девушку! Она тогда ему очень понравилась. Что ж, он с удовольствием с ней повидается. Похоже, Франсуа не будет рыдать, уткнувшись в подушку, если Франшику немножко поухаживает за этой красоткой.

— Так и быть, — с важностью сказал Франшику, — заеду. Но и ты окажи мне услугу: заведи себе блокнот и записывай все мои благодеяния.

— Непременно, — пообещал Франсуа. — А пока до встречи,

дружище! Жду тебя с хорошими вестями от Лилианы.

Франшику поклонился и ушел, а Франсуа подумал, что вести от Лилианы могут быть всякие. Он ведь не позвонил ей, так что она наверняка на него обижена. И не без оснований. Но с другой стороны, уж теперь она точно знает: между ними все кончено.

Насвистывая, Франсуа принялся готовить ужин. Готовить он любил и умел. Рыба будет золотиться поджаристой корочкой, золотистой, поджаренной будет и картошка. Вино тоже будет золотистым. А в окно будет струиться золотистый свет заходящего солнца. И в мягких сумерках будут мерцать, как две звезды, любимые глаза, наполняя сердце счастливым томлением. Ведь любовь — главная драгоценность жизни.

Летисия пришла в самый разгар стряпни. Она, можно сказать, застала Франсуа врасплох.

— Входи, мое счастье.

Конечно, Франсуа предпочел бы, чтобы она пришла, когда у него все было бы уже готово, но сколь многообещающим было ее нетерпение!

— Я не могла дозвониться тебе целый день, вот и заехала на секунду, — сказала Летисия. — Я не поняла, что означают твоя записка и цветы.

— А мне показалось, что я написал так ясно, — улыбнулся Франсуа. — До чего же долго я ждал тебя, и вот ты наконец здесь. Разве это не самое главное?

Он подошел к ней, собираясь обнять, поймать наконец ускользающую наяду. Но выражение лица Летисии было по меньшей мере необычным. Она ничуть не походила на влюбленную женщину, которая торопилась на свидание, и уж совсем не была готова ни к каким объятиям.

Все-таки Франсуа притянул ее к себе, попытался поцеловать и почувствовал сопротивление.

— Что это? Ошибка? Комедия? Или ловушка?.. — Летисия будто размышляла вслух, высвобождаясь из его объятий и вопросительно поглядывая на него.

— Клянусь, я пришел в неистовый восторг от твоего послания на зеркале и в экстаз от сережки у меня в постели.

Франсуа вовсе не собирался отпускать Летисию. Он хотел уверить ее, что ей нечего стыдиться своего порыва, что он разделяет ее чувства, что он просто на седьмом небе от счастья и благодарности.

— Но я никогда не была в твоей постели, и ты это прекрасно знаешь, — Летисию начала даже забавлять нелепая ситуация. И чем она казалась нелепее, тем больше хотелось Летисии разобраться в ней и

расставить все точки. — Ты просто морочишь мне голову, Франсуа, и я не скажу, что шутки у тебя хорошего тона.

Летисия бросила холодный взгляд на Франсуа: в конце концов, любая нелепость должна иметь свой предел.

— Но я вовсе не шучу, — Франсуа теперь держал ее за руку. — Пойдем ко мне в спальню.

Летисия на миг потеряла дар речи: да что же это такое?! За кого он ее принимает?!

— Я ухожу! Довольно с меня всяких глупостей! — заявила она.

Негодование Летисии рассмешило Франсуа.

— Не будь ребенком, Летисия! Разве я похож на насильника? Поверь, я и пальцем тебя не трону! Мне теперь тоже стало интересно, кто же побывал у меня в спальне и испачкал твоей помадой мою подушку.

Летисия медленно, недоверчиво вошла в спальню. На зеркале губной помадой — да, ее помадой, но такой помадой красят губы миллионы женщин! — было на разных языках написано: «Я тебя люблю».

Франсуа молча протянул ей сережку. Если такой помадой красили губы миллионы женщин, то сережка была действительно ее, тут уж не было никаких сомнений.

— Мне очень жаль, что ты решил, будто я способна на такие дурацкие выходки. Они не в моем стиле, Франсуа, хотя сережка в самом деле моя, — Летисия снисходительно смотрела на художника, чье пылкое воображение увлекло его слишком далеко.

Ей даже стало жаль его, такое искреннее огорчение отразилось у него на лице. Даже не огорчение — горе.

— Но Франшику видел, как ты приезжала на машине Гаспара, — Франсуа пустил в ход свой последний аргумент, он не понимал, почему Летисия так упорствует. — Прости! Я был так счастлив оттого, что женщина, которую я люблю, ответила мне любовью, и с такой любовью готовил ужин...

Из кухни запахло горелым, и Франсуа, не договорив, бросился туда.

— Ты права, что не собиралась со мной ужинать, — все сторело! Все прах и пепел, а пеплом сыт не будешь, — улыбнулся Франсуа.

Летисии вдруг все показалось очень смешным.

— Я очень люблю хорошо прожаренную рыбу. И чем больше, тем лучше, — сказала она, оглядев угольки на сковородке, — так что придется мне все-таки с тобой поужинать. Только знаешь, мне бы тоже хотелось похвастаться своими кулинарными способностями.

Пока она колдовала над сыром и сливками, готовя какое-то

фантастическое блюдо, Франсуа смотрел на нее и таял — самая прекрасная из женщин хозяйничала у него в доме. И естественно, когда они наконец сели за стол, первый бокал он выпил за нее.

Таял Франсуа. Таяло во рту приготовленное Летисией блюдо, и, кажется, в конце концов немного оттаяла и Летисия, но и то только после того, как Франсуа сказал:

— Похоже, я знаю, кто у меня побывал. Оцени мои дедуктивные способности. Во-первых, согласишься, что это кто-то из близких тебе людей. Иначе откуда машина Гаспара, твоя помада и серьги?

— Но клянусь, я просто ума не приложу, кто бы это мог быть, — искренне недоумевала Летисия.

— Аманда! — сказал Франсуа. — Потому что, во-первых, я хочу сказать тебе, что она уже несколько раз пыталась поговорить со мной наедине.

— Ты знаешь, я это замечала, — и вот тут Летисия смягчилась, — замечала, что Аманда всеми силами старается нас свести. Ты помнишь, как она во что бы то ни стало хотела помирить нас? Какая же она трогательная!

И Летисия вдруг почувствовала себя счастливой: ее дочь так заботится о ней, так не хочет, чтобы мать осталась одна... Горячая волна благодарности захлестнула Летисию.

Потом она смотрела картины Франсуа. И должна была признаться себе, что не может остаться равнодушной. От них веяло силой и страстью. Они радовали насыщенным цветом и каким-то необычным разворотом привычных предметов.

— Какое у тебя великолепное чувство композиции, — не могла не похвалить она его.

— У критиков другое мнение, — рассмеялся Франсуа, — но я, кажется, нашел что-то свое и не собираюсь выпускать его из рук, — работаю с утра до ночи.

— Да, искусство забирает человека целиком, — согласилась Летисия.

— Любовь тоже, — сказал Франсуа и притянул ее к себе.

Это был их первый настоящий поцелуй, такой же насыщенный, полный и радостный, как нарисованные Франсуа картины.

— Ой, я же никого не предупредила, что задержусь, — спохватилась Летисия, — все будут волноваться, думать, что со мной что-то случилось.

— Но ведь случилось же? Да? — Франсуа вопросительно заглядывал ей в глаза.

— Да, — Летисия не могла сейчас лукавить.

Кассиану рассматривал рекламный проспект «Судоверфи Веласкес» и невольно ахал: ну до чего же хороши лодки! Одна другой лучше, удобнее. И как сделаны! А какие краски! Лодки прямо как живые!

Кассиану был настоящим рыбаком, и лодка была его мечтой. Серена мельком взглянула, чем так восхищается ее обычно суровый и молчаливый сын.

— Это мне папа дал. Наверное, принес от сеньоры Веласкес, — простодушно объяснил Кассиану, и мирный ясный день померк в глазах Серены.

— Иди погуляй, сынок, — попросила она, — и Асусену прихвати с собой. Ужинать мы еще не скоро будем.

Кассиану с недоумением взглянул на мать, но спорить не стал, не в его характере было спорить.

Серена осталась дома одна. В ее груди бушевала буря. Весь мир сейчас был для Серены тесен, а не только ее дом, всегда такой любимый, уютный, а теперь ставший прибежищем несчастья, мрачным, словно тюрьма.

Как только Рамиру вошел и взглянул на Серену, он понял: стряслось что-то серьезное, — таким отчужденным было обычно радостное лицо жены.

— Ты опять с ней виделся? — только и спросила она.

Взгляд Рамиру невольно привлекли цветные лодки, которые рассматривал Кассиану, и он тут же все понял. У него опустились руки: опять надвигается шторм — возмездие за тени прошлого, что приходили и тревожили яркий день настоящего.

— Ты же знаешь, мы хотим сделать с Кассиану лодку, я и ходил на верфь, разговаривал с инженером, там мне и дали чертежи.

— Ты не ответил на мой вопрос: с ней ты виделся? — глаза Серены неотступно следовали за Рамиру, и, глядя в ее огромные, черные, полные боли глаза, нельзя было не сказать правды.

— Да, я видел и сеньору Летисию, но нужна мне была только лодка. Лодка для Кассиану!

— Нет, я не такая образованная, как твоя сеньора Летисия, но дурой я тоже никогда не была, — Серена говорила это, словно бы глядя в себя, словно размышляя вслух. — Что же ты думаешь, я не вижу, что с тобой творится, после того как ты увидел свою сеньору вместе с тем парнем? Думаешь, я не поняла, что ты непременно отправишься к ней, чтобы

самому убедиться, влюблена она в него или нет?..

В отчаянии была не только Серена, но и Рамиру — неужели Серена так никогда и не поверит ему? Неужели покой в их доме так и будет всегда держаться на волоске? Неужели невозможно до конца искупить совершенное прегрешение и оно всегда будет нависать мрачным призраком?

— Вспомни, Серена, как нам было хорошо той ночью? Разве может обмануть ночь любви? — Рамиру всеми силами пытался найти то, что, безусловно, убедит жену в его преданности и отгонит навязчивый призрак.

— Может! — горько ответила Серена. — Все эти годы я была тебе верной, надежной женой. Мы были вместе во всех бедах и горестях. Ты всегда был моим единственным, моей радостью, и я надеялась, что ты позабудешь о ней. Но ты ее не забыл. Что ж! Без тебя мое сердце ссохнет и почернеет от горя, но жить я буду, потому что нужна своим детям. Поэтому будь мужчиной, Рамиру! Скажи, что ты выбираешь в этой жизни. Жить и делить тебя с ней я не смогу.

Серена высказала все, что хотела, и почувствовала, что в ней поселилась пустота безнадежности. У нее не было даже слез. Она тихо вышла из дому и не спеша пошла к морю, села на песок и стала смотреть, как набегают одна за другой волны. Она ни о чем не думала, только пристально следила, как набегали и откатывались сине-зеленые пенистые волны...

Серена все еще сидела на пляже, когда в дом вернулись с прогулки дети. Странно, может быть, называть детьми этого взрослого юношу и юную девушку, но все-таки они были детьми.

— Что-то случилось, папа? — спросил Кассиану у сторбившегося Рамиру, сидевшего в углу, безнадежно опустив между колен руки.

— Нет, ничего, — глухо ответил Рамиру. — Только знаешь, может, вы переночуете сегодня у Самюэля? Ужинайте, а я пока пойду пройду.

Брат с сестрой переглянулись: такого еще не было никогда. Видно, произошло что-то крайне серьезное, иначе ни отец, ни мать так бы себя не вели!

Но слово родителей было для них законом, и, поужинав, Асусена прихватила белье, и они отправились к Эстер и Самюэлю.

— Милые бранятся, только тешатся, — попробовала успокоить ее Эстер, но Асусена только недоверчиво покачала головой.

Рамиру надеялся на благодатную ночь, которая всегда приносила им мир и согласие, но на этот раз он ошибся. Вернувшись, Серена заперлась в комнате Асусены и не захотела с ним даже разговаривать. Разговаривать им

было не о чем. Она будет ждать его решения.

Рамиру злился на себя, на Серену и чувствовал свое полное бессилие. Он же все уже решил, все высказал. Но чем и как он мог вернуть себе поколебленное доверие Серены? Что должно было случиться, что произойти, чтобы она поверила ему?! И поверила навсегда!

Ночь была для обоих тягостная, почти бессонная. Но поутру Серена уже, как всегда, хлопотала на кухне, готовя завтрак. Жизнь должна была идти своим чередом, и дети не должны были страдать оттого, что у матери разрывается сердце. У них будут свои неприятности, их в жизни не избежать...

И Рамиру, глядя на свою жену, не мог не восхищаться ею. С каждым годом он все больше и больше уважал Серену за выдержку, ровный нрав, за житейскую мудрость и за преданность ему и детям. Он не мог понять, как не чувствует его уважительной любви Серена? Как может в нем сомневаться?.. Ведь он же предан своей семье! Неужели она не замечает этого?..

Асусена и Кассиану были рады вновь воцарившемуся у них в доме миру. Они были слишком молоды, слишком заняты собой, чтобы задумываться, прочен ли этот мир? Их и не тревожил призрак Летисии Веласкес.

Глава 18

Летисия вернулась домой в приподнятом настроении. Она не могла отрицать, что в ее жизни свершилась перемена, что она готова ее принять. Гаспару и Аманде больше нечего беспокоиться. Она приняла решение и согласна покончить со своим одиночеством.

Франсуа привлекал Летисию своей неординарностью, умом, талантом. В общении с ним она могла надеяться на душевную тонкость, на понимание. Летисия не собиралась торопиться, но была согласна, чтобы рядом с ней на некотором расстоянии, все приближаясь и приближаясь, шел Франсуа, а куда приведет дорога, они посмотрят...

Именно это она и собиралась сказать Аманде, чтобы удержать от дальнейшего неблагоразумия ее горячее сердечко.

У дочки еще горел свет, и Летисия поднялась в ее спальню. Ей не стоило большого труда добиться у Аманды признания, что именно она побывала у Франсуа, надев материнские сережки и прихватив помаду.

— Одну сережку я потеряла, но собиралась завтра же купить, — горячо сказала Аманда.

Полусонная, раздумываясь, она была сейчас прехорошенькой, и Летисия залюбовалась ею.

— Не надо, доченька. Франсуа нашел ее и уже мне вернул. А я хочу сказать тебе, что не надо больше ни секретов, ни сюрпризов. Я вижу, как вы с дедом стараетесь, чтобы я нашла себе спутника жизни, и знаешь, я решила, что...

Но Аманда не слышала ее. Занимало Аманду только одно: как отнесся к ее визиту Франсуа. Теперь она страшно раскаивалась в этом своем поступке. Она-то ведь хотела, чтобы Франсуа наконец увидел в ней взрослую привлекательную женщину. А вышло, что повела она себя как глупая маленькая девчонка. Она так хотела все исправить и вместо этого все испортила. Одна мысль об этом приводила Аманду в отчаяние.

— Мамочка! — Аманда смотрела на Летисию блестящими глазами. — Я безумно люблю Франсуа. Я готова на все, лишь бы он перестал смотреть на меня как на маленькую! Но теперь он вообще не будет на меня смотреть! — Слезы готовы были политься из глаз Аманды.

На лице ее было написано такое отчаяние, что Летисия застыла. Боже мой! Аманда! Неужели?! Как хорошо, что признание не успело сорваться с ее губ. Как хорошо, что они с Франсуа еще так далеки друг от друга... Хотя

Летисия не могла не признать, что неожиданная откровенность Аманды взволновала ее не только как мать...

Аманда, сделав первое признание, заторопилась и с остальными — в ней накопилось столько мыслей, чувств, новых ощущений, что носить все это в себе ей давно уже было невозможно. Плотина прорвалась. Открыв в матери наперсницу, дочь торопилась ей все высказать.

— Знаешь, он всегда один, и мне кажется, он страдает. Мне так хочется подойти к нему поближе, утешить, наполнить его жизнь радостью. Ты ведь меня понимаешь, правда, мама? — Восторженные и встревоженные глаза дочери смотрели на Летисию. — И ты мне поможешь! Да? Ты мне поможешь его завоевать?

Летисия невольно про себя усмехнулась, но усмешка была печальной.

— Ты считаешь, что именно я могу тебе помочь? — спросила она.

— Конечно! Кто же еще? Ведь ты же моя мама! — простодушно удивилась Аманда.

— Понимаешь, я хотела тебе сказать... — неуверенно начала Летисия, сама еще не зная, что именно она хотела бы сказать дочери, но Аманда прервала ее:

— Я знаю все, что ты скажешь! Разница в возрасте и все такое прочее! Но поверь, все различия — предрассудки! Я люблю его! Люблю впервые! Я не знала, что любовь — это просто сумасшествие, не знала, какое это необыкновенное и восхитительное чувство! И он должен, должен ответить мне взаимностью!

Летисия поняла, что ничего больше она уже не скажет. Что она просто не знает, как говорить с дочерью. Она в тупике и не знает, что ей делать. Со своим недоумением, с тяжелой печалью в сердце она, простившись, ушла к себе в спальню.

А наутро первый звонок был от Франсуа.

Трубку взял Витор. Услышав мужской голос, он мгновенно внутренне насторожился, но трубку передал матери с улыбкой.

— Я так и не уснул после нашего вчерашнего вечера. Твой поцелуй жег мне губы. Мне не терпится увидеть тебя снова. Я заеду за тобой, и мы вместе победаем, — в голосе Франсуа было столько ласки, столько нежности.

— У меня возникли очень серьезные осложнения, — ответила Летисия. — Ситуация переменилась, и я просто не знаю, что сказать...

— Тем более! Значит, нам просто необходимо увидеться. Я заеду за тобой! — уверенно и энергично пообещал Франсуа.

— Да, вообще-то ты прав. Хорошо, — согласилась Летисия.

Витор по-прежнему был настороже. Для начала ему нужно было уточнить, кто это звонит матери в такой ранний час.

— Нужно раз и навсегда запретить секретарше давать номер твоего домашнего телефона клиентам. Беспокоить тебя в такой ранний час, — высказал сын свое недовольство.

Погруженная в свои мысли, Летисия рассеянно посмотрела на него.

— Это не клиент, — сообщила она, — скорее всего, это будущий сотрудник. Пока он — друг. У него есть кое-какие предложения по отделке яхт. По профессии он архитектор.

— Друг отца? — уточнил Витор.

— Нет, деда, — ответила Летисия.

Такое пристальное внимание Витора к звонку было неприятно Летисии, ей очень мешало то, что Витор так настойчиво вторгается в ее личную жизнь.

* * *

После того как Витор стал энергично заниматься делами фирмы, он только и делал, что всех контролировал. По существу, он мало еще что смыслил в делах, но уже хотел, чтобы служащие воспринимали его как хозяина, и к тому же как доброго хозяина. Поэтому он всем говорил о новшествах, о повышениях по службе, об увеличении окладов. Друг семейства заинтересовал Витора с разных точек зрения, он наметил себе непременно с ним познакомиться, простился с матерью и заторопился на работу.

Одним из тех, кого Витор стремился расположить к себе, был Дави, которого Витор всячески ободрял и поощрял. Он уже пообещал ему и прибавку к жалованью, и повышение по службе.

Окрыленный новостью, Дави понесся к Оливии. Он спешил обрадовать ее: теперь они могли назначить день своей свадьбы.

Однако Оливия ничуть не обрадовалась и к обещаниям Витора отнеслась более чем скептически. Ей был крайне неприятен этот молодой человек.

Она подозревала его в двуличности и непорядочности. И в связи с этим энтузиазм Дави был ей тоже очень неприятен. Он бросал какую-то недобрую тень на ее жениха, и она тем более не хотела торопиться со свадьбой.

— По-моему, тебя хотят использовать на твоей новой должности, а

потом от тебя избавиться, — сказала она Дави.

— Как ты можешь так думать, Оливия?! — возмутился он.

— Не будем торопиться со свадьбой. Мы достаточно долго ждали, чтобы подождать и еще немножко. Посмотрим, что будет.

— Мне уже кажется, дело не в Виторе, а в тебе. Мне кажется, что ты просто оттягиваешь нашу свадьбу, — в запальчивости высказал свои подозрения обиженный Дави.

— Ну зачем ты так? — мягко ответила Оливия. — Сейчас не время ссориться, я много работаю и так устаю у себя в больнице. Не забывай, я только что с дежурства.

— Да, прости, отдыхай, — тут же пошел на попятный Дави, — мы успеем еще обо всем поговорить, мне просто очень хотелось тебя обрадовать...

— Я рада, что ты пришел, а с остальным мы пока подождем.

В общем, в искренности Оливии Дави сомневался напрасно: у нее были сомнения, и она честно их высказывала.

Зато ее мать, сеньора Изабел, была совсем не прочь оттянуть свадьбу дочери. С возвращением Витора отношение ее к Дави резко переменялось.

Изабел стало казаться, что ее дочь достойна лучшей партии. Тем более что Бонфинь, прослуживший столько лет в фирме, давным-давно стал добрым другом ее хозяина, Гаспара Веласкеса. Так почему бы, собственно, им не породниться? Увидев, что разговор с Оливией опечалил Дави, она про себя порадовалась: кто знает, как еще все повернется?

В душе Изабел считала себя необыкновенно тонким политиком. И сейчас, она задумала одну весьма престижную акцию, она готовила благотворительный чай! В патронессы их благотворительного общества она собиралась выдвинуть Летисию. Гаспар будет очень благодарен Изабел за то, что она введет его одинокую дочь в лучшее общество, и, возможно, даже повысит Бонфиня по службе.

Изабел уже вознеслась на головокружительные высоты, и с этих высот провинциал Дави, у которого не было никаких связей, казался ей, конечно, жалкой мошкой, от которой она предпочла бы отмахнуться.

В то время как Изабел тешила мечтами свое честолюбие, ее сын тешился любовными мечтами. Адреалина вновь исчезла с его горизонта. Вернее, она снова жила у Фреда. Пессоа не был в претензии к ней. У него появился чудесный план, и он немедленно взялся за его осуществление.

Не теряя времени, Пессоа отправился к Питанге. Он давно знал, что обстоятельной, положительной Питанге по душе такой же обстоятельный Кассиану, а ему самому была очень по душе живая, непоседливая Далила,

которая стала избранницей сурового Кассиану. Пессоа не сомневался, что рано или поздно Далила не устоит перед его достоинствами: как-никак живости и ему не занимать, собой он недурен, и к тому же горожанин! Вот тогда Питанге и достанется Кассиану. А пока пусть Питанга съездит с ним в деревню и все покажет, а там уж он сам во всем разберется.

Просьбу о том, чтобы отправиться в деревню, Питанга приняла без всякого воодушевления. Она не знала, какая кошка пробежала между ее матерью и ее деревенской родней и соседями, но с некоторого времени Мануэла строго-настрого запретила ей появляться в деревне. Однако Пессоа обещал ей, что он устроит встречу с Кассиану, с которым она сможет поговорить с глазу на глаз, и это, конечно, не оставило Питангу равнодушной.

Увидев Мануэлу, Пессоа тут же подступил к ней с уговорами, но о деревне он ни слова не сказал. Он так расписывал страдания заболевшей Адреалины, которая лежит совсем одна и так будет рада, если Питанга навестит ее, что Мануэла отпустила дочку.

— Ладно, ладно. Иди, Питанга, — сказала она. — Только долго не задерживайся, у меня дел по горло, одной не управиться.

Пессоа подмигнул Питанге: ну что? Теперь она убедилась, что все идет как по маслу?

На машине они вмиг докатили до деревни. Но на окраине Питанга попросила высадить ее из машины — дальше лучше идти пешком, кто знает, как их еще встретят?

Но Далила им обрадовалась. Конечно, она не забыла забавного брата Оливии, который так горячо обещал приехать в деревню, посмотреть на их житье-бытье. Рада была Далила и Питанге, которой очень симпатизировала. У Далилы была Асусена, она только что прибежала за ней, чтобы позвать полюбоваться на Кассиану, который мерился с желающими силой.

Далила пригласила и гостей-горожан полюбоваться этим зрелищем.

— А кто этот Кассиану? — разыграл полное неведение Пессоа.

— Мой парень! — с гордостью ответила ему Далила.

Смуглый атлет Кассиану мерился со всеми желающими силой, и руки одного за другим парней плотно прижимались к деревянной поверхности, хотя парни были такие же крепкие и мускулистые, как молодой рыбак. На губе у Кассиану блестели бисеринки пота, в черных глазах горел сумрачный упорный огонь. Увидев озорную Далилу, он только хмыкнул про себя: теперь его соперники могли не сомневаться — ни одному из них не выйти в победители!

Кассиану снисходительно усмехнулся, когда и нескладный горожанин пожелал вступить с ним в поединок.

— Сейчас, — согласился он, — вот только водички попью...

Далила попыталась образумить гостя: разве он не видит, что с таким богатырем вряд ли стоит тягаться? Но своими уговорами она только подзадорила Пессоа.

Видя, как раскипятился горожанин, Маджубинья сказал с улыбкой:

— Проигравшего, будем купать...

Старики подошли поближе, им тоже хотелось поглядеть, как играет в парнях молодая кровь. Они вспомнили свои молодые годы, когда-то и они не чуждались такой забавы, а тут поединок приобрел еще больший интерес: свой тягался с чужаком-горожанином!

Одна была заслуга у Пессоа — Кассиану положил его руку, но не в первую же секунду, а чуть чуть спустя, хоть недолго, но ему удалось противостоять неумолимому натиску.

Пессоа весь напрягся, покраснел, запыхтел. За спиной он слышал одобрительные возгласы:

— Давай, давай, парень! Ну-ка поднажми, поднажми еще!

Так старики исполняли свой долг гостеприимства. Но рука Пессоа была уже плотно прижата к доске.

— Купать его! Купать! — закричали все. Парни с хохотом потащили отбивавшегося Пессоа к морю, благо тащить было недалеко.

Сверкающее, сияющее, чудесное море с радостью приняло ватагу разгоряченных парней, счастливых своей молодостью и силой. Шум, гам, брызги. Но Кассиану, пожалуй, переборщил, купая Пессоа. Не в добрую минуту он заметил, как посматривает горожанин на его Далилу. Тот вылетел из воды, ловя ртом воздух. Пока мощная рука Кассиану держала его под водой, он уже успел распрощаться с жизнью.

Девушки стали просить у гостя прощения за своих парней.

— Не обижайся! Не сердись! Они же не со зла. Просто так вышло, — смеясь, наперебой утешали его Далила и Асусена.

Но Пессоа и рассердился, и разобиделся до крайности. Грубые деревенские забавы ему не по нутру. Впрочем, чего и ждать от чурбанов неотесанных?!

Но Пессоа найдет еще средство, он им всем покажет, как над ним издеваться! Он сумеет поставить их всех на место!

Кое-как приведя себя в порядок, ни слова не говоря, Пессоа двинулся к машине. Вслед за ним заторопилась и Питанга. Она, пожалуй, сочувствовала Пессоа, но еще больше восхищалась Кассиану. Вот уж кто

герой!

— Я же говорила тебе, что он очень сильный, — сказала она Пессоа, когда машина тронулась с места.

— Зверь, настоящий зверь, — ответил ей Пессоа.

* * *

Летисия и Франсуа договорились встретиться днем, а с утра в мастерскую Франсуа явилась Аманда. Вчерашний разговор с матерью еще больше освободил и раскрепостил ее. Все, что она таила в себе, держала под спудом, выйдя наружу, как бы узаконилось и обрело безусловное право на существование. Объявив матери о своей любви, Аманда словно получила право отстаивать ее и настаивать на ней.

Правда, на этот раз, прежде чем прийти, она позвонила Франсуа по телефону, и он согласился повидаться с ней.

Франсуа чувствовал, что визит этот неизбежен. Что эта девочка еще доставит ему множество хлопот и неприятностей. Что именно о ней и пойдет у них сегодня разговор с Летисией. И потому хотел уже сейчас расставить все по местам и как-то разрядить обстановку.

В мастерской у него царил страшный беспорядок. Франсуа натягивал очередной холст, готовясь писать новую картину. Давно ему уже так не хотелось работать. Собственно, к живописи его вернуло ожившее, трепещущее сердце. Мир раскрывался перед ним с какой-то особой откровенной щедростью, и, радуясь его богатству, Франсуа не мог и не хотел никого обижать. Даже эту девочку, которая была ему в тягость своей навязчивостью, своим молодым эгоизмом. Самолюбивая юность не умеет еще входить в утонченное общение с миром, а только в таком общении черпает полноту и радость зрелая душа.

Едва войдя, Аманда принялась извиняться:

— Ужас, что я тут наделала! Я только потом поняла, и мне так стыдно, так стыдно! Простите меня, Франсуа. Впредь я обещаю вести себя примерно.

— Считай, что все уже забыто, — кивнул ей Франсуа, не отрываясь от работы. — В юности и я натворил немало глупостей. Детство не может ни сердить, ни обижать, так что давай скрепим наш мирный договор стаканчиком ананасового сока с мятой. Я только что приготовил свеженький, — и он протянул Аманде стакан.

— Но я уже не ребенок, Франсуа, — возразила Аманда, — и мне

совсем не приятно, что вы обращаетесь со мной как с младенцем-несмышленишкой. В этом тоже есть что-то ненатуральное. Скажите, вы боитесь себя или я вам совсем не нравлюсь?

На слишком прямо поставленный вопрос Франсуа не мог дать такого же прямого ответа. Он не хотел, не имел права ранить дочку Летисии. Он не хотел портить с ней отношения. Ради Летисии, ради надежды на их любовь он должен был постараться не оттолкнуть ее дочь, а попробовать как-то изменить ее привязанность в благотворную сторону.

— Нет, я не боюсь себя, Аманда, и ты мне очень нравишься, — начал он и не знал, что ему говорить дальше.

Но сама Аманда заторопилась:

— Нравлюсь, но не как женщина, да, Франсуа? Вы привыкли думать, что я еще маленькая, но вы посмотрите, посмотрите на меня! — Аманда встала перед Франсуа, она не сомневалась в своей привлекательности. У нее и в самом деле было прехорошенькое личико и стройная, вполне развитая фигурка. — Посмотрите! — настаивала она. — И услышьте, что я вас люблю! Влюблена до безумия! Готова на все!

Франсуа только вздохнул про себя: нелегкая работа — образумить этот пылкий, слепой и глухой эгоизм. Но он все-таки попытался:

— Пойми меня правильно, Аманда, и не считай, что я не уважаю твоих чувств. И все же мне кажется, что ты в них немного запуталась. Ты очень рано лишилась отца, тебе его не хватает, и свою потребность в дружеском мужском участии ты приняла за любовь. Поверь, так оно и есть. Ведь по возрасту я как раз гожусь тебе в отцы, ты мне в дочери, и я готов в тебе видеть свою большую умную дочку...

При этих словах Аманда фыркнула, она оставила почтительное «вы» и перешла на интимное, страстное «ты»:

— Нет, ты мне не отец, а любовь, которую я к тебе испытываю, не имеет ничего общего с дочерними чувствами. Мужское участие и дружба у меня были всегда, ты забыл, что у меня прекрасный дедушка? Ты просто щадишь меня и не хочешь сказать мне правду! Но поверь мне, поверь, я достаточно взрослая, чтобы слышать ее от тебя.

Говоря это, Аманда торопливо шла по дорожке сада к калитке.

— Я готов сказать тебе правду, вернись, и мы поговорим, — окликнул ее Франсуа.

Может, девочка права и лучше сказать ей все как есть? Он уже подыскивал слова помягче, чтобы объяснить ей всю несбыточность ее надежд.

— Нет, — отказалась Аманда, — у нас не получится никакого

разговора. Зря я сегодня пришла к тебе! Мне нужно было немного подождать. Но ты увидишь: придет день и я стану для тебя женщиной. Да, Франсуа! Это я тебе обещаю!

* * *

Когда Франсуа и Летисия встретились днем в ресторане, им обоим было что рассказать друг другу.

Летисия была очень сдержанна, очень немногословна. Ночь не прошла для нее даром, она принесла ей ясное и твердое решение, и Летисия сообщила его Франсуа.

— Ты знаешь, вчера я поговорила с Амандой, и она мне призналась, что влюблена в тебя. Я увидела, что со мной говорит очень юная, но женщина, и женщина влюбленная. Это серьезно, Франсуа. И я никогда не буду соперницей своей дочери!

Франсуа улыбнулся и вздохнул:

— Ты сама еще ребенок, Летисия. О каком соперничестве может идти речь? Я гожусь Аманде в отцы и надеюсь, ты не подозреваешь меня ни в каких противоестественных наклонностях? Я сказал, что люблю тебя, и я отвечаю за свои слова. Мне кажется, мы с тобой взрослые и свободные люди и имеем право жить так, как считаем нужным.

— Говори тише, — остановила его Летисия, — в этом ресторане много знакомых.

— Боже! Как же ты запугана, Летисия!

— Привет, мамочка! Хорошо, что я тебя нашел, — перед столиком стоял Витор.

Он узнал у секретарши, что Летисия отправилась обедать в ресторан, и немедленно примчался. Еще бы! Он должен знать, с кем она проводит время, в ее жизни не должно быть никаких тайн от сына!

— Ты тоже пришел пообедать, Витор? — с меланхолической улыбкой спросила Летисия и представила его Франсуа: — Мой старший сын, Витор, — и потом сыну — Франсуа: — Франсуа Виейра да Силва. Садись, Витор. Свой заказ мы уже сделали.

— Я с удовольствием пообедаю с вами и познакомлюсь поближе с художником, который предлагает такие перспективные проекты для фирмы!

Обед прошел за обсуждением внешнего вида яхт. Обговорили и сроки представления окончательного проекта. В конце обеда Витор спохватился:

— Да! У меня есть к тебе и еще одно дело, мамочка! Мне срочно нужна твоя подпись!

— Давай я тебе прямо тут и подпишу, — предложила Летисия.

— Нет, я уже опаздываю на встречу! Я и так с вами очень задержался. Но я буду ждать тебя в офисе. Думаю, через полчаса ты уже будешь на месте?

— Да, наверное, — вяло ответила Летисия. Витор помахал рукой и пошел к выходу. Франсуа только головой покачал, глядя вслед

Витору. Ну и ну! Ну и хватка у молодого человека!

— Да ты, как я посмотрю, в настоящей тюрьме. А тебе не кажется, что пора выходить на свободу? — спросил он у Летисии.

— Витор очень переживал смерть отца и болезненно относится ко всем моим знакомым, — с покорным смирением объяснила Летисия.

— Будем считать, что я беру тебя прямо из монастыря, — пошутил Франсуа. — Но ты, надеюсь, не будешь и дальше жить в рабстве у собственных детей? Хватит, Летисия! Ты же не ребенок. Не обманывай себя, что подобное рабство естественно и нормально!

— И все-таки я предпочла бы остановиться, — с какой-то безнадежностью в голосе сказала Летисия.

— И не думай! — весело возразил Франсуа. — Ты чувствуешь, нас уже подхватило течением и несет? Ты чувствуешь, как неодолим этот сумасшедший поток? — Глаза Франсуа со счастливым озорством смотрели на Летисию. — Я согласен, до поры до времени мы с тобой можем встречаться тайно, чтобы не слишком огорчать твоих близких, но жизнь уже подхватила тебя, и ты не можешь уклоняться от встречи с жизнью, Летисия!

Глава 19

Дави ходил как в воду опущенный. Он просто не мог понять Оливию — ведь они давно обо всем договорились! У них был уговор, что, как только дела в фирме, где он служит, пойдут получше, они пожениются! А теперь вдруг Оливия говорит: «Подождем, не будем торопиться». А чего, спрашивается, ждать?

И когда Витор стал его спрашивать, почему у него такой удрученный вид, Дави не мог не поделиться своими горестями.

— Наверное, она не верит в перспективность нашей фирмы, — предположил Витор. — Но если ты мне позволишь, я сам поговорю с Оливией и попробую ее убедить. Для тебя я постараюсь добиться повышения, я же понимаю, что свадьба — дело нешуточное, а потом и на жизнь куда больше понадобится.

Дави просто слов не находил, чтобы поблагодарить Витора, он не ждал от него такой сердечности, такого участия.

— Но пообещай, что шафером у тебя на свадьбе буду я, — с улыбкой сказал Витор, видя благодарное лицо Дави.

— Для нас с Оливией это будет большая честь, — единственное, что сумел ответить Дави.

— Если позволишь, я поговорю с Оливией прямо сегодня.

Дави замялся.

— Поверь, я тебе очень благодарен, Витор. Но ты знаешь, с женщинами всегда непросто, а с Оливией непросто вдвойне. Она может тебе такого наговорить... — Дави покрутил головой. — Думаю, что сперва нужно хорошенько подготовить почву...

— А я не думаю, — самоуверенно ответил Витор, — с женщинами я нахожу общий язык очень легко, и если что задумал — прочь с дороги! Раз я решил быть шафером на вашей свадьбе, то так оно и будет! Не дрейфь, Дави!

— Помогай тебе Бог! — вздохнул Дави. Витор решил не откладывать дела в долгий ящик и отправился к Бонфиню. Чего он только не наговорил ему! А начал с того, что намеренно перевел сеньора Бонфиня в кабинет по соседству с Дави. Доверять он может только Бонфиню и очень хочет, чтобы тот во все глаза наблюдал за Дави. Он, Витор, собирается расширить предприятие, обязанностей у Дави прибавится, и он как шеф должен быть в нем стопроцентно уверен.

— Дави работает на вашу фирму не один год, — сказал Бонфинь, — и работает безупречно, так что, я думаю, ты вполне ему можешь доверять, он справится и с более сложными делами.

— Рад слышать твое мнение. Бонфинь. Ведь ты не только самый старый работник, ты стал другом нашей семьи. А мне очень нужен человек с опытом, который остановил бы меня, если я вдруг начну делать глупости.

Витор смотрел на Бонфиня так искренне, что прямодушный и бесхитростный Бонфинь поздравил про себя своего друга Гаспара с тем, что дело его, похоже, будет в надежных руках. Из Витора выйдет толк.

— Только не пори горячку, Витор, и действуй всегда с оглядкой — ведь в книгах все совсем не так, как в жизни. А я обещаю, что всегда буду тебе помогать, ты на меня можешь рассчитывать, — говорил своему молодому патрону честный Бонфинь.

— Только не говори никому, что я трушу. Но тебе я честно скажу: у меня мороз по коже идет, стоит мне только подумать, что я буду управлять таким мощным предприятием! — Если Витор и играл в откровенность, то играл великолепно, и этой своей откровенностью он окончательно покорила Бонфиня.

— Тише едешь — дальше будешь, — успокоил его Бонфинь. — И помни, что мы за тебя горой, Витор.

— А не выпить ли нам по стаканчику виски, — предложил Витор, — после работы, разумеется. Что, если меня вдруг пригласит к себе сеньор Бонфинь?

Бонфинь почувствовал себя польщенным.

— Будем очень рады, Витор, и я и Изабел тоже.

Вечером Витор отправился к Бонфиню. Изабел просто не знала, куда деваться от радости. Она могла только мечтать о том, чтобы заполучить к ним Витора, и вот пожалуйста! Витор собственной персоной на пороге.

Изабел рассыпалась перед ним в любезностях, и Витор принял их как должное. Он не сомневался в ценности собственной особы и льстивое заискивание Изабел воспринял как совершенно естественное.

Изабел, извинившись, побежала к Оливии. Оливия только что вернулась с дежурства из больницы и собиралась лечь. После работы она всегда приходила полумертвая от усталости и мечтала только об одном — об отдыхе. Но Изабел замахала на нее руками:

— Спустись вниз, дочка! Не каждый день приходит к нам Витор. Постарайся уж для меня, для отца. Только смотри губы накрась, приоденься, мы тебя будем ждать.

Оливии не хотелось вступать в спор с матерью, она слишком устала

для этого, и лишнее душевное напряжение было для нее тяжелее физического. Поэтому, наскоро приведя себя в порядок, она действительно спустилась вниз.

Изабел тут же исчезла из гостиной под предлогом того, что ей нужно распорядиться насчет ужина.

— Развлекай, дочка, гостя, — сказала она и закрыла за собой дверь.

Бонфиню она тоже строго-настрого приказала не появляться — пусть молодые побеседуют на свободе.

Изабел не слишком надеялась, что тайная ее мечта исполнится, но судьба посылала ей шанс, и она хотела им воспользоваться.

Витор тут же подсел к Оливии.

— Оливия, я как раз искал возможность поговорить с тобой наедине. Поверь, я пришел к вам не ради ужина и не ради стаканчика виски. Мне хотелось загладить дурное впечатление, которое у тебя, очевидно, возникло от наших предыдущих встреч! Жизнь надавала мне оплеух и кое-чему научила.

— Я не понимаю, при чем тут я и зачем ты мне все это говоришь, — холодно сказала Оливия. — Но я очень рада, если ты хоть чему-то научился.

Оливия спустилась в гостиную еще и потому, что знала: встреча с Витором неизбежна, рано или поздно они непременно встретятся, и хотела, чтобы и встреча и разговор уже состоялись и Витор понял всю невозможность их дальнейших встреч.

— Я хочу, чтобы ты дала мне шанс исправить наши отношения, доказать, что я стал совсем другим человеком. Я знаю, вы с Дави жених и невеста, и знаю, что у вас не все ладится.

Оливия возмутилась: да как он смеет, этот хлыщ, лезть в ее личную жизнь? Это что за новости? Кем он себя мнит?

— Не понимаю, откуда ты это взял? — спросила она ледяным тоном.

— Мы подружались с Дави, и у него от меня нет секретов. Потому-то я и пришел с тобой поговорить! У Дави блестящее будущее в нашей фирме, так что не беспокойся на его счет.

Витору было приятно чувствовать себя благодетелем, который способен в один миг решить все житейские неурядицы, и он приготовился пожинать плоды благодарности. Сейчас он скромно выслушает добрые слова размягчившейся Оливии и столь же скромно отметет их.

— При чем тут блестящее будущее Дави? С чего ты взял, что оно меня волнует? — начала было Оливия, но, взглянув на Витора, спохватилась и возмущенно заявила:

— Я никогда не поощряла вмешательства в свою жизнь чужих людей и запрещаю делать это и тебе!

Она не собиралась обсуждать свою жизнь с кем бы то ни было.

Тон Оливии был резок, холоден, слова недвусмысленны. Витор поднялся. Похоже, посредничество его не удалось, как не удалось и другое — Оливия не переменила к нему своего отношения.

— Сейчас будем ужинать, — возвестила вернувшаяся Изабел.

— В другой раз, Изабел, — отклонил приглашение Витор, — у меня назначена встреча. Рад был вас всех повидать.

— А Бонфинь? Он так расстроится... — Изабел не скрывала и своего огорчения.

— Мы еще поужинаем вместе, и не раз, — Витор фамильярно чмокнул Изабел в щеку, надеясь, что это послужит ей утешением. — Пока!

— Что ты наговорила ему, бесчувственная? — накинулась Изабел на Оливию, как только Витор ушел.

— Оставь меня в покое, мама, — устало сказала Оливия. — Дай мне отдохнуть!

Оливия просто кипела от негодования. Она не собиралась спускать такое Дави. Какое право он имеет откровенничать о ней с Витором? Нашел себе друга! Да от таких нужно держаться подальше!

Изабел хоть и очень сердилась на дочь, но другого от нее не ждала. Что, она не знала своей Оливии?

Дети, надо сказать, доставляли Изабел немало хлопот. Что Пессоа, который возится со своей кудлатой хиппи Адреалиной! Что Оливия, которая чересчур уж строга!

Но Изабел надеялась на себя. На свой ум, изворотливость, тонкость, дипломатические способности. Уж кто-кто, а она сумеет повернуть дело в свою пользу!

И вот на другое утро Изабел, разрядившись в пух и прах, села в машину и отправилась не к кому-нибудь, а к самому сеньору Гаспару.

Нейде, увидев разряженную, важную, похожую на индюшку Изабел, тут же сказала, что Летисии нет дома, она на работе.

— В субботу? На работе? А я-то думала, что только мой муж с утра до ночи пропадает в фирме, — протянула Изабел. — Но вообще-то я не к Летисии. Мне нужно повидать сеньора Гаспара, милочка.

Нейде рот открыла от такой бесцеремонности.

— Пойду узнаю, дома ли сеньор Веласкес, и если дома, то сможет ли вас принять?

Гаспара не принято было тревожить, он не принимал визитеров, и,

очевидно, не сеньора Изабел составит исключение из правила — так, по крайней мере, считала Нейде.

— Где ж ему и быть, как не дома! Тем более теперь, когда мой муж тащит на своем горбу все его дела. — без малейшего смущения говорила Изабел. — Да ты поторопись, дочка, я ведь жду.

Нейде уже успела закрыть рот, больше того, она скептически поджала губы, отправляясь исполнять поручение. Но, к ее удивлению, Гаспар принял Изабел. Они с Бонфином в самом деле были старыми друзьями, и Бонфиню фирма многим была обязана.

— Рад тебя видеть, Изабел, — встретил ее Гаспар. — Почему ты так редко у нас бываешь?

Начало было как раз такое, какое нужно. Изабел на такое доброжелательство и не рассчитывала.

— Нам надо бы встречаться почаще, мы ведь старые друзья, Изабел, — продолжал Гаспар. — Ты выгащила счастливый билет. Бонфинь — человек замечательный, преданный, честный, добрый...

— Да, Гаспар, я с тобой согласна. Я тоже все время говорю Бонфиню, что надо бы нам почаще встречаться. Но ты, наверное, слышал, что я собираюсь устроить благотворительное чаепитие, весь высший свет Форталезы примет в нем участие. А твою Летисию мы собираемся сделать патронессой.

— Конечно, слышал, Изабел, — Гаспара забавляла деятельность жены Бонфиня, но ей он ничего не сказал. — Летисия была очень тронута той честью, какую вы ей оказываете.

— А для нас было бы большой честью устроить это чаепитие у вас в доме, — выпалила Изабел свою заветную просьбу, и сама несколько была ошеломлена собственной дерзостью.

Однако и ее просьба показалась Гаспару забавной: почему бы в самом деле не устроить этот дамский чай у них в доме? Тем более он сам только что приглашал Изабел бывать у них почаще.

— Если дело во мне, Изабел, то я не возражаю, — сказал он, — но, наверное, нужно узнать мнение и Летисии тоже.

— Спасибо тебе, Гаспар, — проворковала Изабел, — я никогда не сомневалась в твоей дружбе.

Изабел возвращалась домой преисполненная гордости: ну кто бы смог осуществить такое? Кто бы смог устроить благотворительное чаепитие в доме самого сеньора Гаспара Веласкеса? Кто? Только она — Изабел!

Перед приходом Изабел Гаспар говорил по телефону с Франшику. Но Франшику пока не сообщил Гаспару ничего утешительного, и тот с нетерпением ждал следующего его звонка.

Ведь в поездку Франшику отправился с особым поручением Гаспара, он должен был отыскать в Рио бизнес-звезду Эстелу и договориться о ее гастролях в Форталезе. Поэтому Гаспар и ждал с таким нетерпением вестей. Потому и дал в распоряжение Франшику самолет, неограниченные средства и полномочия.

Франшику пользовался неограниченными средствами и полномочиями напропалую, но пока в интересах Франсуа, а вернее, своих собственных.

Деловую поездку Франшику начал с Сан-Паулу. Остановился в лучшей гостинице в номере «люкс» и немедленно набрал номер Лилианы.

Хотя он давным-давно не появлялся в Сан-Паулу, однако в отеле его еще помнили, и Франшику было приятно появиться перед портье в качестве преуспевающего бизнесмена, который очень круто пошел в гору. Не сомневался Франшику, что помнит его и Лилиана.

Но Лилиана, честно говоря, вспомнила его с большим трудом. Магическим словом было для нее имя Франсуа. Но это имя было для нее и незаживающей раной. Но вот он подал о себе весть, и она готова была бежать на встречу даже с его посланником. Хотя, может быть, сам Франсуа тоже приехал и стоит там рядом?

— Передай, пожалуйста, трубку Франсуа, — попросила Лилиана.

— Он не приехал, но я с удовольствием расскажу тебе все его новости, — пообещал Франшику, — только не сейчас. Я жду очень важного звонка. А вечером приглашаю тебя в отель на ужин. Спросишь доктора Франшику, меня здесь все знают.

Лилиана ответила согласием, и Франшику почувствовал, что необыкновенно горд и доволен собой. Он и в дальнейшем надеялся на свое неотразимое обаяние, а может, живость ума, а может... В общем, он надеялся — надеялся, что сумеет оттеснить Франсуа и...

Лилиана тоже надеялась. Она надеялась, что Франсуа передал ей письмо или хотя бы записку.

Отсутствие письма оказалось для нее тяжелым ударом. Глаза ее тут же наполнились слезами. Она не понимала, как можно было так бесчеловечно с ней обойтись! Все время, пока Франсуа жил в Сан-Паулу, она была ему такой верной подругой! Так ему помогала! Даже после того, как он исчез,

она сделала все, что он просил: продала квартиру и даже перевела два первых платежа в банк. Франсуа мог бы вспомнить ее добрым словом.

— Поднимемся в номер! Такой красавице не годится плакать на людях, — сказал Франшику и увлек Лилиану в свой «люкс».

Он вился вокруг нее ужом: и утешал, и восхищался ею, говорил комплименты, угощал, отвлекал, шутил. В конце концов Лилиана оценила его старания. Она даже улыбнулась ему, сказав при этом:

— Я очень хочу увидеть его, Франшику! Франшику был готов и на это.

— Хорошо! Я тебя отвезу к нему. У меня свой самолет, и ты полетишь вместе со мной. Но сначала мы несколько дней проведем в Рио. Ты немного развлечешься, а я поработаю — я ведь прилетел по делам. Ну что, согласна?

Лилиана была согласна на все.

— Только улажу кое-что, договорюсь, перенесу встречи, — сказала она.

— Отлично! А завтра утром мы встретимся — и в полет!

Так что неудивительно, что сеньор Гаспар не получил пока никаких положительных вестей: деловая поездка только-только начиналась.

Зато Франсуа, которому Франшику передал вечером по телефону целую кучу вестей и о квартире, и о приезде Лилианы, пришел в ужас.

— И не думай привозить ее сюда! — закричал он в трубку. — У меня только-только все пошло на лад с Летисией! Попробуй привезти, и я с тебя шкуру спущу!

Франшику в ответ только усмехнулся.

Глава 20

Асусену очень огорчали нелады между родителями. У них в доме всегда было так спокойно, так радостно, а теперь будто туча нависла.

Эта туча очень мешала Асусене. Она хотела, чтобы туча как можно скорее рассеялась. Был у Асусены и еще один повод для огорчения: Витор, который ей так понравился, наверное, исчез из ее жизни навсегда. Так что когда Далила позвала ее купаться, Асусена отказалась наотрез — никакого настроения тащиться на пляж у нее не было.

Но Далила была не из тех, кто терпит возле себя уныние и постные лица. Живая, как огонь, она могла и мертвеца из гроба поднять. Да и причину, отчего ее лучшая подруга так раскисла, она разгадала мгновенно.

— В любой семье люди ссорятся, — жизнерадостно заявила она. — Вот выйдешь замуж, сама узнаешь, — Далила рассмеялась, тормоша подругу, — И к тому же я уверена, стоит нам прийти на пляж, как появится молодой человек, которого ты так ждешь.

Асусена покраснела.

— Что за глупости! Никто никого не ждет!

— А ну бежим проверим! — и Далила уже неслась к пляжу, Асусена невольно заторопилась за ней.

Далиле Витор совсем не нравился. Она упомянула о нем просто так, к слову, чтобы расшевелить подругу и вытащить ее искупаться. Глядишь, после купания дурное настроение как рукой снимет!

Но кто бы мог подумать! Витор действительно появился. К берегу подплыл катер, и Витор уже здоровался с девушками.

Далила очень огорчилась, что оказалась пророком. И тут же попыталась увести подругу подальше от молодого человека. Но куда там! Асусена была на седьмом небе от счастья, она тут же согласилась поехать покататься с Витором.

— Поехали с нами, Далила! — позвала она. — Вот увидишь, как будет весело!

— Да ты что, Асусена? В своем уме? — попробовала отговорить ее Далила. — Я никуда не поеду и тебе не советую.

— Мы ненадолго! — Асусена уже махала ей рукой с борта катера.

Далила сама была не рада, что потащила подругу купаться, но что она могла поделать? Ровным счетом ничего.

Рыбаки на берегу готовили сети для креветок. Они надеялись на

хорошие барыши, хотя Маджубинья каркал, по своему обыкновению, и сулил одни убытки. Далила встала рядом с Кассиану и стала ему помогать. Вскоре на берег пришла Серена, но, как оказалось, не помогать, а за Асусеной, ей нужна была помощь по хозяйству. Она попросила Далилу сбегать за подружкой на пляж.

Далила сбегала, но Асусена еще не вернулась, и огорченная Далила почувствовала себя совсем уж виноватой.

Узнав, что Асусены нет на пляже, Серена забеспокоилась. Она припомнила, что дочка ушла уже довольно давно. А куда? Обычно, если Асусена куда-то собиралась, она непременно спрашивала разрешения.

— Далеко она не могла уйти, — пытался успокоить жену Рамиру. — Сидит где-то тут неподалеку, замечталась, задумалась...

— Нет-нет, на Асусену это непохоже. Боюсь, как бы не случилось чего дурного. Надо бы ее поискать, да как можно скорее, — материнское сердце Серены явно чуяло что-то неладное.

Кассиану сел в «джип», чтобы объехать окрестные дюны. Маджубинья собрался доплыть на маленькой лодке до соседнего пляжа, который облюбовала для себя молодежь. Рамиру решил на втором «джипе» обследовать другую сторону побережья.

Но поиски оказались напрасными. Асусена будто сквозь землю провалилась. Серена разволновалась всерьез. Асусена утонула — вот была ее единственная мысль. Видя Серену в такой тревоге, Далила не выдержала. Как ни хотелось ей обманывать доверие подружки, но продолжать молчать она больше не могла.

— Асусена поехала кататься на катере с Витором, — сказала Далила, — и обещала очень скоро вернуться.

Все как один накинулись на Далилу: да как она смела молчать столько времени?!

Одни волнения сменились другими, и неизвестно, какие были хуже!

Рамиру просто кипел от злости. Он терпеть не мог этого напояженного хлыща, сына Летисии, и одна только мысль, что сейчас он наедине с его наивной, бесхитростной Асусеной, приводила его в бешенство.

Рыбаки уже собрались выйти в море, чтобы обследовать дальние пляжи и поискать катер, но Рамиру процедил сквозь зубы:

— Я поищу свою Асусену в другом месте! Я посмотрю, что делается в доме у этого мерзавца!..

В доме Гаспара Веласкеса изысканнейшее дамское общество собралось на благотворительный чай. Изабел, похожая на пышную экзотическую клумбу, сияла: все шло так, как она задумала, даже лучше. Сейчас их патронесса Летисия скажет свою тронную речь, и триумф Изабел будет полным. Мало того что они пьют чай в доме самого сеньора Гаспара! Мало того что эту честь успели уже оценить все дамы и поздравили Изабел, которая сумела ее добиться! Это не главное! Главное, что Летисия внесет крупную сумму в помощь больнице и на другие благотворительные нужды! И все это заслуга Изабел! И все об этом узнают!

Летисия встала и поблагодарила собравшееся общество за оказанную ей честь.

— Мы готовы внести посильный материальный вклад... — сказала Летисия, но договорить она не успела, дверь распахнулась, и в комнату влетел разъяренный Рамиру.

Вот уж кого не ожидала увидеть Летисия!

— Куда мерзавец Витор подевал мою дочь, Летисия? — грозно спросил Рамиру.

— Я не понимаю даже, о чем идет речь, — с искренним недоумением ответила Летисия.

— Летисия, заклинаю вас, скажите где моя дочь, — повторила и стоящая у дверей Серена.

— Витор ушел из дому рано утром, и я правда ничего не знаю! — сама необходимость оправдываться на глазах собравшегося изысканного общества была крайне неприятна Летисии. — Может, мы поговорим у меня в кабинете? — предложила она.

— Конечно, ты ничего не знаешь! Тебе дела нет до своих детей! Пусть разбойничают! Пусть предаются пороку! Твой бездельник сын увез мою Асусену! Моя семья — самое для меня дорогое! Мы с женой положили жизнь на то, чтобы наши дети были здоровы и счастливы, и если с моей невинной овечкой что-то случится, то я твоему сынку не завидую! Имей это в виду, сеньора Летисия! Мы умеем защищать свою честь! — бушевал Рамиру.

Отчасти с испугом, отчасти с недоумением, а кто и со злорадством, смотрели собравшиеся дамы на вторжение смуглого красивого рыбака, который почем зря честил хозяйку дома.

— Пойдем, Рамиру, нам здесь больше нечего делать, — Серена положила руку на плечо мужа.

Рамиру ее послушался. Вот сейчас Серена наконец почувствовала, что она полная хозяйка своей жизни. Сейчас она убедилась, что муж принадлежит ей целиком и полностью, что он предан своей семье — жене и детям, и поэтому в словах ее был особый вес, поэтому, несмотря на беспокойство, она благодарила судьбу за посланное испытание.

Рыбак с женой ушел, и дамы кинулись успокаивать Летисию, которая была в нервном шоке. Больше всех суетилась Изабел. Но ее-то и отстранила Нейде.

— Сеньоре сейчас лучше побыть одной, — громко заявила она.

Преданной служанке совсем не понравилось, как распорядилась с утра-пораньше у них в доме эта пестрая попугайха, переставляя цветы, столы и стулья. Распорядилась, будто здесь она самая главная! Но теперь настала минута, чтобы сбить с нее спесь.

Гости и сами почувствовали, что их присутствие здесь сейчас неуместно, и стали потихоньку расходиться. Фред, который присутствовал в доме как представитель прессы, успел хорошенько выпить, он был равнодушен к ликерам. Поэтому скандал в благородном семействе показался ему очень забавным. Хотя, прощаясь, он все-таки сказал Летисии в ободрение несколько теплых, дружеских слов.

— Какой позор, Нейде! — повторяла Летисия, оставшись наедине со служанкой. — Чего только не наговорил мне этот человек! Подумай только, Витор второй раз уже связывается с этой девочкой! Нет, я, кажется, действительно сойду от него с ума!

* * *

Асусена и не подозревала, какую бурю произведет ее отсутствие. Время летело для нее совсем незаметно. Каждый миг, проведенный с Витором, был для нее счастьем. А Витор был так в нее влюблен! Он ею восхищался, он ее целовал. Новый, неизведанный мир открывался перед Асусеной, и вводил ее в этот волшебный мир Витор. Но наконец и Асусена почувствовала неумолимый бег времени.

— Нам, наверное, пора возвращаться, Витор, — сказала она, очнувшись от чудесного сна, подаренного ей Витором.

— Я провожу тебя, — сказал Витор. — Я хочу поговорить с твоим отцом, потому что у меня самые серьезные намерения.

— Что ты, — испугалась Асусена, — отец тут же запретит нам встречаться. Он считает, что нам с тобой нечего делать вместе, вы ведь богатые, а мы бедные.

Справедливость слов Асусены подтвердилась мгновенно — их увидели с лодки, на которой плыли Кассиану, Маджубинья, Самюэль и Далила. И тут же стало понятно: попадись только Витор Кассиану в руки, от него живого места не останется! Выражение лица у Кассиану было такое, что даже Далила перепугалась.

— Папа! Папочка! Сделай что-нибудь, — принялась она умолять Самюэля, — он же его убьет!

— Не бойся, дочка, никаких расправ не будет. Если этот хлыщ заслуживает наказания, мы сдадим его в полицию, — успокоил ее Самюэль, выразительно поглядывая на Кассиану и призывая его тем самым к порядку.

Но до полиции дело не дошло, как не дошло и до рукоприкладства.

— Уезжай, Витор, уезжай, — молила Асусена, — а я поплыву к ним.

— Хорошо, — согласился он. — Но ей-Богу, все тут какие-то ненормальные! Что я такого сделал, спрашивается?

* * *

Серена, увидев свою девочку живой и невредимой, мгновенно успокоилась. Она видела выражение ее лица — огорченное, простодушное, искреннее — и понимала: ничего страшного с их любимой дочкой не произошло.

Рамиру был куда более недоверчив. Страшная мысль преследовала его: а что, если Асусена уже давным-давно тайком встречается с Витором, а они, ее родители, ни сном ни духом? И он принялся ругать дочь за то, что она доставила им столько беспокойства.

— Правду! Говори мне правду! — бушевал он. — Только посмей мне соврать. Попробуй только скажи, что за все это время негодяй до тебя и не дотронулся!

Кулаки Рамиру сжимались, как только он представлял, что могло произойти там, на катере!

Серене тоже хотелось знать правду, но ей совсем не хотелось пугать и мучить Асусену, и она раскрыла дочке объятия. Асусена прижалась к матери, и теперь, чувствуя ее поддержку, ей куда легче стало говорить, хотя Серена и сказала ей:

— Отец задал тебе вопрос, девочка, и я надеюсь, что ты скажешь нам правду.

— Конечно, мамочка! Просто я испугалась папу, и на лодке все так страшно кричали! А Витор ничего плохого не делал, мы с ним просто катались и еще целовались. Витор хотел прийти к папе, поговорить с ним, попросить разрешения...

— Никогда он не получит от меня разрешения! — взвился Рамиру. — Запомни, у нас нет и ничего не может быть общего с этими людьми! Заруби себе на носу! Он весь в свою мать, избалованную, взбалмошную женщину. Для богачей нет ничего святого! Если они на что и способны, то только на обман! И я тебе запрещаю с ним видеться!

Не утихающая боль говорила сейчас в Рамиру, он так и не смог простить Летисии ее обмана, ее измены, и не хотел, чтобы его дочь пережила что то подобное.

Серена же видела в гневе Рамиру только оскорбленные отцовские чувства, и ей хотелось утешить и успокоить мужа.

— Когда ты говорил с этой дамой там в гостиной, я многое поняла, Рамиру, — сказала она, поглаживая по голове прижавшуюся к ней Асусену. — Я поняла, что ты ни перед чем не остановишься, лишь бы защитить свою семью, свою честь! И я горжусь тобой и люблю тебя, Рамиру Соарес!

Вот теперь Асусена почувствовала, что тучи, которые все это время нависали над их домом, рассеялись. Зато черная грозовая туча нависла прямо над ее головой, и, рассеется она или нет, бедная влюбленная девочка не знала...

* * *

Вместо триумфа — полный провал. И как с ней, с Изабел, обошлась эта Нейде, жалкая прислуга! Да еще публично! Взяла и выставила ее за дверь! Но Изабел еще с ней поквитается!

Домой Изабел вернулась в самом воинственном настроении и что увидела?

Ее собственная прислуга Жанаина вместе с бесстыжей хиппи Адреалиной купались в ее бассейне! Больше того, с ними вместе купался и Пессоа, ее родной сын!

Изабел побежала к Бонфиню. Кто как не он должен был прекратить бесстыдную оргию, которая происходила у него в доме под самым его

носом?!

Но Бонфинь заявил, что сам разрешил молодежи искупаться.

— Не делай вид, будто ты из королевского дома, Изабел, — мирно сказал жене Бонфинь. — Что плохого, если наши дети общаются с Жанаиной и Адреалиной? Слава Богу, они дома, а не на улице.

Не поняла возмущения Изабел и Оливия.

— Сейчас надену шорты и пойду позагораю с ними, — сказала она.

Надеясь успокоить Изабел, Бонфинь вспомнил и их прошлое.

— А как бы мы с тобой познакомились, если бы хозяева не общались с прислугой? — спросил он, но лучше бы он этого не делал, потому что только подлил масла в огонь.

Изабел направилась к бассейну, решив сама навести порядок. Пессоа как раз учил Жанаину лежать на воде, а Адреалина не без ревности говорила Оливии:

— Это он потому так возле нее увивается, что она такая худенькая. И мне бы не помешало сбросить четыре-пять кило!

— И прекрасно! Я дам тебе диету, и ты сбросишь ровно столько, сколько захочешь, — обнадежила ее Оливия. — Хотя ты, по-моему, просто красавица.

— Жанаина! С завтрашнего дня ты уволена! — прокричала Изабел, подходя к бассейну.

Жанаина от огорчения тут же пошла ко дну, хорошо еще, что Пессоа ее поддерживал, — могла ведь и утонуть!..

— Папа! — завопил Пессоа. — Не допускай в своем доме беззакония!

Появившийся Бонфинь успокоил молодежь:

— Развлекайтесь, дети, спокойно, никто не собирается всерьез увольнять Жанаину. Это все так, разговоры.

— Ах вот как? Разговоры? Меня в моем доме и в грош не ставят?! — Изабел просто рвала и метала. Но никто не принимал уж слишком всерьез гнев этой недалекой женщины. Все знали, что очень скоро у нее появится очередная идея и она со страстью бросится осуществлять ее, забыв обо всех предыдущих.

* * *

Зато Летисия чувствовала, что груз прошлого не только давит на нее, но как будто тянет назад, как будто не отпускает. Пережитая сцена была для нее тяжким испытанием. Ее публично унизил и оскорбил человек, который

когда-то любил ее и которого она когда-то любила. А потом, наверное, тоже глубоко обидела и унизила, болезненно оскорбила... Еще большим испытанием для нее было признание Витора. В ответ на ее упреки, на просьбы оставить Асусену в покое он сказал:

— Я люблю ее и буду бороться за нее даже против твоей воли, мама! Против воли ее отца и брата! Против всего света!

— Неужели ты так любишь эту девочку? — похолодев, переспросила Летисия.

— Да, именно так! — услышала она ответ Витора.

И теперь Летисия сидела у себя в спальне и с какой-то безнадежностью думала: неужели провидению мало ее сломанной судьбы? Почему ее сын влюбился в дочь Рамиру Соареса? Неужели потому, что когда-то она оказалась слишком слаба и попыталась сбежать и от своей судьбы, и от своей любви? И неужели теперь всю жизнь ей придется платить по этому счету?..

Глава 21

Франшику чувствовал себя королем и вел себя по-королевски. Усадив Лилиану в самолет, он распорядился подать прохладительного, а потом и чего-нибудь покрепче. Она должна была чувствовать, что летит в режиме наивысшего благоприятствования, что может отдохнуть, расслабиться, потому что обо всем позаботится он, Франшику!

Франшику любил пускать пыль в глаза и сейчас делал это с удвоенной энергией. Он повествовал о своей яхте, особняке, деловых связях. Мальчик на побегушках изображал из себя матерую акулу бизнеса, и сам приходил в восторг от своих успехов.

Лилиана рассеянно его слушала, мысли ее были заняты Франсуа. Она не тешила себя иллюзией, что он безумно ей обрадуется, но сама она безумно хотела повидать его.

В Рио Франшику повез Лилиану в отель высшего класса и заказал номер «люкс».

— С двумя спальнями, — вмешалась Лилиана, — иначе дальше я путешествую одна.

С двумя так с двумя, Франшику не собирался мелочиться, но, конечно, ему стало обидно, что Лилиана не клюнула на его приманки. А уж как, казалось бы, он старался.

Но он ошибался. Лилиана прониклась к нему искренней симпатией. Она прекрасно видела, что он добродушный, славный и веселый парень, сколько бы не напускал на себя гонору и не молот языком.

Однако Франшику всегда было мало того, что ему предлагали. Ему и в самом деле хотелось быть если не королем, то хотя бы принцем. А еще больше хотелось, чтобы его полюбила принцесса. Лилиана казалась ему настоящей принцессой, и он всячески старался ее убедить что достоин прекрасной Лилианы.

Франшику с удовольствием взялся помочь Гаспару. Ему нравилось быть посланником любви. А Гаспар был готов на все ради той, которая стала его избранницей. Но при этом вел себя крайне деликатно и осторожно, подготавливая почву, желая появиться перед Эстелой естественно и ненавязчиво. Франшику пустился в путь, с тем чтобы всеми правдами и неправдами уговорить Эстелу Маркес выступить в Форталезе. И оказался на высоте — Эстелу Маркес он уговорил.

Поначалу он чуть было не испортил все дело, разыграв целый

спектакль, чувствуя молодую женщину как великую певицу, чем пробудил в Эстеле только недоверие. Она прекрасно знала себе цену, и ей показалось, что ее заманивают в какую-то ловушку. Почувствовав настороженность Эстелы, Франшику все же сумел убедить ее приехать в Форталезу.

Возможно, приманкой был большой портовый город, куда он звал ее. Эстела не была звездой ни первой величины, ни даже второй. Работой она была не избалована и поэтому дорожила каждым предложением. Однако контракт она подписала только на одно выступление. Оно должно было стать для нее своего рода пробой.

Гаспар, когда отправлял Франшику в Рио, большего и не требовал. Он не сомневался, что сможет обеспечить Эстеле успех, а значит, и задержать ее. Ему было важно одно: чтобы она согласилась приехать.

Франшику возвращался в Форталезу окрыленный успехом. Он не ударил в грязь лицом, выполнил все, что обещал. Франшику также надеялся, что Франсуа окажет Лилиане холодный прием, а это сослужит ему, Франшику, хорошую службу.

* * *

Франсуа и думать не думал, что Франшику все таки привезет с собой Лилиану. У него и без нее хватало сложностей. Главной из них была Аманда. На днях она выкинула такое, чего он не мог простить ни ей, ни себе. Но еще хуже было то, что не собиралась его прощать и Летисия. А дело было так.

Поутру Франсуа, по своему обыкновению, купался в море. Он был прекрасным пловцом и ранним утром совершал дальние заплывы. На этот раз только он вышел из воды, как раздались аплодисменты. Аманда сидела на песке и восторженно хлопала в ладоши.

— Bravo! Bravo! — повторяла она. — Ты плаваешь как Бог. Научи и меня так плавать! Ну пожалуйста! — стала она умолять Франсуа.

Франсуа вяло кивнул в ответ и попенял Аманде за вторжение. Он терпеть не мог, чтобы без его согласия нарушалось утреннее одиночество, которым он очень дорожил.

Преподав Аманде урок плавания, Франсуа направился к берегу, и вдруг она позвала на помощь: как выяснилось, она подвернула ногу и барахталась на мелководье. Франсуа подхватил ее, и вот тут Аманда впиалась ему в губы жадным поцелуем. От неожиданности он сначала оторопел. Только потом он сообразил, что попал в ловушку и что все было

подстроено. Уроки плавания, больная нога были только средствами, которые вели и привели к желанному финалу. Франсуа был раздосадован.

— Тебе понравилось! Тебе понравилось! — ликовала Аманда. — Я почувствовала, ты просто без ума от моего поцелуя! Признайся!

— Ты сошла с ума, девочка, — сокрушенно вымолвил Франсуа.

У Аманды кружилась голова от счастья. Все вокруг сияло, пело, искрилось. Она сумела преодолеть преграду, которая отделяла ее от любимого. Она завоевала его. Теперь он будет с ней. Он непременно будет с ней, отведав сладкой, хмельной отравы любви!.. Аманда благодарила про себя брата. Если бы не Витор, ей никогда бы не добиться счастья. Витор научил ее этому хитрому трюку. И трюк удался! Удался! Удался!

Аманда чувствовала себя победительницей и была счастлива. Ей даже в голову не приходило, что Франсуа совсем не разделяет ее чувств. Она не видела Франсуа, не могла его увидеть — она была занята только собой. Будущая женщина открывала для себя мир чувств, мир чувственности. И Франсуа был для нее только предлогом, орудием, средством. Аманде казалось, что она готова на все ради любимого. Но она готова была на все, лишь бы заставить его быть проводником в неведомую и желанную страну любви — любви плотской, телесной. В силу неискушенности, как всякой невинной девушке, ей казалось, что именно телесная близость и таит в себе всю магию и волшебство любви.

Для Франсуа, зрелого, опытного мужчины, все давно уже было по-другому. Стремление к физической близости было для него естественной, заданной природой данностью, и он не романтизировал эту природную потребность. Он отдавал ей должное, ценил, как ценил хорошую кухню, рад был щедрой, искусной и душевно непритязательной партнерше. Но любовь? Любовь для него была напряжением совершенно иных сил. А если возникало душевное напряжение, то преображалась и физическая любовь.

Пылкое дитя, в котором бунтовала природа, требуя удовлетворения своих инстинктов, вызывало у Франсуа в лучшем случае сочувствие, а в худшем — раздражение.

Аманда не замечала этого. Ей уже стало казаться, что Франсуа сам поцеловал ее, не в силах устоять перед влекущей силой пробудившейся женственности. Ей не терпелось рассказать о своем триумфе всему свету. Но конечно же первой должна была узнать потрясающую новость наперсница-мамочка!

Сияющая Аманда влетела к матери. С ласковой улыбкой смотрела Летисия на свою раскрасневшуюся, с блестящими глазами дочь.

— Свершилось! — объявила Аманда.

— Что такое? О чем ты? — смеясь, спросила Летисия, торжественный тон Аманды и ее совсем детская мордашка сейчас забавляли ее.

— Мамочка, Франсуа наконец поцеловал меня! И какой это был поцелуй! Он поцеловал меня по настоящему, и так хорошо, так хорошо, что я готова кричать от радости.

Летисия больше не улыбалась. В правдивости слов Аманды она не сомневалась — румянец, блестящие хмельные глаза, восторг влюбленной девочки говорили красноречивее слов. Так, значит, Франсуа... Летисия просто понять не могла, как же он посмел. Тем более зная, что Аманда влюблена в него... Летисия представляла его себе совершенно другим человеком...

Ни малейшей ревности не почувствовала Летисия, она почувствовала только брезгливость к человеку, который не может пропустить ни одной юбки, который так неопрятен, так распушен. И еще ей было стыдно и неловко за себя. Как могла она, взрослая и опытная женщина, не распознать с первого взгляда, с кем имеет дело? Как могла довериться словам? Что-то всерьез решать? На что-то надеяться?

А Аманда пылко творила чудесную легенду, в правдивости которой сама уже не сомневалась. Если правда не была такой сегодня, то будет завтра, послезавтра!

— Мы как раз выходили из воды, до этого мы долго-долго купались вместе. И вдруг Франсуа посмотрел мне прямо в глаза, потом наклонился и поцеловал... Ах, мамочка! Я до сих пор в себя не могу прийти от его поцелуя!

Летисия слушала ее почти с физическим ужасом: вместе купались? Долго-долго?... Похоже, что ее девочка в опасности!

— Послушай меня, Аманда, — очень серьезно и взволнованно начала Летисия, — он — взрослый мужчина, а ты совсем неопытная девочка.

Аманда возмутилась:

— Опять? Опять девочка?! Неужели ты за меня не рада? Даже Франсуа наконец понял, что я не ребенок. А я убедилась, что Франсуа — мужчина моей жизни! Пока, мамочка! Удачного тебе дня!

Аманда уже вылетела из комнаты, оставив Летисию сидеть в оцепенении: да, нечего сказать, день удачный! Удачнее некуда!

А Аманде не терпелось сообщить о своей победе и Витору. Встретив его в коридоре, она бросилась ему на шею.

— Ты просто гений, Витор! — твердила она. — Я поцеловала Франсуа, и все получилось так естественно, что он, я уверена, ни о чем не догадался.

Витора и удивила и позабавила прыть его сестренки. С такой прытью она далеко пойдет!

— Молодчина, — похвалил он ее, — я за тебя очень, очень рад.

— А ты знаешь, мама странно отнеслась к моему успеху. Я ей все рассказала, а она... совсем не обрадовалась. Я даже жалею, может, не нужно было рассказывать?

— Правильно сделала, что рассказала, — одобрил и этот шаг Аманды Витор, — она должна наконец понять, что ты взрослая, что вот-вот станешь женщиной. Да и Франсуа некуда будет деваться. Вот бы и мне так разобраться с деревенскими троглодитами! С Асусеной у меня почти все уже на мази, но ее папаша! Братец! Они понятия не имеют, что значит любить!

— Ты сам научил меня, и я поняла, что ты прав: в любви все средства хороши, любимый мой братик! — с этими словами Аманда упорхнула.

* * *

Как ошибался Витор, когда говорил, будто Рамиру не понимает, что такое любовь. Рамиру слишком хорошо понимал это и именно поэтому берег свою Асусену от боли любовного разочарования. Берег или пытался сберечь.

Сердце никогда не забывает пережитой любви. Года лежат на ней будто пепел, но она всегда готова вспыхнуть новым огнем, только развороши их...

* * *

Мануэла боялась, не хотела идти в деревню. Она неохотно отпускала туда и Питангу, боясь, как бы из-за старых обид кто-нибудь не обошелся плохо и с ее дочерью.

Питанга не понимала опасений матери, в деревне ей все нравилось — и люди, и море. К тому же там жил Кассиану. Одного этого было достаточно, чтобы Питанга мечтала о деревне, будто о земном рае. И при любой возможности стремилась попасть в деревню.

О деревне мечтал и Бом Кливер. Там он провел свои лучшие годы. Душа его рвалась к морю, Бом Кливер как-никак был прирожденным рыбаком и в городе тосковал по йодистому запаху водорослей, тяжести

мокрых сетей, свежему соленому ветру, бескрайним синим с белыми барашками просторам...

Питанга, видя тоскливые глаза деда, однажды в воскресный день предложила:

— Давай сходим в деревню, дедушка. Ты же давно там не был, искупаешься, наведишь друзей.

Мануэла хотела было воспротивиться, но, глядя на восторженного, разом помолодевшего отца, тихо сказала:

— Я, пожалуй, тоже с вами пойду.

Питанга очень обрадовалась решению матери, и они двинулись в путь втроем.

Бом Кливер будто на крыльях летел, Питанга никак не могла за ним угнаться. Зато Мануэла шла медленно, словно тащила на себе тяжелый груз. Этим грузом была ее неуверенность — она боялась, как ее там встретят, в их деревне.

На дороге Бом Кливер наткнулся на стоящий с открытыми дверцами «джип», ни слова не говоря, сел за руль и помчался.

Кассиану выскочил на дорогу, замахал в отчаянии руками, закричал, зывая к совести похитителя, но все напрасно, «джип» не остановился. Кассиану стоял и в растерянности крутил головой: ну и ну! Оставь машину на секунду, тут же уведут! Они с Далилой пяти минут не гуляют, а машину поминай как звали!

Но отчаяние Кассиану сменилось веселой улыбкой, когда он углядел на повороте, кто сидит за рулем.

— Да это Бом Кливер! — радостно воскликнул он. — Ах ты, адский водитель!

Бом Кливера в деревне любили все. Он был учителем и Рамиру, и Самюэля, всех самых лучших рыбаков. Кто как не он знал все тонкости рыбной ловли — и на лангустов, и на креветок, и на любую рыбу. Кто лучше него знал капризы погоды, причуды моря?

Весть о его приезде мигом облетела деревню, и к дому Самюэля с Эстер, которые принимали городских гостей, потянулись люди. Всем хотелось повидаться со стариком.

— Несправедливо, что ты забрал Бом Кливера себе, — подмигивая другу, шутливо упрекал Самюэля Рамиру.

— Может, мне сон снится, или старина Кливер в самом деле пожаловал к нам? — вторила мужу Серена.

— Дай обниму тебя, моя красавица, — и Кливер уже обнимал Серену, — таких женщин днем с огнем поискать!

Поцелуи, объятия, смех, шутки.

— Пойдем-ка выпьем, старина, — предложил Бом Кливеру кто-то из рыбаков.

— Нет, сперва на корабль, — попросил Бом Кливер.

Кораблем он называл баркас, который делал когда-то своими собственными руками и на котором рыбачил много-много лет, баркас, с которым сроднился, который был для него будто живое любимое существо.

Рыбаки уважительно отнеслись к просьбе старика, они его понимали. Мужчины всей гурьбой отправились к морю.

У женщин были свои дела. Серена побежала домой готовить лангуста, ей хотелось побаловать старика Кливера его любимым лакомством.

Эстер усадила Мануэлу пить кофе, и они вели мирную беседу.

— Питанга-то как расцвела, — говорила Эстер, — и такая она у тебя воспитанная, такая скромница...

— А Далила какой красоткой стала, — отвечала ей Мануэла, — и все такая же резвушка, как в детстве...

Мануэла теперь даже недоумевала, с чего это она так боялась идти в деревню? Все тут так хорошо к ней относятся, по-доброму, по-родственному. Она вспомнила, что Самюэль когда-то даже защитил ее. Вот было страшное дело: парень в баре набросился на нее с ножом, но Самюэль вступил в драку и сам получил страшнейшую рану в руку.

Мануэле и в голову не приходило, что Эстер из-за этой раны до сих пор ревнует к ней Самюэля, считая, что он бросился защищать ее от большой любви. Нет, не проходят былые чувства, не проходят. Годы идут, а они все живы...

* * *

В деревне ни души, все заняты городскими гостями, и никто не видел, что приехал из города еще один гость. Гость, который осторожно влез в окно и оказался прямо перед Асусеной.

— Уходи, Витор, — пролепетала обомлевшая Асусена, — увидят тебя отец или брат, убьют, — и девушка замерла сама не своя, и счастливая, и несчастная разом.

С тех пор как она каталась на катере с Витором, отец строго-настрого запретил ей с ним видеться, но, видно, Витор — ее судьба, раз, несмотря ни на какие замки и запреты, он опять перед ней.

— А я по тебе так соскучился, — сказал Витор, притягивая ее к

себе, — просто умирал без тебя.

— И я, — призналась Асусена и неловко прильнула к своему любимому, желанному.

Ох, какие это были поцелуи! Двух влюбленных, изголодавшихся, истосковавшихся! У Асусены все плыло перед глазами и земля уходила из-под ног.

— Иди, иди, — шептала Асусена, — а то, того и гляди, мама сюда придет...

— Я подойду завтра к школе, — обещал Витор. — Тебе же завтра в школу, занятия начинаются...

Никто не видел, как пришел Витор, никто не видел, как он ушел.

На лангуста позвали и Асусену. Рамиру поглядел на свою побледневшую и словно бы чем-то напуганную дочку и от души пожалел ее:

— Я ведь твоего счастья хочу. Отец знает жизнь, он свою прожил и знает, что говорит. Забудь этого парня. Потом сама мне спасибо скажешь...

Асусена сидела молча, ни жива ни мертва.

Ужинали весело, однако и прощаться пора! Горожане торопились вернуться домой засветло.

Самюэль взялся довезти Кливера, Мануэлу и Питангу до города. Эстер ничего не сказала, но подумала, что старая-то любовь не исчезает бесследно, и на душе у нее стало горько-прегорько.

Самюэль гнал машину, но заметил и еще одну, что ехала медленно в том же направлении, и ехала, похоже, из деревни. Обгоняя ее, он заметил, что сидел в этой машине Витор. И когда увидел его, то присвистнул: Рамиру-то уверен, что нагнал на паренька страху, а он тут как тут! Надо бы за Асусеной смотреть в оба, иначе как бы беды не вышло.

Вернувшись, он предупредил приятеля:

— Имей в виду, Витор вокруг деревни околачивается.

— Около нашей Асусены, ты хочешь сказать, — уточнил Рамиру.

— Да может, парень совсем из другого места ехал, — попробовала успокоить мужа Серена, опасаясь, как бы он вновь не разъярился.

Но Рамиру сказал довольно спокойно:

— Поверишь, теперь я не так даже за Асусену переживаю — она у нас умная, все поняла, как за Кассиану. Повстречает он на узкой дорожке Витора и глупостей наделает. Ты же знаешь, какой он у нас горячий. Чистый порох!

— Весь в тебя, — улыбнулась Серена.

— Но я буду настороже, — пообещал Рамиру.

День начался дурной новостью для Летисии и окончился не менее дурной новостью для Рамиру. Но уж Рамиру бы не застыл как каменный, он бы весь дом Веласкеса разнес, услышь он то, что говорил Витор вечером Аманде:

— Если вся эта деревенщина думает, что стоит ей только ногой топнуть, и я побегу прочь, она очень ошибается. Они не подозревают, как далеко способен зайти Витор Веласкес!

— Как далеко он может зайти? — поинтересовалась Аманда.

— У Асусены и так голова уже кругом идет, так что увидишь, она непременно будет моей. А все эти троглодиты деревенские в ногах у меня поползают, чтобы я на ней женился.

Глава 22

Франсуа прекрасно понимал, что ему как можно скорее нужно обсудить случившееся с Летисией. Он позвонил ей по телефону, но Летисия, узнав, кто ее просит, отказалась взять трубку. Тогда Франсуа срочно приехал к ней в офис.

С чувством гадливости взглянула Летисия на этого красивого, мужественного человека.

Франсуа был уверен, что сейчас он Летисии все объяснит. Собственно, он даже и не видел никакого состава преступления. Дурацкое недоразумение, не больше. Обсудить нужно было проблемы Аманды. Но по поведению Летисии Франсуа понял, что Аманда сильно приукрасила произошедшее, переиначила его и теперь все нужно расставить по местам. Он принялся объяснять, что Аманда поймала его в ловушку, что она притворилась, будто подвернула ногу, и он понял это только после ее поцелуя, когда она вприпрыжку убежала по берегу.

Летисии слушать все это вранье было невыносимо: развращенный циник оказался еще и трусом, собственными пороками он наделял ее дочь. Выносить этого она не могла. Неужели ему не понятно, что, обвинив во всем Аманду, он не получит прощения от ее матери?!

— Ни слова больше! — прервала Летисия объяснения Франсуа. — Если в вас сохранилась хоть капля собственного достоинства, замолчите и уходите! Уходите навсегда из моей жизни!

Франсуа осекся, посмотрел на Летисию и медленно направился к выходу. Он же предполагал, что эта девочка еще попортит немало крови и ему, и своей матери. Но пока нужно было дать Летисии успокоиться, и он молча поклонился и вышел.

Летисия прижала руки к вискам. От всего этого кошмара у нее началась головная боль. Хорошо бы ей поехать домой, лечь, задернуть шторы и переждать навалившуюся на нее боль...

А день только начинался. В кабинет к ней заглянул Витор. Сегодня им предстояло встретиться с японцами, и Летисия, как вице-президент фирмы, непременно должна была присутствовать на переговорах. Больше того, она должна была принять решение. Витор мыслил их фирму в будущем могучим концерном, который будет конкурентоспособен как в Европе, так и в Америке. Поэтому уже теперь им нужно было заручиться надежными союзниками. Японцы представлялись Витору самыми подходящими.

Именно они были новой силой, выходящей на арену бизнеса, именно они сейчас предлагали новые инициативы и тоже искали себе партнеров.

Рассуждения Витора казались Летисии глухим, невнятным шумом. Вникнуть в них сейчас она просто не могла.

— Витор, у меня начинается мигрень, — отмела Летисия от себя необходимость вникать в дела фирмы, — поэтому я передаю тебе все полномочия. Ты можешь решать эти проблемы так, как сочтешь нужным.

— Кстати, я сейчас встретил Франсуа, он приходил со своими проектами? — осведомился Витор.

— Да, — с невольной усмешкой ответила Летисия, — но все это крайне несерьезно. Похоже, мы не будем сотрудничать.

— Очень рад, что наши мнения совпадают, — веско сказал Витор, — и ты видишь, что хорошо поступила, когда не пошла на сближение...

— Да! Да! — внутренне содрогнувшись, согласилась с сыном Летисия, и Витор ушел, необычайно довольный результатами своего разговора с вице-президентом сеньорой Летисией Веласкес.

* * *

Утром у Витора был разговор с дедом. Гаспару рассказали о скандале, который произошел во время чаепития: о том, как Рамиру ворвался в дом, искал свою дочь, грозил Витору.

— Витор, дружок, — обратился к внуку Гаспар, — я хотел бы поговорить с тобой о твоём новом увлечении... Об этой девушке...

— Ты имеешь в виду Асусену? — уточнил Витор, остановившись, он уже спешил в офис.

— Да. Поговорим по-мужски. Мне хотелось бы знать, насколько серьезные обещания ты дал Асусене Соарес. Пойми, она совершенно другого круга и все, что ты говоришь и делаешь, очень серьезно...

— Что точно, то точно, дед! Она не такая, как городские девицы, — ранимая, чистая, нежная. Она лучше всех, и я чувствую, понимаешь, чувствую, что Асусена любит меня по-настоящему. Так что и у меня это всерьез, и я просил бы никого из вас не вмешиваться. А сейчас, прости, мне пора! Тороплюсь в контору!

Гаспару понравилась прямота внука, и он решил ему помочь. Как человек действия, он тут же позвал Плинию и сообщил ему, что через десять минут они отправляются в деревню.

Рамиру был немало удивлен, увидев возле своего дома машину Гаспара. Он сразу сообразил, что разговор предстоит серьезный, и приказал Серене взять с собой Асусену и отправиться погулять.

Серена молча кивнула. Зато как разволновалась Асусена, увидев дедушку Витора! С чем он приехал к ним? А что, если отец и на него набросится с кулаками?

Серена, как могла, успокаивала ее.

— Мужчины хотят потолковать по-мужски, — говорила она, — мы им будем только помехой. А у нашего папы при необходимости выдержки и не на такое хватит!

Рамиру встретил Гаспара с недоброй настороженностью: вчерашний скандал не мог пройти ему даром, он это понимал.

— Что вы у нас забыли, доктор Гаспар Веласкес? — не слишком вежливо спросил он, давая понять, что никого не боится.

— Не стоит встречать меня в штыки, Рамиру, — миролюбиво ответил Гаспар, — я приехал поговорить с тобой, и только.

— Ну что ж, давайте поговорим. Проходите в дом, сеньор Гаспар, — и Рамиру не слишком охотно посторонился, пропуская в дом Гаспара.

И Гаспар как раз столкнулся с выходящей из дома Асусеной. Он оценил выбор внука: Асусене, конечно, было далеко до классических красоток, но до чего прелестна, наивна, чиста! От нее так и веяло этой неподдельной наивной девичьей чистотой. Гаспар понял и своего внука, понял он и отца Асусены.

— Может, по стаканчику опрокинем, — предложил Гаспар, садясь за стол, — я знаю, у тебя всегда что-то есть в запасе. Глядишь, языки развяжутся и говорить будет легче.

Рамиру молча принес бутылку с вином и поставил на стол стаканы. И языки развязались, у Рамиру первого.

— Не верю я в добрые намерения вашего внука, — упрямо сказал он, отхлебнув из стакана.

— А я ручаюсь, что Витор по-настоящему любит твою дочь, — ответил Гаспар. — Сегодня мы с ним поговорили, и очень откровенно.

— Моя дочь тоже так думает, но я считаю, что поступил он подло. Поиграл с девушкой и бросил... как будто она сирота и некому за нее заступиться.

— Поверь, и я не одобряю его, — согласился с Рамиру Гаспар, —

Витор поступил необдуманно, сгоряча, так поступать нельзя. Но кто из нас не наделал ошибок в молодости? К тому же вырос он в Рио, там другие нравы, ему это не казалось серьезным проступком...

— В этом-то все и дело! Кто там еще знает, что ему не покажется серьезным проступком? Я очень трезво смотрю на вещи, доктор Гаспар. Мы, деревенские, живем одной жизнью, а вы — другой, и лучше нам жить каждому по-своему. Асусена выросла босиком, дышала морским воздухом, загорала до черноты. Другой жизни она не знает и не хочет. Скажите, положив руку на сердце, разве такой видели вы жену вашего внука, наследника огромной фирмы?

— А ты видишь, Рамиру, какие шутки шутит с нами судьба? — покачал головой Гаспар. — Много лет назад мы точно так же сидели с тобой за столом, но только то, что ты теперь говоришь мне, говорил тебе я: мы живем в разных мирах, мечты о жизни одно, жизнь другое, не будет у вас с Летисией счастья! Но ты все-таки увел ее. Кроме шалаша, у тебя тогда ничего не было, и ты предложил ей рай в шалаше... И что? Теперь ты больше не веришь, что любовь преодолевает все препятствия?

— Нет, теперь я в это не верю, — громко сказал Рамиру. — Если бы я вас тогда послушался, у меня в жизни не было бы столько горечи. Вы избаловали Летисию, ей очень скоро приелась наша нелегкая жизнь, и она выбросила меня вон, как надоевшую игрушку.

— Ты несправедлив к моей дочери, Рамиру. Она любила тебя всерьез и до сих пор сохранила память о вашей любви.

— Любовь для меня не охи и не вздохи, я такого не понимаю. Моя жена должна быть сильной, готовой к любым трудностям. Она должна следовать за мной, куда бы я ни пошел. Должна верить, что я желаю только блага своей семье и детям. Так что ваша дочь оказала мне услугу тем, что ушла из моей жизни. И теперь я согласен с вами: между людьми из разных миров не может быть счастья. Так что нечего Асусене встречаться с вашим внуком, ничего хорошего из этого не выйдет. Объясните это ему, и пусть держится от Асусены подальше, — непримиримо говорил Рамиру.

— Я пришел к тебе, Рамиру, в надежде убедить, что наши дети могут рассчитывать на счастье, но вижу, что мне это не удастся. Только имей в виду, если они и вправду друг друга любят, наша мудрость им не поможет. Они не станут слушать ни тебя, ни меня. Нам их не удержать, — и Гаспар печально покачал головой, — а потом остаются незаживающие раны на всю жизнь...

— Вот я и не хочу этих ран, — упрямо сказал Рамиру. — Главное, не поддерживать иллюзий. Невозможно и баста! И я никогда не позволю

Асусене быть с Витором. Так что постарайтесь внушить вашему внуку, чтобы он оставил ее в покое. Иначе, предупреждаю, ему придется плохо.

— Попробую, Рамиру, попробую, — со вздохом пообещал Гаспар, — но я совсем не уверен, что из этого что-то выйдет...

Видя, как настроен Рамиру, Гаспар понял, что и в самом деле лучше отговорить Витора. Рамиру будет стоять до последнего, он дорого заплатил за свою мудрость и никогда от нее не отступится.

Ах, Летисия, Летисия... Гаспару было больно за свою дочь, которую он в свое время не смог уберечь ни от любви, ни от последующих несчастий. Но можно ли вообще уберечь от любви и несчастий? Положа руку на сердце, Гаспар считал, что нет.

* * *

Но если судьба не уберегла Летисию от очередного горького разочарования, то она уберегла ее хотя бы от пересудов в обществе. В заметке Фреда о благотворительном чае не было ни слова о разыгравшемся скандале. Именно это с большим прискорбием и отметила Изабел, прочитав газету. Изабел была бы совсем не прочь, если бы имя Веласкесов немного потрепали. В них было все-таки слишком много спеси. Хотя Летисия и слова дурного ей не сказала, а бесцеремонно обошлась с ней Нейде, Изабел разобиделась на Летисию. Впрочем, разочарование не помешало ей тут же взять телефон, позвонить Летисии и поздравить ее сладким голосом с деликатностью прессы.

— Все так любят тебя, Летисия, так любят. Никто не хочет причинять лишних огорчений, — пела она в телефон.

Летисия поблагодарила Изабел за добрые слова. Она была благодарна и Фреду за деликатность. Но самым забавным было то, что Фред был тут совершенно ни при чем. После чая он вернулся в сильном подпитии и не мог написать ни слова. Выводя бессмысленные каракули, он даже подумывал, не уйти ли ему из газеты, потому как материал должен был быть готов к утру, — без скандала не обойтись. Выговора ему не хотелось. А хотелось махнуть на все рукой и сбежать с этой каторги.

Адреалина сперва надеялась помочь ему крепким кофе, но вскоре убедилась, что дело это безнадежное, и уложила спать окончательно раскисшего Фреда.

Когда же он встал с больной от похмелья головой, на столе у него лежала заметка. Убей бог, он не помнил, когда ее написал. Но заметка была

что надо, живая, бойкая. В общем, беги в редакцию и никаких проблем.

Адреалина с усмешкой смотрела на растерянное лицо Фреда.

— Годится? — спросила она.

— Неужели это ты написала? — с изумлением уставился Фред на девушку-загадку.

В Адреалине и впрямь было много загадок. Например, вдруг случайно выяснилось, что она прекрасно знакома с Европой, побывала в самых разных странах. Как? Когда? С кем? Загадка!

— Знаешь, я сходила бы к вам в редакцию, посмотрела бы, что там у вас и как, — неожиданно сказала Адреалина. — Думаю, может, и мне попробовать себя в журналистике? Мне писать понравилось. Кто знает, вдруг это моя судьба?

После того как Адреалина буквально спасла его, Фред не мог отказать ей в такой невинной просьбе. Хотя про себя он весьма скептически отнесся к ее прожектам. Адреалина и работа были вещи несовместимые. Однако в редакцию он ее отвел.

Адреалина тут же пожелала самостоятельно «пошляться» по зданию, как она выразилась.

— Зайду, знаешь, к художникам, в типографию, — сказала она.

Фред понимающе кивнул: вот это уже настоящая Адреалина, так она всю жизнь и прошляется, в Европе ли, в газете...

— А я пока пойду сдам материал, — сказал он, — мы и так его чуть-чуть задержали.

— Иди, иди, Фредик! — Адреалина помахала ему рукой.

Сама она отправилась по коридору, внимательно читая таблички. У таблички с надписью «Архив» Адреалина остановилась и повернула ручку.

— Могу я посмотреть подшивки старых газет? — спросила она. — Только у меня очень мало времени, будьте любезны, покажите мне, где это.

Служащий кивнул и проводил ее к стеллажам с газетами.

— Они все в вашем распоряжении, — любезно сказал он, показывая на пожелтевшие груды.

Газеты были разложены по годам, и Адреалина быстренько нашла нужный ей год.

— Я пишу работу для школы по этому времени, — сочла нужным объяснить она, беря подшивку и устраиваясь за столом.

Очень скоро глаза ее наткнулись на заметку, которая гласила: «На борту парусника, дрейфовавшего примерно в ста километрах от берега, был найден раненый мужчина. Парусник был обнаружен двумя рыбаками. Одного из них зовут Самюэль, другой известен под именем Бом Кливер. По

их словам, в тот момент, когда они пытались оказать помощь раненому, он выбросился за борт. Дальнейшие поиски пострадавшего не увенчались успехом».

— Эй, парень, — окликнула Адреалина молоденького служащего, — сделай-ка мне ксерокс с этой заметки, и срочно, а то я очень спешу. Работу запиши на счет Фреда Ассунсона. Идет?

— Все будет готово буквально через секунду, — ответил паренек.

Да, Адреалина была действительно женщиной-загадкой. И как выяснилось, вокруг было и еще много-много загадок.

* * *

Кроме загадочных событий, существуют еще и загадки человеческой душ. Приехав домой, Гаспар дождался Витора и попробовал поговорить с ним. Но ни один из доводов на Витора не подействовал.

— Разве не ты учил меня преодолевать препятствия, а не останавливаться перед ними? — спросил Витор деда. — Только слабый отступает перед трудностями, твердил ты мне изо дня в день.

— Я имел в виду профессиональные трудности. Речь шла о том, чтобы работать не покладая рук, набирать знания, учиться и стать в конце концов главой фирмы. Говоря «препятствия», я не имел в виду живых людей, с которыми всегда надо считаться, — убеждал внука Гаспар.

— Я не отступлю, — твердо сказал Витор, — и никто не убедит меня — ни ты, ни безмозглые родственники Асусены — в том, что я должен ее оставить! Если я решил, то я своего добьюсь!

Витор был настроен тем более решительно, что сегодня он почувствовал себя настоящим главой фирмы. Сегодня он принял свое первое самостоятельное решение! Осторожный Бонфинь тоже возражал ему, пытаясь воззвать к благоразумию, призвать к осмотрительности. Витор выслушал, покивал, отпустил Бонфиня и вызвал секретаршу Сузану.

— Срочно напечатайте мне письмо, — распорядился он.

Витор не собирался позволять тупице Бонфиню вставлять себе палки в колеса! Он хотел видеть японцев своими партнерами, собирался написать им письмо и написал его немедленно!

Не позволит он вставлять себе палки в колеса и родному деду! А уж родне Асусены тем более! Поэтому Витор и отправился на другой день к школе повидать Асусену. За девочками, Далилой и сестрой, приехал и Кассиану. Он не мог позволить им добираться до дома без провожатого,

посмотрев утром, как они нарядились, собираясь в эту свою школу! Да, с такими красотками что хочешь могло случиться!

Кассиану очень ревниво относился к Далиле, она была его невестой, станет женой, и он готов был свернуть шею любому, кто только на нее взглянет. С той же ревностью охранял он и сестру.

Когда Кассиану увидел возле Асусены Витора, он ни секунды не сомневался в том, что обязан сделать, — пошел и как следует врезал наглому парню. Городского субчика предупреждали, он не счел нужным прислушаться и, значит, теперь получал обещанное.

Асусена испуганно вскрикнула.

Витор, у которого тут же начал заплывать глаз, недобро усмехнулся.

— Троглодиты не понимают другого языка, кроме рукоприкладства, — высокомерно процедил он и тут же получил еще одну затрещину.

— Защищайся! — рявкнул Кассиану.

— И не подумаю! — с тем же высокомерием ответил Витор.

Кассиану властно кивнул девушкам на «джип», и они покорно туда уселись. «Джип» взревел и тронулся с места. Витор приложил платок к рассеченной губе и тоже сел в машину, но не в старенький «джип», а в роскошный мерседес.

* * *

Аманда пришла в ужас, увидев разбитую губу, и заплывший глаз брата. Она тут же позвонила Оливии и получила у нее необходимые рекомендации: холодные компрессы, примочки из арники.

Изабел, узнав, что Витора побили, пришла в восторг — подумать только! Да это же настоящая сенсация! Рыбаки против семейства Веласкесов. Дрожащей рукой она тут же начала набирать номер Фреда, на этот раз он не сможет обойти щекотливую тему. Пусть все газеты трубят о скандале!

От примочек и компрессов Витору вскоре стало полегче.

— Ты что, все рассказала Оливии? — спросил он Аманду, как только опухоль на губе немного спала.

— Ничего особенного я ей не рассказала. А что? Разве тут есть что-то запретное?

— Нет, ничего, — согласился нехотя Витор, хотя Оливию он не собирался посвящать в свои отношения с Асусеной. — Волнует меня совсем не Оливия, а придурак Кассиану. Ему это просто так не пройдет.

— Не заводись, Витор! Крутого парня из тебя все равно не получится, — рассмеялась Аманда.

— Я не об этом, — отмахнулся Витор. — Но Асусену я у них уведу, так и запомни. Поняла? Иначе я не Витор Веласкес!

* * *

Асусена, добравшись до дому, тут же ушла к себе в комнату и заперла на задвижку дверь. Дверь она не открыла даже матери. Серена уже знала от Кассиану, что произошло, и теперь пыталась урезонить Асусену:

— Да выбрось ты Витора из головы, доченька. Ты же видишь, ведь и ему из-за тебя одни неприятности!

Это был единственный довод, на который могла откликнуться влюбленная Асусена. Сказав это Асусене, Серена тихонько ушла.

* * *

Гаспар, увидев разбитое лицо внука, только головой покачал. Он ведь предупреждал его. И вот результат. Неужели Витор и дальше будет упорствовать? Ему было жаль мальчика. В прямом смысле тот пытался прошибить головой стену и получал удар за ударом. Нерадостные размышления Гаспара прервал телефонный звонок. Приехал Франшику! Привез хорошие вести! Вот радость так радость! Все подробности были обещаны при встрече, а встреча должна была состояться завтра. До завтра оставалось совсем немного времени, и в эту ночь Гаспару снились самые радужные сны.

* * *

Другая встреча произошла в тот же вечер встреча Лилианы и Франсуа. Франсуа буквально окаменел, увидев перед собой Лилиану.

— Ты же хотел получить свои квартирные документы, вот они к тебе и прибыли, причем в самых надежных руках, — с широчайшей улыбкой сообщил Франшику.

Франсуа метнул на него гневный взгляд и молча повернулся, чтобы идти к себе. Но Лилиана удержала его, сказав:

— Держи свои бумаги! Я решила сама их тебе отдать, а заодно и повидаться. Я не думала, что тебя это так расстроит!

Лилиана смотрела на Франсуа весело и по-дружески, похоже, она не собиралась устраивать ему никаких сцен и скандалов, от нее веяло теплом и благожелательностью.

Франсуа даже стыдно стало: чего он, собственно говоря, так перепугался. Они старые друзья. Ну приехала, погостит и уедет. Они же обо всем договорились еще в Сан-Паулу, недомолвок между ними никаких нет. Правда, он не звонил. Тем более нет недомолвок. Ему полегчало, и он даже смог улыбнуться.

— Но только имей в виду... — все-таки начал он.

— Знаю, знаю, — рассмеялась Лилиана, — нам никогда не быть вместе. Можешь не повторяться. Лучше скажи, где наша спальня. Сейчас я приму душ и...

— Нет-нет, Лилиана!

— Да, милый, да. Я так по тебе соскучилась! Я пролетела столько километров, и нам так хорошо всегда было вместе...

Она смотрела на него смеющимися глазами, она была такая красивая, легкая, необременительная. Колебания Франсуа скорее забавляли ее.

— Не создавай лишних проблем, милый, там, где их нет, — сказала она.

— А ты не шути так опасно, Лилиана, — жалобно попросил Франсуа, желая все-таки избежать общей спальни и того, к чему, по всей видимости, так стремилась Лилиана. Хотя, в общем, по большому счету сам он не видел во всем этом особого греха.

— Я совсем не шучу, — отвечала простодушно Лилиана, — я говорю очень серьезно. Вот сейчас приму душ и...

День и так был перенасыщен выяснениями отношений, напряжением, нервозностью, и кто бросит камень в Франсуа, если еще одной нервозности он предпочел тихую блаженную пристань?

Глава 23

Гаспару не терпелось повидаться с Франшику, и он с утра пораньше отправился к нему, но дома застал одного Франсуа. Франсуа решил, что Гаспар пришел к нему по поводу всего, что случилось с Амандой, с Летисией, и тут же принялся рассказывать, как все было на самом деле.

Гаспар и не подозревал, что у его друга-архитектора такие серьезные чувства и намерения в отношении Летисии! Ему это было очень приятно. Свою своевольную, взбалмошную внучку он тоже прекрасно знал — отсутствие в доме отца, возрастные проблемы. Гаспар несколько не сомневался в правдивости рассказа Франсуа.

— Я постараюсь тебе помочь! — пообещал он. — Хорошо, что ты поставил меня в известность.

— Спасибо, Гаспар, — поблагодарил он и добавил, увидев входящего Франшику: — Не буду вам мешать.

Франсуа почувствовал, что Гаспар — само нетерпение, и понимал, что его присутствие при разговоре излишне.

— Ну что там, Франшику? Говори же, я жду, — торопил Гаспар своего секретаря по личным, сугубо личным делам.

— Все прекрасно, контракт подписан, а дальше...

— Понимаю, — все с тем же нетерпением прервал его Гаспар, — Для того чтобы Эстела была счастлива, мы должны устроить целое представление. У нее должно быть шикарное шоу. Так? Я правильно понял?

Франшику кивнул.

— Ну так в чем же дело? Действуй! Деньги не проблема. Я все оплачу, — пообещал Гаспар.

Пока счастлив был Франшику, щедрость Гаспара приводила его в восторг, и он с воодушевлением воскликнул:

— За дело берется Франшику, единственный и неповторимый. У Эстелы Маркес будет супершоу!

Довольный Гаспар заплотировал. Счастливому человеку во всем сопутствует удача. Гаспар был счастлив, и ему удалось переубедить Летисию. Гаспар был влюблен, и ему удалось уверить свою дочь в любви Франсуа.

Летисия прислушалась к словам отца еще и потому, что успела побывать в доме Рамиру. Она не могла оставить просто так свершившееся

вопиющее безобразие. Она должна была вступить за сына и как-то призвать к порядку распоясавшихся рыбаков, которые посмели дойти до рукоприкладства! Рамиру не было. Разговаривала она с Сереной и ничего, кроме боли и чувства унижения, не вынесла из их разговора. У нее до сих пор звучали в ушах слова Серены:

— Ты потеряла своего мужчину, Летисия, потому что не верила в его любовь. Но этот мужчина вернулся к жизни. Он полюбил опять, полюбил земной любовью, земной и небесной одновременно. И наша любовь жива! С Рамиру нас разлучит только смерть.

— Не обольщайся, Серена! Рамиру помнит и о нашей с ним любви. Такую любовь забыть нельзя! — ответила благополучной Серене оскорбленная до глубины души неблагополучная Летисия. — И имей в виду — в следующий раз я сразу же обращусь в полицию, она найдет управу на твоего головореза!

Ярость и бессилие — плохие помощники, они не приносят покоя.

Летисия вернулась домой разбитая, опустошенная, с тоской и отчаянием в душе. Она хотела забыть Рамиру и не могла. Но хотела, очень хотела. Особенно увидев довольную, счастливую Серену. Поэтому все, что говорил ее отец о Франсуа, то, в чем он убеждал ее, было для Летисии желанным бальзамом.

С Франсуа, в конце концов, они говорили на одном языке, и Летисия даже почувствовала себя виноватой из-за своего легковерия. Кто знает? Может, Серена не так уж и неправа, когда сказала, что Летисия погубила свою любовь недоверием? Летисия подошла и с нежностью поцеловала отца. Гаспар понял: он победил.

— Поезжай, дочка, и помирись с Франсуа, — ласково сказал он. — Я давно его знаю, он хороший, порядочный человек и проблемами Аманды, можешь мне поверить, озабочен не меньше тебя.

Летисия кивнула. Так она и сделает. Этот трудный день должен кончиться чем-то хорошим: цепь неудач должна прерваться.

Дорогой Летисия даже с нежностью вспоминала художника. И с грустью думала, что все ее несчастья от излишней впечатлительности. Именно впечатлительность делает ее такой неуравновешенной, кидая из стороны в сторону!

Франсуа был дома и страшно обрадовался, увидев Летисию. Да здравствует Гаспар, надежный и верный друг!

Глядя на счастливое лицо Франсуа, Летисия тоже почувствовала себя счастливой. Среди бурь и невзгод хорошо знать, что есть верный и надежный человек, который тебя любит. Франсуа засуетился, ставил на

стол вино, фрукты, придвигая самые сочные и красивые к Летисии.

— Тебе нужно немного отдохнуть, — говорил он. — Давай выпьем за будущее! За нашу любовь! Я так без тебя скучал!

Летисия улыбалась: да, она была не права и так было приятно расстаться со своей неправотой!

Они выпили, глядя в глаза друг другу, глаза, которые обещали только хорошее, и вдруг женский голос громко сказал:

— Я хочу и не могу уснуть, Франсуа! Может, ты сделаешь мне массаж?

В гостиную, где за накрытым столом сидели Франсуа и Летисия, вошла в легкомысленном халатике Лилиана и, глядя с недоумением на Летисию, спросила, будто была хозяйкой дома:

— А это кто?

Мгновенная бешеная ярость захлестнула Летисию. Опять! Ее опять заманили в ловушку! Снова подвергли унижению! Снова оскорбили!

— Никто! — ледяным тоном ответила она. — Считаю, что я тебе приснилась! Не заставляй девушку ждать, Франсуа, сделай ей массаж.

Летисия была уже у дверей, и Франсуа, процедив на ходу пару злобных слов очень довольной Лилиане, схватил Летисию за руку, пытаясь удержать.

— Подожди, Летисия, — умолял он, — сейчас я тебе все объясню. Это совсем не то, что ты думаешь.

— Я прекрасно знаю, что ты мне сейчас скажешь! Ты скажешь, что эта красотка сама прыгнула к тебе в постель и ты ничего не мог с ней поделать!

Как ни смешно, но так оно и было, хотя Франсуа ни в коем случае не собирался этого говорить. Дверь за Летисией захлопнулась, и он набросился на Лилиану:

— Ты видишь, что ты натворила своими дурацкими штучками? Меня простили! Только-только простили! Как я смогу теперь оправдаться?

— Ну, знаешь! — обиделась Лилиана. — Ты хоть предупреждай! Откуда я знаю, что к тебе в любую минуту может прийти женщина! — Глаза у Лилианы уже были на мокром месте, она уже всхлипывала.

Франсуа только рукой махнул. Он не любил женских слез, даже в качестве разрядки. С Лилианой сейчас можно было только поспорить, а с Франшику хоть что-то решить, и Франсуа отправился к Франшику.

— Посмотри, сколько ты натворил бед, — принялся он упрекать друга, — Лилиана сидит и ревет, Летисия в бешенстве и никогда меня не простит. Я в отчаянии. Теперь ты понимаешь, что нельзя было тащить сюда Лилиану!

Франшику виновато повесил голову.

— Все наши глупости из-за женщин! — нашел он единственное для себя оправдание.

— Что правда, то правда, — развел руками Франсуа.

— Я ее привез, я ее и увезу, обещаю тебе, — торжественно поклялся Франшику.

— Сделай божескую милость! — умоляюще проговорил Франсуа. — А как я буду мириться с Летисией, просто ума не приложу!

* * *

Летисия кипела негодованием всю дорогу. Не успокоилась она и дома. Поэтому и Аманду не стала щадить, когда ее увидела. Может, на самом деле это лучший выход? Может, именно это и спасет ее легкомысленную дочь? Хотя в Летисии куда громче заботы о дочери говорило раздражение. И она не удержалась и выплеснула его:

— Аманда! Твое поведение просто неприлично! Девочки из добропорядочных семей так себя не ведут! Надеюсь, ты понимаешь, что стыдно вешаться на шею мужчинам и еще более стыдно — врать!

— Врала не я, а ты! — злобно выкрикнула Аманда, и Летисия даже отшатнулась от этой откровенной злобы. — Я доверила тебе свою тайну, а ты! Ты воспользовалась ею и стала отбивать у меня Франсуа! Ты поехала к нему, ты ему обо мне насплетничала...

— Что ты такое говоришь, Аманда? Ты забыла, что ты еще маленькая девочка, а я, я — твоя мать?! — Летисия была просто в ужасе от того, что услышала.

— Ну и что, что ты моя мать? Нам нужен один и тот же мужчина! И не смей мне врать, будто ты к нему равнодушна! Ты просто сходишь с ума от ревности!

«Может, это и правда, но не по отношению к Аманде, и даже не по отношению к Франсуа», — горько подумала про себя Летисия, но вслух сказала совсем другое:

— Я беспокоюсь только о тебе, Аманда. И хочу я одного — избавить тебя от страданий!

— Не старайся! Я все равно тебе не поверю! Ты просто хочешь заполучить себе Франсуа. Но мы еще посмотрим, кому он достанется!

— Уже достался! — глядя не без иронии на свою обезумевшую дочь, сказала Летисия. — У него есть о ком позаботиться, а тебе лучше о нем

забыть!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — вдруг притихла Аманда, и у нее на лице отразилось недоверчивое недоумение. — Выдумываешь Бог знает что, лишь бы разлучить меня с Франсуа! — сказала она, но уже без всякой уверенности.

— Не веришь, поезжай и убедись собственными глазами, — устало ответила Летисия и закрыла за собой дверь спальни.

День кончился плохо, цепочка неудач так и не разомкнулась.

На следующий же день Аманда отправилась к Франсуа. Она не сомневалась, что Летисия из ревности обманула ее, и предвкушала их взаимное волнение, притягивающий взгляд Франсуа и, наконец, объятия. Мысленно она уже спешила по дорожке в саду, а в конце ее стоял, дожидаясь, темноволосый загорелый красавец в белоснежной рубашке и шортах...

Но когда она вошла в калитку, в конце садовой дорожки стояла темноволосая красавица. Значит, мать не солгала ей, значит, в доме у Франсуа действительно поселилась женщина. Что ж, Аманда с ней познакомится, а потом она посмотрит в глаза Франсуа...

Но в глаза Франсуа посмотреть ей не удалось. Франсуа ушел на пляж работать, он писал очередную картину, и трудно было сказать, когда он вернется, — все зависело от вдохновения. Это сообщила Аманде Лилиана, с любопытством разглядывая хорошенькую молоденькую девочку.

— А ты что, его подружка? — спросила ее Лилиана напрямую.

— Возможно, — дипломатично ответила Аманда. — А ты?

— Возможно, и я — ответила Лилиана. — Хочешь соку, я только что приготовила.

— Не откажусь, — ответила Аманда. Аманда выяснила, что Лилиана проводит у Франсуа отпуск, но еще не знает, надолго ли останется. Аманда поначалу собиралась во что бы то ни стало дождаться художника, но потом поняла, вряд ли это имеет смысл, и, поболтав еще с четверть часика с Лилианой, отправилась домой. Вернее, не домой, Аманда долго еще бродила по городу. Невидящим взглядом смотрела на пестрые витрины и пыталась понять, что же ей теперь делать. У Франсуа, как выяснилось, была своя независимая жизнь, куда, как теперь поняла Аманда, он не собирался ее впускать. И равнодушие его было совсем не показным, как она поначалу думала, оно было совершенно искренним. Когда Аманда узнала, что ее мать равнодушна к художнику, она приготовилась бороться за свою любовь. Она не сомневалась, что молодость дает ей особые преимущества, мать казалась ей слишком старой для влюбленности. Но

Лилиана была и молода, и хороша собой. И Аманда почувствовала, что не может соперничать с ней. Еще она поняла, что Франсуа любит стройных, высоких и темноволосых. Такой была ее мать, такой была Лилиана...

* * *

После визита Аманды Лилиана окончательно поняла, что Франсуа в Форталезе времени не теряет. Бойкая девочка была у него, очевидно, в подружках на каждый день, а благовоспитанная красивая дама — для высокоинтеллектуальных отношений. И Лилиане стало вдруг очень жалко себя за свою привязанность, преданность, которые всегда остаются без всякой благодарности. Лилиана не могла удержаться и заплакала. Плачущей нашел ее Франшику, который в этот день довольно рано вернулся домой.

— Неужели ты плачешь из-за этого повесы? — возмутился он. — Такая красавица! Настоящая королева! Да еще с золотым сердцем! Ты же была с ним во всех его невзгодах! Кто, как не ты, помогал ему? И что? Другой бы памятник тебе поставил, Лилиана! Всю жизнь на руках носил! Да этот неблагодарный доброго слова твоего не стоит, не то что слез!

Слова Франшику были целебным бальзамом для Лилианы. Нет, она нисколько не обольщалась насчет этого молодого человека. С одной стороны, она видела, что он очень хочет привлечь ее внимание, с другой — что он работает пока только на подхвате, не слишком надежен, не слишком основателен. А с третьей, — что ей было за дело до его основательности? Сейчас он помог ей, и Лилиана сквозь слезы улыбнулась Франшику!

Зазвонил телефон. Франшику приглашал к себе Гаспар по срочному делу.

— Видишь, Лилиана, я нужен всем! — обрадованно сообщил Франшику. — Как только я вернусь, мы продолжим разговор!

Гаспар вызвал к себе Франшику, потому что срочно решил лететь в Рио-де-Жанейро. Необходимость лететь возникла после неожиданного визита Бонфиня. Бонфинь понял, что Витор дал серьезные обязательства японцам, и не мог не сообщить об этом Гаспару.

Услышав о японцах, Гаспар схватился за голову: Витор, похоже, подверг их фирму невероятному риску. Но насколько опасен этот риск и есть ли пути для отступления в случае, если новый контракт грозит разорением фирме, Гаспар мог выяснить только после тщательного изучения документов. Нужна была и консультация с профсоюзом, который

находился в Рио. В общем, Гаспару предстояла деловая поездка, и он решил совместить полезное с приятным. И для этого вызвал Франшику. Гаспар будет заниматься делами фирмы, Франшику — супер-шоу для Эстелы.

— А тебе не кажется, что ты слишком рано ушел на покой, Гаспар? — печально спросил друга Бонфинь, наблюдая, как деятельно принялся Гаспар за дело, названивая по телефону, заказывая билеты.

— Может, и рано, — отозвался Гаспар. — Но видишь ли, за Витором будущее, и я не хочу, чтобы ему казалось, будто мы ему не доверяем, будто каждый его шаг под контролем. Он должен научиться и принимать решения самостоятельно, и потом отвечать за них. В данный момент я вижу безусловную опасность в его поспешном и опрометчивом решении, но, насколько она велика, смогу сказать, только вникнув во все документы. На ошибках учатся, так пусть он учится, Бонфинь, пусть учится...

Посетовал Бонфинь и на дружбу Гаспара с Франшику. Но Гаспар в ответ только рассмеялся: Франшику был его слабостью. Почему? Он и сам не мог объяснить.

Франшику прилетел к Гаспару как на крыльях и пришел в восторг от предстоящей поездки.

— Вот сработаемся мы, и никто нас не одолеет! — пообещал Франшику сеньору Веласкесу.

— И я так думаю, — согласился с легкомысленным Франшику сеньор Гаспар Веласкес.

Удача сама плыла в руки Франшику. В поездку он возьмет с собой Лилиану. Разве может Гаспар возражать против общества такой красивой, умной и воспитанной девушки? А Франшику убьет сразу двух зайцев — выполнит обещание, данное Франсуа, и пристроит Лилиану. Она будет исполнять обязанности секретаря у импресарио Франшику, единственного и неповторимого.

— Собирай чемоданы, Лилиана, мы едем в Рио, — сообщил он, вернувшись домой.

Лилиана согласно кивнула. Между ней и Франшику за эти дни установилось то дружеское согласие, которое иной раз приятней и устойчивей любви.

В этот вечер Лилиана поощряла пылкую нежность Франшику, особенно если рядом был Франсуа, которому она не могла простить его «гарема». И Франсуа, как это ни покажется странным, было чем-то обидно обоюдное согласие этой парочки. Он прекрасно понимал, что трогательные заботы Лилианы о Франшику явно нарочиты, что она целует его только в

пику ему, Франсуа, и ему тем более претили эти игры. Он устал! Устал от всех! Когда женщин становится слишком много, они не украшают жизнь, а убивают ее.

— Я очень рад, что вы милуетесь, как два голубка, — сказал он Франшику, который сидел в обнимку с Лилианой на диване, — но мне кажется, что ты мне что-то обещал.

— Потерпи немного, — отвечал Франшику, — и я выполню свое обещание. Я затеял большое дело, и ты очень скоро обо мне услышишь.

— Если услышу, то буду рад, лишь бы не видеть, — съязвил Франсуа.

* * *

Серена не собиралась скрывать от Рамиру ни драки Кассиану с Витором, ни посещения Летисии. Однако сразу рассказать обо всем этом мужу она не смогла. Ей нужно было собраться с духом и словно преодолеть какую-то преграду: слишком уж больно задела ее слова Летисии о том, что Рамиру, несмотря на их долгую совместную жизнь, ей, Серене, все-таки не принадлежит.

Видя душевное смятение Серены, Рамиру сумел вызвать жену на откровенный разговор. Высказав все, Серена заснула. Зато Рамиру не спал до утра.

Вторжение семьи Веласкес в его жизнь было похоже на наваждение. Долгие годы он жил спокойно, постаравшись забыть об их существовании. У него была хорошая жена, он растил своих детей, в поте лица добывая для них хлеб. Он любил и свою работу — любил море — то гневное, то ласковое, выслеживание косяков, искусство вылавливания рыбы и живое серебро, которое вдруг переполняло баркас. Долгое время он чувствовал себя хозяином жизни. Жена была послушна ему во всем, и детей она тоже растила в послушании.

Умел он договориться и с морем, совладать с ветром, добыть рыбу, креветок, лангустов. Но вот опять в его жизнь вторглась стихия, с которой он не мог совладать. Стихия эта звалась любовью.

Летисия была права: он ничего не забыл, потому-то и хотел, чтобы стихия эта обошла стороной и его дочь. Ему хотелось по-прежнему чувствовать себя хозяином своей жизни. Засыпать со спокойным сердцем и просыпаться с ясным взором. В размеренной жизни Соаресов не должно быть Веласкесов. Соаресы живут на одном берегу, Веласкесы — на другом, и вместе им делать нечего!

К такому выводу пришел Рамиру после бессонной ночи и поутру отправился в город к Летисии.

Когда он пришел, Летисия еще не встала. Она замахала руками на Нейде, которая сказала ей, что рыбак Соарес ждет внизу, желая повидать хозяйку.

— А я не желаю! Пусть уходит! Скажи, пусть уходит немедленно! Я его не приму! Этих варваров...

Но Рамиру не ушел — он вошел к Летисии в спальню, когда понял, что может уйти от нее несолоно хлебавши.

— Скажи мне в лицо все, что думаешь, Летисия! — попросил Рамиру мрачно. — И я тоже скажу тебе кое-что.

— Выйди, Нейде, — распорядилась Летисия, — я сама разберусь с сеньором Соаресом! Нам с ним, в самом деле, есть о чем поговорить.

Летисия и не подумала накинуть халат, прикрыть грудь, плечи, — она так и осталась в полупрозрачной ночной рубашке. Сказал же Рамиру, что для него нет ничего дороже семьи, так что ему за дело, в чем там Летисия?!

Взгляд Рамиру следовал за Летисией неотступно, глаза его говорили, что видят они одну Летисию, что любит он Летисию, хочет Летисию, что он истосковался, изголодался по Летисии, в то время как губы его выговаривали совсем другое.

— По какому праву ты ворвалась в мой дом? Оскорбляла мою жену? Угрожала полицией? — спрашивал Рамиру. — По какому праву твой сын не дает шагу ступить моей дочери? Уйми его, Летисия! Запрети раз и навсегда появляться в наших краях, и тогда ты избавишь и нас и себя от неприятностей!

— Мой сын влюблен. И это самое большее, в чем его можно обвинить, — высокомерно отвечала Летисия. — Его избили, он никого и пальцем не тронул! А ты оскорбил и унизил меня в моем собственном доме перед всеми, кто в нем собрался! Вы — дикари и живете по варварским, кровавым законам! Вы ничего не понимаете в любви!

— Если твой сын любит так же, как когда-то любила ты, Летисия, — угрюмо сказал Рамиру, — то эта любовь не протянет и до осени! Моя дочь заслуживает большего!

— Не дай Бог кому-нибудь столько мучиться из-за своей любви, Рамиру, как мучаюсь я, — заговорила вдруг Летисия совершенно другим тоном, — мучиться целую жизнь из-за мимолетной слабости, трусости, из страха перед неудержимостью собственных чувств! — Летисия говорила горько, искренне, и было понятно, что юное чувство живет в ней, что она до сих пор была неравнодушна к этому человеку.

Помимо своей воли эти двое тянулись друг к другу. Любовь их оборвалась насильственно и теперь предъявляла права на жизнь. Любовь уходит только тогда, когда доживает до своего естественного конца, но эта любовь была еще полна сил. Чем больше пренебрегали ею, тем громче она говорила.

Станный двусмысленный диалог Летисии и Рамиру прервал Витор. Он услышал мужской голос в материнской спальне, узнал от Нейде, что отец Асусены посмел ворваться к Летисии, и счел своим долгом встать на защиту матери.

Но Летисия невольно принялась защищать Рамиру. Если ей неприятно было вторжение Соареса, то еще менее приятно было бестактное появление сына. Летисия не желала, чтобы жизнь ее контролировалась. Она считала, что вполне способна разобраться со своими проблемами сама. Правда, на этот раз все неприятности были связаны с Витором, и она невольно потребовала от сына объяснений.

— Сеньор Соарес хотел узнать, что произошло между тобой и его сыном, — довольно сухо сказала она.

— И для этого он ворвался к тебе в спальню? — изумился Витор. — Надеюсь, он пришел с извинениями? А что он сказал тебе после того, как извинился?

— Мне не в чем извиняться, — сурово сказал Рамиру, — у моего сына были основания вступить с тобой в драку, он защищал честь сестры. И я предупреждаю тебя, посмей только приблизиться к моей дочери, и ты будешь иметь дело со мной! А если слушаешься, пеняй на себя!

Рамиру высказал все, что хотел, и больше ему здесь делать было нечего! Он лишний раз убедился, что сын Летисии — хам и наглец, который свою мать ни в грош не ставит. А что уж тогда говорить об остальных? Ну что ж! Если доведется, то его поставит на место он, Рамиру!

Дома Рамиру не сказал, где он был с утра пораньше, и на это у него было немало причин. На расспросы Серены он ответил, что ездил за запчастями для мотора, что их нигде не было, но в одном из магазинов приняли заказ, и теперь придется ждать, когда их доставят.

Серена посочувствовала мужу. Она видела, что сейчас Рамиру — сплошной комок нервов. И таким он был всегда, когда рыбаки уходили надолго в море. Еще бы! Он был среди них главным. Он отвечал за людей. И всегда напряженно и сосредоточенно готовился к лову. А на этот раз к тому же и мотор барахлил, так что удивительно ли, что он так беспокоен? А волнения с детьми? Серена обняла мужа крепче, пусть он знает, что

ему есть на кого опереться. Вдвоем они справятся со всеми невзгодами.

* * *

Потеряла покой и Летисия. Все бывшее всколыхнулось в ней из-за этого неожиданного свидания.

И она написала Рамиру записку, попросив его о встрече: «Пожалуйста, назначь время и место, подальше от моего офиса, подальше от дома, — мне нужно срочно поговорить с тобой». Записку она послала с мальчишкой-посыльным и с ним же получила ответ: «Летисия! Мы можем встретиться после обеда в роще, что находится на полпути от твоего дома до деревни».

И они встретились. Кипящая лава прошлого втекла в настоящее устоявшееся, раздвигая, поджигая, меняя его.

— Не могу забыть твоих губ, твоей кожи, твоих глаз. Я боролся с собой, Летисия, сопротивлялся, как мог, но это выше моих сил, мне не хватает воли... — шептал Рамиру, прижимая к себе Летисию.

— Обними, обними меня покрепче, чтобы я поверила, что мы вместе, — шептала в ответ Летисия. — Все эти годы я страдала, и единственное, чего хотела, быть рядом с тобой. Я бы все отдала, лишь бы повернуть время назад, лишь бы твое объятие длилось вечно.

— Но это безумие, Летисия, безумие то, что мы делаем, — шептал Рамиру, жадно целуя Летисию, — мы же причиняем боль нашим близким...

— Нет-нет, никто ничего не узнает, — говорила словно в забытьи Летисия, отвечая на поцелуи. — Я не хочу тебя снова терять. Моя жизнь остановилась, и я ждала тебя все эти годы. Я готова на что угодно, лишь бы мы снова были вместе. Я согласна встречаться тайком, украдкой, хоть на пять минут, но только встречаться, только видеть тебя опять и опять... Скажи! Скажи мне, что завтра мы снова встретимся.

— Я люблю тебя, я тебя хочу, — лихорадочно бормотал Рамиру. — Боже мой! Что я говорю? Я не должен так говорить! Не должен обнимать тебя! Но это выше моих сил! Завтра? Конечно, мы завтра встретимся!

* * *

Серена, поглядывая на натянутого как струна, напряженного Рамиру, потихоньку вздыхала про себя: ох уж это начало путины! Да еще с мотором неполадки! Все одно к одному!..

Вернувшись в офис, Летисия столкнулась с Изабел. И у Изабел был всплеск романтических чувств, и ее захлестнула волна прошлого.

На днях она увидела у своего порога корзину цветов. Она не сомневалась, что ее прислал Бонфинь, бонбон-конфетка, как когда-то она звала его, а он в те давние времена звал ее Бебел. Изабел приготовила ему экзотический ужин, приготовилась к нежной встрече, к ночи любви... Усталый Бонфинь, вернувшийся после долгого рабочего дня, искренне удивился. Какие цветы? Одна усталость от напряженной работы, от житейских хлопот! Приливы страсти Изабел были ему смешны и непонятны. Изабел смертельно на него разобиделась. Хотя пора бы привыкнуть, не в первый раз! Просидев целые сутки у себя в спальне, она пришла мириться, но Бонфиня не застала. Он в очередной раз отправился к Гаспару обсуждать дела, касающиеся контракта с японцами. Изабел не верила ни в какие его дела. Наверняка у ее мужа есть любовница!

У Изабел были одни подозрения, у Витора — другие. Он пристально взглянул на возбужденную Летисию и дружески обратился к Изабел Бонфинь:

— Мама, кажется, собирается поехать пообедать. Она терпеть не может обедать в одиночестве, — я надеюсь, вы согласитесь составить ей компанию.

Изабел с удовольствием приняла приглашение, которое хоть и не исходило от самой Летисии, но было ею как бы одобрено.

Летисия за обедом мало обращала внимания на Изабел. Она была в мыслях с Рамиру. Она думала о нем. А вернее, она и думать не могла, ее уносил поток забытого звенящего молодого счастья.

Зато Изабел говорила, не закрывая рта. Летисия услышала ее, когда та сказала:

— У тебя, милочка Летисия, те же проблемы, что и у меня. Оливия моя собралась замуж за сына рыбака, а у тебя сынок увлекся юной рыбачкой. А как бы хотелось, чтобы дети жили в своем кругу. От всяких рыбаков одни неприятности.

Летисия рассеянно кивнула: да-да, так оно и есть.

Изабел прекрасно знала, что Летисия в молодости намучилась из-за любви с рыбаком, и поэтому уверенно повторила:

— Согласись, душечка, одни неприятности. Летисия подумала, что Витору и вправду бы нужно оставить в покое Асусену. Ему лучше вообще

позабить дорогу в рыбацкий поселок! Тем более теперь! Да! Тем более теперь! Оливию она как-то видела, и та ей очень понравилась — красивая, самостоятельная, деловая девушка. Почему бы и в самом деле Витору не обратить на нее внимание? На этот раз индюшка Изабел говорила вполне разумные вещи. И Летисия охотно поддержала разговор.

— Ни о чем другом и я бы не мечтала, — сказала Летисия. — Мне очень нравится твоя Оливия.

Куда подевалась вялая, безвольная Летисия, готовая всегда покориться своим детям?

Сейчас она была сама энергия и готова была распорядиться и своей, и их судьбой.

Изабел была польщена и обрадована. Если у нее появилась такая союзница, то она могла надеяться, что мечта ее осуществится.

— Оливия, кажется, работает в больнице, и наша фирма собиралась этой больнице помочь? — продолжала Летисия, припоминая. — Да-да, именно об этом мне и помешали сказать на благотворительном чае.

Изабел возликовала: похоже, ее неприятности обернутся новыми победами! Как хорошо, что Летисия с таким участием отнеслась к пожеланиям Изабел!

* * *

А Витор будто прочитал мысли матери и тоже, но только совершенно самостоятельно, решил произвести отчисления в пользу больницы. В связи с этим он разыскал Оливию в ее кабинете и выяснил, чего больнице больше всего недостает. Оказалось, кардиологической аппаратуры.

Витор пообещал, что постарается как можно скорее перечислить необходимую сумму. Администрация тут же выдала ему технические характеристики нужных аппаратов.

Витор не скрыл от Летисии и Гаспара своей благотворительной деятельности. И очень порадовал Летисию отзывчивостью. «В душе Витор все же очень хороший мальчик», — подумала она.

А Гаспара порадовала деловая хватка внука: суммы, отданные на благотворительные цели, государство не облагало налогом, так что предприятию благотворительность была выгодна.

— А знаешь, папа, Изабел права, — сказала вечером Летисия, — Витору нужна именно такая девушка, как Оливия.

— Но она же невеста Дави, — возразил Гаспар, — и мне кажется, что

Дави совсем неплохой парень.

— А мне все меньше нравится поведение Дави в нашей фирме, — твердо высказала свое мнение Летисия. — И мне кажется, что у Изабел есть основания беспокоиться из-за предстоящего брака ее дочери. Я не сомневаюсь, что Оливия заслуживает гораздо большего.

* * *

Сама Оливия считала, что единственное, чего она уж никак не заслуживает, так это обмана. И она никак не могла понять, чего же добивается от нее Витор. А Дави? Почему Дави хочет во что бы то ни стало подружить их? Дурацкая мягкотелость Дави очень сердила ее. Его недалёковидность. Прекраснодушие. Неужели он не понимает, что Витор ему просто не друг? Оливия, например, сразу поняла, что забота о больнице всего-навсего средство, каким Витор пытается завоевать ее расположение. Но зачем она ему? Хотя за больничную технику она благодарна ему от души.

А вот Дави, за то что он сводит ее с Витором, она совсем не благодарна! Зачем он назначил одновременно встречу и ей, к Витору, а сам на нее не пришел? Оливия была просто в бешенстве. Сидеть и выслушивать сочувствие Витора!

Да как они смеют превращать ее в какую-то дурацкую куклу? Марионетку! Дергают оба за веревочки и довольны! Но она еще поговорит с Дави!

Самым печальным было то, что Дави и понятия не имел ни о какой встрече. Он даже и не подозревал, что Оливия провела вечер с Витором в кафе, дожидаясь своего жениха. В этот день он не звонил ей в больницу. От его имени звонил Витор.

Витор плел интриги, но к чему они вели, знал пока только он сам.

Глава 24

Получив в свое распоряжение оттиск заметки, Адреалина принялась за дальнейшие поиски. Перво-наперво она попросила Пессоа отвести ее к Бом Кливеру. Пессоа согласился, хотя и был удивлен. Но Адреалина всегда была со странностями. Теперь у нее очередной бзик — журналистика!

Сам Пессоа охотно болтал с Питангой, пока Адреалина пыталась добиться чего-либо от Бом Кливера.

Свое появление у старины Кливера Адреалина обставила лихо.

— Юнга Адреалина прибыла по вашему распоряжению! — отрапортовала она.

Но старик, похоже, ее даже не услышал. Тогда Адреалина подседа к нему поближе и приступила к расспросам напрямую.

— Сеньор Бом Кливер, расскажите, пожалуйста, о крушении парусника. О нем даже в свое время газеты написали.

Бом Кливер мгновенно насторожился: с чего это длинноволосая девица интересуется парусником? Кто ее подослал? Что ей нужно? Дело давнее, темное...

Адреалина поняла, что должна как-то обосновать свое любопытство, и принялась вдохновенно и убедительно сочинять:

— Я, знаете ли, прохожу стажировку в газете, и мне дали задание написать очерк о кораблекрушениях, которые происходили возле этих берегов. В архиве мне попала заметка, где упоминалось ваше имя. Вот я и хочу узнать подробности. Мне же нужно очерк написать.

— Не помню я ничего! Жаль, но ничегошеньки не помню, — покачал головой Бом Кливер.-

— А женщина с ребенком на нем была? — настойчиво продолжала свои расспросы Адреалина.

— Погоди, погоди, — старый Бом Кливер словно бы начал что-то припоминать, — тот раненый тоже все твердил о женщине с ребенком. Как же это я позабыл? Нужно будет рассказать об этом Самюэлю...

— Если вы мне разрешите, я сама ему расскажу, — тут же пообещала Адреалина.

Ей непременно нужно было повидать и этого Самюэля тоже. Он мог знать и побольше, чем старик Кливер. Вот только где он живет? И вообще, кто он такой?

Она попрощалась и в задумчивости вышла. Задумчивость не

помешала ей заметить, что Пессоа вовсю кокетничает с Питангой, и она тут же сделала ему выговор, а заодно и спросила, не знает ли он, кто такой Самюэль.

— Ясное дело, знаю, — отвечал Пессоа. — Да и ты его тоже знаешь! Помнишь рыбака, который возился тогда с тобой у Мануэлы?

И Адреалина вспомнила Самюэля. Ну еще бы! Это же отец Дави!

— Пошли-ка к нему! — радостно воскликнула она. — Мне нужно с ним поговорить!

— Почему не сходить! Завтра обязательно ходим, — пообещал Пессоа.

— Никаких завтра! — решительно воспротивилась Адреалина. — Идем немедленно! Что за мания откладывать все на завтра! Живем-то мы сегодня!

Пессоа покорно последовал за своей приятельницей: разве можно было противостоять бешеной энергии Адреалины, когда она в ней просыпалась?

* * *

Самюэль почувствовал себя польщенным. Похоже, он становится важной птицей, если к нему уже молоденькие журналистки приходят. Историй у него в запасе целый ворох! И рассказывать их он готов с утра и до ночи! Однако девушка попросила его совершенно о другом.

— Рыбацкие байки меня не интересуют, — сказала она, — вы мне лучше расскажите об одном реальном случае, которому много-много лет назад были свидетелем. Расскажите мне о крушении парусника, о нем тогда даже в газетах писали...

И Самюэль насторожился — вот об этой-то истории он и не хотел ничего рассказывать. Для него самого она до сих пор была загадкой. И загадку эту он хотел разгадать сам.

— Что-то я такого не припомню, видно, и впрямь много времени прошло, — ответил он. — А тому, что в газетах пишут, вы тоже не очень-то верьте, тем более если речь идет о рыбаках. Рыбаков целыми днями в море болтает, мозги у них взбалтываются, вот и возникает всякое вранье.

— Неужели ничего не помните? А женщина и ребенок, которых вы видели на борту? — Адреалина была не из тех, кого можно сбить с толку и увести в сторону.

— Не было там никакой женщины с ребенком! — возмутился

Самюэль.

— Вот видите! Значит, что-то вы все-таки помните, — тут же поймала его Адреалина, — только не хотите сказать мне правду.

Самюэль обиделся, что его уличили во лжи как маленького, а теперь еще и не верят, когда он говорит чистую правду.

— Я только потом сообразил, о каком паруснике вы ведете речь, — сказал он в свое оправдание. — На нем был один только раненый мужчина, да и тот исчез потом без следа. А больше никого не было.

— А вот старик Кливер сказал, что там была женщина с ребенком, — взяла на пушку Адреалина Самюэля.

— И вы ему поверили? — возмутился Самюэль. — Да он даже своего имени уже не помнит! Послушайте моего совета, не пишите той чуши, какой наговорил вам этот старикан. У него же вместо мозгов — каша!

— Несмотря на кашу в мозгах, он очень хотел поговорить и с вами. — сообщила Адреалина. — Жаль, очень жаль, что вы так и не сообщили мне никаких интересных подробностей. Ну что поделаешь! Может, мы с вами еще встретимся и вы тогда что-то вспомните. Спасибо вам за знакомство, спасибо за разговор.

Адреалина была разочарована, но не обескуражена. Она не сомневалась, что непременно раскопает таинственную историю с парусником.

Вот только нужно дождаться благополучного расположения звезд на небе. Сегодня звезды были явно неблагоприятны.

* * *

Самюэля и самого интересовала эта давняя история, и раз уж у Кливера было что ему сказать, то стоило поторопиться и навестить старика. Тем более что скоро они собирались выходить в море. А после путины кто знает, что будет?

Кливер не удивился, увидев Самюэля: он его ждал, и Самюэль пришел.

— Что ты там наболтал девчонке, которая когда-то лежала больная у вас в доме? — сразу напустился на старика Самюэль. — Она заявила ко мне — и давай о паруснике расспрашивать! Да еще на тебя ссылалась. Для чего тебе понадобилось ворошить эту старую историю?

— Разворошила ее Адреалина, а не я. И благодаря ей я вспомнил то, что ты все пытался выудить из моей пустой головы, да не мог, — ответил спокойно Кливер.

— И что же ты такое вспомнил? — заинтересовался Самюэль.

— А то, что раненый мужчина на паруснике все время беспокоился о женщине с ребенком, которые были с ним до крушения. Он все время повторял «женщина, ребенок» и показывал куда-то рукой. Я ей это сперва сказал, а потом испугался. Откуда я знаю, для чего ей все это нужно? Она, конечно, хорошая девушка, но ведь она журналистка...

— Какая она журналистка! Молода еще! — высказал свои сомнения Самюэль. — Это она сама по себе хочет что-то узнать.

— Не волнуйся, ничего она не узнает. Я ей даже о журнале ничего не сказал, — успокоил приятеля Кливер.

Глаза Самюэля загорелись: как?! Неужели у Кливера есть бортовой журнал? Что же он молчал столько лет?!

— Ты и мне ничего не сказал! Да как ты мог, старина?! — Самюэль пришел в страшное возбуждение. Неужели? Неужели они все-таки смогут разгадать эту загадку. — Ну где он, этот журнал? Говори скорее! Мне не терпится посмотреть, что же в нем написано! Почему ты и словом о нем не обмолвился все эти годы?

— Я... я... — замялся Бом Кливер. — Не хотелось мне тебе о нем говорить, — наконец сказал старик напрямую, — я ведь знаю, ты и журнал бы у меня забрал! Забрал же ты себе все, что только было на паруснике. А разве это справедливо? Мне достались только подзорная труба и журнал...

Старик как-то очень жалобно посмотрел на своего приятеля. Самюэль, улыбнувшись, стал его успокаивать:

— Не отниму я его у тебя! Он как был твоим, так и останется! Но я должен его прочесть, понимаешь? Тогда мы, возможно, что-то узнаем! Ты же знаешь, вот уже много лет я ищу разгадку этой истории. Чего я только не предпринимал, где только не рыскал! Кое-что даже понял, но не до конца. И вот теперь выясняется, что есть возможность найти ответ на все мои вопросы! Кливер! Где он? Давай его скорее сюда! Ты обязан мне его дать! Просто обязан!

Обычно уравновешенный, Самюэль пришел в такое возбуждение, что Кливер почувствовал себя виноватым.

— Понимаешь, Самюэль, я бы рад его дать, да не знаю, куда засунул. Так берег, что позабыл. Много раз его с тех пор искал, но так и не нашел. Просто ума не приложу, куда он мог подеваться...

Приятель принялись переворачивать все шкафы, все ящики, ломая себе головы и пытаясь сообразить, куда Кливер мог запрятать журнал. Искали, искали, но напрасно.

Мануэла, вернувшись с работы, просто в ужас пришла от кавардака,

который устроили гость и хозяин в доме. На отца она давно махнула рукой, старость не радость, чудачества да причуды! Но Самюэль! Он-то как смеет рыться в чужих вещах?!

— Да я старые фотографии ищу, хочу детишкам показать, какими мы с Кливером были в молодости, — принялся оправдываться Самюэль.

Мануэла только рукой махнула: еще один бездельник на ее голову, фотографии какие-то ему, видишь ли, понадобились!

Самюэль понял, что поиски пока придется прекратить, но теперь, когда у него забрезжила надежда проникнуть в тайну, он знал, что просто так от нее не отступится. Обязательно будет приезжать к Кливеру, и рано или поздно, но они найдут журнал.

А в город Самюэлю пришлось ездить даже чаще, чем думалось. И не по своим делам, а по чужим. Но так уж сложились обстоятельства.

Неожиданно в деревню к родителям приехал Дави. Вот радость так радость! На этот раз он приехал по-хорошему, приехал к отцу с матерью, приехал под родной кров.

По-хорошему приехал, потому что самому ему было очень плохо. Оливия расторгла с ним помолвку. Дави места себе не мог найти, и ноги сами принесли его в единственное место на земле, где могли если не исцелить его, то хотя бы облегчить боль его сердечных ран.

Эстер насмотреться не могла на своего любимого сыночка. С тех пор как он уехал из дома, она всегда готовила на одну порцию больше, надеясь, что вот-вот он войдет в дом. И вот наконец он приехал.

Она кормила его жарким, которое ему всегда так нравилось, и слушала его рассказ. Все тут готовы были выслушать Дави, разделить его сердечные неурядицы, подать совет. С Оливией они то и дело ссорились, а потом всегда мирились. Может, помирятся и на этот раз?

— Может, Оливия уже без тебя тоскует, — сказала Далила. — Когда Кассиану на берегу, мы каждый день ругаемся, а уйдет он в море, жить от тоски не могу!

Дави и сам не очень-то понял, что произошло. Он так поверил в дружбу Оливии с Витором, поверил, что Витор сумел расположить к себе Оливию, убедить ее, что у Дави прочное положение, что не сомневался: теперь Оливия назначит день свадьбы. И вот что произошло! Крах. Вместо даты свадьбы — разрыв.

Самюэль надеялся, что сможет как-то помочь сыну, решил съездить в город, повидаться, поговорить с Оливией. Оливия ему нравилась — хорошая, добрая девушка, самостоятельная и с характером. Потерять такую — большое горе.

А тут и Рамиру дал Самюэлю поручение, попросил отвезти записку сеньоре Веласкес и отдать в собственные руки.

Самюэль с сочувствием посмотрел на старого друга. Видно, припекло, извелся вконец.

Рамиру не стал таиться. Человек он был гордый, самостоятельный, но и ему нужно было поделиться с кем-то тем, что лежало у него на сердце.

И Рамиру рассказал Самюэлю как на духу все, что с ним творилось. Оказалось, что к нему вернулась Летисия. Решение далось Рамиру трудно, но в конце концов он решил: он оставит семью, Серену и будет жить с Летисией. Случился у него трудный разговор с сыном, пришлось ему все объяснить, потому что он увидел их вместе с Летисией и хотел отречься, проклясть отца. Поговорили они как мужчина с женщиной. Сын понял, что Рамиру не только муж, не только отец, он еще и просто человек со своей особой личной судьбой. Вот судьба и ведет его к юношеской любви, которую он до сих пор не забыл и за которую заплатил так дорого.

Но и перед Сереной Рамиру хотел быть честным. И ее он любил, и ее уважал. Он не мог изменить Серене, поэтому решил, что не уйдет со всеми в море, все расскажет жене и оставит дом, чтобы начать новую жизнь. Так они договорились с Летисией.

А когда Рамиру пришел домой и увидел, как Серена готовится к проводам, жарит, печет, складывает в корзины, думает о каждой мелочи, язык у него не повернулся. А Серена стряпала и приговаривала:

— Будете в море есть, будете нас вспоминать — дом вспоминать, семью, которые остались на берегу. Приготовила я тебе все самое любимое, самое вкусное! Никогда я больше не буду огорчать тебя своими слезами на причале. Вот увидишь, я буду тебе улыбаться! Чтобы помнил меня только с улыбкой!

Каждое движение Серены, каждый шаг, каждый взгляд говорили о ее любви. Вся ее жизнь была полна заботой о муже и любовью к нему. Так мог ли он в один миг лишиться ее жизни?

Не хватило на это духу у Рамиру. Од понял, что на этот раз выйдет в море и отложит на некоторое время принятое решение. Но только отложит, потому что решение его было непреклонно, но пока еще не давалось ему. Вот об этом он и ставил в известность Летисию, и она должна была понять его... Кому просто ломать устроенную жизнь?

Самюэль взял записку и обещал передать по назначению. Ему было жаль Рамиру, жаль Серену, но травить душу разговорами он не стал.

С тяжелым сердцем остался ждать его Рамиру. Он чувствовал себя виноватым и перед Сереной, и перед Летисией, хотя не обманывал ни ту, ни

другую.

* * *

Самюэль сразу же зашел в офис к Летисии, но она была на совещании, и он отдал записку секретарше Сузане, которая пообещала сразу же передать ее сеньоре Веласкес. Дождаться сеньору Самюэлю было недосуг, у него были и другие дела. Одно поручение было выполнено, и Самюэль отправился к Оливии.

Разговор им предстоял горький, нелегкий, но он состоялся, этот разговор. Оливия, конечно, не сказала Самюэлю, что из-за бесхарактерности Дави, из-за его готовности во всем слушаться своего патрона, Витора, она почувствовала себя в полной власти Веласкеса. Дави повел себя так, что позволил этому крайне неприятному молодому человеку не только вмешиваться в их жизнь, но распоряжаться ею. Сколько ни объясняла это Оливия своему жениху, сколько ни просила его не вмешивать Витора в их жизнь и отношения, Дави будто оглох и поступал по-своему. Терпеть и дальше такое положение Оливия не могла, и она с ним покончила!

— У Дави слабый характер, — грустно сказала Самюэлю Оливия, — он во что бы то ни стало стремится к успеху и соглашается быть рабом. Сейчас он в добровольном рабстве у нового главы своей фирмы, Витора Веласкеса, я с этим смириться не могу. Для меня самое главное в мужчине — это твердость, у него должна быть своя жизненная позиция, свои принципы, свое достоинство. Твердость и честность — вот что самое главное. А для Дави главное — преуспеть, а в средствах он просто не разбирается.

— Я чувствую себя виноватым перед сыном, — понурил голову Самюэль, — с детства он у нас был слабеньким, всегда ему доставалось от мальчишек, и возвращался он зареванный. Я его не утешал, твердил, что надо быть сильным, уметь постоять за себя, и ему, наверное, казалось, что я его совсем не люблю. И к рыбацкому делу он тоже не был приспособлен. Вот и пришлось ему уйти из родного дома, когда он подросток, и я до сих пор переживаю, что вот так случилось, что всю жизнь он прожил без родительской поддержки...

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сеньор Самюэль. Да, Дави всего добился сам. Ему есть чем гордиться. Но почему-то его успехи не сделали его самостоятельным. Он все время ищет, кто бы взял на себя

ответственность за его жизнь, за его решения. Мне было бы трудно видеть в таком человеке главу семьи, своего мужа.

— Жаль, дочка, очень жаль. Дави упустил такую возможность стать счастливым.

Самюэль понимал Оливию и не мог осуждать за принятое ею решение, но за сына ему было по-настоящему горько.

Уже совсем в сумерках заглянул он к старине Кливеру. И тут его ждала радость — Бом Кливер протянул ему объемистый сверток.

— Неужели журнал? — не поверил Самюэль..

— Он самый, — улыбнулся Кливер. — Читай, если сможешь. Хотя увидишь, не такое это простое дело.

— В море у меня будет время, — рассмеялся Самюэль, — глядишь, что-нибудь и расшифрую. Вот спасибо так спасибо тебе, старина.

Домой Самюэль вернулся радостный. Рамиру, несмотря на поздний час, дожидался его. Он надеялся, что Летисия прочитала при Самюэле записку и, может быть, что-то передала письмом или на словах...

Но Самюэлю нечем было его утешить.

— Записку я передал секретарше, иначе не получалось, — повинился он.

— Спасибо, — поблагодарил Рамиру. Завтра они уходили в море, и уходил он с тяжелым, очень тяжелым сердцем.

Глава 25

Витор заметил Самюэля, выходящего из офиса. Он даже поздоровался с ним. Больше того, на днях Витор видел свою матушку в роще. Она гуляла там вместе с отцом Асусены. Их взаимное расположение, если не сказать больше, не оставляло никаких сомнений. Да и в глазах у донны Летисии в последнее время появился какой-то особый блеск. Она стала очень живой, подвижной и до крайности полюбила благотворительную деятельность: открыла ясли, затем детский садик. В общем, Витору не нужно было ничего объяснять, все было для него и так ясно. А когда он узнал, что Самюэль принес для сеньоры Веласкес записку, то взялся сам передать ее матушке. И не счел для себя зазорным ознакомиться с ее содержанием:

«Донна Летисия, — гласила записка, — к несчастью, нашу встречу придется отложить. Очень жаль, но я не смог сделать то, что обещал. Завтра мы уходим в море, а когда вернемся, я найду вас, чтобы объяснить все лично. Так или иначе, знайте, что наша договоренность остается в силе и планы не меняются».

Витор хмыкнул. Разумеется, никаких записок матери он передавать не собирался. Зато вечером сказал Аманде, которая после встречи с Лилианой пребывала в расстроенных чувствах:

— Не вешай носа, сестричка! И берись за Франсуа покруче. Наша матушка, похоже, уже пристроилась!

Аманда не поняла, что имел в виду Витор, говоря о Летисии, но советам брата она привыкла доверять и поэтому решила все-таки навестить Франсуа, тем более что в прошлый раз она его не застала. А еще дедушка улетел в Рио, дом без него как-то опустел, и Аманда чувствовала себя совершенно свободной.

* * *

В Рио-де-Жанейро улетел не только Гаспар Веласкес, с ним улетел и Франшику, к которому он испытывал какую-то инстинктивную, непреодолимую симпатию, а вместе с Франшику и Лилиана.

Проводив Лилиану с Франшику, Франсуа вздохнул с облегчением. Наконец-то! Наконец-то он сам себе хозяин! Наконец-то настало долгожданное одиночество и возможность как следует поработать.

Франсуа радостно потирал руки, готовясь приняться за дело. И вот тут-то появилась Аманда, она излучала сияние, а Франсуа разом потускнел.

— Наш шофер мне сказал, дорогой, что уехали и Франшику, и твоя гостья, и я подумала, что тебе, наверное, ужасно одиноко.

— Аманда, — с отчаянием простонал Франсуа, и выражение его лица было куда красноречивее слов.

— Ясно! Я не вовремя! — сообразила Аманда, и ее хорошенькое личико омрачилось. — Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Хочу! — с облегчением воскликнул Франсуа. Но Аманда не собиралась сдаваться так легко,

Витор же сказал: берись покруче.

— Не успела я прийти, как ты выкидываешь меня на улицу, будто собачонку! Мне кажется это неприличным!

Аманда подошла к Франсуа близко-близко и заглянула в глаза, пытаясь вызвать сочувствие.

— Хватит, Аманда! — с тяжким вздохом сказал Франсуа. — Не надо меня соблазнять! Ни тебе, ни мне это не нужно! Ты же взрослая, должна наконец понять!

В голосе Франсуа было столько неподдельной усталости, что Аманда впервые ему посочувствовала. В конце концов, она же и вправду хорошо к нему относилась, она же не хотела его огорчать...

— Знаешь, я пришла, чтобы с тобой помириться. Сказать, что не буду больше к тебе приставать. Я вела себя страшно глупо и поняла это. Я знаю, тебе нравится моя мать...

— С чего это ты взяла? — Франсуа вовсе не собирался откровенничать с Амандой, он терпеть не мог вторжения в свою личную жизнь.

— Да успокойся, Франсуа! Я все знаю и поняла, что если все у вас пойдет на лад, то ты станешь моим отчимом. И поэтому мы не должны ссориться. Разве я не права? — Аманда вопросительно смотрела на Франсуа.

На этот раз слова и поведение Аманды были вполне разумны, и Франсуа охотно согласился с ней. Другое дело, что он уже сильно сомневался, получится ли у них что-то с Летисией, и дело было не в каких-то внешних неурядицах. Дело было в притяжении. Если есть притяжение, то неурядицы преодолеваются, если его нет, каждая вырастает размером в гору. Для Летисии все препятствия были непреодолимыми, она все время убегала от него, и не надо закрывать на это глаза. Но несмотря на это, благоразумие Аманды его очень порадовало, и он спешил закрепить ее на новой позиции.

— Конечно, права! Мы с тобой друзья, и в знак нашей дружбы я попрошу тебя об одном одолжении.

— Для тебя — все что угодно! — пылко ответила Аманда.

— Мне нужно побыть одному, сосредоточиться. Не обижайся, пожалуйста, но живопись требует уединения и концентрации. Договорились?

— Ухожу! Считаю, что меня уже нет! Аманда кивнула и направилась к калитке, а

Франсуа к себе в мастерскую.

Несмотря на утреннее вторжение, которое все таки кончилось его победой, ему прекрасно работалось. И он писал, писал с жадностью сочными, густыми мазками. Писал почти до полудня, до тех пор, пока не почувствовал, что сейчас умрет от голода. Франсуа спустился вниз и отправился на кухню поискать чего-нибудь съестного. На кухне он с большим изумлением обнаружил Аманду с целой горой аппетитнейших бутербродов и кипящим на плите кофе.

Вот это был сюрприз, и, надо признаться, приятный сюрприз.

— Искусство перед тобой в долгу! — провозгласил Франсуа, жадно принимаясь за бутерброды. — Ты спасла меня от голодной смерти, и я тебя прощаю!

— Значит, я правда не мешала? — глаза Аманды сияли, она впервые видела веселого, благожелательного Франсуа, и ей показалось, что дружба может быть куда лучше любви.

— Ты мне помогла! — чистосердечно одобрил Аманду Франсуа.

— Вот видишь, значит, и я могу быть полезной. Я могу, например, готовить тебе вкусную еду. А если буду сидеть тихо, как мышка, то, может, ты не будешь возражать против моего присутствия?..

Франсуа тут же насторожился, но сытный завтрак прибавил ему благодушия, и он кивнул:

— Может быть, и не буду.

Аманда тут же полетела в мастерскую и пришла в бешеный восторг.

— Послушай! А почему бы тебе не устроить выставку? — спросила она. — У тебя же потрясающие работы!

— Я и собираюсь со временем, но мне нужно написать еще не одну картину, чтобы было что выставлять. И организация выставки займет немало времени... — Мысль об организационных хлопотах угнетала Франсуа, ни один художник не любит подобных хлопот.

— Решено! — воскликнула Аманда с воодушевлением. — Я организую тебе выставку! А ты будешь писать. Обещаю употребить для

этого все влияние семьи Веласкесов. Выставка будет великолепной! Вот увидишь!

Аманда уже загорелась. Открывшееся перед ней поле деятельности очень радовало эту энергичную натуру. Франсуа с улыбкой смотрел на нее. Такая Аманда нравилась ему куда больше. Произошло самое важное. Аманда переключилась.

— Ну что ж, — решительно сказала она и встала, — ты поел, уже передохнул, иди работать! Нельзя терять ни минуты! А я немедленно переговорю кое с кем! Пока, Франсуа!

Франсуа с улыбкой смотрел ей вслед. Да, такая Аманда нравилась ему куда больше.

* * *

Аманда знала, с кем ей посоветоваться насчет выставки. С сеньорой Изабел Бонфинь! Вот уж кто обожал чай, выставки и все такое прочее, кто собаку съел на благотворительности, кто организовывал всегда и все, кто знал, как за это взяться!

Как только Аманда рассказала Изабел о своих планах, та затрепетала от восторга.

— Нет, не выставка — вернисаж! Мы с тобой будем готовить вернисаж, — поправила она Аманду, — это так изысканно, так по-французски!

А в голове у нее уже мелькали газетные сообщения: «Вернисаж, устроенный известной дамой местного общества Изабел Бонфинь и дочерью Летисии Веласкес Амандой, потряс всю Форталезу!»

— Ах, дорогая Аманда, мне прямо не терпится поскорее приняться за дело!

Аманда поняла, что не ошиблась: дело, похоже, находилось в надежных руках, и Франсуа была обеспечена не только выставка, но и, возможно, успех.

— Только знаешь, Аманда, дамам, для того чтобы собраться на вернисаж, — вдруг задумчиво проговорила Изабел, — нужен какой-нибудь благородный повод. Например, помощь голодающим детишкам или что-нибудь еще в этом же роде.

— А просто прийти и посмотреть картины они не могут? — не без тайной иронии спросила Аманда.

— Могут, — ответила Изабел, — но художник тогда должен быть

очень известный, заслуженный...

— Франсуа из богатой семьи и известный архитектор, много лет провел в Европе и необыкновенно хорош собой...

— Да-да, припоминаю. Он ведь, кажется, играл в футбол? Да он просто красавец! — воспламенилась Изабел. — Думаю, моим дамам этого будет вполне достаточно!

— Вот и прекрасно, — одобрила энтузиазм Изабел Аманда, — за неимением нуждающихся детишек мы сможем предложить кое-что нуждающимся дамам.

Изабел не оценила ее иронии.

— Я прямо сейчас и начну всех обзванивать, воспользуюсь своими связями, — торопливо начала Изабел и снова приостановилась. — Но знаешь, Аманда, для начала мне нужно повидать самого художника. Я должна поговорить с ним.

— Конечно, Изабел, не волнуйтесь! Я завтра же отведу вас к нему в мастерскую.

— А правда в нем два метра роста? — не могла успокоиться темпераментная Изабел.

— Правда, Изабел, даже больше, — совершенно серьезно, но умирая про себя от смеха, отвечала Аманда, — и ручки у него огромные, и ножки тоже. Он вам понравится, вот увидите!

— Жду не дождусь! — простонала Изабел.

* * *

Если стрелка на компасе судьбы Франсуа повернула к успеху, то, похоже, и Гаспара пока не оставила удача.

Франшику пришел в восхищение, когда увидел дом Гаспара в Рио, он не ожидал, что они будут жить в таком роскошном и удобном особняке. Он радовался не столько за себя, сколько за принцессу Лилиану, которой предоставили поистине королевские условия. А раз у Франшику такие друзья, то оценит она по достоинству и его, Франшику.

Гаспар с симпатией отнесся к Лилиане. Он ничего не имел против того, чтобы Франшику возил с собой эту красавицу и заботился о ней. Но сам он думал только об Эстеле.

По приезде Гаспар тут же позвонил своему другу Луису Фелипе и договорился с ним о встрече. Еще при разговоре из Форталезы Луис Фелипе пообещал взять и проверить всю деловую документацию, которую

привезет с собой Гаспар.

— Ты что, боишься потерять свою верфь? — спросил по телефону Луис Фелипе.

— Хуже! Мне кажется, я уже ее потерял, — честно признался Гаспар.

Надо отдать ему должное, держался он отменно, если все это время думал, что разорен.

— Успокойся, — сказал Луис Фелипе, — Бонфинь уже передал мне все документы. Твой внук не промах, и метит он далеко. Дело он затеял стоящее, но заключение от нашей организации я представлю тебе завтра.

Камень свалился с души Гаспара. Теперь он мог заниматься только вторым вопросом, который, как это ни странно, оставался для Гаспара первостепенным, — Эстелой Маркес.

Луис Фелипе, приехав к ним, все время поглядывал на Лилиану — она явно поразила его воображение. Однако речь шла о делах, и Луис Фелипе пообещал помочь и с Эстелой. У него был небольшой островок, и он предложил устроить там что-то вроде фестиваля искусств, а дальше все уже в руках Гаспара...

Гаспар похлопал старого друга по плечу, ему было на кого положиться в жизни! И тут же обратился к Франшику:

— Значит, ты опять появишься перед Эстелой в качестве импресарио, подпишешь с ней контракт, потом с музыкантами — словом, сделаешь все, чтобы обеспечить успех фестивалю!

Довольный Франшику поднял бокал за успех. В успешном завершении дела с Эстелой он очень надеялся на помощь Лилианы. Лилиана должна была с ней подружиться и уговорить принять участие в таком несколько загадочном мероприятии.

Франшику позвонил Эстеле на следующее же утро.

— Ты еще не забыла своего импресарио, суперзвезда? Это я, Франшику, — бодро поприветствовал он ее. — У меня к тебе снова деловое предложение, еще лучше предыдущего, которое сулит тебе немало выгод в будущем. Выступление в узком кругу, для элитной публики. К тебе подъедет мой секретарь, ты ее помнишь, это Лилиана. Она привезет контракт, ты ознакомишься с условиями и подпишешь. Идет? Поблаговари соседку, которая позвала тебя к телефону. Очень скоро у тебя будет собственная вилла на берегу моря и квартира в Париже. Нет-нет, я не валяю дурака, а говорю чистую правду. Верь только мне, своему преданному Франшику. Ну пока, обнимаю! Целую!

— Поезжай, Лилиана, отвези Эстеле контракт. Пригласи в ресторан, посидите, поговорите.

— Честно говоря, Франшику, я совсем не уверена в успехе, — высказала свои сомнения Лилиана. — Эстела наверняка заподозрит неладное, когда обнаружит, что в этом фестивале всего-навсего один участник. К тому же остров... Я бы на ее месте ни за что не согласилась!

— Лилиана права, — сумрачно сказал Гаспар, — Эстела — настоящий профессионал, она не пойдет ни на какое сомнительное предложение.

— А кто сказал, что она будет единственной участницей? — возмутился Франшику. — Дело ведь в руках Франшику, единственного и неповторимого! Мы и там устроим супершоу, и звездой его будет Эстела Маркес! Ты распиши Эстеле все как следует, — попросил он Лилиану, — поезжай, а я пока подготовлю почву. Как только Эстела подпишет контракт, я займусь остальными выступающими.

Лилиана взяла бумаги и пошла к машине. Мужчины остались ждать ее.

* * *

Удача светила всем, обходила она одну только Летисию. Летисия ранним утром была уже на условленном с Рамиру месте. Машину она оставила у дороги и шла, наслаждаясь сияющим блеском утра. Сердце у нее замирало, сжималось. В ушах звучали слова Рамиру: «Встречи тайком для детей Летисия, а мы с тобой люди взрослые. Мы имеем право жить вместе, если этого хотим. Я не позволю больше судьбе разлучить нас. Я не забыл страсти которой горел к тебе. Такого больше со мной ни когда не было...»

Летисия подошла к берегу. Сквозь деревья синело подернутое туманной дымкой море. И в эту туманную даль уплывали рыбацкие лодки. Уплывали все дальше и дальше. Не оставив на берегу никого, ни одного мужчины. И тогда в ушах Летисии опять зазвучал голос Рамиру, но говорил он уже другое: «Я не имею права обманывать Серену. Не имею права подавать ей надежду. Я поклялся, что не буду жить одновременно и с ней, и с тобой. И не могу нарушить клятвы. Я хочу, чтобы все было честно...»

Кто придумал, что молния не бьет дважды в одно и то же место? Кто сказал это?! Она ударила дважды. Дважды ударила молния в Летисию.

Но Летисия не сразу поняла, не сразу поверила в это. Долго-долго бродила она по дюнам. Она всматривалась в море и ждала: может, одна из лодок повернет к берегу? Может, Рамиру приплывет к ней?

Но нет. Рамиру предпочел бегство. Честный Рамиру молча исчез в туманном морском просторе, затерялся в нем, растворился. Ему не хватило

смелости признаться Летисии, что никогда не уйдет он от Серены, ни сейчас, ни завтра, ни в будущем!..

Когда Летисия поняла это, она не заплакала, не забилась в истерике. Не заторопилась она и в город, к себе в офис. Она стала приживаться к этой новой правде, долго сидела на песке и смотрела, как набегают одна за другой волны, белые пенные волны на белый раскаленный песок. Теперь все подернулось дымкой зноя, и Летисии стало казаться, будто находится она в пустыне и море — это мираж. Да что море! Вся ее жизнь была миражем. Она берегла, лелеяла свой мираж любви. Вглядывалась в него, не могла оторвать глаз, и он заслонил от нее действительность. Но сегодня она узнала, что это был только мираж и что видела его она одна...

Во что бы то ни стало она должна была стряхнуть с себя наваждение миражей. Стряхнуть будто тяжелый ночной кошмар. Проснуться и вернуться к реальности. Путь к реальности был один — работа! Летисия не будет жаловаться, не будет жалеть себя, не будет себя осуждать! Все это она делала уже тысячу раз, и ей становилось только хуже и хуже. Теперь она засучит рукава и возьмется за работу. Всерьез, по-настоящему, не боясь испачкать рук! Она даже рада будет, если руки испачкаются, это будет значить, что они прикоснулись к чему-то реальному, настоящему...

Летисия не обманывала себя. Она знала: ей снова предстоит долгая борьба, прежде чем она вспомнит, что такое покой и радость. В этот миг она опять потеряла все, что так мучительно наживала долгие-предолгие годы. Но они не прошли бесследно, на этот раз она приняла свое одиночество. И захотела обрести радость вопреки ему.

* * *

Впервые Серена улыбалась, провожая Рамиру в море. И теперь, когда рыбаки ушли, ей было легче, потому что она думала: Рамиру помнит меня улыбающейся, только улыбающейся!

В этот раз она готовила их разлуку, будто свадебный пир. Сколько лакомств приготовила она мужчинам в дорогу! Как ублажала мужа перед уходом в море! Каждая секунда, каждый миг были согреты ее лаской, ее заботой. И в море Рамиру будет чувствовать Серену все время рядом, но не находя, тосковать о ней.

На прощание Серена протянула ему цветок.

— Ты положишь цветок в книгу, — сказала она, — цветок высохнет, и ты поймешь, что пора возвращаться. Я буду ждать тебя и скучать. И когда

ты вернешься, то найдешь свою Серену дома, и с ней обретешь покой после тяжелого морского труда.

Много лет они прожили вместе, но для Серены муж по-прежнему оставался возлюбленным, о котором тоскуют ночами, которого ждут, кусая подушку, и в объятиях которого уносятся в небеса.

Вся жизнь для Серены была в Рамиру, поэтому она так и баловала его, так угождала ему, так помогала. А как же могло быть иначе? Ее муж должен был быть счастлив, и тогда будет счастливой Серена. Она чувствовала: все это время с Рамиру творилось что-то неладное, но старалась заслониться от своих предчувствий заботами и хлопотами. Серена старалась только радовать мужа, только радовать, радовать, и вот теперь, когда он ушел в море, у нее впервые в жизни было такое чувство, будто в разлуке они стали ближе, чем на берегу, и тяжесть, которая давила ей на сердце все эти дни, ушла.

Глава 26

Легче стало и Асусене. Может, и стыдно было ей признаться в этом, но с отъездом из дома мужчин она почувствовала себя куда легче и свободнее. А ночью ей приснился замечательный сон. Ей снился Витор, он пришел к ней с чудесными цветами, и они поплыли вместе по спокойной воде, и с чувством спокойного счастья Асусена проснулась.

Впервые за много дней она постаралась и одеться покрасивее, и причесаться к лицу. Далила уже ждала ее и нервничала. Стоило Кассиану уйти в море, как Далила от тоски себе места не находила, все ей было не в радость. И как она тогда жалела, что ссорилась с Кассиану!

Когда Асусена спустилась, Серена, взглянув на нее, всплеснула руками:

— Да какая же ты у меня хорошенькая, доченька! Если ты на прикрасы столько времени потратила, то не жалко! До того хороша!

И Асусена полетела в школу как на крыльях. Да нет, не в школу, а куда-то, куда — она и сама не знала. Ее будто манило что-то, обещая счастье и радость. Далила видела, что они опаздывают, и торопила подружку, но Асусене вздумалось купить еще и конфет перед уроками. Она все будто чего-то дожидалась. Не могло же обмануть ее ощущение обещанного ей чуда! И дождалась. Около них остановилась машина, и из нее вышел Витор.

— Бежим скорей, а то опоздаем, — звала Асусену Далила.

— Прогуляй этот урок, мне нужно с тобой поговорить, — сказал Витор, и Асусена мигом села в машину.

У Далилы упало сердце: стоило мужчинам уйти, как Асусена опять с Витором! И чем все это кончится?

— Мы скоро вернемся, — крикнула Асусена, будто отвечая Далиле.

И Далила побежала на занятия, они ведь и так уже опаздывали на урок.

Далила ждала Асусену ко второму уроку. К третьему...

Все уроки кончились, а Асусены все нет как нет. Далила места себе не находила от беспокойства. Что же делать? Не могла же она вернуться домой одна! Что?! Что могло случиться с Асусеной?!

Питанга, как могла, успокаивала ее:

— погоди, она вот-вот вернется! Она же у нас не дурочка! Она понимает, сколько уже времени! Мы ее немножко подождем, и, вот

увидишь, она появится.

А Далила расхаживала в беспокойстве по тротуару перед школой и твердила совсем другое:

— Из-за этого Витора у нее совсем крыша поехала! Где же ее носит? Что она себе думает?

Наконец-то! Вот она, Асусена. Далила набросилась на нее с упреками:

— Где ты пропадала? Я чуть с ума не сошла от беспокойства! И наши матери места не находят! Так опоздать!

Но приглядевшись, Далила замолчала. Все ее упреки будто присохли у нее к языку. Асусена была словно мертвая — безжизненный взгляд, вяло опущенные руки. Она, похоже, и не слышала слов Далилы.

— Что с тобой? Что? Ну скажи, скажи, подружка! — Далила уже жалела, обнимала Асусену, пытаясь ее растормошить, утешить.

Она поняла, что подружка вконец рассорилась со своим обожаемым Витором. Честно говоря, было из-за чего! Целый день он протаскал ее неведомо где. Понятно, что и Асусена в конце концов рассердилась. А Витор не из тех, кто кому-нибудь спустит. Плюнул и сказал: пока! Ну и ладно. Это даже к лучшему. Далила про себя даже обрадовалась печальной развязке и поэтому с удвоенным старанием утешала Асусену.

— Расскажи, тебе же будет легче, — уговаривала она.

Но Асусена молчала как каменная. Так в полном молчании они и вернулись домой. Ничего не ответила Асусена и на расспросы матери, прошла в дом и заперлась в ванной. Как ни уговаривала ее Серена, ничего не смогла от нее добиться и побежала узнать, что произошло в школе, у Далилы.

На этот раз Далила не отпиралась. Она рассказала, что Асусена уезжала почти на целый школьный день с Витором и, наверное, Витор больше не хочет встречаться с Асусеной. В этом-то все и дело.

Возвращаясь домой, Серена молилась:

— Услышь мою молитву, святой Франциск! Если Асусене суждено страдать, пусть страдает! Если суждено плакать, пусть плачет. Но пусть она навсегда забудет об этом парне!

* * *

В отличие от Асусены Витор был необычайно деятелен. Он заехал в больницу к Оливии. Оливию всегда настораживали визиты Витора. Сейчас ей не в чем было его упрекнуть, но доверия он по-прежнему не внушал.

— Что-то случилось? — осведомилась она.

— Нет, Оливия, ничего. Просто заехал проверить, привезли ли оборудование.

— Сейчас устанавливают, спасибо, Витор! От имени всего персонала я хочу еще раз поблагодарить вашу фирму.

— У фирмы есть на тебя и другие планы, Оливия, — сказал Витор, усаживаясь и словно бы готовясь к долгому разговору.

— Не располагайся здесь, Витор, я сейчас сдаю смену и уйду.

— Тем лучше, мы с тобой посидим в кафе, и я расскажу о наших планах.

На этот раз Оливия не могла отказаться от приглашения Витора, оснований у нее не было, а любопытство было.

И вот они сидят на террасе уютного кафе, едят кокосовое мороженое, и Витор излагает планы фирмы:

— Ты знаешь, я просто в ужас пришел, когда узнал, сколько денег уходит у нас каждый месяц на лечение. Медицинское обслуживание в нашей фирме всегда было в загоне. И мы решили попросить тебя возглавить у нас медицинскую службу. Тебе предоставляется полная свобода действий...

Такого Оливия не ожидала. Предложение было блестящим со всех точек зрения. Только вот справится Ли она? Работы будет невпроворот. Начать нужно будет с самого простого: провести обширную профилактическую работу, наладить вопросы питания...

Оливия уже прикидывала про себя те мероприятия, которые нужно будет провести, а Витор с улыбкой наблюдал за ней. Заметив его улыбку, Оливия спохватилась.

— Мне не так-то просто сказать «да», Витор. Я должна подумать, такие вопросы в один миг не решаются, — твердо сказала Оливия.

Да, ей необходимо было как следует все продумать, прикинуть, взвесить.

— Я уверен, что ты согласишься. Ты прекрасный специалист — раз. Принесешь много пользы людям — два. И будешь работать вместе со своим отцом и будущим мужем — три! — Витор победно смотрел на Оливию.

— Между мной и Дави все кончено, — спокойно сообщила Оливия. — Я думала, ты в курсе, как был в курсе всех наших взаимоотношений, — не могла не съязвить Оливия.

— Нет, я ничего не знал! Погоди, неужели это из-за нашей неудачной встречи? Оливия, поверь, я хотел только добра!

Витор то ли испытывал, то ли изображал самое искреннее огорчение, а Оливия подумала про себя: да, предложение очень заманчивое, но ей нужно хорошо, очень хорошо все взвесить! Речь ведь идет о том, чтобы иметь дело с Витором...

— Постараюсь не затягивать с ответом, — пообещала Оливия, — а теперь мне пора.

Они простились, вопрос о работе пока оставался открытым, но Витор не сомневался в согласии Оливии. Он видел, что предложение задело ее за живое. Она ведь и в самом деле была знающим и увлеченным своим делом специалистом.

Когда Витор вернулся домой и увидел мать с помертвевшим, несчастным лицом, жалость ни на секунду не закралась к нему в сердце. Скорее он почувствовал раздражение — донна Летисия, как он ее называл, раздражала его своим вечным неустройством и попытками устроиться. Витору казались смешными ее притязания на личную жизнь. По его мнению, единственное, о чем она имела право заботиться, было будущее ее детей. Но, похоже, ее больше заботило собственное будущее. Поэтому Витор и взял все дела в свои руки.

А Летисии так нужно было хоть какое-то тепло, хоть какое-то сочувствие. Ей нужно было на что-то, на кого-то опереться, и опоры для себя она искала в доме, возле семейного очага. Но от очага веяло холодом, в нем не горел огонь. Отец был в отъезде, в доме без него было пусто.

Летисия позвонила Гаспару, и он по голосу дочери сразу понял, что у нее случилось что-то очень серьезное. Он догадался и о том, что своим звонком она просит сейчас у него помощи, и, как мог, постарался ободрить ее и лаской, и нежностью. Но вот приехать к ней тотчас же он не мог. Не мог бросить свои дела. Ни фирму, ни Эстелу.

* * *

Летисия позвонила Гаспару как раз тогда, когда он и Франшику дожидались возвращения Лилианы — победы или поражения.

Звонок дочери навел Гаспара на воспоминания. Ведь почти всю жизнь они прожили в этом доме. В нем выросли дети, бегали по саду, играли в прятки. Он и сейчас будто слышал их веселые, звонкие голоса...

— А у тебя, Франшику, был в детстве сад, где ты играл? — спросил Гаспар. — Или хотя бы манговое дерево, на которое ты залезал?

— Я не могу пожаловаться на свое детство, — добродушно улыбнулся

Франшику, — в моем распоряжении был весь мир. Когда человек растет на улице, ему принадлежат все сады и все парки.

— И до каких лет ты жил на улице? — поинтересовался Гаспар.

— До сегодняшнего дня, Гаспар. Перед тобой убежденный беспризорник. Всю свою жизнь я менял квартиры, путешествовал автостопом, находил приют в чужих домах.

— А ты не хочешь изменить свою жизнь? — Гаспару был необыкновенно приятен этот молодой человек с открытой улыбкой, готовый всегда помочь, пошутить и посмеяться.

Он и сам хотел бы помочь ему и хоть немного облегчить его нелегкую жизнь.

— Ты хочешь предложить мне домашние тапочки, да, Гаспар? И еще крышу над головой? — расхохотался Франшику. — Не пройдет! У меня впереди тысяча дорог, по которым я проеду, и тысяча морей, по которым я проплыву. А если нужно выбивать пыль из старого тюфяка по имени Гаспар, то с этим великолепно справится Эстела!

Гаспар, конечно, волновался за исход миссии Лилианы, но в то же время он верил в свою счастливую звезду. Ведь и он был безотцовщиной, мать одна растила его, тоже рос на улице, тоже работал не покладая рук. Чем он только не занимался! Помнится, стоял и продавал сахар-рафинад на трамвайной остановке. А потом мать умерла, и он остался со своим другом, который рос с ним вместе. А друг его предал... Где потом только Гаспар не жил, в каких только трущобах не ночевал. Поступать в институт он готовился в бараке. С ним в комнате жили еще пять человек, пять работяг, которые очень рано ложились спать. И заниматься Гаспару приходилось в туалете, потому что только там и можно было зажечь свет... Да, в своей жизни он всего повидал, всего нахлебался. Немало ему пришлось повоевать, прежде чем он добился того, что у него теперь есть. Поэтому Гаспару и хотелось помочь Франшику. Он чувствовал, до чего нелегко тому приходится в жизни. Поэтому и верил Гаспар в свою счастливую звезду, которой он помогал неустанной работой.

Звезда не подвела Гаспара. Лилиана вернулась с подписанным контрактом. Хотя далось ей это нелегко. Эстела поначалу все отказывалась. Она чувствовала, что дело здесь нечисто. Но в конце концов поддалась обаянию Лилианы и ее уверенности в том, что ничего дурного Эстелу не ждет. Лилиана ведь могла поручиться за свою команду?

— Да! — хором ответили Гаспар и Франшику. Франшику тут же бросился названивать своему приятелю Альвару, который должен был обеспечить остальные номера. За номерами дело не стало, Альвару

пообещал, что в назначенный день и час все будет в порядке.

Итак, деловая поездка Гаспара завершится изысканным праздником искусств. Счастливая его звезда расцветет в темном небе пестрым фейерверком.

— Я убедила Эстелу только тем, что выступать она будет перед весьма изысканной публикой, в тесном кругу, среди сливок общества, — рассказывала Лилиана.

— И ты не погрешила ни единым словом, моя принцесса, — горячо подхватил Франшику.

Он надеялся на счастливый фейерверк и для себя в конце поездки. Но, как выяснилось, у Лилианы в Рио живет тетя, и тетя эта была очень больна. Лилиана все навещала ее, а в конце концов вынуждена была даже провести у ее постели целую ночь.

— Ты ей веришь? — осведомился Франшику у Гаспара. — Я — нет.

— Я тоже, — рассмеялся Гаспар.

И они были правы. К обаянию Лилианы не остался равнодушным друг Гаспара, Луис Фелипе, а Лилиана не осталась равнодушной к его стараниям ее развлечь. Вот они и проводили все свободное время Лилианы вместе... А когда не хватило дня, провели и ночь...

* * *

Но любовь к искусству торжествовала не только в Рио-де-Жанейро, она торжествовала и в Форталезе. Аманда привела к Франсуа Изабел, и та поняла, что душа ее всю жизнь принадлежала искусству.

— Весь город будет в восторге от встречи с таким художником! — высказала она свое мнение, не сводя восхищенных глаз с Франсуа.

— Пойдем посмотрим картины, — позвала ее Аманда.

— Конечно, конечно, — согласилась Изабел и, рассеянно обводя взглядом мастерскую, принялась излагать свое мнение: — Чувствуется влияние американской школы и европейской школы, в общем, я хотела сказать, школы...

Франсуа, неимоверно забавляясь, важно кивал ей в ответ.

— Значит, вы считаете, что мы можем работать с тем, что у нас есть? — спросила Аманда.

— Конечно, конечно, — отвечала Изабел. — Мои дамы будут в восторге, но, знаете ли, нужен какой-то благотворительный взнос...

— Я мог бы передать вашему обществу одну из своих картин, чтобы

вы ее продали на аукционе или разыграли в лотерею, — предложил Франсуа.

— Чудесная мысль! Потрясающая! — воодушевилась Изабел. — Только имейте в виду, Франсуа, что нам придется постоянно поддерживать контакт, встречаться каждый день, обсуждать всевозможные детали...

Франсуа похолодел: комедия грозила обернуться трагедией. Но он был не из тех, кто церемонится, он...

— Все детали вы будете обсуждать со мной, — жестко сказала Аманда, — я ассистент Франсуа, а художнику нужно работать!

На этот раз Франсуа посмотрел на Аманду с самой искренней признательностью.

— Назначим дату, — с той же жесткостью потребовала Аманда.

— Думаю, мне понадобится месяца два, — сказал Франсуа.

— Две недели, — высказала свое суждение Аманда, и Изабел закивала: да-да, две недели самый подходящий срок.

— Но я не штамую картины, как фабрика, — возмутился Франсуа.

— А я для чего? Я не дам улетучиться вдохновению! — сказала Аманда с обворожительной улыбкой, и Франсуа почувствовал, что его взяли в оборот, причем взяли всерьез.

— Аманда совершенно права, — поддержала Аманду Изабел, — в ближайшие две недели в городе ничего особо интересного не предвидится. А если тянуть дольше, то публика потеряет интерес.

— Но это слишком короткий срок, — продолжал сопротивляться Франсуа. — Я ничего не успею.

— При твоей работоспособности и с моей помощью ты успеешь все! — пообещала Аманда.

Франсуа только хмыкнул. Теперь ему было любопытно и самому, что выйдет из этой затеи?

* * *

Воодушевленная, окрыленная любовью к искусству, Изабел развила бурную деятельность. Она позвонила Фреду и уговорила его написать серию репортажей, которые подготовили бы публику к предстоящей выставке. Затем ей пришла в голову еще одна счастливая мысль: на пригласительных билетах непременно должен быть портрет художника. Билет с портретом — залог успеха. И она привела в мастерскую фотографа. Франсуа счел ее идею большой пошлостью. Обычно на билетах

воспроизводили какую-нибудь картину. Но кто его слушал! Дамы готовили для него мировую славу и вертели им, как хотели. Его фотографировали в свитере и в майке, растрепанным и прилизанным, с напряженными бицепсами и сложенными руками.

— Потом я сама выберу лучшую! — пообещала Изабел. — Положитесь на мой вкус!

Франсуа ничего другого не оставалось. И он сдался, махнул рукой и углубился в работу. И только диву давался энергии и хватке Аманды. Эта девочка далеко пойдет. Она добьется всего, чего захочет!

А Изабел не уставала расхваливать Франсуа по телефону. Когда Бонфинь приходил домой, он только и слышал:

— Клад, а не фигура! Греческий бог! Бездна обаяния! А творческая энергия!

В конце концов, эти разговоры жены стали действовать Бонфиню на нервы. К тому же теперь Изабел и дома-то трудно было застать. Это Изабел, которая не отставала от мужа ни на шаг, которая постоянно за ним следила! Бонфиню стало не по себе. В его дом вторглась какая-то неведомая сила.

— Он ревнует меня, он ревнует! — умиленно шептала Изабел, глядя на возмущенного Бонфиня. — Откуда ему знать, что я предана чистому искусству? Я и сама не подозревала, что так его люблю!

— Где ты была, Изабел Бонфинь? — грозно гремел кроткий глава семейства. — Где, Изабел? Где?!

— Как где? Да вот же я, прямо перед тобой! Что у тебя со зрением, мой милый? Ты и меня уже не видишь, да? Не бойся! Сейчас я позвоню и договорюсь с твоим окулистом!

— Изабел! Перестань выставлять меня дураком! Отвечай сейчас же! Я звонил тебе целый день, но так и не застал дома!

— Я, как всегда, была занята благотворительностью. Ты ведь знаешь, бонбончик, обездоленные дети всегда были моей самой главной заботой!

— Интересно, а чем обездолен этот тип? — поинтересовался Бонфинь, беря фотографию Франсуа, на которой взлохмаченный художник, напрягая могучие бицепсы, исподлобья смотрел на публику.

— Моя благотворительность никогда тебя не интересовала, — задумчиво отвечала Изабел, разглядывая фотографию полуголого Франсуа. — Почему вдруг теперь она так тебя интересует?

— Она не просто меня интересует, она меня волнует, — отвечал Бонфинь, заглядывая ей через плечо.

— Нет, эта слишком фривольная, — вынесла решение Изабел и

отложила фотографию. — Понимаешь, мне нужно выбрать самую подходящую для пригласительного билета. Возьму вот эту, пожалуй, тут и рука получилась, и волосы, и вид достаточно серьезный. Остальные оставляю тебе. Пока, мой бонбончик! Побегу к моим несчастным деткам!

Изабел упорхнула.

— Нет, это что-то немыслимое! — воздел руки к небу Бонфинь.

Оливия только смеялась, глядя на эту сцену: неужели ее папочка тоже может ревновать?

* * *

«Немыслимо» стало в последнее время любимым словечком и у Летисии. Немыслимой ей казалась внезапная тесная дружба Аманды и Изабел. Что у них может быть общего?

— Благотворительность, — сказала Аманда. Но Аманда и благотворительность — тоже что-то немыслимое.

— Ну почему же? — невинно осведомился Витор. — Ты же тоже ездила за город открывать ясельки. Аманда — твоя дочь, ты воспитала ее по своему образу и подобию.

Витор с явной издевкой смотрел на мать. Летисия осеклась.

Ей трудно было сказать, какой она воспитала Аманду. Но то, что Витор вырос человеком без сердца, Летисии было совершенно ясно.

Глава 27

Асусена не пришла в школу, и Далила, заподозрив неладное, сразу же после занятий отправилась к подруге домой. Там, однако, выяснилось, что Асусена заперлась у себя в комнате, никого не желая видеть — ни мать, ни Далилу. Подозрения последней еще более усилились, и она приложила немало сил и изобретательности, чтобы все-таки проникнуть в комнату Асусены.

— Я знаю, это из-за Витора, — сказала Далила, пристально глядя в глаза подруге. — Что у тебя с ним произошло? Не мучайся, откройся мне, а я никому не скажу, клянусь!

— И я ничего никому не скажу, — тихо молвила Асусена, и предательские слезы сверкнули на ее глазах.

Далила больше не стала приставать к ней с расспросами: и так все было ясно. Встревоженной, растерянной Серене она сказала, что Асусена приболела и сейчас лучше всего оставить ее в покое.

А спустя час решительно настроенная Далила уже беседовала с Витором в его офисе:

— Что ты сделал с Асусеной? Признавайся!

— Ничего такого, что бы ей не понравилось, — с откровенным цинизмом ответил тот.

— Какая же ты мразь! — не сдержалась Далила.

— А что, собственно, произошло? Асусена — такая же, как и все остальные, — продолжал он в том же тоне. — Вы ведь всегда, встречаясь с мужчинами, хотите от них этого, только строите из себя невинность. Я, во всяком случае, ни к чему Асусену не принуждал.

— Подлец!

— Ух, какой темперамент! — ядовито усмехнувшись, Витор схватил Далилу за руку. — Ты ведь тоже времени зря не теряешь с братцем Асусены, не так ли?

— Я догадывалась, что у тебя подлая душонка, но даже и предположить не могла насколько. Имей в виду, отец Асусены и Кассиану с тобой поквитаются!

— Меня этим не испугаешь, — сказал ей Витор. — Так и передай своему дружку. А сама больше никогда не появляйся в моем офисе.

Возвращаться домой в таком состоянии Далила не могла — боялась, что ее гнев и возмущение Витором случайно выплеснутся в присутствии

матери, а та расскажет обо всем донне Серене. Чтобы немного успокоиться и обдумать предстоящий разговор с Асусеной, Далила решила заехать к Питайте.

— Ты обещала позаниматься со мной математикой, — сказала она ей.

— Да, конечно. У меня как раз сейчас есть свободное время, — приветливо ответила Питанга.

Старик Бом Кливер при этом недовольно хмыкнул, а когда девушки отправились заниматься, прямо сказал Мануэле, что она не должна поощрять дружбу дочери с Далилой.

— Но что же мне делать, папа? — раздраженно произнесла Мануэла. — Ведь они учатся в одной школе! Не могу же я запретить им встречаться.

— Вот это меня и беспокоит, — проворчал Бом Кливер. — Твоя дочь и дочь Самюэля! Из их дружбы не может выйти ничего хорошего.

Этот неприятный для обоих разговор происходил в баре, а в соседней комнате Питанга безуспешно пыталась втолковать подруге премудрости математики.

— Ты не слушаешь меня, — сказала она, наконец заметив, что внимание Далилы сосредоточено на чем-то совсем ином, далеком от тригонометрических функций и уравнении.

— Прости, я и в самом деле думаю сейчас только об Асусене, — призналась Далила, а затем, не удержавшись, рассказала и о своем визите к Витору.

— Ты думаешь, у них было... все?.. — уточнила Питанга.

— Я не думаю, а знаю! — гневно заявила Далила.

— Тебе сказала это сама Асусена?

— Она со вчерашнего дня не проронила ни слова. Но я видела глаза Витора. Он — подонок! И сделал это из ненависти к Асусене.

— Боже мой! За что же можно ненавидеть Асусену? — изумилась Питанга. — Она такая доброжелательная...

— Не знаю за что, — вздохнула Далила. — Но этот негодяй, говоря о ней, просто клокотал от ненависти. Жаль, что Кассиану и дон Рамиру недавно ушли в море, а то бы Витору непоздоровилось!

— Твой отец тоже ушел вместе с ними? — спросила Питанга. — Наверное, ты скучаешь по нему?

— Да, конечно. Хотя я уже и привыкла, что его подолгу не бывает дома, но к концу плавания всегда не могу дождаться, когда он вернется.

— Счастливая! — невольно вырвалось у Питанга. — А я никогда не видела своего отца. Он умер еще до моего рождения, и я знаю только, что

мой отец был человеком особенным и они с мамой очень любили друг друга.

— А у тебя есть его фотография?

— Когда я была совсем маленькой, мама показывала мне его карточку, но потом спрятала куда-то и всегда плакала, если я просила показать ее вновь. Наверное, маме тяжело об этом вспоминать, поэтому я перестала мучить ее своими просьбами.

— Как все сложно, — задумчиво произнесла Далила. — В детстве мне казалось, что все люди, которых я знаю, счастливы. А теперь вижу, что у каждого есть своя скрытая печаль.

— И у тебя тоже?

— Нет, лично у меня пока все хорошо. Но я не могу быть равнодушной к тому, что рассказала мне ты, к тому, что произошло с Асусеной.

— Не расстраивайся. У меня есть мама и дедушка, у Асусены — родители и брат. Мы не одиноки!

— Знаешь, Питанга, я сейчас вдруг поняла, что не имею права открыть тайну Асусены ни Кассиану, ни дону Рамиру, — пришла к заключению Далила. — И ты тоже никому не рассказывай, ладно?

— Можешь быть спокойна.

— А к Асусене я все-таки пойду и скажу, что была у Витора. Пусть она знает, каков ее возлюбленный на самом деле. Может, не будет так страдать по нему.

* * *

Асусена и на сей раз не хотела открывать дверь Далиле, но, услышав, что та была у Витора, не устояла, впустила подругу и, как оказалось, даже была рада возможности выговориться, излить свою боль.

— Он действительно ни к чему не принуждал меня. Я сама так захотела, — сказала она с печалью в голосе.

— Но тогда я не понимаю твоего отчаяния, — высказала недоумение Далила.

— Это сложно объяснить... В общем, все произошло не так, как я себе представляла. Витор был нежен, целовал меня с такой любовью, что я почувствовала себя словно на небесах... Но внезапно все переменялось. Я смотрела на него и не узнавала. Мне вдруг показалось, будто я лежу не на облаках, а на камнях... Лицо Витора стало тоже каким-то каменным. И

вокруг было темно, как в страшной пещере... Волны разбивались о берег, и ветер свистел...

Далила слушала подругу, не перебивая, затаив дыхание, а та продолжала:

— Витор не улыбался, как прежде, не говорил красивых слов и вообще молчал. Но по его лицу я поняла, что он просто воспользовался моей любовью и теперь решил от меня освободиться. Его словно подменили, Далила!

— Подменили? Как бы не так! Он всегда был негодяем, только умело скрывал это поначалу.

— Нет, он вовсе не чудовище, как ты думаешь, — горячо запротестовала Асусена. — Витор очень несчастен. Не знаю почему, но он глубоко несчастен!

— Ты неисправима, Асусена, — укоризненно произнесла Далила. — После всего, что случилось, ты способна его защищать?

— Да. Я люблю Витора и надеюсь, что когда-нибудь он ко мне вернется.

— Ну тогда я не знаю, как тебе помочь. Разбирайся сама со своим Витором. Кассиану я ничего не скажу — не хочу, чтобы он оказался за решеткой из-за твоего негодяя.

* * *

Проводив Далилу, Питанга заглянула к деду, собираясь расспросить его об отце, но Бом Кливер увлеченно рассказывал Адреалине о приключениях морских цыган, а та усердно записывала его откровения в тетрадку. Не желая им мешать, Питанга повернула в бар и молча стала мыть посуду.

— Ты чем-то расстроена, дочка? — спросила Мануэла.

— Нет, с чего ты взяла?

— Я же вижу — ты грустная какая-то. Это тебя Далила расстроила? Что она тебе наговорила?

— Далила тут ни при чем, мама. Просто я почему-то вспомнила об отце. Ты давно не показывала мне его фотокарточку. Покажи сегодня, ладно?

— У меня ее нет... Не знаю, куда она подевалась, — растерявшись, стала бормотать Мануэла. — Но я поищу ее...

— Мамочка, прости меня, я сделала тебе больно, — обняла ее

Питанга. — Но прошло уже столько лет, я выросла. Неужели твоя боль и со временем не сгладилась?

— Нет, к сожалению. Мы с твоим отцом очень любили друг друга и должны были пожениться. Но я уехала далеко-далеко... А потом пришло известие, что он погиб, — Мануэла смахнула набежавшую слезу.

— И он не узнал, что я родилась?

— Не узнал... Я и сама тогда не умерла только потому, что ждала тебя... Так что ты спасла мне жизнь, дочка, — Мануэла через силу улыбнулась и, взяв себя в руки, продолжала вполне обыденным тоном: — Иди заниматься. Завтра ведь у тебя контрольная.

— Хорошо, мама, — неохотно согласилась Питанга. — Но ты все же поищи папино фото. Ты мне обещала.

Вечером Мануэла рассказала о просьбе дочери Кливеру, надеясь получить от него какой-нибудь дельный совет, но тот опять стал ворчать:

— Наверняка тут не обошлось без Далилы. Питанга ведь давно уже не заводила разговор об отце.

— Но сейчас завела. Что мне теперь делать?

— Не знаю. Может, наконец, наберешься храбрости и скажешь ей правду? Питанга уже не ребенок. Когда-нибудь она узнает об отце от кого-нибудь другого и не простит тебе твоей лжи. Не лучше ли, если ты сама ей все расскажешь?

— Нет! Нет! — испуганно воскликнула Мануэла. — На это я никогда не пойду.

На следующий день Асусена очень порадовала мать, решив отправиться в школу, несмотря на недомогание.

— Вот молодец, — приговаривала Серена, подавая завтрак дочери. — В школе у тебя и болезнь пройдет быстрее.

— Да, я надеюсь, — глухо отвечала Асусена.

Счастливая мать не догадывалась, что дочь собиралась вовсе не в школу, а в офис к Витору. После вчерашнего разговора с Далилой ей нестерпимо захотелось заглянуть в глаза Витору и самой услышать, почему он больше не приходит. Ни в коей мере не подозревая Далилу во лжи, Асусена в то же время была уверена, что та неверно поняла слова Витора — пусть даже и откровенно грубые. «Он чем-то обижен, оскорблен, — рассуждала Асусена по дороге в офис, — и его грубость — всего лишь самозащита. Надо прямо спросить, что его мучает, и помочь ему стать прежним — ласковым и нежным Витором».

Однако на деле все обернулось совсем не так, как представлялось Асусене. Едва увидев ее в приемной своего кабинета, Витор пришел в

бешенство.

— Что тебе нужно? Кто позволил тебе появляться у меня на работе? Уходи отсюда немедленно!

— Я хотела только взглянуть на тебя, — пролепетала обескураженная Асусена. — Мне больше ничего не надо. Ты так давно не приходил...

— Ах вот в чем дело! — еще больше разгневался Витор. — Тебе хотелось бы, чтобы я был твоим верным псом! Сидел бы возле тебя на привязи и облизывал твоих родителей!

— Витор, опомнись, что ты говоришь? — в отчаянии воскликнула Асусена, но он продолжал, не слыша ее:

— Ну конечно, по-твоему, я должен вечно благодарить тебя за то, что ты отдала мне самое ценное, что у тебя было! Но разве я тебя к чему-нибудь принуждал? И разве твоя драгоценная мамочка не объяснила тебе, как девушке следует вести себя с мужчинами? Чего же ты теперь от меня хочешь?

— Ничего. Ничего, Витор, — едва сдерживая слезы, молвила Асусена. — Только хотела сказать, что люблю тебя.

От этих слов он на какое-то мгновение растерялся, сник, но его замешательство продолжалось недолго. Словно испугавшись, что Асусена может увидеть его слабым и сомневающимся, Витор отвернулся и бросил жестко:

— Ну вот, сказала — и уходи. Надеюсь, я тебя больше никогда здесь не увижу.

* * *

Несколько дней Асусена пролежала в жару, и Далила вызвалась привезти к ней Оливию, которая работала теперь заведующей клиники на верфи и рыбозаводе, принадлежащих Веласкесам. Осмотрев Асусену, Оливия затруднилась поставить диагноз, она не могла понять причины повышенной температуры.

— Может, с тобой случилось что-нибудь такое, о чем ты не хочешь никому рассказывать? — спросила она Асусену. — Я врач. Все, что ты мне скажешь, останется между нами. Просто я хочу понять, что послужило толчком для твоей болезни. Далила говорила, будто ты расстроилась из-за того, что тебя бросил парень. Это правда?

Асусена упорно молчала, и Оливия вынуждена была уйти, прописав ей жаропонижающее и взяв кровь на анализ. Серене она объяснила, что у

Асусены, вероятнее всего, какое-то эмоциональное расстройство.

— Но неужели температура может повышаться от обиды и огорчения? — не поверила ей Серена.

— Может. Во всяком случае, я не вижу другой причины. Сердце, легкие, желудок — в норме. И даже горло не покраснело. Похоже, что это результат сильного нервного потрясения.

— Стало быть болезнь любви, — тихо молвила Серена.

— Да, так бывает, — подтвердила ее диагноз Оливия. — Особенно если эта любовь — юношеская, первая.

Встретившись в офисе с Витором, она сочла необходимым рассказать ему о болезни Асусены.

— Сейчас только ты можешь ее излечить. Поезжай туда, поговори с ней спокойно.

— Еще одна защитница? — возмутился Витор. — Да знаешь ли ты, о чем просишь меня? Появиться в доме Асусены, встретиться с ее сумасшедшими родителями, с ее бешеным братцем? Нет! В свое время я умолял их разрешить мне встречаться с Асусеной. Не скрою, она мне очень нравилась. Но ее родственники отнеслись ко мне как к какому-то негодяю и бандиту. Мой дед вступился за меня, пытался втолковать им, что я не собираюсь обижать Асусену. Оказалось — только зря перед ними унижался. Кассиану попросту избил меня... Нет, Оливия, лучше мне там не появляться, не давать надежду Асусене. Сейчас ей тяжело, но со временем она успокоится, забудет меня и полюбит кого-нибудь другого.

— Прости, Витор, я не знала всех этих обстоятельств...

— Не стоит извиняться. Я думаю, ни один нормальный человек не мог бы предположить того, что устроили родители Асусены. Поэтому пусть они сами расхлебывают кашу, которую заварили.

Глава 28

В последние дни Изабел всю свою кипучую энергию вкладывала в подготовку выставки Франсуа: оформляла помещение, составляла каталог и рекламные проспекты, рассылала приглашения гостям, а также не упускала из виду меню предстоящего банкета. Аманда, несмотря на запрет матери, тоже проводила все свободное время в мастерской Франсуа, пытаясь быть ему хоть в чем-то полезной, но неутомимая Изабел практически не оставляла ей такой возможности. Понимая, что соперничать с Изабел сложно, Аманда была вынуждена согласиться даже на роль кухарки и посудомойки, лишь бы только находиться вблизи Франсуа: готовила бутерброды, варила кофе для него и Изабел, затем убирала мастерскую, стараясь задержаться там как можно дольше, а точнее — пересидеть Изабел и остаться наедине с Франсуа. Тот, видя эти уловки, сердился и буквально выталкивал ее домой:

— Я не хочу иметь неприятностей с твоей мамой, так что, будь добра, уходи. Уже поздно.

— Не надо мне напоминать о моем возрасте, — кокетливо поджимая губки, говорила Аманда. — Важно не то, сколько мне лет, а то, насколько взрослой я сама себя ощущаю. Мне хочется, чтобы у тебя получилась грандиозная выставка, и ради этого я могла бы даже заночевать в комнате Франшику. Да, не усмехайся, так было бы гораздо удобнее всем, потому что с самого раннего утра я занималась бы приготовлением завтрака и ты не тратил бы на это свое драгоценное время.

— Аманда, идем, я провожу тебя домой, а то меня еще привлекут за растление малолетних, — отвечал на это Франсуа, решительно уводя ее из мастерской.

Летисия подозревала, что дочь по-прежнему бывает у Франсуа, и прямо спрашивала ее об этом, но Аманда глазом не моргнув сочиняла всяческие истории про занятия в библиотеке или прогулки с подругами. Хорошо зная свою дочь, Летисия ей не верила и, обеспокоенная этой ложью, собиралась строго поговорить с Франсуа, да все мешали какие-то неотложные дела в фирме. Неожиданно ее беспокойство усилил Бонфинь, вздумавший поделиться с коллегой своими душевными переживаниями.

— Знаешь, — сказал он, волнуясь, — мне кажется... То есть я почти уверен, что Изабел влюбилась в Франсуа и они тайно встречаются.

— Франсуа? С чего ты взял?

— Я видел у Изабел его фотографии. К тому же она целыми днями где-то пропадает, ничего мне не говоря.

— Не хочу тебя огорчать, но этот сердцеед на все способен, — нечаянно подлила масла в огонь Летисия. — У него в доме живет какая-то девица, и при этом он принимает там мою Аманду. Совсем заморочил девочке голову.

Так, накручивая друг друга, они пришли к заключению, что надо немедленно поставить Франсуа на место.

Подъехав к его дому, они увидели припаркованную поблизости машину Изабел. Это привело Бонфиня в ярость, и он, ворвавшись в мастерскую, учинил скандал. Ничего не понимающая Изабел кое-как уgomонила мужа, а Летисия прямо потребовала от Франсуа оставить в покое Аманду и Изабел — жену своего лучшего друга.

— Мне просто повезло, — горячилась она, — что я не натолкнулась здесь на Аманду. Ведь я знаю: она прогуливает уроки и с утра до вечера находится в твоей мастерской. Скажи, что тебе надо от моей дочери? Ты решил устроить здесь гарем?

— Летисия, успокойся, — попытался сохранить хладнокровие Франсуа. — Ни твоя дочь, ни Изабел меня не интересуют в том смысле, который подразумеваешь ты. Более того, могу сказать, что есть только одна женщина, волнующая меня. Я говорю о тебе, Летисия.

— Нет, это уже слишком! Ты неисправим! — возмущенная до глубины души, она покинула мастерскую вслед за Изабел и Бонфинем.

Недоразумение отчасти разрешилось в тот же вечер: Оливия развеяла сомнения Бонфиня, сказав ему, что мать всего лишь занимается подготовкой выставки Франсуа и очень увлечена этими хлопотами. У Бонфиня отлегло от сердца, но он хотел то же самое услышать из уст жены.

— А разве ты не знал о выставке? — удивилась Изабел. — Ведь я же о ней вам все уши прожужжала. Ну вот, это лишний раз доказывает то, что ты не принимаешь меня всерьез и совсем не слушаешь, когда я тебе что-то говорю.

Опростоволосившийся Бонфинь вынужден был повиниться, а Изабел не стала его долго мучить и великодушно простила.

— Вообще-то мне даже понравилась такая бурная сцена ревности, — призналась она. — Это означает, что ты меня еще любишь, не так ли?

— Ну конечно, люблю, — промычал посрамленный Бонфинь.

— А Франсуа, кстати, влюблен в Летисию, — сообщила вдруг Изабел. — Да, не удивляйся. Он дал мне это понять, когда настоятельно просил уговорить Летисию прийти на открытие выставки.

— Вот так дела! — пробормотал сбитый с толку Бонфинь.
Утром он счел необходимым передать этот разговор Летисии...

* * *

Вдохновленная примирением с мужем, Изабел решила закрепить успех и навестить его в офисе, а зная, что Бонфинь не любит, когда она отвлекает его от работы, прихватила с собой приглашения на выставку, чтобы вручить их Летисии, Витору и Дави. Однако в приемной мужа ее ждало очередное разочарование: Бонфинь, как показалось Изабел, чересчур любезно беседовал с секретаршей, а та в ответ кокетливо щebetала.

Дома Изабел поделилась своими подозрениями с Оливией:

— Мне кажется, твой отец изменяет мне с Сузаной, секретаршей. Ты теперь там работаешь, присмотри за ним, ладно?

— Мама, как тебе могла прийти в голову подобная чушь? — рассердилась Оливия. — Отец вообще не смотрит на женщин, а у Сузаны, насколько мне известно, есть жених.

Изабел стала приводить какие-то доводы в пользу своей версии, но Оливия отмахнулась от матери, сославшись на головную боль.

Поглощенная своими заботами, Изабел не заметила, что дочь тоже расстроена. А причина этого расстройства была гораздо серьезнее, нежели у матери. Дело в том, что накануне вечером Оливия наконец решилась откровенно поговорить с Дави и даже отважилась зайти к нему домой, но застала его мертвецки пьяным. «До чего же ты себя довел! Ты ведь прежде никогда не напивался», — сказала она, однако Дави не отреагировал на ее слова. Тогда Оливия сняла с руки подаренное им кольцо и, положив его на тумбочку перед спящим Дави, вышла.

Необходимость прямого разговора с Дави назрела у нее давно, с тех пор как Оливия стала работать в той же фирме, что и он. Случайно сталкиваясь в офисе или на верфи, они оба чувствовала неловкость и спешили разойтись в разные стороны. Бонфинь, наблюдая подобные сцены, очень переживал и всякий раз просил дочь разобраться прежде всего в себе самой и не мучить понапрасну парня. Уступив его уговорам, Оливия и отправилась к Дави, хотя по-прежнему не знала, что ему сказать. Решение вернуть кольцо пришло спонтанно, и теперь она не была уверена, что поступила правильно.

На следующий день Дави разыскал ее сам.

— Я нашел у себя вот это кольцо. Ты оставила его случайно или?..

— Ты вчера был пьян. Заснул прямо в гостиной... — Оливия с трудом подбирала слова, опять не зная, что же ей следует сказать. — Прости, я не хотела тебя обидеть. Вместе мы пережили много хорошего и много плохого...

— Вот как? — перебил ее Дави. — Мне казалось, у нас с тобой было только хорошее. Но, видимо, я был слишком наивен и все понимал не так, как ты. Может, объяснишь, чем же я тебя не устраиваю?

— Думаю, в таком тоне нам сложно будет разговаривать.

— Да, пожалуй, — согласился Дави. — Более того, мне кажется, нам вообще уже не о чем разговаривать. Прости, я зря тебя побеспокоил. Это кольцо красноречивее всяких слов. Сейчас я убедился, что ты оставила его у меня не случайно.

* * *

Франшику не бросал слов на ветер, когда говорил Гаспару, что устроит ему якобы случайную встречу с Эстелой Маркес. Проект его заключался в том, что некое подставное лицо организует у себя на вилле праздничный обед, а для увеселения гостей пригласит нескольких певиц, включая и Эстелу. У Гаспара были сомнения — согласятся ли девушки на такое сомнительное предложение, но Франшику убедил его, сказав, что для артисток это хорошая возможность подзаработать, к тому же он уже заручился поддержкой Лилианы, которая обязательно должна уговорить Эстелу.

От Гаспара требовалось только щедро оплатить авантюру, и вот наступил день, когда Франшику заявил, что хозяин виллы желает получить аванс, причем обязательно наличными.

— Поезжай в банк и сними с моего счета необходимую сумму, — распорядился Гаспар.

— А ты... не боишься доверить мне такие огромные деньги? — растерянно спросил Франшику. — Вдруг я с ними убегу? Ведь это такой соблазн!

— Нет, не боюсь, — улыбнулся в ответ Гаспар. — Жизнь научила меня разбираться в людях. Когда-то у меня был компаньон, который не просто сбежал с деньгами, но фактически украл все мое состояние. Признаюсь, такое пережить трудно, так что ты, будь добр, не доставляй мне огорчений. К тому же эта махинация не принесла удачи и моему компаньону.

— Он разорился?

— Хуже... Но не будем ворошить прошлое.

— А кто был твоим компаньоном?

— Я же сказал: не стоит вспоминать о печальном накануне столь приятного события.

Вечером Франшику доложил шефу, что деньги уплачены и завтра можно отправляться на тот сказочный остров, где Гаспар увидит свою возлюбленную.

От Летисии не укрылось, как заволновался и засуетился отец, собираясь в поездку.

— Ты сейчас похож на влюбленного юношу, — сказала она, добродушно улыбаясь.

— Не скрою, ты очень точно определила мое состояние, — признался Гаспар. — Пожелай мне удачи, дочка.

— От всей души! — приложив руку к сердцу, произнесла Летисия. — Будь счастлив, папа, ты этого заслуживаешь.

— Седина в бороду, а бес в ребро? — недовольно спросила Аманда, когда они с матерью остались вдвоем.

— Тебе не стыдно? — укоризненно посмотрела на нее Летисия. — Разве дед не имеет права полюбить и быть счастливым?

— Я имела в виду не одного деда, но и... — она хотела сказать «тебя», однако вовремя остановилась. — Понимаешь, я говорю вообще о старшем поколении. Можете влюбляться сколько угодно, только не надо портить жизнь молодым!

* * *

По дороге на остров Гаспара вдруг одолели страхи и сомнения.

— Думаешь, Эстела простит меня, если узнает, какую комедию мы разыграли? — повторял он то и дело. — Нет, я не буду участвовать в этом шоу! Лучше мне вернуться домой, пока не поздно.

Франшику, как мог, отвлекал внимание шефа, а сам неуклонно направлял яхту к острову.

Когда же они, наконец, оказались среди гостей и Эстела, увидев Гаспара, впервые заподозрила подвох, Франшику пришлось срочно спасать ситуацию.

— Сеньор Гаспар! — изобразил он радостное удивление. — Вот неожиданность! Я не знал, что вы тоже приглашены на этот замечательный праздник. Надеюсь, вам здесь не будет скучно.

Наверное, Франшику слишком переоценил свой актерский дар, поскольку его монолог произвел обратный эффект: Эстела вдруг заявила, что немедленно уезжает.

— Ты не можешь нарушить контракт! — пришла на помощь Лилиана.

— Но в контракте не оговаривалось, что я должна петь для доктора Веласкеса, — резонно заметила Эстела.

— Простите, — вынужден был вмешаться Гаспар. — Я вовсе не хочу доставлять вам неприятности своим присутствием. Поэтому поступим так: вы исполните условия контракта, а я сейчас же покину остров.

Теперь уже Эстела почувствовала себя виноватой и сказала, что это было бы слишком большой жертвой с его стороны. Девушки на все голоса принялись уговаривать Гаспара остаться, а Эстелу — не упрямиться и петь, как того требует контракт. Оба, немного посопротивлявшись, поддались на уговоры, и таким образом инцидент был исчерпан.

А когда над горизонтом вспыхнула нежно-розовая полоска заката и праздник достиг своего апогея, Эстела и Гаспар, не сговариваясь, оказались вдруг рядом и молча побрели вдоль берега.

Затем они взошли на борт яхты, и волны залива мерно покачивали их, не мешая течению долгожданного и очень важного для обоих разговора.

— Я уже давно не чувствовал себя так хорошо, — блаженно улыбаясь, говорил Гаспар. — И все это благодаря тебе.

— Я тоже счастлива, — вторила ему Эстела.

— А что, если мы устроим здесь настоящий медовый месяц? Как ты на это смотришь?

— Здесь?

— Да. Ведь это райский уголок, не правда ли? Если тебе понравится, то я могу купить остров у Луиса Фелипе и мы вообще поселимся здесь навсегда.

— И будем гулять в нашем раю, как Адам и Ева, — смеясь, продолжала Эстела.

— Если ты намекаешь на отсутствие дорогих дамских туалетов, так не волнуйся: мы съездим в Рио, ты купишь там все, что захочешь.

— И стану красоваться в этих нарядах перед рыбами и птицами.

— А почему бы и нет! Кроме того, у тебя будет еще один ценитель и поклонник — я.

Так они шутя мечтали о своем совместном будущем, которое в тот вечер казалось им, бесспорно, счастливым и безоблачным.

Домой Гаспар вернулся с твердым намерением жениться на Эстеле и незамедлительно объявил об этом своим близким. Но еще находясь на

острове, связался по телефону с Бонфином, чтобы тот как можно быстрее купил квартиру, только не оформлял ее на его имя.

— Понимаешь, я собираюсь там поселиться с Эстелой до нашей свадьбы.

— Рад за тебя. Поздравляю, — пробормотал Бонфинь. — Но к чему такая спешка и такая таинственность?

— Мне стоило немалых усилий уговорить Эстелу бросить работу и уехать со мной в Форталезу. Но Эстела такая щепетильная — она не захотела, чтобы я привез ее в свой дом, где живут Летисия и внуки. Можно было бы устроить ее на время в хорошую гостиницу, но и я ведь не мальчишка, чтобы бегать к ней туда. Вот мне и пришлось придумать байку, будто я договорился с другом, у которого в данный момент пустует квартира. Теперь все понял?

— Кажется, да.

— Ну и прекрасно. Я задержусь тут еще денька на три, а ты за это время все сделай, пожалуйста. И не забудь, что квартира должна быть обставлена со вкусом. Денег я на это не пожалею.

Бонфинь выполнил поручение в лучшем виде, и Гаспар, оставив ненадолго Эстелу в их новом гнездышке, поспешил в свой старый дом, чтобы поделиться своей радостью с дочерью и внуками. Однако его сообщение было встречено ими неоднозначно. Лишь Летисия искренне пожелала отцу счастья, а Витор и Аманда предпочли промолчать.

Глава 29

Несмотря на болезнь Асусены, доставлявшую Серене немалое беспокойство, она не забывала думать о возвращении мужа и готовилась к встрече с ним, как к празднику. Для этого она специально заказала местной мастерице новую кружевную скатерть, предусмотрительно запаслась продуктами, из которых можно было бы приготовить роскошный обед, а также подкрасила предательски седеющие волосы.

Между тем рыбаки, проведенные в море уже несколько недель, тоже все чаще заводили разговоры о доме, о детях и, разумеется, о любимых женщинах. Наблюдая за мрачным, замкнувшимся Рамиру, Самюэль рискнул нарушить его уединение.

— О чем ты все думаешь? Никак не решишься бросить Серену?

— Бросить? Выбирай выражения, Самюэль, — рассердился Рамиру.

— Ну не бросить, так развестись, какая разница. Смысл-то не меняется.

— Да, ты прав, — грустно согласился Рамиру. — Я мучаюсь из-за Летисии. Боюсь, мне все равно не удастся устоять и я в конце концов предам жену, хотя Серена этого не заслужила. Так не лучше ли сказать ей всю правду?

— Возможно, это будет лучше для тебя и для Летисии. А для Серены? Выдержит ли она такой жестокий удар?

— Пойми, я не хочу обманывать Серену. Не смогу! — твердо произнес Рамиру. — Так что рано или поздно мне придется поговорить с ней открыто.

— Я вижу, ты уже все решил, — с горечью констатировал Самюэль.

— Давай сперва доберемся до берега. Ладно? — раздраженно отмахнулся от него Рамиру.

* * *

— Хоть бы твой отец поскорей вернулся, — повторяла Серена, уговаривая дочь поесть или хотя бы принять лекарства. — Может, он сумеет объяснить тебе, что нельзя так убиваться из-за какого-то подонка.

Асусена упорно молчала и лишь отрицательно покачивала головой, отказываясь от еды и лекарств.

— Боже мой! Что же ты со мной делаешь, Асусена! — в отчаянии воскликнула мать. — Иногда мне кажется, что ты сознательно решила довести себя до смерти. Ведь так? Ответь, не молчи! Ты хочешь умереть?

В ответ Асусена зажмурилась и отворачивалась к стенке.

Видеть это изо дня в день Серене было не по силам, и однажды она, попросив Эстер присмотреть за Асусеной, отправилась к Витору.

— Мне надо поговорить с твоим сыном наедине, — сказала она, увидев в офисе Летисию.

Та попыталась возразить, не захотела выходить из комнаты, но Витор поддержал просьбу Серены, заявив, что не боится этой женщины.

— Оставь нас, Летисия, пожалуйста, — более мягким тоном произнесла Серена. — Кто знает, может, он мне скажет что-нибудь такое, о чем промолчит в твоём присутствии.

Однако она ошиблась: ничего, ранее не известного ей, Витор не сказал. Асусена болеет? Значит, надо вызвать врача — возможно, у нее грипп или пневмония. Страдает из-за разрыва с ним? Что ж, любовь не всегда приносит радость.

Серена прервала его, обвинив в цинизме, на что последовал не менее резкий ответ:

— Я не обижал Асусену, как вы предполагаете. А почему порвал с ней, это вам, донна Серена, объяснять не нужно, вы и сами знаете причину. Пошел навстречу вашим настоятельным требованиям, только и всего. Так что все претензии можете предъявить себе.

— Ладно, я приму к сведению, что ты не обижал Асусену и что между вами все кончено, — сказала Серена, уходя.

Встретив в коридоре Летисию, она произнесла угрожающе:

— Ты умеешь молиться, Летисия Веласкес? Так вот, молись, чтобы моя дочь поправилась!

Летисия бросилась в кабинет сына, требуя честно признаться, что он сделал с дочерью Серены.

— Да ничего я с ней не сделал! — с досадой ответил Витор. — Просто у них там вся деревня сумасшедшая, их всех пора одеть в смиренные рубашки. Я раскаиваюсь только в том, что не прислушался вовремя к твоему совету. Ты была права: нам всем надо держаться подальше от людей Рамиру Соареса. Разумеется, в эмоциональном плане. Что же касается их рыбы, то я вовсе не прочь покупать ее. Скоро они придут ко мне, чтобы продать свою рыбу, и тогда — несмотря на их гордость и пресловутый кодекс чести — будут вынуждены кормиться из моих рук!

Далила, скучавшая и по отцу, и по Кассиану, все чаще выходила на берег, пристально вглядываясь в морскую даль: а вдруг там покажется долгожданное рыбацкое суденышко! Но море равнодушно катило свои волны, от них постепенно начинало рябить в глазах, и погрузневшая Далила вновь обращала свой взгляд на поселок, где все казалось ей унылым и серым. Прежде, когда у нее портилось настроение, она шла к Кассиану или Асусене, но сейчас один был в море, а другая страдала от несчастной любви, не желая ни с кем общаться.

В отличие от подруги Далила не умела долго предаваться грусти и всячески старалась найти занятие, которое могло бы ее отвлечь от тоски по Кассиану. Иногда ходила к Питанге заниматься ненавистной ей математикой или помогала Мануэле убирать посуду в баре. А то придумала повидаться с братом и теперь дожидалась его неподалеку от фирмы Веласкесов, не рискуя появляться там после стычки с Витором.

Дави вышел из офиса понурый — то ли устал, то ли был чем-то огорчен. Увидев сестру, обрадовался, но затем опять помрачнел, когда та спросила, отчего он такой грустный — не из-за Оливии ли.

— С Оливией, увы, все кончено, поэтому предлагаю сменить тему. Дома все в порядке? Кстати, ты здесь специально ждала меня? Что-нибудь случилось?

— Нет, просто захотелось увидеть тебя.

— Ну да, понимаю, — улыбнулся Дави, — тоскуешь по своему Кассиану.

— А я и не скрываю этого, — приняла вызов Далила. — Хочешь, пойдем в бар донны Мануэлы, посидим там, поговорим.

Дави было все равно куда идти, и он согласился. Однако и там они невольно продолжали говорить о том, что их в данный момент волновало, — об Оливии, о Кассиану.

— Я не сомневаюсь, что вы с Оливией все равно когда-нибудь помиритесь, — уверенно заявила Далила. — Вот мы с Кассиану, например, ссоримся очень часто, а жить друг без друга не можем.

— Твой Кассиану — обыкновенный грубиян, — возразил Дави. — А с Оливией все гораздо сложнее.

— И вовсе он не грубиян, — обиделась Далила.

— Ну прости. Вы любите друг друга с детства, и если ты считаешь, что он будет для тебя идеальным мужем, то я могу за вас только радоваться.

— Да разве я знаю, каким он будет мужем! — нечаянно вырвалось у Далилы, и Дави тотчас же за это ухватился:

— У вас что-то изменилось? Ну-ка не скрытничай. Рассказывай брату все как на духу.

— Нет, все нормально, — Далила встала из-за стола, давая понять, что ей уже пора домой. — Пойдем, а то мама будет волноваться, да и Кассиану может в любой момент вернуться.

— Нет, серьезно, не увиливай, — проявил настойчивость Дави. — Знаешь, что мы с тобой сейчас сделаем? Поедем ко мне домой, попьем кофейку, и там ты мне все спокойно расскажешь.

— К тебе? Домой? — просияла Далила. — Конечно же я поеду! Ты никогда не приглашал нас к себе — ни меня, ни родителей.

От ее замечания Дави смутился, но оправдываться не стал.

Когда же они вошли в его квартиру, он опять почувствовал себя неловко, потому что Далила с порога воскликнула:

— Это чудо! Я и представить не могла, как живет мой брат. Такая красота, Дави!

— Да ладно тебе преувеличивать... Просто я сделал все так, как мне нравится. Я хорошо себя чувствую тут, Далила.

— Я тоже! — сказала она, блаженно откинувшись на спинку кресла. — Теперь я понимаю, как была неправа, когда звала тебя обратно в деревню. Ну, помнишь, мы тогда только приехали в поселок, и я хотела, чтобы ты жил с нами?

— Да, помню. Я потому, наверное, и не приглашал вас к себе. Думал, вы все равно не поймете, что я уже привык к другому укладу.

— Напрасно ты так думал. Папа с мамой тоже тебя поймут. И даже обрадуются, когда увидят, как ты здесь устроился.

— Ну что ж, я как-нибудь привезу их сюда, — пообещал Дави.

Потом они отправились на кухню варить кофе, и Далилу привели в неописуемый восторг овощерезка и посудомоечная машина.

— Вот бы нашей маме такие удобства! — произнесла она мечтательно.

— Я вижу, моей сестренке нравится комфорт, — заметил Дави. — Не в этом ли причина ваших разногласий с Кассиану? Ведь он, насколько мне известно, собирается пойти по стопам отца, стать профессиональным рыбаком. А ты, готова ли ты провести всю жизнь в хижине у моря?

— Я сама не знаю, чего хочу, — призналась Далила. — И это меня пугает... Когда я с Кассиану, то чувствую себя вполне счастливой, а когда его нет рядом, то мне хочется узнать и какую-нибудь другую жизнь, которая течет здесь, в Форталезе, или в Рио.

— Ничего удивительного: просто ты выросла из своей деревушки, как когда-то из нее вырос я!

— Ты так думаешь? — с сомнением произнесла она. — Я ведь люблю и море, и наш дом, хотя мне хочется узнать и что-нибудь новое, чего в деревне не увидишь. А Кассиану ничего такого не надо. Он мечтает только о собственной лодке.

— Мне кажется, нам с тобой надо чаще общаться, — пришел в выводу Дави. — Я открою для тебя другой мир, а ты потом сама решишь, что тебе больше по душе.

— Спасибо, братик, — обняла его Далила. — Только мне почему-то страшно...

— Страшно? — изумился Дави. — Ты не должна бояться. Ведь речь идет о твоей жизни, о твоём будущем.

— Я это понимаю, оттого мне и страшно. Ты не подгоняй меня, ладно? Я не хочу делать больно Кассиану. Да и самой мне еще надо избавиться от каких-то сомнений...

Вернувшись домой, она рассказала матери о чудо-комбайнах, увиденных на кухне у брата.

— Представляешь, сколько свободного времени у тебя появилось бы, если бы мы купили такие же приборы!

— А зачем мне свободное время, Далила? — остудила ее пыл Эстер. — Если я все дела переделаю за час, то чем буду заниматься потом?

— Но ведь это ужасно, мама!

— Знаешь что, дочка, не забивала бы ты себе голову этой современной ерундой, — строго сказала Эстер. — Человек, за которого ты собираешься замуж, — рыбак. А жена рыбака должна довольствоваться тем, что он ей может дать. Запомни это, иначе твоя жизнь может стать адом.

* * *

Рыбацкое судно показалось наконец на горизонте, и все жители тотчас же помчались к пристани. Не было среди встречающих только Асусены.

— Где она? Где моя дочка? — встревожился Рамиру, недобро посмотрев на Серену. — Что тут произошло, пока нас не было?

— Я так ждала тебя! — припав к его груди, выдохнула она. — Теперь Асусена обязательно поправится! Ты найдешь нужные слова, чтобы утешить ее...

— Опять этот Витор? — догадался Рамиру.

— Да. Они расстались, и Асусена очень страдает. Она заболела, Рамиру!

Отстранив от себя Серену, он побежал к дочери. Увидев его, Асусена приподнялась на постели, но в тот же момент силы оставили ее, в глазах потемнело...

— Девочка моя, милая моя, — повторял Рамиру, глядя ее по волосам. — Ты выздоровеешь... Все пройдет... Теперь я с тобой, доченька.

Естественно, в такой ситуации об уходе из семьи не могло быть и речи. Рамиру бродил по дому печальный, задумчивый и словно не замечал хлопочущей вокруг него Серены. Однажды она, не выдержав, с горечью произнесла:

— Я совсем тебе стала ненужной.

— Перестань, — сказал он с досадой. — Просто я ни о ком, кроме Асусены, сейчас не могу думать. К тому же столько дней провел в море, устал.

Заглянувший к ним Самюэль несколько разрядил обстановку. Серена откровенно обрадовалась ему:

— Хорошо, что ты пришел, Самюэль. Может, тебе удастся расшевелить Рамиру, а то он словно в воду опущенный. Выпейте по рюмочке, потолкуйте, а я пойду к Асусене — пора давать ей лекарство.

— Похоже, ты с Сереной еще... не говорил? — спросил Самюэль Рамиру, когда Серена вышла.

— Как я мог, если Асусена в таком состоянии?

— Да, сейчас не время. А может, вообще не стоит этого делать?

— Нет, Самюэль, я должен внести ясность в наши отношения с Сереной. Не хочу врать и причинять ей лишние страдания. Так будет лучше для всех, в том числе и для детей.

* * *

Устроившись в тени пальм, Кассиану и Далила рассказывали друг другу о том, что произошло с каждым из них за время разлуки. Далила говорила в основном об Асусене, о ее несчастной любви, а из самых ярких событий вспомнила конечно же поездку к брату. Кассиану это не понравилось:

— Наверное, он опять соблазнял тебя всякими городскими штучками — музеями, театрами? А может, водил тебя в ресторан?

— Ты не оглох, Кассиану? — рассердилась Далила. — Я же ясно

сказала, что была у него дома, в его квартире!

— Все равно незачем тебе глазеть на городскую роскошь. Мы будем жить совсем по-другому, ты ведь знаешь это.

— Да, знаю, — невесело произнесла Далила и, немного помолчав, перевела разговор на другую тему: — Я слышала от папы, что у вас был хороший улов.

— Хороший? — оживился Кассиану. — Не то слово. Отличный улов! Ты не представляешь, сколько теперь у меня будет денег. Этого хватит, чтобы закупить материал для моего баркаса. Даже не верится! А ты, кажется, и не рада? Что с тобой? Мы же об этом мечтали...

— Я рада, Кассиану. Просто мне как-то неловко быть счастливой, когда Асусена так страдает.

— Да, я тоже за нее очень переживаю, — вздохнул он. — Может, мне еще раз набить морду этому Витору, как ты думаешь?

— Нет, не дай Бог! — испугалась Далила. — Этим ты ей не поможешь, а сам окажешься за решеткой.

Вернувшись домой, Кассиану услышал, как Асусена то ли во сне, то ли в бреду произносила имя Витора.

— Успокойся, сестричка, — сказал Кассиану, взяв ее за руку.

— Нет, Витор, не надо! — заметалась на постели Асусена. — Я не хочу!.. Я боюсь!.. Здесь так темно...

— Проснись, Асусена, проснись. Тебе снится дурной сон, — тормошил ее Кассиану. — Подожди, я сейчас позову маму.

— Нет, не уходи, — открыв глаза, вымолвила Асусена. — Побудь со мной, я боюсь.

— Хорошо, только ты должна принять лекарство. Тебя знобит.

— Эта лихорадка никогда не кончится, — простонала Асусена. — Она изводит меня. Я умру, Кассиану...

— Не говори глупостей. Оливия сказала, что у тебя нет никакой болезни. Просто ты страдаешь по этому негодю. Забудь его! Ведь он тебя бросил.

— Да, бросил, — слабым голосом заговорила Асусена. — Отказался от меня, потому что вы гнали его, избивали. А обо мне вы не подумали. Если бы тебе запретили видеть Далилу, что бы ты делал?

— Неужели ты его так любишь?.. — рассеянно произнес Кассиану и впервые за все время посмотрел на случившееся другими глазами.

А на следующий день он поехал к Витору и попросил его навестить Асусену.

— Что? Я не ослышался? — спросил обескураженный Витор. — Ты

сам зовешь меня к Асусене?

— Да, Витор. Сейчас это единственное, что ей надо.

— И ты сам до такого додумался? Ну, я рад за тебя! Полагаю, тебе следовало бы почаще шевелить мозгами.

— Витор, давай не будем ворошить прошлое. Ты имеешь право обижаться на меня — я многое сделал, чтобы вас разлучить, — но сейчас нам надо позаботиться о здоровье Асусены.

— Ах вот как? — ядовито усмехнулся Витор. — Значит, ты держишь меня за полного идиота, за пешку, которую можно переставлять туда-сюда, как тебе заблагорассудится. Захочешь — физиономию мне расквасишь, в потом как ни в чем не бывало в гости позовешь.

— Витор, если тебе хоть немного дорога Асусена, ты не позволишь ей умереть, — не обращая внимания на его язвительный тон, сказал Кассиану. — Моя сестра умирает, пойми ты наконец!

После этих его слов Витор перестал улыбаться.

— Неужели все так серьезно? — спросил он.

— Да, представь себе, — глухо произнес Кассиану.

— Вот чего вы добились своим ослиным упрямством.

— Прошу тебя, Витор, не трать время на упреки. Поедем к Асусене!

— Что, прямо сейчас? Но у меня есть неотложные дела, в приемной меня ждут люди, с которыми я договорился о встрече...

— Ладно, приезжай, когда справишься с делами, — смиловился Кассиану. — Только не вздумай водить меня за нос, а то я приволоку тебя к Асусене силком.

* * *

И вот он приехал, и ему разрешили пройти к Асусене. Рамиру, правда, опасался, как бы дочери не стало от этого визита еще хуже, но Кассиану твердо стоял на своем: пусть поговорят, выяснят отношения, иначе Асусена может просто умереть от тоски.

— Если понадобится, сразу же зови меня, — сказал он сестре, оставляя ее наедине с Витором. — Я буду в соседней комнате.

При виде бледной, осунувшейся Асусены сердце у Витора защемило, но он сумел взять себя в руки и бодрым голосом произнес:

— Не знал, что у тебя такой заботливый брат. Ведь это он любезно пригласил меня к вам.

— Я не посылала его за тобой, поверь, — стала оправдываться

Асусена.

— Не надо ничего говорить, — остановил ее Витор. — Побереги силы, они тебе еще пригодятся. Выглядишь ты, должен заметить, неважно.

— Ты приехал затем, чтобы сказать мне, как плохо я выгляжу?

— Я не знаю, зачем меня сюда притащил твой братец. Наверное, хотел, чтобы вся деревня увидела злодея, который погубил невинную девушку. Думаю, они спустят на меня собак, когда я выйду отсюда. А может, потребуют, чтобы я на тебе немедленно женился.

— Ты чудовище! Убирайся вон!

— Жаль, твои родственники не слышат, как ты меня сама прогоняешь. Спасибо тебе. Я уйду с удовольствием. Надеюсь, ты больше не станешь изображать перед всей деревней соблазненную и покинутую? Это слишком избитый номер!

— Уходи, мерзавец! — стонала Асусена. — У тебя нет ничего святого в душе. Я боюсь тебя! Ты — сам дьявол.

— Прости, что еще раз заставил тебя поволноваться. Выздоровливай! — он чопорно раскланялся и вышел.

— Ну что, парень, как она? — волнуясь, спросил Рамиру. — Как Асусена? Ей лучше? Что она тебе сказала?

— Увы, мне нечем вас порадовать, — развел руками Витор. — Мой приход ничего не изменил.

— Но ты ведь говорил с ней? — вмешался Кассиану.

— За кого ты меня принимаешь? Конечно же говорил. Я был с ней очень нежен, пытался успокоить ее, но все напрасно. Так что простите, сеньор Рамиру, тут, видимо, дело не во мне. Я бессилен помочь Асусене.

— Нет, это ты меня прости, — сказал упавшим голосом Кассиану.

— Ты все правильно сделал, — подбодрил его Витор. — Я этого никогда не забуду.

— Спасибо, что пришел, — пожал ему руку Рамиру.

После всего, что ты от нас натерпелся, это было великодушно с твоей стороны, — добавила Серена.

— Да что там, я просто хотел помочь. Но вы не расстраивайтесь: Асусена обязательно поправится. Когда у человека есть такая дружная семья, как ваша, то иначе и быть не может. А я — всегда к вашим услугам. Кстати, наша фирма готова купить у вас любое количество рыбы и лангустов. Если вы захотите продать нам свой улов, то обдумайте свои условия и заходите. Полагаю, мы сумеем заключить взаимовыгодную сделку.

— Что ж, это было бы неплохо, — сказал Рамиру.

Серена же испугалась, что разговор о купле-продаже рыбы может затянуться, и решила проститься с гостем:

— Извини, Витор, я волнуюсь за Асусену. Пойду посмотрю, как она там.

— Разумеется, донна Серена. Скажите ей, пусть скорей поправляется!

Глава 30

Выставка Франсуа имела несомненный успех. Об этом говорили все собравшиеся на вернисаже — критики, журналисты, пишущие об искусстве, владельцы художественных галерей. Многие из них подходили к Изабел, благодаря ее за то, что открыла для них такого великолепного художника. Но героиней дня Изабел себя не чувствовала, поскольку праздничное настроение было омрачено подозрениями в измене мужа. И причина для подозрений на сей раз имелась веская: Изабел случайно узнала, что Бонфинь тайно от семьи купил шикарную квартиру в центре города, обставлять которую ему помогала Сузана. Он, действительно, привлек для этого дела секретаршу, так как полагался на ее женский вкус. Однако Изабел и в голову не могло прийти, что ее муж старается не для себя, а для Гаспара. На вопрос, почему его целыми днями не бывает в офисе, Бонфинь ответил уклончиво:

— Фирма решила приобрести кое-какую недвижимость, вот я этим и занимаюсь.

Такой ответ косвенно подтвердил худшие опасения Изабел, но у нее хватило благоразумия не учинять скандал с ходу. «Надо раздобыть неопровержимые доказательства измены», — рассудила она и с этой целью пригласила Сузану на открытие выставки, надеясь там понаблюдать за любовниками.

Сузана обрадовалась приглашению и пришла на вернисаж вместе с женихом, который не отходил от нее ни на шаг весь вечер. Бонфинь был в добром расположении духа, особенно после того, как принес свои извинения Франсуа и щедро похвалил его картины. «Умело маскируются!» — сделала вывод Изабел, не теряя, впрочем, надежды подловить мужа каким-то иным способом.

— Ты что-то невеселая, — взял ее за руку Бонфинь, — наверное, подготовительные хлопоты отняли у тебя много сил.

— Прежде ты не отличался таким вниманием, — заметила Изабел.

— На тебя не угодишь, — добродушно усмехнулся он. — Неужели ты ревнуешь меня к Летисии?

— К Летисии? Почему ты так решил?

— Потому что я опекаю ее на этом вернисаже. Она пришла такая грустная, одинокая. А когда мы стали обсуждать полотна твоего протезе — оживилась, и, по-моему, у нее поднялось настроение.

— Не выдумывай глупостей, — сказала ему Изабел. — Я не сумасшедшая, чтобы ревновать тебя к Летисии, которую знаю слишком хорошо.

К тому же, я надеюсь, ее не оставит без внимания виновник торжества Франсуа и в самом деле улучил подходящий момент, чтобы поговорить с Летисией. Та искренне призналась, что переменяла о нем мнение, увидев в полном объеме его работы.

— Ты хочешь сказать, что их не мог написать бабник и подлец? — рассмеялся Франсуа.

— Да, именно это я имела в виду, — подтвердила Летисия. — По крайней мере, мне так кажется.

Они вполне дружелюбно поговорили о том о сем, но, когда Франсуа предложил ей остаться на праздничный ужин, Летисия отказалась, сославшись на усталость.

— Тогда, может, завтра поужинаем вместе? — не упустил случая Франсуа.

— Не знаю, как сложится день. Позвони мне завтра ближе к вечеру, — оставила ему надежду Летисия.

* * *

Аманда возликовала, поняв, что мать не собирается оставаться на ужин.

— Ты уже уходишь? — спросила она якобы с сожалением.

— Да. И тебя хочу забрать с собой, — строго сказала Летисия.

— Но мама! Я же не могу подвести Франсуа. Я обещала ему убрать и перемыть посуду после гостей.

— Ладно, — не стала спорить Летисия. — Только не задерживайся здесь долго.

Аманда согласно кивнула, однако поступила прямо наоборот: возилась с посудой допоздна, терпеливо ожидая, когда уйдут последние, засидевшиеся за разговором и выпивкой гости.

И опять Франсуа пришлось вытаскивать ее из дома буквально за руку.

Выйдя наконец из помещения, они обнаружили, что на улице бушует ливень, к тому же машина Франсуа никак не хотела заводиться. Под проливным дождем он стал копаться в моторе, но найти причину поломки не мог. Франшику, который хорошо разбирался в механизмах, к сожалению, не было дома, он уехал ни много ни мало — аж в Майами, где

присматривал оборудование для своего фантастического проекта, одобренного тем не менее Гаспаром. Подробностей этой грандиозной идеи Франсуа не знал, но слышал, что речь шла об аквапарке, который Франшику и Гаспар собирались устроить в пальмовой роще на побережье.

— Ну что тут? — склонилась над капотом Аманда. — Позволь, я помогу тебе.

— Быстро в машину! — рассердился Франсуа. — Вымокнешь насквозь.

— Но она ведь все равно не заводится, — плутовато сверкнула глазками Аманда. — Пожалуй, мне придется идти до шоссе пешком, — и она, весело крикнув Франсуа: «Пока!», быстрым шагом направилась в сторону шоссе.

— Постой, куда ты? — бросился вслед за ней Франсуа, но она припустила бегом.

— Я тебя отшлепаю, — сказал он, догнав ее наконец.

— О, сделай милость!

— Да, я не завидую Летисии, — укоризненно покачал головой Франсуа. — Как она, бедолага, с тобой управляет?

— Ей не надо со мной управляться, потому что я уже взрослая!

— Ну а коли ты взрослая, то и поступать должна разумно, — поймал ее на слове Франсуа. — Сейчас мы вернемся в дом и вызовем такси по телефону.

Как ни странно, Аманда сопротивляться не стала и послушно последовала за Франсуа. Дома, однако, выяснилось, что телефон не работает.

— Наверное, это из-за бури, — высказала предположение Аманда.

— Что же делать?.. — в растерянности произнес Франсуа.

— Думаю, выход напрашивается сам собой, — тотчас же подбросила идею Аманда. — Вымокла до нитки, а потому мне ничего не остается, как переночевать у тебя. Тем более что и такси мы вызвать не можем.

— Твоя мама с ума сойдет, если ты не приедешь ночевать домой!

— А ты можешь предложить что-то другое?

— Увы, ничего, — вынужден был признать Франсуа. — Прими горячую ванну и ложись спать.

— А дверь мою ты запрешь снаружи или сам закроешься на засов?

— Сам закроюсь! Не зли меня, Аманда. А то еще заболеешь, и тогда я перед твоей мамой совсем не смогу оправдаться.

«Ты и так не оправдаешься», — с надеждой и злорадством подумала она.

В дом Франсуа Летисия ворвалась с первыми лучами солнца.

— Где этот негодяй? — накинулась она на заспанную Аманду, открывшую ей дверь.

— Ты имеешь в виду Франсуа? — наигранно зевнув, спросила Аманда. — Может, принимает ванну, а может, готовит завтрак. Я еще спала...

— Где он? Где эта проклятая спальня? — металась по дому Летисия. — Веди меня туда, где ты спала!

— Пожалуйста, — лениво молвила Аманда. — Я же говорила, что Франсуа здесь нет. Наверное, он варит для меня кофе.

— Ты долго будешь надо мной издеваться? — сорвалась на крик Летисия и помчалась на кухню, а затем в ванную.

Сжалившись, наконец, над матерью, Аманда показала ей дверь спальни, в которой ночевал Франсуа.

— Только постучись, а то застанешь его голым. Летисия, не слушая дочь, уже ломилась в дверь.

— Что он там, заперся?

— Да, кажется, и вправду заперся. Вот дает! — Аманда была ошеломлена не меньше матери.

Услышав требовательный стук к дверь, Франсуа вышел из спальни.

— Летисия, ты? — сказал он удивленно. — Так рано? Я думал, это Аманда хулиганит.

— Пока здесь только я. А полиция приедет позже. Так что приготовься к ответу.

Франсуа стоило большого труда объяснить Летисии, что произошло накануне вечером, поскольку она его то и дело перебивала.

— Когда мы вернулись сюда, я, прежде чем вызвать такси, попросил Аманду позвонить тебе. Но телефон был неисправен. Поэтому и такси я не смог вызвать, — говоря это, он снял трубку, чтобы проверить, не включился ли телефон. — Вот, он и сейчас молчит. Можешь сама убедиться.

В доказательство своей невиновности он протянул трубку Летисии, но в тот же момент увидел, что вилка выдернута из розетки.

— Прости, его кто-то отключил от сети...

— Кто-то? — возмутилась Летисия. — Да сам же ты и отключил, чтобы заманить Аманду!

— Нет, Летисия, как это ни печально, но боюсь, что на подобную каверзу способна только твоя дочь. Она все время пытается делать что-нибудь в таком духе. Не удивлюсь, если и машину она сломала.

— А тебе, похоже, это нравится.

— Да нет же, Летисия! — Франсуа взял ее обеими руками за плечи, притянул к себе и стал говорить ей прямо в лицо: — Мне нравишься только ты! Как доказать, что я люблю тебя? Как объяснить, что я полюбил тебя с первого взгляда?

Летисия попыталась высвободиться из его объятий, выражавших одновременно и страсть и отчаяние. Но Франсуа уже не мог остановиться — губы его сами коснулись губ Летисии, а она, растерявшись, на мгновение оцепенела и приняла его долгий, выстраданный поцелуй.

— Очень красиво, донна Летисия! — услышала она внезапно у себя за спиной. — Так вот, оказывается, зачем вы попросили меня удалиться? Теперь понятно.

— Не смей говорить со мной в таком тоне! — прикрикнула на нее Летисия. — Пойдем отсюда. Дома будем выяснять отношения.

Однако их взаимные упреки продолжались и в машине, по дороге домой. Аманда утверждала, что мать просто-напросто хочет отбить у нее Франсуа. Летисия же ругала дочь за все сразу: за недостойное поведение, за отключенный телефон...

Дома Аманда рассказала о случившемся брату — разумеется, в своей интерпретации, на что Витор отреагировал крайне резко и грубо.

— У тебя нет морального права упрекать Аманду, — заявил он матери. — Ты сама ведешь себя с этим ничтожным человеком как уличная девка. Вешаешься ему на шею...

— Замолчи! Я не потерплю от тебя таких оскорблений!

— А как прикажешь с тобой разговаривать? Объясни, может, я чего не понимаю? Что ты делала с Франсуа? Защищала честь моей сестренки или отдала свою честь в его железные руки? Ну что же ты молчишь? Потеряла дар речи?

— Нет, я отвечу тебе, Витор, — собравшись с силами, сказала Летисия. — Признаю свое поражение: у меня выросли жестокие, бессердечные дети. Видимо, я где-то допустила серьезную ошибку. Чересчур оберегала вас, жила как монахиня, чтобы, не дай Бог, не причинить вам боли, не оскорбить ваши чувства. Наверное, за это вы меня теперь презираете. Но отныне я буду жить своей собственной жизнью! Да. Я — свободная женщина и не должна давать вам отчета о своих отношениях с мужчинами. Вот захочу — и заведу роман с Франсуа! И вы

не сможете мне помешать.

— А потом ты его прирежешь? — криво усмехнулся Витор. — Этакая черная вдова, синяя борода в юбке! Скажи, когда Франсуа тебе надоест, ты убьешь его, как сделала это с отцом?

Сказав это, он тотчас же вышел, даже не взглянув на поверженную Летисию. Аманда, ошеломленная и заинтригованная последней его фразой, помчалась следом за ним.

— Что это значит, Витор? Как ты мог наговорить маме таких гадостей?

— Это не гадости, а правда! — бросил он в сердцах. — Она убила нашего отца! Конечно, ты не можешь помнить, ты тогда была совсем маленькой.

— Это был несчастный случай! — запротестовала Аманда. — Отец поскользнулся на ковре и упал с лестницы. Все это знают!

— Ну да, знают со слов убийцы.

— Не смей говорить так о маме! — возмутилась Аманда.

— А как иначе можно ее назвать? — возразил Витор. — Я был там и все видел. Она вышла из себя и толкнула его. Я все прекрасно помню. Но мне никто не верит, потому что я был тогда слишком мал.

— Но даже если все было так, как ты говоришь, то вряд ли мама хотела его убить. Просто в горячке толкнула. По-моему, это как раз и был несчастный случай.

— Допустим, — согласился Витор. — Но я также помню, из-за чего они ссорились. Отец обвинял ее в том, что она ему изменила! То есть она убила его еще до того, как он упал с лестницы.

— Нет, Витор, замолчи, я больше не могу это слышать, — взмолилась Аманда.

— Ты защищаешь ее только потому, что еще не выросла. А когда подрастешь, то поймешь, как наша мамочка из кожи вон лезет, чтобы выдать себя за кристально честную женщину.

* * *

Как ни странно, Кассиану оказался прав: свидание с Витором действительно пошло на пользу Асусене. Весь вечер после его ухода она проплакала, но уже наутро нашла в себе силы встать с постели, позавтракать и впервые за много дней выйти на свежий воздух.

— У меня больше не осталось никаких иллюзий, — сказала она матери, — и отныне я буду заново учиться жить.

Рамиру, взбодренный этой переменной в состоянии дочери, с легким сердцем отправился в Форталезу, чтобы подписать договор с фирмой Веласкесов о покупке ими рыбы.

Летисии в офисе не оказалось, и отчасти Рамиру был этому рад.

— Вот, я приехал, чтобы подписать необходимые бумаги, — сказал он Витору.

— А рыбу вы привезли?

— Нет. В прошлый раз Самюэль сперва составлял договор...

— Сеньор Рамиру! — перебил его Витор. — К чему эти формальности? Неужели мы не можем обойтись без бумажек — как добрые друзья. Везите сюда вашу рыбу, а я сразу же выплачу вам всю сумму. Договорились?

Рамиру не стал возражать.

Выйдя из кабинета Витора, он, однако, понял, что не может уехать в поселок, не повидав Летисию. Порог ее дома он переступил с содроганием сердца — готовый к любой реакции на свой неожиданный визит.

Летисию он, к несчастью, застал в один из самых худших моментов ее жизни — она все еще никак не могла оправиться от ударов, нанесенных ей дочерью и сыном.

— Что тебе надо от меня, Рамиру Соарес? — спросила она с явной досадой в голосе.

— Ты болеешь? У тебя какие-то неприятности? — встревожился он.

— Рамиру, я не намерена обсуждать с тобой свои проблемы. Говори, зачем пришел.

— Да просто хотел тебя увидеть. Соскучился по тебе смертельно, — заговорил он, все более волнуясь. — Летисия, что с тобой? Неужели ты забыла, о чем мы договаривались перед моим отъездом?

— Каким отъездом, Рамиру? Тогда, много лет назад?!

— Летисия! — в отчаянии воскликнул он. — Я не понимаю, что происходит. Что случилось, пока я был в море? Ведь мы же с тобой все обговорили тогда, и я принял очень непростое для себя решение...

— Перестань, — прервала его она. — Ты все врал мне, а я, как последняя дуручка, поверила.

— О чем ты говоришь, Летисия?

— О том, что ты меня опять бросил!

— Помилуй, как можно было такое выдумать? Я же передал тебе записку, где все объяснил. Разве ты не поняла меня?

— Записку? — удивилась Летисия.

— Что, Самюэль не отдал ее? — упавшим голосом спросил Рамиру. —

Он же мне сказал... Тут какое-то недоразумение.

— Весь наш роман — одно большое недоразумение, — грустно произнесла Летисия.

Рамиру стал уверять ее, что это не так, что отныне все будет по-другому, и Летисия, простив его, уже готова была поверить в возможность их счастья, но тут он опять допустил оплошность, выпалив в горячности:

— Я сегодня же поговорю с Сереной! Скажу ей, что мы с тобой...

— Так ты еще ничего не сказал ей?.. — у Летисии больше не осталось сил, чтобы продолжать разговор. — Уходи, Рамиру, — произнесла она глухо, но твердо, — уходи навсегда.

Глава 31

На работу Летисия в тот день так и не поехала. Несколько часов кряду пролежала у себя в комнате — совершенно опустошенная, не способная ни к какому действию. До прихода Рамиру она еще собиралась что-то предпринять, чтобы восстановить контакт с детьми. В частности, звонила Бонфиню, надеясь получить от него телефон отца, который где-то отдыхал с Эстелой. Но Бонфинь надежно хранил тайну друга и телефона его новой квартиры не дал.

«Ну и слава Богу, — подумала Летисия, устыдившись своей минутной слабости. — Зачем омрачать отцу его медовый месяц! Пусть все идет как идет».

Потом явился Рамиру и окончательно выбил ее из колеи...

— Сеньора, вы не спите? — осторожно постучалась в дверь Нейде. — К вам тут пришли.

Оказалось, что в гостиной ее ждал Франсуа. К своему удивлению, Летисия обрадовалась гостю. И даже призналась ему, отчего хандрит:

— Поссорилась с детьми. Совсем не знаю, как жить дальше...

Франсуа сказал, что несколько раз звонил ей в офис, а потом на свой страх и риск решил заехать сюда.

— Может, поедем на побережье? — предложил он затем. — Я знаю одно райское местечко в дюнах, там ты прогуляешься, отвлечешься от своих проблем. А если захочешь, расскажешь мне обо всем, и мы вместе что-нибудь придумаем.

— Что ж, поедем, — согласилась Летисия, которой в тот момент почудилось, что Франсуа послал ей сам Господь.

Прогуляли они до самого вечера, а когда Летисия обмолвилась, что хотела бы бросить все и начать совсем другую жизнь, Франсуа тотчас же воспользовался этим: сказал, что любит ее и был бы счастлив на ней жениться.

Летисия поначалу восприняла это как шутку, но Франсуа проявил завидную настойчивость:

— А почему бы и нет? Нам ведь хорошо вдвоем, не так ли? Чего же ждать?

— Не знаю, — тоже вполне серьезно ответила Летисия. — Когда ты рядом, то мне становится легко и спокойно, я чувствую себя счастливой, как в детстве. Но стоит мне, оставшись одной, заглянуть вглубь себя, как

сразу же накатывают сомнения и страхи.

— Ну, тем более нам нельзя расставаться.

— Возможно, — уклончиво ответила Летисия.

* * *

Вернувшись из школы и узнав от Нейде, что мать уехала на машине с Франсуа, Аманда испытала острое чувство обиды и горечи. «Выходит, донна Летисия и в самом деле решила осуществить свою угрозу — завести роман с Франсуа, — подумала она, припомнив вчерашнее заявление матери. — И все только затем, чтобы навредить мне. Ведь ей не нужен Франсуа, она влюблена в рыбака».

Открыв балконную дверь и устроившись вблизи нее так, чтобы можно было услышать шум подъезжающей к дому машины, Аманда стала ожидать возвращения матери. Караулить ей пришлось довольно долго, но вот машина Франсуа наконец остановилась у входа в дом. Аманда вышла на балкон и затаилась там.

— Спасибо тебе, — сказала Летисия, выйдя из машины. — Я действительно побывала в раю.

Франсуа нежно обнял ее на прощание и стал целовать. Аманда, не сдержавшись, оставила свое укрытие и стремглав помчалась к выходу.

— Значит, развлекаешься, да? — напустилась она на мать. — А сеньор Бонфинь весь вечер ждет тебя по какому-то важному делу.

— Где ждет? У нас?

— Нет, у себя дома. Просил передать, чтобы ты ему срочно позвонила.

— Да, сейчас. До свидания, Франсуа. Еще раз спасибо за этот прекрасный вечер.

Она ушла в дом, попавшись на удочку Аманды, поскольку Бонфинья та приплела лишь затем, чтобы, избавившись от матери, остаться наедине с Франсуа.

— Не уезжай, пожалуйста, — попросила она его. — Мне надо сказать тебе несколько слов.

— Слушаю тебя, — неохотно согласился Франсуа.

— Ты считаешь, что она лучше меня? — начала свою речь Аманда.

— Если ты намерена говорить об этом, то я сейчас же уеду, — пригрозил Франсуа.

— Да она же обыкновенная воровка! Она украла тебя у меня!

— Вот как! Ну тогда тебе следует звать на помощь полицию. Пусть

меня задержат и вернут тебе. Хотя, я уверен, это дело ты проиграешь, потому что предмет, который ты якобы потеряла, не принадлежит никому. Иди спать, девочка. Не огорчай понапрасну меня и твою замечательную маму.

— Ты еще разочаруешься в ней! — чуть не плача, бросила ему Аманда. — Горько разочаруешься!

* * *

Утром она отвела в укромный уголок навестившего их Гаспара и едва ли не шепотом стала расспрашивать того о своем отце.

— Что это ты вдруг так заинтересовалась, внучка? — выразил недоумение Гаспар. — Я еще не повидался с Летисией, с Витором и вообще заглянул к вам на минутку.

— Витор уехал на службу, донна Летисия, вполне возможно, еще спит, а для меня этот разговор очень важен.

— Так что же ты хочешь услышать от меня об отце?

— Ну, каким он был. Я ведь его почти не помню.

— Жорди был человеком веселым, — начал свой рассказ Гаспар. — Не буду врать, что я любил его... У нас часто бывали разногласия. Но чего у него было не отнять, так это его всегдашнего заразительного веселья.

— А как он умер?

— Споткнулся о ковер и упал с лестницы... Постой, а почему ты об этом спрашиваешь? Это ведь всем известно.

— Ну конечно, официальная версия известна всем.

— Аманда, мне не нравится твой тон и твое настроение. Ну-ка выкладывай, что тут у вас произошло.

— Ничего особенного, дед. Прости, но мне пора идти в школу.

Тот же вопрос Гаспар задал и Летисии, на что получил обескураживающий ответ.

— Витор прямо обвинил меня в убийстве Жорди, — сказала она. — Что мне с ним делать, папа? До сих пор я не отваживалась посмотреть правде в глаза, а теперь вижу, что прозевала тот момент, когда надо было спасти Витора. Он вырос изломанным и жестоким. А все потому, что всегда подозревал меня, сомневался во мне...

— Дочка, успокойся, — обнял ее Гаспар. — Я сейчас же поеду к Витору и попробую с ним поговорить.

В офисе, однако, Витора не оказалось, он был где-то на верфи или на

заводе. Гаспар решил его подождать, а Плинию велел ехать к Эстеле и выполнять все ее распоряжения.

— Возможно, она захочет куда-нибудь поехать, — пояснил он. — Так ты отвези ее. Понимаешь, она не должна скучать там одна.

Сотрудники фирмы, соскучившиеся по Гаспару, тотчас же обступили его, и он сам не заметил, как занялся решением финансовых и организационных проблем. С Витором ему так и не удалось повидаться, но он не мог нарушить обещание, данное дочери, а потому попросил Бонфиня выручить его.

— Видишь ли, я обязательно должен сегодня пойти на ужин к Летисии. Мне надо наставить на путь истинный Витора. А ты, будь добр, поужинай где-нибудь с Эстелой, развлеки ее в мое отсутствие.

Бонфинь не стал отказывать другу в такой, в общем-то, пустяковой просьбе и, позвонив домой, сказал, чтобы его не ждали, так как он будет ужинать в другом месте.

Бедный Бонфинь! Он и предположить не мог, какую бурю гнева вызовут его слова в оскорбленной Изабел и к каким последствиям приведут.

Эстела встретила Бонфиня без особой радости.

— Я понимаю, что ты ни в чем не виноват, — сказала она, — но такая опека со стороны Гаспара абсолютно излишня. Знаешь, в чем его беда, Бонфинь? Он не слышит, о чем ему говорят другие. Ведь я не для того оставила работу и полностью изменила свою жизнь, чтобы разъезжать по городу с его шофером или ходить по ресторанам с его другом. Я могу спокойно посидеть дома одна, подождать, пока он вернется. Все это я не раз говорила Гаспару...

Бонфинь выпил предложенный ему кофе, посидел еще некоторое время, соблюдая правила приличия, да и поехал домой. А там выяснилось, что Изабел сложила в чемодан свои платья и собралась покинуть дом.

— Я ухожу, Бонфинь, — произнесла она с пафосом. — Бросаю тебя! Можешь тешиться со своей любовницей сколько угодно. Отныне ты свободен. Прощай!

Он приложил немало усилий, чтобы успокоить жену, однако Изабел не могла остановиться теперь уже из принципа и, взяв с собой Жанаину, гордо прошествовала к выходу.

— Папа, не волнуйся, — сказала Оливия. — Она скоро вернется.

— Нет, отец, не отказывайся от развода. Это так современно! — подлил масла в огонь Пессоа.

— Оставь свои шуточки, — урезонила его Оливия. — Не видишь, что

ли, как отец расстроился.

* * *

А тем временем Гаспар вел трудную беседу с внуком.

— Что ты о себе возомнил? — горячился он. — Как можно швыряться столь серьезными обвинениями!

— Кто-то же должен был однажды сказать правду о смерти отца! — парировал Витор.

— И на чем же основано твое чудовищное обвинение?

— На том, что видели мои глаза, и на том, что зафиксировала моя память. Я там был. Я — единственный свидетель убийства!

— Заткнись, негодяй! — вышел из себя Гаспар. — Ты хоть удосужился прочитать акт вскрытия?

— Нет, поскольку его очень легко подделать.

— Так, значит, ты обвиняешь меня в пособничестве убийце и в фальсификации? Я запрещаю тебе так говорить со мной и с матерью!

— Разумеется, я могу замолчать, но как ты сможешь запретить мне думать об этом?

— Ты неисправимый негодяй! — воскликнул возмущенный Гаспар.

— Успокойся, дед, — похлопал его по плечу Витор. — Я не отправлю твою дочку в тюрьму и скандала не учиню, потому что отца мне это не вернет. Но никто не сможет убедить меня в том, что тогда был несчастный случай, а не убийство. С этой уверенностью я буду жить всегда, до самой смерти. И даже тебе, при всей твоей власти и деньгах, не удастся вытравить из моей груди ту боль, которая поселилась там со смертью отца!

* * *

На следующий день разразился еще один скандал, показавший, насколько опасно иметь дело с Витором. И затронул этот скандал не только семейство Веласкесов, но и рыбацкую артель Соареса, продавшую, на свою беду, весь последний улов коварному Витору.

Так получилось, что Рамиру не захотел везти рыбу и лангусты в Форталезу — не мог еще раз предстать перед Летисией, после того как накануне она прогнала его прочь. Вместо Рамиру в город поехал Самюэль, и он же наблюдал за выгрузкой улова в холодильник. Витор тоже

присутствовал при выгрузке, а когда все было закончено, сказал Самюэлю, что никакого акта приемки не требуется.

— Но ведь надо же записать вес, чтобы ваша бухгалтерия потом могла начислить деньги, — напомнил ему Самюэль.

— Об этом не беспокойтесь. Достаточно того, что количество поставленной вами рыбы известно мне. обойдемся без формальностей. Я сейчас выпишу вам чек и позвоню в банк, чтобы уже завтра вам его оплатили.

Счастливым Самюэль вернулся в поселок, размахивая чеком, и ошалевшие от радости рыбаки тотчас же бросились в лавку — покупать всяческие товары в долг.

Утром, однако, выяснилось, что они слишком поторопились с покупками, поскольку денег им в банке не выдали.

— К сожалению, только что позвонил сеньор Веласкес, — пояснил Самюэлю банкир, — и сказал, чтобы я аннулировал чек № 00437. Причины я не знаю. Видимо, этот чек не имеет юридической силы. Со всеми вопросами вам следует обращаться к Витору Веласкесу.

Самюэль так и сделал, но ответ Витора буквально подкосил его.

— Это невозможно! — воскликнул потрясенный Самюэль. — Вчера еще рыба была свежей, когда же она успела протухнуть? Да вы ведь сами там были, когда ее выгружали!

— Был! — согласился Витор. — Но я же не заглядывал внутрь контейнеров. А сегодня, когда вашу рыбу хотели взять в работу, оказалось, что она, увы, с душком. Вы можете пойти туда и сами убедиться.

На сей раз Самюэль вернулся домой мрачнее тучи.

— Я ничего не понимаю, — повторял он в отчаянии. — Может, мы положили мало льда в трюмы и она, действительно, подпортилась?

— По-моему, ты сходишь с ума, — сказал Рамиру. — Можно подумать, мы впервые поймали рыбу и еще не научились ее сохранять свежей! Тут что-то другое.

— Неужели это... месть Летисии? — высказала предположение Серена.

— Нет, — уверенно заявил Рамиру. — Летисия на такое не способна.

— Но что же нам делать? Кассиану уже привез доски для баркаса, и вот тот человек ждет, когда с ним рассчитаются. Он думает, что Самюэль привез деньги и мы их сейчас тут делим. Что будет, когда рыбаки правду узнают?

— Я сейчас же поеду к Веласкесам и во всем разберусь! — принял решение Рамиру.

Теперь он уже не боялся вновь встретиться с Летисией. Наоборот, только с ее помощью и надеялся устранить это недоразумение.

Летисия, до той поры ничего не зная об аннулированном чеке, сразу же вызвала к себе Витора, а тот показал ей заключение лаборатории, подтверждающее непригодность рыбы.

— Я сам отправлял грузовик из поселка, — сказал Рамиру, — и знаю, что рыба была в отличном состоянии. Такой вы ее у нас и приняли. А потом, может, загрузили в сломанный холодильник. Но это уже ваши проблемы, а я не уйду отсюда без денег!

— Мы не можем платить вам за тухлую рыбу, — спокойно ответил ему Витор. — И даже если вы пойдете в суд — закон будет на нашей стороне, потому что у вас нет никаких доказательств.

— Ну да, я и Самюэль попались как мальчишки, — с горечью признал Рамиру. — Поверили в твою порядочность, не заключили официального договора, не потребовали акта приемки...

— Рамиру, это моя вина, — сказала Летисия. — Я поручила рыбозавод Витору. Сейчас мы с ним во всем разберемся, а ты, пожалуйста, подожди до завтра. Полагаю, к тому времени мы найдем приемлемое для вас решение.

Как только Рамиру вышел, Витор сразу же накинулся на мать:

— Ну теперь ты, надеюсь, поняла, что этому типу нельзя ни в чем доверять? Каков наглец! Вздумал наколоть нас на кругленькую сумму, всучив тухлятину!

— Замолчи! — прервала его Летисия. — Я знаю Рамиру много лет. Он не способен на подлость. А вот ты должен более ответственно подходить к делу, чтобы не повторять подобных ошибок. Тщательнее проверять поступающую продукцию — и не на следующий день, а сразу, в присутствии поставщика. Кроме того, тебе следует разобраться, что произошло в холодильном цехе. Совершенно очевидно, что холодильник был отключен, иначе я никак не могу объяснить случившееся. Возможно, там произошло короткое замыкание или еще какая поломка, но за этим должен следить дежурный электрик. Надо строго спросить с него за халатность.

— Я сам с ним поговорю, — поспешил сказать Витор, испугавшись, что мать вызовет сейчас того электрика и узнает, как вчера Витор сам велел ему отключить холодильник, в котором хранилась рыба, полученная от Самюэля.

— В любом случае это наша оплошность, и мы должны выплатить деньги рыбакам, — подвела итог Летисия.

В тот день Дави — по ее поручению — отвез новый чек в поселок и от имени фирмы принес рыбакам свои извинения.

— Это была наша ошибка, — сказал он, — и донна Летисия сочла необходимым ее исправить.

— Значит, она предлагает нам подачку? — возмутился Рамиру. — Нет, я не возьму этот чек. Мы продали ей свежую рыбу и деньги хотим получить за свою работу, а не за чью-то там ошибку.

Дави стал оправдываться, что, видимо, не совсем точно выразился, а Самюэль, Серена и Кассиану на все лады уговаривали Рамиру не упрячиться и принять чек. Наконец он сдался, сказав, что вместе с Дави поедет в город обналичивать чек.

— Я была несправедлива к Летисии, — сказала Серена. — По-моему, она в этой ситуации повела себя очень достойно.

Глава 32

Теперь, когда доски для баркаса были куплены, Кассиану вдруг понял, что не может строить его просто так, по наитию, и обратился за помощью к Самюэлю.

— Отец сказал, что вы можете сделать хороший чертеж. Я расскажу, какую лодку мне хотелось бы иметь, а уж вы...

— Кассиану, — прервал его Самюэль, — если ты хочешь сладить действительно замечательный баркас, то тебе надо обратиться к старику Кливеру. Он в таких делах — непревзойденный мастер.

— Но он же выжил из ума, — возразил Кассиану.

— Нет, ты не прав. Этот морской волк и сейчас еще может заткнуть за пояс любого из нас.

— Да, он тут недавно давал интервью Адреалине, — поддержала отца Далила, — так очень интересно и складно все рассказывал. Про морских цыган, про парусник, потерпевший крушение и выброшенный штормом на берег. Там еще были женщина с ребенком, которые погибли...

— Откуда ты все это узнала? — встревожился Самюэль.

— Как откуда? Я ж говорю: из газеты.

— У тебя есть эта газета? Неси ее сюда!

— Вот что, ребята, — сказал Самюэль, получив так заинтересовавшую его газету, — я завтра же схожу к старику Кливеру, а сейчас не мешайте мне читать.

Вечером он удивил домашних, заявив, что спать ложиться не будет — хочет посидеть один и набросать кое-какие эскизы для Кассиану. Далиле было очень любопытно взглянуть на эти эскизы, и она, подождав, пока заснет мать, отправилась в чуланчик, служивший отцу своеобразной мастерской.

— Ты уже что-нибудь изобразил? — спросила она, войдя. — Можно посмотреть?

Отец, застигнутый врасплох, прикрыл руками бумаги, лежавшие перед ним на столе, но Далила успела заметить, что это вовсе не эскизы, а какие-то пожелтевшие от времени документы.

— Что это? Свидетельство о рождении? Ой, как интересно! Ты достал его из своего заветного сундучка?

— Да, — вынужден был признаться Самюэль. — Только тебе незачем это смотреть. Понимаешь, здесь лежат чужие бумаги, не мои.

— Я сразу догадалась, что в этом сундучке кроется тайна! — воскликнула Далила. — Как только ты не захотел открывать его при мне. Но почему, папа, ты скрытничал?

— Именно потому, что это чужая, да еще и не совсем разгаданная тайна. Когда-нибудь я, даст Бог, ее разгадаю, и ты все узнаешь. А пока — иди спать, дочка. И пожалуйста, не рассказывай никому о том, что услышала от меня.

Над бумагами, хранящимися в сундучке, Самюэль просидел почти всю ночь, а утром отправился к старику Кливеру и, уединившись с ним в комнате, затеял нелюбезный разговор.

— Ты должен быть со мной откровенным, Бом Кливер, — сказал он решительно. — Вчера я собрал все листки бортового журнала, перечитал их раз сто и понял наконец, что ты от меня скрываешь.

— И что же ты понял? — невозмутимым тоном спросил Бом Кливер.

— А то, что на паруснике была женщина с ребенком! Да ты и сам проболтался об этом девочке, которая представилась корреспондентом.

— Ты ведь был там, Самюэль, — напомнил Бом Кливер. — Разве ты видел тогда женщину и ребенка?

— Нет. Но что тебе сказал тот раненый мужчина, прежде чем броситься за борт? Он говорил о сокровищах? А ты решил воспользоваться ими один?

— Побойся Бога, Самюэль! Я похож на богача?

— Нет, не похож, но только потому, что за все эти годы ты так и не нашел сокровища.

— Да с чего ты взял, что раненый сказал мне о сокровищах? — рассердился Бом Кливер.

— Перестань, наконец, притворяться, — с укоризной произнес Самюэль. — О сокровищах есть запись в журнале. Вот почему ты прятал его много лет. И пограничникам не показал, которые пытались спасти судно. Теперь я понимаю, почему ты хотел скрыть это крушение. Даже с кулаками на меня бросился, когда я сообщил о паруснике пограничникам. Говорил: «Они нас же и обвинят, потому что мы — бедняки». Эх ты! Ведь я любил тебя, уважал, считал своим другом!.. Когда умерла моя мать, ты опекал меня, как сына... Что же с тобой случилось, Бом Кливер? Неужели весть о сокровищах лишила тебя и разума и сердца?

— Хватит, Самюэль, — взмолился старик.

— Нет, я должен сказать тебе кое-что еще. Помнишь, в том сундучке был корабельный компас? Так вот, я прочел на нем надпись: «Салероса». Это тебе ни о чем не говорит? Когда я был маленьким, ты рассказывал мне,

что наши предки, морские цыгане, плавали на корабле, который назывался «Салероса»! Это, конечно, могло быть случайным совпадением, если бы я не склеил порванные страницы журнала и не нашел там знак креста и якоря. А не ты ли сам говорил, что у нашего народа был именно этот знак? Вот и выходит, что тот раненый с парусника — один из наших! И женщина с ребенком — тоже! Они погибли из-за тебя, Бом Кливер. А сокровища так никому и не достались!

— Человек за бортом!.. — выпучив глаза, вдруг завопил Бом Кливер. — Они вернутся и заберут меня на дно морское!.. Боже, пощади их души!.. Спаси душу старого пирата!..

С этими воплями старик выбежал из дому и, спотыкаясь, помчался к морю.

— Тебе в самом деле плохо? — на ходу приговаривал Самюэль, пытаясь догнать его. — Или ты просто решил от меня таким способом отделаться?

Бом Кливер наконец выбился из сил и, плюхнувшись на песок, попросил Самюэля оставить его в покое.

— Ладно, на сегодня хватит, — согласился тот. — Но я еще приду и буду ходить к тебе до тех пор, пока ты во всем не сознаешься!

* * *

Прямо от старика Самюэль поехал в Форталезу, в морское пароходство, чтобы навести справки о затонувшем паруснике.

— Я разыскиваю женщину и ребенка, которые были там в момент аварии, — пояснил он. — Нет ли у вас каких-нибудь сведений о них?

Ему ответили, что с похожим запросом неоднократно обращалась женщина, искавшая своего ребенка. Но уже много лет она не давала о себе знать, и адрес ее затерялся.

— А имя? Как звали ту женщину? — спросил Самюэль, но никто из сотрудников пароходства не смог вспомнить ее имени.

«Значит, женщине с парусника удалось выжить, — сделал вывод Самюэль. — Теперь во что бы то ни стало надо найти ее!» Поиски он решил начать с того места, где произошла авария: расспросить подробно тамошних жителей, может, они вспомнят что-то важное. Но вместо этого ему пришлось срочно отправиться на поиски самого Кливера, который, как оказалось, бежал из дома.

— Самюэль, только ты знаешь, куда он мог податься. Найди его, —

умоляла, плачущая Мануэла. — Вся надежда на тебя.

— К сожалению, я тоже этого не знаю, — сказал он, — но ты не плачь: старика мы обязательно найдем.

Вместе с матерью к Самюэлю прибежала и Питанга, которая сообщила дополнительные подробности о бегстве деда:

— В последние дни он был какой-то странный. Разговаривал сам с собой, отдавал какие-то команды. То ли бредил, то ли помутился в рассудке. Не дай Бог, если он ушел в море!..

— Кассиану, придется нам отложить на время строительство баркаса, — распорядился Самюэль. — Вы с Питангой бегите на старый причал. Знаешь, где это? Как бы старик и вправду не вздумал отплыть... А я тем временем съезжу в одно местечко. Мануэла, садись в машину, довезу тебя до дома.

— Я поеду с тобой искать отца!

— Не стоит, тебе ведь надо работать в баре. Садись, нам по дороге.

— Ты совсем уж потеряла совесть! — бросила Мануэле Эстер, но та, похоже, даже не услышала ее.

Оставшись одна, Эстер какое-то время нервно ходила по комнате, а потом не выдержала и пошла изливать душу своей подруге Серене.

— Знаешь, Далила по секрету сказала мне, что Самюэль хранит в сундучке разные бумаги, документы и даже свидетельство о рождении. А нам не показывает.

— Не понимаю, почему ты так разволновалась, — сдержанно отреагировала Серена. — Помнится, ты как-то говорила, что не знаешь и знать не желаешь, какие сокровища прячет твой муж в сундуке.

— Но я и предположить не могла, что там — документы. Думала, какие-нибудь железки. А теперь мне все стало ясно! Эта шлюха Мануэла не зря все время к нему бегаёт, и со старым Кливером у него всегда были какие-то секреты... Серена, мне даже страшно это вымолвить, но я подозреваю, что Питанга — дочь Самюэля!

* * *

Старика Кливера нашли Кассиану и Питанга. Он действительно собирался уйти в море и уже поднял якорь. Но Кассиану вплавь догнал его баркасик и взобрался на борт. После короткой борьбы старик сдался. Кассиану буквально выволок его на берег, а затем и отвез домой. Счастливая, благодарная Мануэла тотчас же усадила Кассиану за стол,

выставив всевозможные угощения.

— Вы не волнуйтесь, донна Мануэла, — сказал он, с удовольствием поглощая салат. — Бом Кливер скоро поправится. Он человек крепкий. А я, когда построю лодку, буду брать его с собой в море, чтобы он не тосковал.

Мануэла снисходительно улыбнулась, и Кассиану, заметив это, сообщил, что уже купил лес для лодки и даже начал ее строить.

— А я могу иногда тебе помогать? — спросила Питанга и тотчас же залилась краской. — Мне нравится, что ты сам будешь строить лодку, своими руками.

— Конечно! — ответил Кассиану, не обратив внимания на ее смущение. — Я не отказываюсь от помощников.

Когда же он ушел, Мануэла сочла необходимым предупредить дочь о возможных последствиях:

— Не ввязывалась бы ты, дочка, в эту историю с лодкой: у Кассиану есть невеста, и тебя могут неправильно понять.

— Мама, ты совсем не знаешь Далилу, если думаешь, что она рассердится из-за такого пустяка.

— Зато я слишком хорошо знаю ее мать. Эстер не любит нас.

— Но почему, мама? За что ей нас не любить? Ведь ее муж — дон Самюэль, наоборот, всегда внимателен к нам и добр. Я не знаю другого более симпатичного человека, чем дон Самюэль. Ты со мной согласна, мама?

— Да, это так, — ответила Мануэла и поспешила перевести разговор на другую тему.

Самюэль оказался легок на помине: приехал узнать, не нашелся ли Бом Кливер.

— Сейчас я попробую вразумить его, — сказал он, направляясь в комнату к старику

Бом Кливер лежал, отрешенно глядя в потолок. На увещевания Самюэля ответил с досадой:

— Зря ты устроил эту погоню. Я хотел исчезнуть. Просто исчезнуть.

— Что, замучили угрызения совести? — не унимался Самюэль.

— Да, я — плохой человек! — истерично выкрикнул Бом Кливер. — Хотел присвоить деньги, хотел обеспечить Мануэлу. Когда раненый сказал мне о кладе, я решил, что при таком шторме женщина с ребенком наверняка погибли, так зачем же говорить о них кому-то. Я очень плохой, Самюэль! Заботился только о собственной дочери и не думал о других.

— Кажется, я могу снять камень с твоей души, — сказал Самюэль. — Похоже, та женщина выжила. А вот ребенок... Она искала его. Так мне

сказали в пароходстве.

— Слава Богу! Ты нашел ее?

— Нет. Но сделаю все возможное, чтобы найти.

— Самюэль, сынок!.. — обнял его Бом Кливер. — Спасибо тебе!.. Спасибо Господу! Он простил меня... Понял, как я настрадался, и простил...

* * *

Эстер встретила Самюэля упреками, и он догадался, что Далила не сдержала слова — проговорила матери.

— Прости, папа, я не думала, что все так обернется, — повинилась она сама.

— Ладно, — махнул рукой Самюэль, — главное, чтобы ты не допускала таких ошибок впредь. А то видишь, как мама сердится?

Эстер, действительно, пребывала в мрачном настроении, но тут как снег на голову свалился сияющий Франшику и объявил, что привез им подарки из Майами.

— С какой стати, Франшику? — изумилась Эстер.

— Не спрашивайте, а сейчас же идите к донне Серене. Там я устраиваю праздник для всех.

Самюэль и Далила очень обрадовались такой неожиданной разрядке, а Эстер, немного поколебавшись, тоже подчинилась указанию Франшику.

Придя в дом Серены, они увидели гору коробок и пакетов, которыми Франшику и собирался одарить своих друзей.

— Я всегда любил делать подарки, — пояснил он, боясь, что его могут неправильно понять, — но прежде у меня не было денег... Да и друзей таких, как вы, тоже не было.

В коробках оказались диковинные сладости и кое-какие мелочи из одежды. Франшику предложил каждому выбрать то, что ему понравится. Один подарок, правда, был персональным и предназначался Асусене. Открыв огромную коробку, Франшику извлек оттуда медвежонка — мягкого, симпатичного, с доброй улыбочивой мордашкой.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Асусена, прижавшись к медвежонку щекой.

— Я рад, что он тебе понравился, — сиял от счастья Франшику. — Когда я увидел его в магазине, то сразу же почему-то вспомнил тебя. По моему, вы очень подходите друг другу!

Самый же главный подарок — радиотелефон — он оставил напоследок и дождался наконец восторженных возгласов от мужчин, которые до той поры лишь сдержанно улыбались, глядя на радующихся женщин и Франшику.

— Не может быть! Это же стоит огромных денег! Ты с ума сошел, Франшику! — сказал Самюэль.

— Не обижайся, но за это мы тебе заплатим, — тотчас же принял решение Рамиру. — Слава Богу, у нас сейчас есть такая возможность.

Франшику наотрез отказался принять деньги, а Кассиану предложил немедленно опробовать радиотелефон.

— Да вы, кажется, ничего не поняли? — бросил он недоуменно помалкивающим женщинам. — Целуйте сейчас же Франшику, потому что он сделал для вас то, о чем вы и не мечтали! Теперь, когда мы уйдем в море, вы сможете разговаривать с нами каждый день!

Пока мужчины возились с телефоном, Серена мобилизовала Эстер и девушек для приготовления праздничного обеда. А потом, отобедав, они устроили танцы, и Серена с Рамиру не могли нарадоваться на дочь, которая тоже танцевала вместе со всеми.

— Этот Франшику — просто волшебник, — шепнула Серена мужу. — Похоже, он окончательно вылечил нашу Асусену.

Глава 33

Аманде всякий раз становилось плохо, когда она вспоминала целующихся Летисию и Франсуа. «Нет, я не уступлю тебе, мамочка! Ты еще меня узнаешь!» — злорадно приговаривала она, соображая, что бы могло навсегда отвлечь ее возлюбленного от матери.

Выбор средств, однако, у Аманды был небольшой, и она остановилась, возможно, на самом худшем, самом подлом: сказала Франсуа, что ее мать — убийца.

— Да, она убила отца и однажды убьет тебя! Я бы ни за что не решилась выдать семейную тайну, если бы не боялась за твою жизнь.

Франсуа понял, что девочка зашла слишком далеко, и счел своим долгом поговорить об этом с Летисией. Той же ничего не оставалось, как рассказать ему о подозрениях Витора и признаться в собственной беспомощности:

— Где-то я допустила серьезную ошибку в воспитании моих детей. Ума не приложу, как теперь наладить с ними отношения.

* * *

Франсуа вызвался помочь ей по-своему, по мужски. «Летисия все еще говорит с ними как с детьми, оберегая их психику, — рассуждал он, — а эти детишки пакостят уже вполне по-взрослому. Стало быть, и осадить их можно только соответствующим образом».

— Как ты думаешь, какой вид убийства выберет Летисия на сей раз? — огорошил он вопросом Витора. — Лестница уже была, и вряд ли твоя мать станет повторяться. Может, это будет яд? Или газ? Или пуля? А может, подкрадется во сне и придушит меня подушкой?

Не ожидавший такого напора, Витор оторопело молчал, а Франсуа продолжил уже серьезно:

— Не кажется ли тебе, что ты вырос из роли ревнивого сыночка? Подумай хорошенько о том, что я тебе сказал, и перестань мучить мать, а также науськивать на нее сестру. Запомни: никакие ваши ухищрения не заставят меня отказаться от Летисии. Если она согласится выйти за меня замуж, то ни ты, ни Аманда не сможете нам помешать!

— Ты ошибаешься, — ответил ему, наконец, Витор. — И плохо знаешь

донну Летисию!

Он не стал пояснять, какой смысл вкладывал в последнюю фразу. Вместо него это сделала Аманда, бросив матери в присутствии Франсуа:

— Ведь ты же не любишь его! И знаешь это лучше меня. Ты вообще никого никогда не любила: ни мужа, ни детей, ни саму себя!

* * *

Сгоряча покинув дом, Изабел поняла, что в гостиницу ей идти нельзя.

— Ты только представь, — сказала она Жанаине, тащившей чемоданы, — что будет, если такая популярная особа, как я, появится в отеле! Сразу же соберется толпа, сбегутся репортеры, и завтра вся Форталеза будет знать, что я ушла из дома. Нет, такого унижения мне не пережить!

Однако и возвращаться обратно было неловко, а потому Изабел додумалась поселиться у своего надежного друга — журналиста Фреда Ассунсона.

Того конечно же мало обрадовало явление Изабел, да еще с прислугой и чемоданами. Он стал уговаривать ее вернуться к мужу, предлагая себя в качестве парламентаря, но Изабел была неумолима. Тогда несчастный Фред попытался возвать к ее разуму, сославшись на невозможность разместиться такому количеству народа в двух малюсеньких комнатушках.

— Заметь также, что у меня еще живет Адреалина — та бездомная девчонка, которая строит из себя журналистку, — напомнил он.

Против его аргументов Изабел возразить было нечего, и она скрепя сердце согласилась поселиться у Фреда без Жанаины.

— А где будет спать Адреалина? — резонно заметил он.

Изабел секунды две подумала и выдала готовое решение:

— Жанаина, отвезешь ее к нам домой... То есть в дом моего бывшего мужа. Это будет справедливо, раз уж я заняла ее место.

— А ты не хотела бы услышать мнение Адреалины? — цепляясь за соломинку, молвил Фред.

— Ее однажды приводил к нам Пессоа, и ей у нас понравилось, — уверенно заявила Изабел. — Я верно говорю, Адреалина?

— Да, — ответила та, и Фред понял, что он обречен.

* * *

Брошенный Бонфинь уже обзвонил добрый десяток отелей, когда пришедшие Жанаина и Адреалина сообщили ему, где остановилась Изабел. Бонфинь тотчас же позвонил ей, но она отказалась с ним разговаривать. Тогда бедняга поехал туда сам, надеясь все-таки сломить сопротивление строптивой супруги. Увы, и это оказалось напрасным. В отчаянии Бонфинь бросился к Гаспару:

— Когда ты наконец представишь Эстелу своей семье и перестанешь делать вид, будто находишься в Рио, а не здесь, на своей новой квартире? Пойми, у меня из-за твоей дурацкой тайны уже разрушилась семья! Изабел гонит меня прочь, и правильно делает, так как я бормочу ей что-то невразумительное и не могу прямо сказать, для кого снял эту злосчастную квартиру.

— Да я бы рад хоть сейчас, но Эстела все никак не решится предстать перед моими внуками. Почему-то она их боится.

— Ладно, я готова пойти к ним, — вымолвила Эстела. — Не можем же мы допустить, чтобы из-за нас распалась семья нашего друга.

— Значит, сегодня я скажу Летисии, чтобы ждала нас на ужин, — пообещал Гаспар.

— А я побегу к Изабел! — крикнул Бонфинь уже с порога.

На сей раз примирение с женой ему удалось. Фред облегченно вздохнул, избавившись от взбалмошной гостьи, зато Адреалина огорчилась: ей уже понравилось жить в доме Бонфиня.

— Мам, пусть она останется у нас, — попросил Пессоа.

— Да пусть живет, — отмахнулась от него Изабел. — Не отвлекай меня на мелочи. Я должна всерьез заняться домом, который вы без меня тут окончательно запустили.

* * *

Эстела, конечно, побаивалась грядущих смотрин, но надо признать, что эта боязнь во многом передалась ей от Гаспара. В прошлый раз, когда он, только приехав с острова, поделился своим счастьем с домашними, внуки встретили его сообщение таким холодным молчанием, от которого не приходилось ждать ничего хорошего. Поэтому Гаспар сразу сник и не стал сообщать подробностей — на ком женится и когда. О новой квартире, купленной в Форталезе, тоже умолчал, а чтобы как-то объяснить свое отсутствие дома, сказал, что некоторое время поживет в Рио, где у него есть дела.

Витор и Аманда понимающе переглянулись — дескать, знаем мы эти дела в юбке, но своих замечаний не высказали, великодушно позволив деду порезвиться на старости лет. «Кажется, у них сложилось мнение, что я пошутил насчет женитьбы, — пришел к заключению Гаспар. — Ну что ж, не буду их разубеждать до поры до времени». И он поселился в новой квартире тайком от них и даже от Летисии.

Но теперь пришла пора открыться, а к разговору с внуками Гаспар по-прежнему не был готов.

— Я боюсь, — честно признался он дочери, — что Аманда и Витор не примут Эстелу. Судя по тому, как они ревностно воспринимают твои попытки наладить личную жизнь...

— Папа, ты не должен их бояться! И я тоже не должна. Мы и так слишком с ними цацкались, а в результате получили монстриков, которых теперь вынуждены опасаться. Это ненормально, чтобы дети могли так запутать взрослых. Так что приводи сегодня Эстелу, а я приглашу на ужин Франсуа. И пусть эти малолетние эгоисты лопнут от злости! Мы должны показать им, что они не вправе ломать ни твою, ни мою жизнь.

— Все так, — согласился Гаспар, — но они могут устроить скандал, а мне бы этого очень не хотелось. Что подумает Эстела о нашей семье?

— Ты подготовь ее на всякий случай. Это неприятно, да что же делать, если мы с тобой воспитали таких детишек. Пусть Эстела знает, что мы теперь осознаем свои ошибки и вовсе не приветствуем такое поведение Витора и Аманды.

— Хуже всего, — сказал в раздумье Гаспар, — что они презирают людей, имеющих меньший достаток, чем Веласкесы. А это может глубоко обидеть Эстелу, и кто знает, не передумает ли она вообще выходить за меня замуж.

— Но ведь ты не обязан выбирать себе жену по банковскому счету!

— Да. И тем не менее мне надо поговорить с Витором. Так сказать, подготовить почву... Представляю, сколько яду из него прольется, когда он узнает, что Эстела — певица. Пусть уж отведет душу на мне, чем потом выскажет все это Эстеле. Может, нам сегодня стоит провести нечто вроде генеральной репетиции? — все-таки отступил Гаспар. — Поужинаем вчетвером, без Эстелы, за столом я им все скажу... А к завтрашнему вечеру они, глядишь, и привыкнут к мысли о неизбежности моей женитьбы.

— Как хочешь, папа, — не стала настаивать Летисия.

За ужином она была грустной, и Гаспар вслух заметил, что она почти ничего не ест. Этим замечанием тотчас же воспользовался Витор, выдав деду свою версию происходящего:

— Вероятно, донна Летисия обзревает собственное будущее, несчастное во всех отношениях.

— То есть? — не понял Гаспар.

— Охотно поясню, — расплылся в усмешке Витор. — Тебе приходилось слышать о брачных аферистах? Есть такая профессия. Так вот, некоторые женщины предпочитают закрывать глаза на очевидное и запросто заглатывают приманку. Я говорю о сеньоре Франсуа. Да ты, наверное, не знаешь, что у твоей дочери появился новый ухажер?

— Витор! — умоляюще произнесла Летисия, но он, даже не взглянув в ее сторону, продолжил:

— Этого афериста зовут Франсуа. Донна Летисия завела с ним интрижку, а сам он на всякий случай поманил не только мать, но и дочку, — Витор указал рукой на Аманду.

— Он никого не манил! — выкрикнула та.

— Причем этому типу все равно, кто из них раньше клюнет. В любом случае он получит денежки Веласкесов!

— Витор, это уже слишком! — пылая от возмущения, сказала Летисия. — Франсуа из богатой семьи, сын дипломата, известный архитектор. Он бросил все в Сан-Паулу, перебрался сюда, чтобы спокойно заняться живописью.

— Ах, как романтично! — воскликнул Витор. — Прямо как Гоген, уехавший на Таити! Значит, он собирается разбогатеть на живописи? Или каким-нибудь иным способом? Бежал от чего-то или от кого-то... Спрятался в дюнах... Может, он преступник, вор?

У тебя навязчивая идея, — бросила в сердцах Аманда. — Тебе везде мерещатся преступники.

— Что же делать, если вы все такие наивные? — развел руками Витор. — Придется мне одному защищать капитал и честь семьи Веласкесов.

Разумеется, после такого выпада внука Гаспар не решился объявить о своей женитьбе, отчего чувствовал себя прескверно.

— Я поступил как последний трус, — вынужден был признаться он Эстеле, а также рассказал подробно о поведении Витора. — Скажи, ты меня не бросишь? Не испугаешься?

— А ты? — задала ему тот же вопрос Эстела. — Не испугаешься своих внуков? Не откажешься от меня, если я им вдруг не понравлюсь?

— Как тебе могло прийти такое в голову! — обиделся Гаспар.

— Ну, тогда можешь на меня рассчитывать. Я не для того решила связать свою судьбу с тобой, чтобы сбежать при первом же косом взгляде

со стороны твоих родственников. Конечно, мне не доставит это удовольствия, но я выдержу все, если только буду уверена в тебе и твоей любви.

— Я никогда не дам тебе повода усомниться в моих чувствах! — горячо заверил ее Гаспар.

Витор не мог себе простить, что Франсуа фактически одержал над ним моральную победу в их недавнем столкновении. «А что я мог ему противопоставить? — искал он аргументы в свое оправдание. — У меня нет против него никаких компрометирующих материалов. Но я их разыщу! Даже если он окажется чист как стеклышко, я сам сочиню такое, что заставит донну Летисию навсегда отвернуться от ее нового избранника!» При этой мысли настроение Витора значительно улучшилось, но затем он вспомнил, как мать не поверила в то, что Соарес подсунул ей испорченную рыбу. Это было еще одно поражение Витора, вспоминая которое он неизменно испытывал досаду и раздражение. При этом его не огорчал финансовый ущерб, нанесенный фирме понапрасну, — просто Витор очень не любил, когда его хитроумные планы проваливались. Он мог бы, конечно, себе в утешение думать о том, что Летисия больше не встречается с Соаресом. Да, мог бы, если бы не подозревал, что истинная причина этого разрыва кроется в красавце архитекторе, которого мать предпочла рыбаку.

Разумеется, Витор не считал Франсуа брачным аферистом и даже наоборот — был уверен, что тот искренне влюблен в Летисию. Именно в этом, по мнению Витора, и заключалась главная опасность: он не мог допустить, чтобы посторонний вошел в их семью, будь он хоть самый богатый человек на свете. Другими словами, Витору не надо было чужого капитала, но он и не желал ни с кем делить свой, фамильный, мечтая стать его единоличным владельцем уже в ближайшем будущем.

После того неприятного разговора с Франсуа он велел Дави отправиться в Сан-Паулу и собрать там необходимые сведения о новом возлюбленном матери. Теперь оставалось лишь немного подождать. «А уж там я с ним разделаюсь!» — злорадно потирал руки Витор.

Днем к нему в офис пришла Аманда и попросила дать ей на время машину. Витор сразу же догадался, куда собралась сестра, но на всякий случай уточнил:

- Шофер тебе, конечно, не нужен?
- Да. Мне нужен только ключ от твоей машины.
- Что ж, сестричка, благословляю. Дерзай!
- И ты не боишься, что мне удастся соблазнить этого «брачного афериста»?

— Нет, не боюсь!

Он, действительно, понимал всю безнадежность устремлений Аманды, но поощрял их, чтобы вбить клин между матерью и дочерью и — самое главное — заставить Летисию усомниться в порядочности Франсуа. Но глупая Аманда этого не знала и думала, что брат искренне желает ей заполучить Франсуа в мужа.

Машина ей понадобилась затем, чтобы проехаться по дюнам, где в это время Франсуа, по обыкновению, писал этюды. Отыскав его в том самом уголке, который он называл райским, Аманда, как уже делала не раз, предложила себя в качестве натурщицы. Франсуа, как всегда, от ее услуг отказался, но она решила, наконец, сразить его своей красотой и сбросила с себя одежду.

Художника это впечатлило, только реакция его была обратной той, на которую рассчитывала Аманда.

— Даю тебе две минуты, — строго сказал Франсуа, — на то, чтобы одеться и уехать отсюда. Если вздумаешь сопротивляться, то я разобью этот этюдник о твою голую попку.

В подтверждение своей угрозы он быстро сложил треножник, который теперь представлял собой увесистую палку. Аманда поняла, что он не намерен шутить.

— Ты просто грубиян и хам! — сказала она, медленно натягивая трусики.

В ответ Франсуа угрожающе взмахнул треножником.

— Ну все, уезжаю, уезжаю!..

Глава 34

Доклад Франшику о поездке в Майами и присмотренных там аттракционах для аквапарка Гаспар слушал рассеянно и без всяких возражений согласился с суммой предполагаемых расходов.

— Но это ведь очень большие деньги, — счел своим долгом напомнить Франшику. — Может, вы меня не поняли? Только на покупку земельного участка потребуется миллион долларов. Правда, водные аттракционы окупятся уже через год...

— Франшику, я хотел тебя спросить, — прервал его Гаспар. — Ты давно знаешь Франсуа?

— Он что-то натворил, пока меня тут не было? — в привычной для себя шутливой манере спросил тот.

— Нет, пока ничего не натворил. Но... Как ты думаешь, он способен увлечь женщину ради ее денег?

— Да как вы могли подумать!.. — горой встал за друга Франшику. — Может, вас смущает, что он забросил карьеру и занялся живописью? Так у него есть приличный счет в банке. Франсуа может себе позволить спокойную жизнь, наполненную творчеством. Вы ведь и сами поступили точно так же, когда ушли от дел.

Гаспар предпочел замять эту тему, перейдя к ценам на земельные участки, но теперь Франшику впал в рассеянность и отвечал на его расспросы без прежнего запала.

Дома он после некоторых сомнений все же пересказал Франсуа их разговор с шефом и сделал свое заключение:

— Думаю, он интересуется тобой из-за Летисии. В богатую семью не всякого примут.

— Сеньор Веласкес зря беспокоится, — грустно произнес Франсуа, — потому что его дочь не слишком-то меня жалует.

* * *

Гаспар, отважившийся наконец сообщить внуку о своей женитьбе, напрасно опасался скандала, ибо в планы Витора пока что не входило портить отношения с дедом. Объяснялась такая тактика предельно просто: накануне из Сан-Паулу позвонил Дави, сообщивший, что ему удалось там

кое-что раскопать, и в предстоящем разоблачении Франсуа Витор надеялся использовать деда как союзника. Поэтому и пообещал вести себя за ужином прилично. И даже присутствие Франсуа, которого пригласила Летисия, не помешало ему сдержать обещание. Эстела осталась довольна приемом, а Гаспар и вовсе был на седьмом небе. Прощаясь с дочерью, Он шепнул ей:

— Я буду еще более счастлив, когда мы вновь соберемся за праздничным столом и поднимем бокалы в твою честь.

— Тебе не придется долго ждать, — ответила ему Летисия, — потому что сегодня, пока вы с Эстелой танцевали, я дала согласие Франсуа выйти за него замуж.

— Что ж, я буду только рад! — сказал Гаспар и, подозвав стоявшего чуть поодаль Франсуа, обратился к нему: — Меня никто не спрашивал, но я согласен. Вручаю тебе руку моей дочери!

Затем Летисия вышла проводить гостей, а Аманда забилась в рыданиях на груди у брата.

— Я ненавижу ее, ненавижу! — исступленно повторяла она.

— Не плачь, сестричка, — успокаивал ее Витор. — Донна Летисия выйдет замуж только через мой труп! Уясни это раз и навсегда. Через пару дней я сорву их свадьбу. А пока не мешай нашей мамочке наслаждаться ее иллюзорным счастьем.

На следующий день он получил от Дави досье на Франсуа и без промедления ознакомил с ним Гаспара.

— Вот, пришло по почте. Какой-то доброжелатель прислал к нам в офис. Взгляни, это любопытно. Речь идет о женихе донны Летисии. Как тебе нравится, например, такой заголовок: «Удачливый архитектор лишается работы в результате пьяной выходки»? Теперь понятно, что двигало этим «Гогеном». Но ты смотри дальше. Это его свадебные фотографии, а это — интервью с его женой! Выходит, я был полностью прав, подозревая в нем брачного афериста. Мы имеем дело с безработным, который вознамерился окрутить миллионершу.

— Тут что-то не стыкуется, — выразил сомнение Гаспар. — Если этот человек, как ты предполагаешь, вздумал воспользоваться капиталом Летисии, то ему проще было бы развестись с прежней женой.

— Наверное, он не боится пойти на двоеженство, чтобы доить обеих дур.

— Знаешь, Витор, — не выдержал наконец Гаспар, — мне не нравится тон, в котором ты говоришь о матери и ее избраннике. Все, что касается его планов, это лишь твои фантазии. А как там на самом деле, мы не можем

знать.

— Тебе мало того, что он оказался безработным проходимцем? — изумился Витор. — Мало того что он морочит голову твоей дочери, будучи женатым?

— Летисия имеет право сама решить, как ей жить.

— Ну уж нет! — злобно сверкнул глазами Витор. — Я не позволю ей пустить на ветер состояние Веласкесов!

Кончился этот разговор тем, что Гаспар пообещал сам расспросить Франсуа и о его прошлом, и о его намерениях по отношению к Летисии.

* * *

Взяв с собой досье, он покинул кабинет, а Витор в глубокой задумчивости продолжал сидеть за столом в той же позе. Подумать ему было о чем! С одной стороны, вроде бы все шло по плану — дед заглотил наживку и включился в действие. С другой — Витора смутило явное нежелание Гаспара вмешиваться в личную жизнь Летисии. «При таком настрое дед может и оправдать Франсуа, если тот наплетет ему всяческих баек, — обеспокоился Витор. — На этот случай надо предусмотреть следующий ход, который бы смог уничтожить двоеженца наверняка». Но дальнейшую разработку сценария ему пришлось отложить, так как Сузана доложила о приходе Оливии.

— Пусть войдет, — разрешил Витор.

Оливия посетовала, что у нее непросто складываются отношения с рабочими, привыкшими лечиться средствами народной медицины. И вот, чтобы завоевать их доверие, она съездила в рыбацкий поселок и договорилась с тамошним лекарем — небезызвестным доном Самюэлем — о том, что он поделится с ней своими рецептами, а иногда будет принимать пациентов в заводской клинике.

— Надеюсь, ты не будешь против? — закончила она свою речь вопросом.

— Нет конечно же. Ты молодец, Оливия. А что там нового в поселке? Асусена выздоровела?

— Да, она уже ходит в школу. И кажется, у нее даже появился парень — Франшику.

— Ну и прекрасно. Я очень рад, — сказал Витор, а затем, попрощавшись с Оливией, вдруг отложил все дела и поехал к школе, в которой училась Асусена.

* * *

Занятия там как раз закончились, и Асусена, выйдя из класса, ожидала замешкавшуюся Далилу.

— Садись в машину, я отвезу тебя домой, — тоном, не терпящим возражений, произнес Витор.

— Я... я жду Далилу, — ответила растерявшаяся Асусена. — Она сейчас выйдет.

— Тем более не стоит медлить. Поехали! А потом придумаешь какую-нибудь отговорку.

— Что тебе от меня нужно? — спросила Асусена уже по дороге.

— Поговорить с тобой.

— А разве ты еще не все сказал в прошлый раз?

— Нет, я не сказал самого главного. Ты избавилась от меня, и теперь у тебя все будет хорошо.

— Это и есть то самое главное?

— В общем, да. Но сейчас я поясню тебе подробности.

Он решительно направил машину в дюны и там, выключив мотор, стал рассказывать Асусене о трагедии, пережитой им в детстве и наложившей отпечаток на его личность и на его судьбу.

— Теперь ты понимаешь, что я тебе не подхожу? В моей душе — крошечный ад, который способен погубить любого, кто со мной близко соприкоснется.

— Милый мой! — сказала Асусена, глядя на него с нежностью и состраданием. — Если бы ты открылся мне раньше!..

— Я никогда никому этого не рассказывал.

— А я догадывалась, чувствовала, что в глубине души ты страдаешь, и все равно обижалась на тебя. Если бы я знала!.. Витор, любимый!..

— Нет, Асусена, ты должна забыть меня. Я тяжелый человек и не могу принести счастья ни одной женщине.

— Но я люблю тебя! Люблю! Обними меня... Пусть все будет, как прежде!..

* * *

Победа, одержанная над Асусеной, воодушевила Витора, и, приехав домой, он не удержался, чтобы не похвастаться ею перед сестрой.

— Знаешь, откуда я сейчас приехал? От Асусены! Да, представь себе. Мне сказали, что у нее появился ухажер — Франшику, с которым водится наш дед. Ну я и решил проверить, так ли это. Увы, Асусена меня огорчила...

— Прогнала тебя? — поспешила с догадкой Аманда.

— Нет, все как раз наоборот. Стоило мне только поманить ее, и она тотчас же отдалась мне вся! И о Франшику забыла. Вот так! Твой брат не имеет равных себе ни в бизнесе, ни в любви!

— Не понимаю, зачем тебе надо мучить Асусену, — с досадой произнесла Аманда.

— А затем, что любить Витора Веласкеса — это значит испытывать ад в раю! И знаешь почему? Потому что я — не обычный человек!

— Ой-ой! — передразнила его Аманда. — Ты у нас — суровый и неприступный?

— Точно. Мое сердце — камень.

— Да ладно тебе! Корчишь из себя супермена, а сам сохнешь по Асусене, я же вижу.

— Оказывается, ты меня совсем не знаешь, — несколько растерявшись, молвил Витор.

— Ты хотел сказать, что я тебя слишком хорошо знаю? — расхохоталась Аманда.

— Ничего ты не знаешь, если придумала, будто я влюблен в Асусену. Да, поначалу она мне приглянулась, но потом все прошло. Асусена для меня ничего не значит.

— Ну почему ты боишься признаться, что любишь ее? — стояла на своем Аманда.

— Признаться? — возмутился он. — Да перед кем я должен признаваться? Неужели перед тобой?

— Но ты ведь сам затеял этот разговор, — обиделась Аманда. — Так не лучше ли быть до конца честным?

— Ты права только в одном, сестренка. В том, что я действительно зря с тобой разоткровенничался.

* * *

Приехав к Франсуа, Гаспар решил обойтись без предисловия и начал с главного:

— Будь добр, взгляни на это досье, полученное нами по почте. А

потом ответишь мне на некоторые вопросы.

Франсуа, разумеется, не могло понравиться такое предложение, но он перелистал подборку газетных вырезок.

— Ну и что? — закрыв папку, спросил он у Гаспара. — На какие вопросы я, по-твоему, должен ответить? Правда ли то, что здесь написано? Да, правда. Я тогда здорово набрался после обсуждения моего проекта. Его завалили, и я понял, что мой коллега и компаньон попросту меня подставил. Подло так подставил! Со злости я напился и в таком состоянии пошел выяснять с ним отношения. А проще говоря — учинил пьяный дебош.

— И поэтому сбежал сюда?

— Только отчасти. Я давно уже собирался это сделать. Но предательство друга стало последней каплей.

Гаспар понимающе кивнул и следующий вопрос задал с явным сочувствием:

— А жена? Почему ты не взял ее с собой?

— Гаспар, я бы предпочел не говорить на эту тему, — ответил Франсуа. — Могу только сказать, что фактически я уже не женат.

— А юридически? Почему ты скрыл это от Летисии? Так ведет себя обычно тот, у кого есть какие-то задние мысли.

— Да нет у меня никаких задних мыслей! — раздраженно бросил Франсуа. — Летисии я не говорил об этом только потому, что не хотел беречь старые раны. Не понимаю, чего ты от меня добиваешься, Гаспар?

— Прости, если я тебя обидел. Мне надо было всего лишь поговорить с тобой откровенно, чтобы между нами не оставалось недомолвок и чтобы никто, — он жестом указал на злосчастную папку, — не смог помешать вашему счастью с Летисией.

— Я не знаю, кто собрал досье, — сказал Франсуа, — но признаюсь: выглядит это, мягко говоря, некрасиво. С моей стороны было бы глупо оправдываться — любые слова тут бессильны. Только время способно поставить все на свои места и прояснить, кто есть кто.

— Ты прав, — согласился Гаспар. — Для меня тоже была неожиданностью эта папка. И на разговор с тобой я решился только потому, что мне не безразлична судьба моей дочери. Прости меня. Надеюсь, мы по-прежнему сохраним дружеские отношения.

Франсуа довольно сдержанно пожал его руку.

* * *

— Можешь выкинуть на помойку свое мерзкое досье! — бросил внуку разгневанный Гаспар. — Я только что был у Франсуа. Он нормальный, порядочный человек, у которого, как и у любого из нас, есть свои проблемы. Но он по мере сил пытается с ними справиться. Его отъезд из Сан-Паулу я считаю мужественным поступком, на который не всякий способен решиться.

— А как быть с его браком? — напомнил Витор.

— Полагаю, он сам с этим разберется! — парировал Гаспар.

— Ну да, с помощью твоей наивной доченьки!

— Витор, хватит! — резко прервал его Гаспар. — Я устал от твоих глупых умозаключений и твоего болезненного воображения.

— А то, что ваш бродячий художник женат, тоже плод моего воображения? Ведь он, надеюсь, не отрицал этого?

— Да, Франсуа женат, — подтвердил Гаспар, — но...

— То есть как? Франсуа? Женат? — воскликнула вошедшая в комнату Летисия.

— Да, милочка! — тотчас же откликнулся Витор. — Ты можешь сама убедиться, если прочтешь вот это.

— Витор, не смей! — прикрикнул на него дед и выхватил из его рук папку, которую тот собирался отдать Летисии.

— Отец, объясни, что все это значит, — потребовала она.

— Дело в том... — начал Гаспар, тщательно подбирая слова. — Дело в том, что кто-то, как утверждает Витор, подбросил ему папку... И вот я поехал к Франсуа, чтобы выяснить у него...

— Ты ездил к Франсуа? — возмутилась Летисия. — Да почему ты взял на себя заботы обо мне? Я что, ребенок?

— Дочка, я обязан тебя оберегать, — стал оправдываться Гаспар, — и должен знать, в какую историю ты ввязалась.

— Да? А ты все знаешь о прошлом своей певицы?

— Эстела — не авантюристка.

— Но и Франсуа — не преступник!

— Возможно, — вмешался в их спор Витор, — однако он женат.

— А вот это не твое дело! — обернулась она к сыну. — И не твое, отец! Я сама в состоянии защитить себя, если понадобится. Какой позор! Ты ходил туда выяснять отношения...

* * *

В тот же день она поехала к Франсуа и принесла свои извинения за поведение отца.

— В этом нет нужды, Летисия, — смутился он. — Я должен был давно рассказать тебе... Я собирался...

— Ты собирался стать двоеженцем? — не сдержалась она.

— Нет конечно же. Я хотел сказать, что, к сожалению, еще не оформил развод... Все как-то не до того было... Но твой ненормальный сын подсуетился, собрал это идиотское досье...

— Не смей так говорить о моем сыне! — совсем вышла из себя Летисия.

— А как прикажешь расценивать то, что он любой ценой пытается нас разлучить? И ему уже многое удалось: мы с тобой сейчас ссоримся,

— Я пришла сюда не ссориться, — возразила Летисия. — Витор поступил не лучшим образом, согласна, однако именно он открыл мне глаза на тебя.

— Летисия, опомнись! Что ты говоришь? — в отчаянии воскликнул Франсуа. — Позволь мне объясниться!

— Ты хотел сказать: оправдаться? Не сомневаюсь, что можно найти тысячу отговорок, почему ты молчал о своем браке прежде. Но почему ты промолчал и в тот раз, когда я согласилась выйти за тебя замуж? Этого я тебе не могу простить, Франсуа! Прощай.

— Нет, Летисия, подожди. Неужели ты не понимаешь, что тебя нарочно настраивают против меня? Не хотят, чтобы ты была счастлива.

— Счастлива? С тобой? — нервно рассмеялась она. — Да, в какой-то момент мне почудилось, что я могу быть счастлива рядом с таким надежным человеком, каким ты хотел казаться. А на поверку вышло, что ты — обыкновенный трус и обманщик, каких я встречала великое множество.

— Я не обманываю тебя, Летисия! Моя вина только в том, что я тянул с разводом, не считая это таким уж важным делом. Для меня главным было то, что я давно уже не общаюсь с женой, и то, что я люблю тебя!

— Перестань! Хотя бы сейчас не надо произносить таких высоких слов. Я поверила в тебя, а ты... Ты подставил мне подножку.

— Нет, мне кажется, тут дело совсем в другом, — печально покачал он головой. — Ты просто ищешь предлог, чтобы ничего не менять в своей жизни, потому что... Потому что по-прежнему чувствуешь себя связанной с Рамиру Соаресом. Да, сейчас я это понял окончательно. Если бы ты любила меня, а не его, то приняла бы мои оправдания. Ведь причины для конфликта, по сути, нет. Я уже поговорил с адвокатом о разводе и скоро буду свободен. Мы могли бы пожениться. Однако теперь мне стало ясно,

что делать этого не следует. Ты сама должна разобраться в своих чувствах, а я обещаю, что больше не стану на тебя давить.

* * *

Едва взглянув на мать, Витор догадался, чем закончилась ее встреча с Франсуа, но все же захотел получить подтверждение своей догадке.

— Что-то случилось, мама? — спросил он елейным голоском.

— Оставь меня в покое, Витор, — отмахнулась от него Летисия.

— Как раз покоя я тебе от всей души и желаю. Ты должна благодарить меня за то, что я избавил тебя от стольких хлопот.

— То, что ты сделал, — подло! Это досье на Франсуа!..

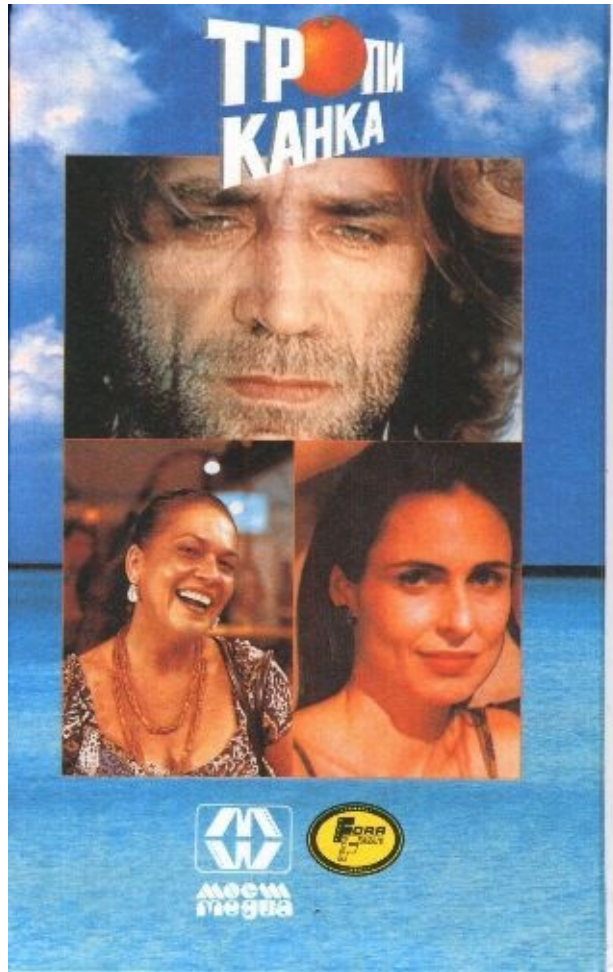
— Увы, иногда приходится действовать и такими методами ради благородной цели, — развел руками Витор. — Нельзя же позволять слепому падать в пропасть. Любой сын на моем месте поступил бы так же.

— Любой сын твоего возраста думал бы прежде всего о собственной жизни, — возразила Летисия, с горечью добавив: — Ты болен, Витор, одержим болезненной идеей сделать меня одинокой на всю жизнь.

— Но я ведь доказал, что твой возлюбленный водил тебя за нос!

— Что ж, можешь считать себя победителем: я остаюсь одна, как ты того страстно желаешь.

«Отличная работа! — мысленно похвалил себя Витор. — От жениха избавились, а теперь возьмемся за невесту. Заранее примите мои соболезнования, дон Гаспар: с вашей певичкой вам тоже придется распрощаться!».

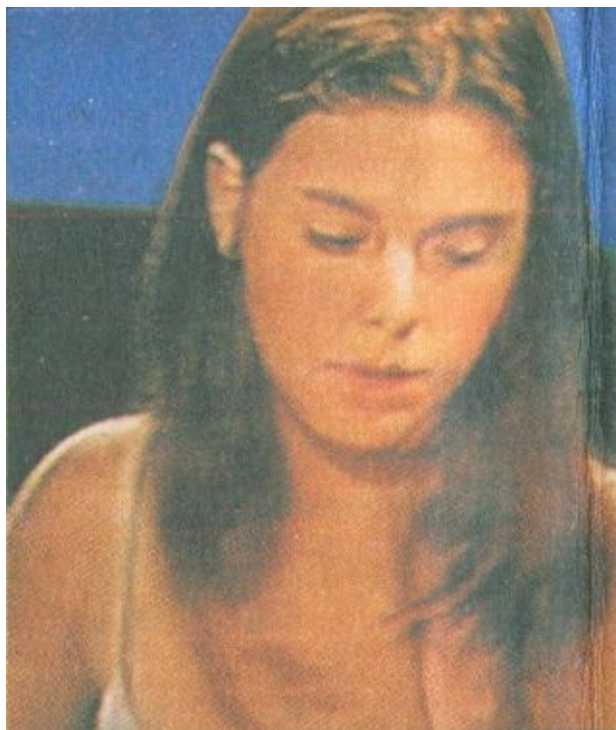

Фото

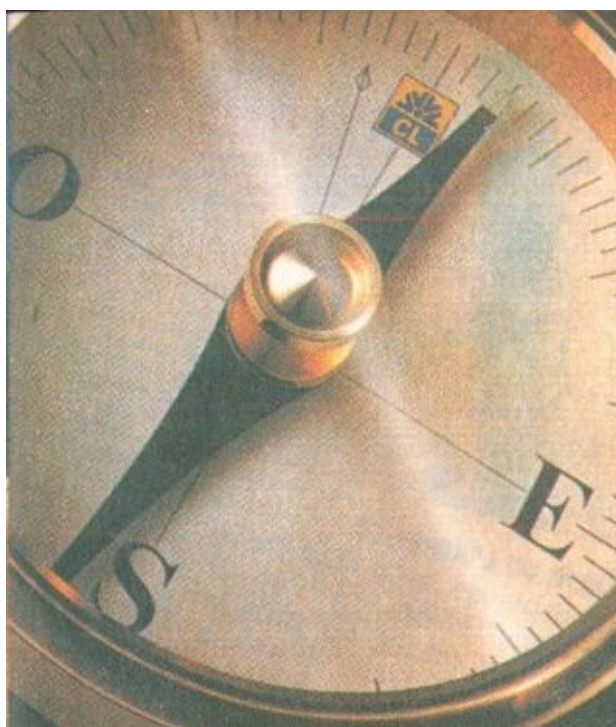
На форзацах книги приведены кадры из телесериала, и я не могу удержаться чтобы не привести их в этом файле.

Аманда

Асусена

Компас Бом-Кливера

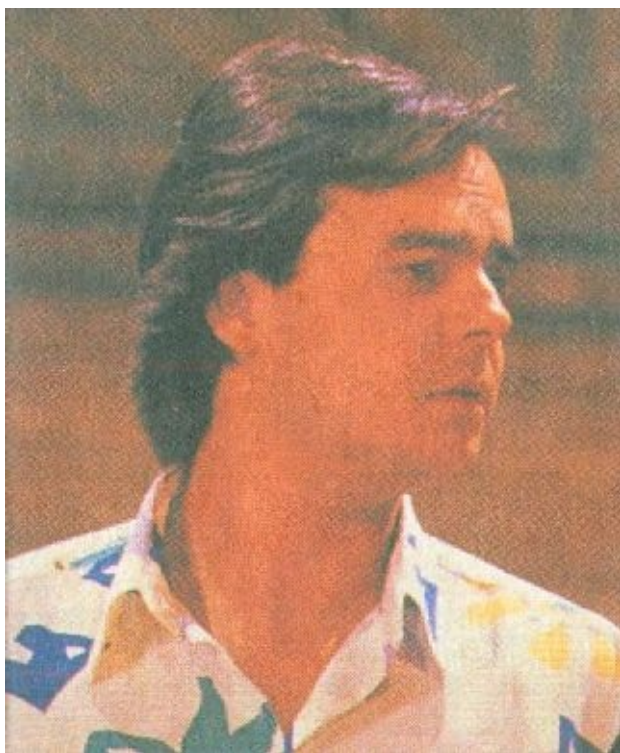
Летисия и Франсуа

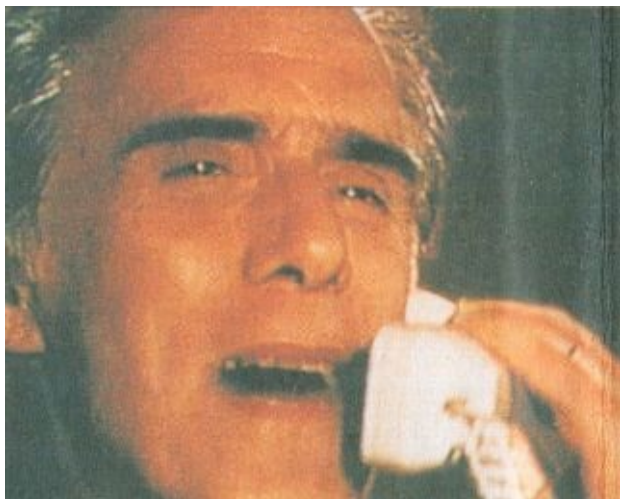
Джип Витора

Витор

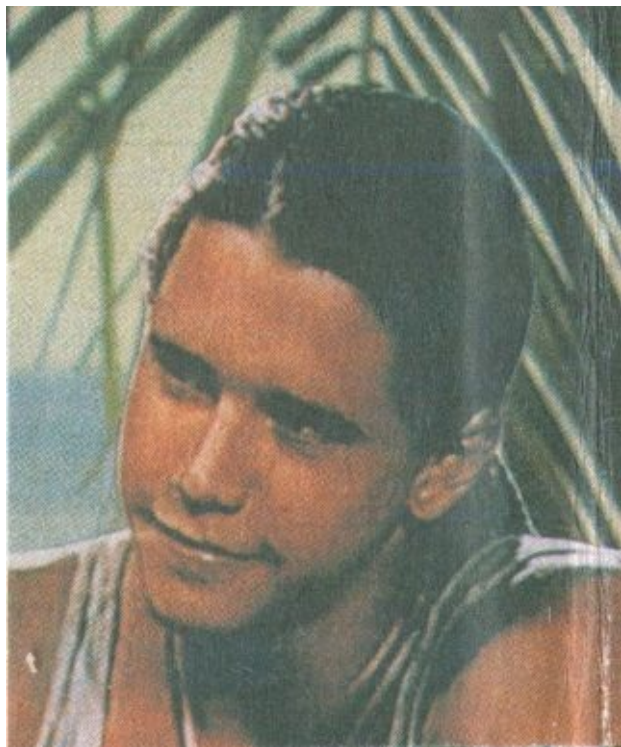
Франшику

Гаспар Веласкес

Далила

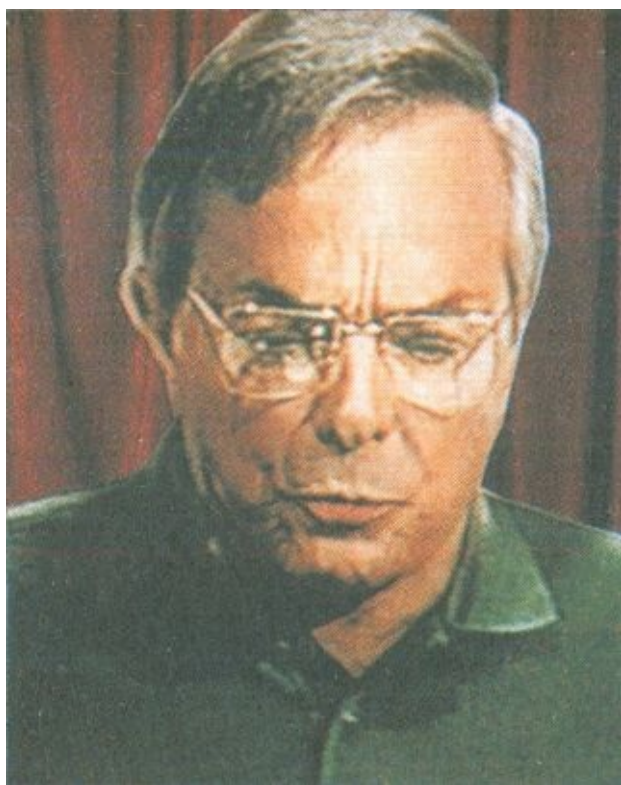
Кассиану

Ромиру и Серена

Пеccoа

Бонфинь

Изабелла

Самюэль

Адреалина

Мария Соледад и Франшику

Бом Кливер

Ромиру и Летисия

Оливия

Мануэлла

